

**САМАРСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва

ISSN 2542-0445 Print
ISSN 2712-8946 Online

ВЕСТНИК

САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

**ИСТОРИЯ,
ПЕДАГОГИКА,
ФИЛОЛОГИЯ**

VESTNIK

OF SAMARA UNIVERSITY

**HISTORY,
PEDAGOGICS,
PHILOLOGY**

ТОМ 28 • №3 • 2022 ГОД

ISSN 2542-0445
Подписной индекс 78535

ВЕСТНИК САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Том 28 № 3

VESTNIK OF SAMARA UNIVERSITY
HISTORY, PEDAGOGICS, PHILOLOGY

Vol. 28 No. 3

2022

ВЕСТНИК САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ
VESTNIK SAMARSKOGO UNIVERSITETA. ISTORIA, PEDAGOGIKA, FILOLOGIA
VESTNIK OF SAMARA UNIVERSITY. HISTORY, PEDAGOGICS, PHILOLOGY

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА» (Самарский университет)

Индексирование в базах данных: eLIBRARY.RU РИНЦ КИБЕРЛЕНИНКА ЛАНЬ CROSSREF

Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в РФ, с 2003 г.
С 1 декабря 2015 г. журнал включен в новый Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, с 23.06.2017 – с новым названием.

Тематика журнала:

- исторические науки и археология (специальности: 5.6.1; 5.6.2; 5.6.5),
- педагогические науки (специальности: 5.8.1; 5.8.7),
- языкознание (специальности: 5.9.5; 5.9.6; 5.9.8, 5.9.9).

Журнал издается с 1995 г. Выходит 4 раза в год.

Миссия журнала – распространение в России и за рубежом новых научных идей и результатов оригинальных исследований в области истории, педагогики и языкознания как базовых наук гуманитарного цикла, обладающих традиционными эвристическими взаимосвязями, создающими особый синергетический исследовательский эффект как в освоении новых тенденций развития этих наук, так и в раскрытии особенностей различных языков, истории, культуры, традиций образования в России и в странах ближнего и дальнего зарубежья.

Цели и задачи журнала: привлечение в журнал авторитетных авторов; публикация результатов оригинальных научных исследований (статьи, обзоры, рецензии и отзывы на научную литературу) в области исторических, педагогических наук и языкознания; создание условий для развития и укрепления интеграции российских и зарубежных ученых в сфере социально-гуманитарных исследований; продвижение журнала на российском и международном рынке, в том числе путем расширения возможностей распространения и индексирования научных работ в основных базах данных в России и за рубежом.

Все статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и двойное слепое рецензирование ведущими учеными в соответствии с тематикой и специализацией журнала.

Главный редактор:

В.А. Конев, д-р филос. наук, проф., Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация

Заместители главного редактора:

П.С. Кабытов, д-р ист. наук, проф., Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация

Т.И. Руднева, д-р пед. наук, проф., Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация

Н.А. Илюхина, д-р филол. наук, проф., Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация

Ответственный секретарь:

Э.Л. Дубман, д-р ист. наук, проф., Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация

Адрес редакции:

443011, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара,
ул. Акад. Павлова, 1.

Тел. +7(846) 3345406

Е-mail: murzinova.tatjana@yandex.ru

www: <http://journals.ssau.ru/index.php/vestnik-hpp>

Издатель: Самарский университет

Центр периодических изданий Самарского университета

Адрес издателя: 443086, Российская Федерация,

Самарская обл., г. Самара,

Московское шоссе, 34, корп. 22 а, 312 б.

Выпускающий редактор *Т.А. Мурзинова*

Литературное редактирование, корректура

Т.А. Мурзинова

Компьютерная верстка, макет

Л.Н. Законова

Информация на английском языке

М.С. Стрельников

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-67842 от 28.11.2016 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Подписной индекс в Объединенном каталоге

«Пресса России» 78535

ISSN 2542-0445

Прежнее название – Вестник Самарского государственного университета, ISSN 1810-5378. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № 77-12398 от 19.04.2002 выдано Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Бизнес-модель: финансирование журнала осуществляется учредителем, все статьи публикуются на бесплатной основе.

0+ Цена свободная

Авторские статьи не обязательно отражают мнение издателя.

Отпечатано в типографии Самарского университета

443086, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара,
Московское шоссе, 34.

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

Подписано в печать 11.10.2022. Выход в свет 17.10.2022.

Формат 60x84/8.

Бумага офсетная. Печать оперативная. Печ. л. 22.

Тираж 200 экз. (первый завод – 30 экз.). Заказ №

© Самарский университет, 2022

Это контент открытого доступа, распространяемый по лицензии Creative Commons Attribution License, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе при условии правильного цитирования оригинальной работы. (CC BY 4.0)

VESTNIK OF SAMARA UNIVERSITY. HISTORY, PEDAGOGICS, PHILOLOGY
VESTNIK SAMARSKOGO UNIVERSITETA. ISTORIJA, PEDAGOGIKA, FILOLOGIJA
ВЕСТНИК САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

JOURNAL FOUNDER AND PUBLISHER
FEDERAL STATE AUTONOMOUS EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«SAMARA NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY» (Samara University)

Indexing in databases: eLIBRARY.RU RSCI CYBERLENINKA LAN CROSSREF

The Journal is included by the HAC in the list of leading scientific magazines and editions, published in the RF, since 2003. On December 1, 2015, the journal is included in the new List of peer-reviewed scientific publications, where basic scientific results of theses for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences should be published, from 23.06.2017 with the new title.

Remit of the journal:

- **historical sciences and archaeology** (specialities: 5.6.1; 5.6.2; 5.6.5),
- **pedagogical sciences** (specialities: 5.8.1; 5.8.7),
- **linguistics** (specialities: 5.9.5; 5.9.6; 5.9.8, 5.9.9).

Journal is published since 1995. It is published quarterly.

The mission of the journal is to disseminate in Russia and abroad new scientific ideas and the results of original research in the field of history, pedagogics and linguistics as the basic sciences of the humanitarian cycle, which have traditional heuristic relationships that create a special synergistic research effect both in mastering new trends in the development of these sciences and in revealing the features of various languages, history, culture, educational traditions in Russia and in the countries of near and far abroad.

Aims and objectives of the journal: attraction of authoritative authors to the journal; publication of the results of original scientific research (articles, surveys, reviews and reports on scientific literature) in the field of historical and pedagogical sciences and linguistics; creating conditions for the development and strengthening of integration of Russian and foreign scientists in the field of social and humanitarian research; promotion of the journal in the Russian and international markets, including by expanding the possibilities of disseminating and indexing scientific papers in the main databases in Russia and abroad.

All articles are reviewed in the program «AntiPlagiat» and double-blind peer-reviewed by the leading scientists in accordance with remit and specialities of the journal.

Chief editor:

V.A. Konev, Dr. of Philosophical Sciences, professor, Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Deputy chief editors:

P.S. Kabytov, Dr. of Historical Sciences, professor, Samara National Research University, Samara, Russian Federation

T.I. Rudneva, Dr. of Pedagogical Sciences, professor, Samara National Research University, Samara, Russian Federation

N.A. Ilyukhina, Dr. of Philological Sciences, professor, Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Executive editor:

E.L. Dubman, Dr. of Historical Sciences, professor, Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Postal address of editorial office:

1, Academician Pavlov Street, Samara, 443011, Samara region, Russian Federation.

Tel.: +7(846) 3345406

E-mail: murzinova.tatjana@yandex.ru

www: <http://journals.ssau.ru/index.php/vestnik-hpp>

Publisher: Samara University.

Center of Periodical Publications of Samara University,

Address Publisher: Room 312b, building 22a, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Samara region, Russian Federation.

Commissioning editor *T.A. Murzinova*

Literatory editing, proofreading

T.A. Murzinova

Computer makeup, dummy

L.N. Zakonova

Information in English

M.S. Strelnikov

The Certificate on registration of means of mass-media ПИ № ФС 77-67842 as of 28.11.2016 is given by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.

Subscription index in the United catalog «Press of Russia» 78535

ISSN 2542-0445

The former title – Vestnik of Samara State University, ISSN 1810-5378. The certificate on registration of mass media ПИ № 77-12398 as of April 19, 2002, was issued by the Ministry of the Russian Federation for Affairs of the Press, Television and Radio Broadcasting and Mass Communication Media.

Business model: financing of the journal is carried out by the founder, all articles are published free of charge.

0+ Free price

Authors articles do not necessarily reflect the views of the publisher.

Printed on the printing house of Samara University

34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Samara region, Russian Federation.

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

Passed for printing 11.10.2022. The publication 17.10.2022. Format 60x84/8.

Litho paper. Instant print. Print. sheets 22.

Circulation 200 copies (first printing – 30 copies). Order №

© Samara University, 2022

This is an open access content distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

Главный редактор

В.А. Конев, д-р филос. наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры философии (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация)

Редакционная коллегия

История

П.С. Кабытов, д-р ист. наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, зав. кафедрой российской истории (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация); профессор (Поволжский филиал Института истории РАН, Самара, Российская Федерация) – **заместитель главного редактора**

Э.Л. Дубман, д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры российской истории (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация) – **ответственный секретарь**

С.И. Ковальская, д-р ист. наук, профессор кафедры истории Казахстана (Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Алматы, Казахстан)

В.В. Кондрашин, д-р ист. наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра экономической истории (Институт российской истории РАН, Москва, Российская Федерация)

Б.У. Меннинг, доктор истории, профессор (Университет Канзаса, Лоренс, США)

Д.А. Редин, д-р ист. наук, доцент, заместитель директора Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Институт гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета; Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Российская Федерация)

А. Знаменский, д-р философии по истории, профессор, профессор исторического факультета (Университет Мемфиса, Теннесси, США)

Педагогика

В.П. Бездухов, д-р пед. наук, профессор, чл.-корр. Российской академии образования, кафедра педагогики (Самарский социально-гуманитарный университет, Самара, Российская Федерация)

А. Мантарова, д-р социол. наук (Институт изучения обществ и знания, София, Болгарская академия наук, Болгария)

Т.И. Руднева, д-р пед. наук, профессор, зав. кафедрой теории и методики профессионального образования (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация) – **заместитель главного редактора**

Л.К. Раицкая, д-р пед. наук, профессор кафедры педагогики и психологии (Московский государственный институт международных отношений (МГИМО), Москва, Российская Федерация)

В.А. Капранова, д-р пед. наук, профессор, зав. кафедрой педагогики (Минский государственный лингвистический университет, г. Минск, Республика Беларусь)

Филология

С.И. Дубинин, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой немецкой филологии (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация)

Н.А. Илюхина, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка и массовой коммуникации (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация) – **заместитель главного редактора**

И. Клюканов, PhD, профессор коммуникации (Восточный Вашингтонский университет, Чини, США)

Б. Питерс, д-р филос. наук, помощник профессора по связям с общественностью (Колледж искусств и науки Генри Кенделла, Талса, США)

А.А. Харьковская, канд. филол. наук, профессор, профессор кафедры английской филологии (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация)

А. Эббингхауз, д-р филол. наук, почетный профессор (Баварский университет Юлиуса-Максимилиана, Вюрцбург, Германия)

Г. Синекопова, PhD, профессор (Восточный Вашингтонский университет, Чини, США)

Д.С. Храмченко, д-р филол. наук, доцент по специальности «Германские языки», профессор кафедры английского языка № 4 (Московский государственный университет международных отношений (МГИМО), Москва, Российская Федерация)

Л.Б. Карпенко, д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и массовой коммуникации (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация)

Н.А. Туникова, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка (Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация)

Chief editor

V.A. Konev, PhD in Philosophy, professor, Honored worker of science of RF, professor of Department of Philosophy (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Editorial board

History

P.S. Kabytov, PhD in History, professor, Honored worker of science of RF, head of the Department of Russian History (Samara National Research University, Samara, Russian Federation); Volga Region branch of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Samara, Russian Federation) – **deputy chief editor**

E.L. Dubman, PhD in History, professor, professor of the Department of Russian History (Samara National Research University, Samara, Russian Federation) – **executive secretary**

S.I. Kovalskaya, PhD in History, professor of the Department of Kazakhstan History (Eurasian National University, Almaty, Kazakhstan)

V.V. Kondrashin, PhD in History, chief research officer, head of the Center of Economic History (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

B.W. Menning, PhD in History, professor (University of Kansas, Lawrence, USA)

D.A. Redin, PhD in History, assistant professor, deputy head (Institute of Humanities and Arts of the Ural Federal University; Institute of History and Archeology of The Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russian Federation)

A. Znamenski, PhD in History, full professor of the Faculty of History (University of Memphis, Tennessee, USA)

Pedagogy

V.P. Bezdukhov, PhD in Pedagogics, professor, corresponding member of the Russian Academy of Education, Department of Pedagogics (Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation)

A. Mantarova, Dr. of Sociological Sciences (Institute for the Study of Societies and Knowledge, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria)

T.I. Rudneva, PhD in Pedagogics, professor, head of the Department of Theory and Methods of Professional Education (Samara National Research University, Samara, Russian Federation) – **deputy chief editor**

L.K. Raitskaya, PhD in Pedagogics, professor of the Department of Pedagogics and Psychology (MGIMO, Moscow, Russian Federation)

V.A. Kapranova, PhD in Pedagogics, professor, head of the Department of Pedagogy (Minsk State Linguistic University, Minsk, Republic of Belarus)

Philology

S.I. Dubinin, PhD in Philology, professor, head of the Department of German Philology (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

N.A. Plyukhina, PhD in Philology, professor, head of the Department of Russian Language and Mass Communication (Samara National Research University, Samara, Russian Federation) – **deputy chief editor**

I. Klyukanov, PhD, professor of Communication (Eastern Washington University, Cheney, USA)

B. Pifers, PhD in Philosophy, assistant professor of Communication (Henry Kendall College of Arts and Sciences, Tulsa, USA)

A.A. Khar'kovskaya, Candidate of Philological Sciences, professor, professor of the Department of English Philology (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

A. Ebbinghaus, Doctor of Philological Sciences, honorary professor (Julius-Maximilians University of Würzburg, Würzburg, Germany)

G. Sinekopova, PhD, professor of Communication (Eastern Washington University, Cheney, USA)

D.S. Hramchenko, PhD in Philology, assistant professor on the specialty «German Languages», professor of English Language Department № 4 (MGIMO, Moscow, Russian Federation)

L.B. Karpenko, PhD in Philology, professor of the Department of Russian Language and Mass Communication (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

N.A. Tupikova, PhD in Philology, professor, head of the Department of Russian Language (Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Дубман Э.Л. Новая Закамская линия: организация и обеспечение системы обороны	8
Сосновский А.В. Отражение анимистических представлений в погребально-поминальном обряде мордвы	20
Прокофьева Е.Ю. Причины и последствия преваляирования грузового автомобилестроения в советской автоиндустрии первой половины XX столетия	28
Разумов Н.В., Леонов М.И. Проблема дефицита товаров народного потребления в городе Куйбышеве в период перестройки	40
Гулина А.Е. «Покончить с этим гнездом»: евангелическо-лютеранская община г. Самары в условиях антирелигиозной кампании (1918–1930 гг.)	46
Баринов Д.А. Путь в оппозицию: причины студенческого протеста в Ленинграде 1920-х гг.	52

ПЕДАГОГИКА

Евтеев С.В., Ионова А.М. Индивидуальные образовательные траектории обучения иностранному языку в вузе	62
Гладких В.Г. Процессуально-целевые аспекты формирования мониторинговой компетентности будущего педагога профессионального обучения	70
Рубцова Т.П. Подготовка преподавателя вуза к решению инновационных методических задач в системе повышения квалификации	77
Дудина О.В. Формирование цифровой компетентности будущих педагогов-психологов	82

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Бочкарев А.И. Аксиологические характеристики концепта ‘cruelty’ в современном англоязычном комическом дискурсе	88
Кабанова Е.В. Актуализация концепта «движение» в англоязычном железнодорожном дискурсе	96
Радус Л.А., Большакова Т.С. Анализ предложений с двойным подлежащим китайского языка с позиций когнитивной лингвистики	102
Харьковская А.А., Вихляева К.А. Пути и способы создания комического эффекта в англоязычном драматургическом дискурсе	110
Назарова Т.Б. Типология видов общения: от традиционных линий дифференциации к новым соотношениям	117
Алексеева Т.Е. Английские пословицы как отражение социальных стереотипов	127
Чаплик В.А. Паронимическая аттракция в процессе фразеологической трансформации в современном французском языке	136
Абдрахманова Л.В., Терпак М.А. Формирование иноязычной коммуникативной компетенции с использованием креолизованных текстов	143
Бхатти Н.В., Горбачева О.А., Харитонова Е.Ю. Категория вежливости в индоевропейских языках: сравнительный аспект (на материале английского, немецкого, русского и урду)	151
Яковлева Е.В. Реализация ситуационных когнитивных моделей в англоязычном учебном дискурсе	161

Рецензии

Кабытов П.С., Леонтьева О.Б. «Назад, в Архангельск!» Рецензия на книгу: Хатанзейская Е.В. Советский город в экстремальной повседневности: Архангельск в эпоху индустриализации и Второй мировой войны, 1929–1945 гг. Москва: Политическая энциклопедия, 2021. 311 с.: ил. (История сталинизма)	168
Шевченко Е.С. Когнитивно-прагматические аспекты репрезентации пищи в медиадискурсах. Рецензия на монографию: Shevchenko V., Tomascikova S. Representation of Food in Media Discourses: Cognitive and Pragmatic Aspects: monograph. Samara: Samara University Publishing House, 2021. 216 p. ISBN 978-5-7883-1588-1	173

<i>Требования к оформлению статей</i>	176
---------------------------------------	-----

CONTENTS

HISTORY

Dubman E.L. New Zakamskaya line: organization and maintenance of the defense system	8
Sosnovsky A.V. Reflection of animistic ideas in the Mordovian funeral and memorial rite	20
Prokofeva E.Yu. Causes and consequences of truck production predominance in the Soviet automotive industry in the first half of the XX century	28
Razumov N.V., Leonov M.I. Problem of shortage of consumer goods in the city of Kuibyshev during the period of perestroika	40
Gulina A.E. «To end this nest»: Evangelical Lutheran Community of Samara in the period of anti-religious campaign (1918–1930)	46
Barinov D.A. The path to opposition: the motives of the student protest in Leningrad in the 1920-ies	52

PEDAGOGY

Evteev S.V., Ionova A.M. Individual educational trajectories of teaching a foreign language at a university	62
Gladkikh V.G. Procedural and target aspects of the formation of the monitoring competence of the future teacher of vocational training	70
Rubtsova T.P. Preparation of a university teacher for solving innovative methodological problems in the system of advanced training	77
Dudina O.V. Formation of digital competence of future teachers-psychologists	82

LINGUISTICS

Bochkarev A.I. Axiological characteristics of the concept of cruelty in modern English-language humorous discourse	88
Kabanova E.V. Actualization of the «motion» concept within the English railway discourse	96
Radus L.A., Bolshakova T.S. Analysis of Chinese double-subject constructions from the viewpoint of cognitive linguistics	102
Kharkovskaya A.A., Vykhyayeva K.A. Ways and means of creating a comic effect in the English drama discourse	110
Nazarova T.B. Typology of communication: from traditional lines of differentiation to new correlations	117
Alexeeva T.E. English proverbs as a reflection of social stereotypes	127
Chaplik V.A. Paronymic attraction in the process of phraseological transformation in modern French	136
Abdrakhmanova L.V., Terpak M.A. Developing communicative competence in a foreign language using creolized texts	143
Bhatti N.V., Gorbacheva O.A., Kharitonova E.Yu. Category of politeness in Indo-European languages: comparative aspect (based on English, German, Russian, and Urdu)	151
Yakovleva E.V. Realization of situational cognitive models in English educational discourse	161

REVIEWS

Kabytov P.S., Leontieva O.B. «Back to Arkhangelsk!» Review of the book: Khatanzeiskaya E.V. Soviet city in the extreme everyday life: Arkhangelsk in the epoch of the industrialization and the World War II, 1929–1945. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2021 311 p. (Ser. «History of Stalinism»)	168
Shevchenko E.S. Cognitive and pragmatic aspects of food representation in media discourses. Review of a monograph: Shevchenko V., Tomascikova S. Representation of Food in Media Discourses: Cognitive and Pragmatic Aspects: monograph. Samara: Samara University Publishing House, 2021, 216 p. ISBN 978-5-7883-1588-1	173
<i>Requirements to the design of articles</i>	176

ИСТОРИЯ HISTORY

DOI: 10.18287/2542-0445-2022-28-3-8-19

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(47).063

Дата поступления: 01.07.2022
рецензирования: 02.08.2022
принятия: 28.08.2022

Новая Закамская линия: организация и обеспечение системы обороны

Э.Л. Дубман

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: dubmane@mail.ru. ResearcherID (Web of Science): B-5869-2017.
Scopus ID: 57194767210. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3282-2661>

Аннотация: В статье предпринято изучение совокупности военных, фортификационных и иных особенностей Новой Закамской линии как оборонительного рубежа Юго-Востока Европейской России. Автор продолжил более углубленное исследование проблем российского полевого оборонительного зодчества, которые ранее затрагивал в своей монографии, а также в публикациях последних лет. Особое внимание обращено на анализ аспектов, до этого рассматривавшихся поверхностно или практически не затрагиваемых. Объектом изучения в ней избраны оборонительные сооружения и гарнизоны Новой Закамской линии. В частности, выделялась проблема достаточности сил ландмилиции для эффективной защиты столь протяженных рубежей. Рассмотрены способы использования пространства внутренних полигонов крепостей и фельдшанцев и укреплений, их защищавших, для размещения орудий и солдат при нападении неприятеля. Особое внимание уделялось наличию вспомогательных строений в бастионных шанцах и редутах: пороховых погребов, магазинов, караульных помещений, колодцев и т. д. Для сравнительного анализа оборонительных систем европейского Юга и Юго-Востока использованы выводы и конкретные данные, полученные при изучении строившихся или реконструируемых в одно время с Новой Закамской линией Украинской и Царицынской линий. Историографической основой для изучения указанной проблематики послужили фундаментальные исследования по истории фортификации, предпринятые Ф.Ф. Ласковским, А.З. Теляковским и рядом других военных историков, в том числе и изданных в последнее время. Источниковой базой для изучения предлагаемой проблематики являются неопубликованные источники из фондов центральных архивов. Необходимо также указать на материалы полевых обследований и археологических раскопок. Полученные результаты подтвердили сделанный ранее вывод, что для военного руководства страны в первой половине 1730-х гг. базовыми принципами при сооружении оборонительной линии в Заволжье являлись следование образцам западноевропейской фортификации и использование для защиты пограничных рубежей, как и на Украине, ландмилиции в качестве основной военной силы.

Ключевые слова: лесостепное Заволжье; Новая Закамская линия; фортификация; западноевропейское влияние; бастионные шанцы и редуты; внутренний полигон; засеки; организация обороны; ландмилиция.

Цитирование. Дубман Э.Л. Новая Закамская линия: организация и обеспечение системы обороны // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 3. С. 8–19. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-8-19>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Дубман Э.Л., 2022

Эдуард Лейбович Дубман – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 01.07.2022
Revised: 02.08.2022
Accepted: 28.08.2022

New Zakamskaya line: organization and maintenance of the defense system

E.L. Dubman

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: dubmane@mail.ru. ResearcherID (Web of Science): B-5869-2017.
Scopus ID: 57194767210. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3282-2661>

Abstract: The article studies the totality of military, fortification and other features of the New Zakamskaya Line as a defensive line of the South-East of European Russia. The author continued a more in-depth study of the problems of Russian field defensive architecture, which he had previously touched upon in his monograph, as well as in publications of recent years. Particular attention is paid to the analysis of aspects that were previously considered superficially or practically untouched. The fortifications and garrisons of the Novaya Zakamskaya line were chosen as the object of study. In particular, the problem of the sufficiency of the land militia forces for the effective protection of such extended borders was highlighted. The ways of using the space of the internal ranges of fortresses and feldshans and the fortifications that defended them to place guns and soldiers during enemy attacks are considered. Particular attention was paid to the presence of auxiliary buildings in the bastion trenches and redoubts: powder magazines, shops, guardrooms, wells, etc. For a comparative analysis of the defensive systems of the European South and South-East, conclusions and specific data obtained from the study of the lines under construction or reconstructed at the same time as the Novaya Zakamskaya, Ukrainian and Tsaritsynskaya lines were used. The historiographic basis for the study of this problem was, first of all, fundamental research on the history of fortification undertaken by F.F. Laskovsky, A.Z. Telyakovsky and a number of other military historians, including those, which were published recently. The source base for studying the proposed issues are, first of all, unpublished sources from the funds of the central archives. It is also necessary to point on materials from field surveys and archaeological excavations. The obtained results confirmed the earlier conclusion that the basic principles in the construction of a defensive line in the Trans-Volga region for the military leadership of the country in the first half of the 1730-ies were following the patterns of Western European fortification and using the land militia as the main military force to protect the border lines, as in Ukraine.

Key words: forest-steppe Trans-Volga region; New Zakamskaya line; fortification; Western European influence; bastion trenches and redoubts; internal training ground; notches; organization of defense; land militia.

Citation. Dubman E.L. New Zakamskaya line: organization and provision of the defense system. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 28, no. 3, pp. 8–19. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-8-19>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Dubman E.L., 2022

Eduard L. Dubman – Doctor of Historical Sciences, professor, professor of the Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение. Постановка проблемы

В начале 1730-х гг. правительство Анны Иоанновны приступило к возведению Украинской и Новой Закамской оборонительных линий, а также к реконструкции возведенной при Петре I Царицынской. Предполагалось, что они, как в предшествующем XVII столетии Белгородская и прочие, продолжившие ее на восток засечные черты, защитят от набегов кочевников вновь осваиваемые плодородные земли Юга и Юго-Востока Европейской России. Изучение фортификационных особенностей новых систем укреплений, специфики использования солдат ландмилиции в боевых действиях и их расселения, а также ряда иных аспектов позволяет сделать вывод, что именно в первой половине – середине 1730-х гг. в полевой военной инженерии Российской империи наиболее явно проявилось западноевропейское влияние. Такого мнения придерживаются многие исследователи, занимающиеся историей отечественной фортификации XVIII в.

Особую роль в этом влиянии сыграла позиция и активная деятельность ярких представителей западноевропейской военной школы И.Я. Гинтера, А.С. де Кулона и, разумеется, Б.Х. Миниха. С весны 1729 г. инженерное и артиллерийское ведомство перешло в подчинение Миниха [Бенда 2016, с. 40–49], а при Анне Иоанновне он возглавил всю военную систему России. Именно под контролем Миниха и его сотрудников проходили возведение новых систем укреплений и дальнейшее формирование полков ландмилиции. И все же мы только с определенными оговорками можем согласиться с мнением А.К. Байова, считавшего, что «эпоха в истории русского военного искусства, следующая

непосредственно за эпохой Петра I, должна быть названа эпохой Миниха» [Байов 1909, с. 2]. Полагаем, что инициатором создания новой системы укреплений, скорее всего, он не был. В начале правления Анны Иоанновны в ее ближайшем окружении особое место занимали другие люди. Идея сооружения новых оборонительных линий, по всей видимости, родилась на Украине и принадлежала прежде всего генерал-фельдмаршалу М.М. Голицыну, под командованием которого в это время находились все военные части, расположенные на Юге, а также на Царицынской линии и в Черемшанских форпостах, и служившему с ним генерал-аншефу И.Б. Вейсбаху [Багалея 1887, с. 298; Петрухинцев, 2014, с. 226–231] (Гукова 2009, с. 68–69). Миних имел только самое общее представление о начальных обследованиях местности и проектных работах на Украине и в Закамье (А ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 82. Л. 65; РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 267 об.). Только в конце лета 1731 г. после обсуждения в Сенате подготовленного в Закамской экспедиции первого, самого общего проекта сооружения линии он затребовал у ее руководителей Ф.В. Наумова и И.А. Бибикина всю необходимую документацию для ознакомления. Но уже с конца 1731 – начала 1732 г. все назревшие вопросы работ в Закамье, как правило, решались непосредственно через Миниха [Дубман 2005, с. 39–40, 70–76]. То же самое наблюдалось и в отношении Украинской линии. Оборонительным сооружениям последней генерал-фельдмаршал уделял особое внимание. В конце 1735 – начале 1736 гг. Миних лично осмотрел их и потребовал перестроить (Гукова 2009, с. 81).

В отечественной исторической науке отмеченная выше тенденция усиления западного влияния нуждается в дополнительном исследовании. Далеко не все ясно с тем, как располагались и использовались во внутреннем пространстве бастионных шанцев орудия; каким образом осуществлялась расстановка по укреплениям солдат ландмилиции во время боя; где и в каком количестве размещались пороховые погреба, караульные избы, колодцы и т. д. Неясно, в какой степени типовое «образцовое» строительство, получившее широкое развитие при Петре I [Белецкая 1961, с. 9–56; Ожегов 1984, с. 4–10], затронуло возведение военно-административных, жилых, хозяйственных и прочих деревянных строений в поселениях ландмилиции и в оборонительных сооружениях линии.

Все эти и ряд других тем, очевидно, нуждаются в более глубоком изучении. В предлагаемой статье предметом рассмотрения являются только некоторые из них, имеющие, на наш взгляд, наиболее существенное значение.

Историографической основой для их исследования стали прежде всего фундаментальные труды по истории полевой фортификации Ф.Ф. Ласковского [Ласковский 1865]. Необходимо отметить также ряд серьезных работ, в том числе и вышедших в последние десятилетия, без использования которых также невозможно обойтись современному историку [Теляковский 1848; Лавринова 2012] (Гукова 2009). Базовыми для изучения темы являются как архивные, так и опубликованные источники; результаты полевых обследований и полученные в последние десятилетия данные археологических раскопок. Основная трудность исследования обусловлена фрагментарностью выявленной письменной источниковой базы.

Отметим, что настоящая публикация продолжает и конкретизирует изучение ряда положений, рассмотренных автором в его монографии, вышедшей в 2005 г., а также в отдельных статьях [Дубман 2005; Дубман 2021; Дубман 2015]. Внимание в ней прежде всего обращено на более углубленное изучение отдельных аспектов, которые ранее были рассмотрены поверхностно или почти не затрагивались.

Объектом изучения являются оборонительные сооружения и гарнизоны Новой Закамской линии. При этом привлекаются данные по Украинской, Царицынской, а также по некоторым другим локальным оборонительным сооружениям европейского Юга и Юго-Востока России, возведенным в начальные десятилетия XVIII в.

Новая Закамская линия как оборонительный рубеж. Общая характеристика

При всей изученности Новой Закамской линии как протяженной оборонительной системы в лесостепном Заволжье возникает вопрос, в какой степени она обеспечивала безопасность региона, защищенного ее укреплениями и гарнизонами. Особенность, отличающая эту линию от строи-

вшихся или подвергавшихся реконструкции в одно с ней время Украинской и Царицынской, состояла в том, что Закамская возводилась не в строго широтном направлении. Основная ее часть проходила в фактически безлесной зоне южной лесостепи. Но вот далее, к северо-востоку, уже за рекой Сок она примерно на треть своей протяженности уходила в зону размещения крупных лесных массивов. Соответственно, для защиты этого участка необходимо было строить не линейные земляные укрепления «ров – вал», а засеки или, по крайней мере, сочетать эти две оборонительные системы. Помимо того, на примерно 40 % своей протяженности оборонительная линия совмещалась с акваториями крупных левобережных притоков Волги – Самары и Сока. На этих участках вполне можно было отказаться от трудоемкого и весьма затратного строительства сложных линейных оборонительных сооружений и ограничиться локально расположенными редутами, фельдшанцами или ретраншементами.

Свой окончательный облик Новая Закамская линия приобрела к осени 1735 – весне 1736 гг., когда практически были завершены строительные работы, расселена ландмилиция и решался вопрос о дальнейшем использовании укреплений. К этому времени ее протяженность составила примерно 260 км. Отметим, что данные о ее размерах, приведенные инженерами Закамской экспедиции, достаточно точны. Они в целом совпадают или близки к результатам инструментальной топографической съемки, проведенной геодезистами в 2012 и 2020 гг. Линия начиналась от г. Самары на Волге и доходила до притока р. Шешмы Кичуя в Закамье.

Начальные более 20 км Новой Закамской линии составлял правый берег р. Самары, защищенный только течением реки между пригородом Алексеевском и г. Самарой и ретраншементом при устье р. Падовки. Этот участок включили в ее состав в последний, завершающий 1735 г. строительства. Далее от Кинельского редута при устье Б. Кинеля (между Алексеевском и Кинельским редутом небольшой участок линии защищала также только акватория р. Самары) начиналась линейная система укреплений «ров – вал», пересекавшая и прикрывавшая от нападений кочевников междуречье Самары и Сока. От устья р. Кондурчи, где была заложена Красноярская крепость, система укреплений меняла свое направление и уходила на восток вдоль левого, южного берега р. Сок. Перейдя на правый берег Сока у Сергиевска, линия резко поворачивала к северу в направлении к Заинскому редуту. Далее начинались засечные укрепления, перемежаемые участками системы «ров – вал». Они выходили к р. Б. Черемшан и, перейдя на ее правый берег у Черемшанской крепости, тянулись до р. Шешмы и ее притока Кичуя, завершаясь Кичуйским фельдшанцем. Общая протяженность засек составляла до 75 км.

Сохранились источники, позволяющие судить о распределении солдат ландмилиции по Новой Закамской линии и их численности. В проекте расселения ландмилиции, отправленном из экспедиции в Крикс-комиссариат («Ведомость...»), в 1734 г. было указано 4308 чел. (РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 485. Л. 270–272), а в описании 1734–1736 гг. А. Киндякова, руководившего размежеванием земель и наделением участками ландмилиции, – 4212 солдат (3 конных полка – 2652 чел. и 1 пеший – 1560 чел.) (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 6538. Л. 240 об.–245). Различия между этими показателями можно считать несущественными. Таким образом, на 1 км протяженности Новой Закамской линии приходилось в среднем 16–17 солдат ландмилиции.

Интересно сопоставить указанные данные с аналогичными показателями по Царицынской и Украинской линиям. Определить численность военных частей, охранявших Царицынскую линию, достаточно сложно. По подсчетам Т.И. Лавриновой, протяженность ее была сравнительно невелика и составляла 54 км [Лавринова 2012, с. 49] Н.А. Комолов, наиболее серьезно подошедший к изучению гарнизонов линии, рассматривая первую половину – середину 1730-х гг., отмечает, что, судя по приговору Сената 3 августа 1731 г., на нее следовало расселить не более 1000 семей донских казаков. По указу 1733 г. гарнизоны на линии составляли от 800 казаков летом и до 1200 зимой. Это было примерно столько же или немногим больше, чем на Новой Закамской линии в расчетах на 1 км протяженности оборонительной системы. При этом Комолов отмечает, что указанного количества защитников укреплений явно не хватало и руководство Царицынской линии постоянно предпринимало меры по увеличению численности ее гарнизонов [Комолов 2009, с. 12–13].

Что же касается Украинской линии, то, по данным Ф.Ф. Ласковского, на ней размещалось 20 полков ландмилиции (из них 16 конных и 4 пеших) общей численностью в 21 тыс. солдат [Ласковский 1865, с. 78]. Современный исследователь Е.А. Гукова также приходит к выводу о том, что в 1734 г. вооруженные силы, объединенные в Украинский ландмилицкий корпус, насчитывали немногим более 21 тыс. солдат, несших службу в 16 конных и 4 пеших полках, по 1020 и 1248 солдат в каждом соответственно (Гукова 2009, с. 135–136).

Значительные трудности у исследователей возникают при попытках определить протяженность Украинской линии. По подсчетам разных авторов, она составляет от 268 по 800 верст (Гукова 2009, с. 65). Видимо, это было связано со сложной конфигурацией основных линейных укреплений системы «ров – вал», а также с сопряженностью Украинской линии с другими системами оборонительных сооружений. Но все же большинство историков склоняются к первой цифре.

Так, например, Ф.Ф. Ласковский полагает, что линия тянулась на 268 верст [Ласковский 1865, с. 69]. Е.А. Гукова считает, что ее протяженность составляла 280 км, но при этом система «ров – вал» достигала 400 км (Гукова 2009, с. 111–112). В любом случае насыщенность оборонительных сооружений Украинской линии ландмилицией была несравненно выше, чем на Царицынской и Новой Закамской. Не вызывает сомнений то, что, судя по размещенным воинским соединениям и количеству крепостей, фельдшанцев, блокаузов и других оборонительных сооружений, Украинской линии приходилось противостоять значительно более многочисленным и опасным нападениям неприятеля. Об этом свидетельствуют данные о количестве и масштабности таких нападений, поэтому на качество ее оборонительных сооружений и численность гарнизона местные и столичные власти обращали особое внимание.

В завершение этого раздела приведем высказывание известного военного историка А.К. Байова о том, насколько деятельностью Миниха по созданию оборонительных линий на южных границах соответствовала западноевропейским концепциям эффективной обороны. Он считает, что «основания Миниховской обороны границы были другая, совершенно исключавшая господство так называемой кордонной системы», принятой в западноевропейской фортификации. Историк пишет, что «Украинская и Царицынская линии были выстроены не в целях собственно обороны, а лишь в зависимости от характера противника, крайне подвижного, но неупорного и постоянно угрожавшего границе, в целях прикрытия выдвинутых вперед поселений и утверждения на занятой территории» [Байов 1909, с. 13–14]. По мнению Миниха, на российском юге было невозможно и не следовало защищать границу на всем ее протяжении. Прежде всего требовалось с помощью системы укреплений затруднить проникновение противника в обжитые оседлыми поселенцами районы. При этом основные военные силы следовало концентрировать в локальных пунктах на самых опасных направлениях. Постоянное отслеживание движения противника должно было позволить собрать войска там, где они были более всего необходимы. Однако дальние разъезды в степь, к югу от оборонительных линий для действенного отслеживания перемещений отрядов степняков сложились, как пишет Байов, только к концу 1730-х гг. К этому времени в Заволжье система укреплений и гарнизонов Новой Закамской линии была практически упразднена [Байов 1909, с. 13–14].

Мнения о совмещении в XVIII в. линейной системы как созданной «с учетом отечественного опыта» и локальных оборонительных сооружений (бастионных и т. д.), которые строились «по правилам западноевропейской фортификации», придерживаются и современные исследователи [Шемелина 2008, с. 14].

Засеки и протяженные земляные укрепления системы «ров – вал»

Засеки. В XVI–XVII вв., когда система обороны Русского государства располагалась значительно севернее, засеки являлись одной из важнейших составляющих их фортификации. Об этом свидетельствуют многочисленные описания таких оборонительных систем, исследования историков, да и сама терминология, бытовавшая в то время: «засечная черта», «засака» и т. д. Ситуация меняется к началу XVIII в., когда рубежи государства спускаются в южную лесостепь и степь, где засеки за редким исключением практически были не нужны из-за отсутствия больших лесных массивов.

Конструктивные особенности, способы сооружения засек, видимо, существенно не менялись на протяжении XVII – первой половины XVIII вв. [Полевая фортификация 1798, с. 76–81]. Из трех рассматриваемых нами линий засеки широко использовались только при строительстве Новой Закамской. Однако конкретных сведений об их устройстве и использовании в делопроизводстве Закамской экспедиции практически не удалось выявить [Дубман 2005, с. 144]. Поэтому ограничимся самыми общими сведениями о них. Строились засеки вдоль обращенной к неприятелю кромки (опушки) крупных лесных массивов. Это было фактически непрерывное, непроходимое для конницы инженерное сооружение из особым способом (как правило, нахлестом – крест-накрест) поваленных в сторону противника деревьев. Разрывы в ней появлялись при прохождении линии через открытые безлесные пространства, а также при пересечении оврагов, небольших рек или ручьев. Там традиционно устраивали локальные участки системы «ров – вал», вкапывали надолбы и частокол, устанавливали рогатки и другие простейшие укрепления, способные задержать прорыв кочевников; например, речное дно засыпалось соединенными звездообразно острыми металли-

ческими штырями, направленными в разные стороны (чесноком).

Большие лесные массивы на пути Новой Закамской линии начинались за Заинским редутом. Соответственно, гарнизоны ландмилиции лесной зоны линии, судя по данным 1734–1736 гг., должны были размещаться в Заинском и Сурушском редутах, Кондурчинском фельдшанце и далее к северо-востоку в редутах Тарханском и «под Тарханским лесом». Базовой для всего этого региона являлась Черемшанская крепость с весьма значительным гарнизоном. От нее засека шла через Шешминский фельдшанец к завершающему ее Кичуйскому [Дубман 2005, с. 128–132]. Руководство экспедиции считало, что из-за отсутствия пахотной земли селить при Кичуйском фельдшанце ландмилицию не следует. Предполагалось, что более значительный гарнизон, способный защищать пространство до Кичуя, необходимо поставить на Шешме. Однако неизвестно, как окончательно был решен этот вопрос. Решение о поселении 2 рот при р. Кичуе все же приняли. Но в документах, содержащих сводные данные о строительстве жилья для ландмилиции и распределении пахотных земель, Кичуйский фельдшанец не упоминается [Дубман 2005, с. 108–114].

В лесной зоне кочевники, выбиравшие для своих набегов, как правило, открытые степные и лесостепные пространства, появлялись редко. Поэтому огневая поддержка ландмилиции здесь была необходима в меньшей степени.

Система «ров – вал». Все остальное пространство оборонительной линии (помимо последнего участка от Кинельского редута до г. Самары) прикрывала непрерывная система земляных укреплений «ров – вал». В разрезе профиль ее укреплений представлял собой четко геометрически выраженную совокупность элементов, состоящую из гласиса, прикрытого пути, рва, бермы и сложного в конструктивном отношении вала (рис. 1).

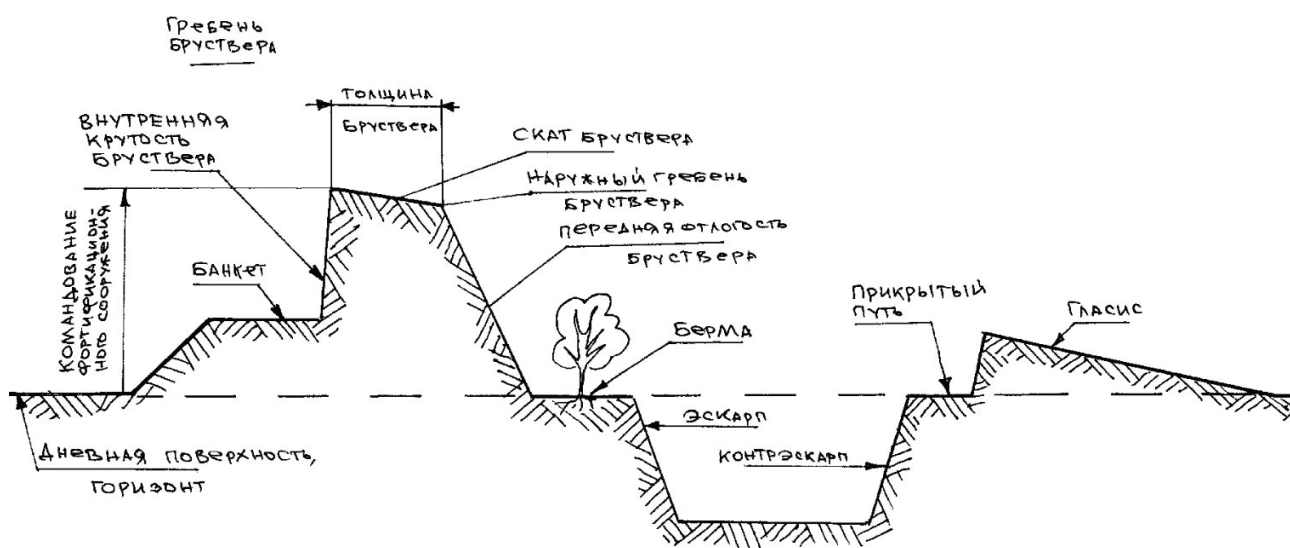

Рис. 1. Вал и ров Новой Закамской линии [Дубман 2005, с. 133]

Fig 1. Shaft and ditch of the New Zakamskaya line [Dubman 2005, p. 133]

Особо отметим, что данная совокупность элементов с определенными вариациями размеров их составных частей использовалась как основная при сооружении редутов и бастионных шанцев, то есть практически всех земляных оборонительных сооружений линии. Именно они оказались базовой составляющей западноевропейских методов сооружения протяженных полевых оборонительных линий, получивших развитие в рассматриваемый период истории российского оборонительного зодчества.

На начальном этапе сооружения оборонительных линий на Украине и в Заволжье руководители инженерных команд каждой из экспедиций вынуждены были строить их, исходя из опыта предшествующих работ и знаний, полученных в Инженерном корпусе. Так, «Руководство» о том, какова должна быть конфигурация системы укреплений «ров – вал» с ее точными «препорциями» [Ласковский 1865, с. 91] в Закамской экспедиции получили и могли использовать только в конце июля 1732 г. [Дубман 2005, с. 137–138]. Но и присланные из столицы материалы содержали не все данные об элементах линии. Так, «препорции редантов» пришлось еще дожидаться (А ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 84. Л. 523). Аналогичная ситуация наблюдалась и при возведении укреплений Украинской линии (Гукова 2009, с. 75).

Приступив к работам в Заволжье, руководство Закамской экспедиции предполагало строить линию по правому северному берегу р. Сок, между Красноярской крепостью и пригородом Сергиевском. Это был участок протяженностью более 70 км, где летом 1731 г. в ходе разведочного обследования местности и разработки проекта линии была выявлена совокупность редутов, возведенных значительно раньше, возможно, еще при Петре I. Они служили для размещения войск, направляемых для охраны края на «Черемшанских форпостах» [Лавринова 1989, с. 81–86; Дубман 2005, с. 17–20]. По мнению Ф.В. Наумова, И.А. Бибикина и других офицеров экспедиции, под защитой акватории р. Сок вполне можно было ограничиться только отдельно располагавшимися локальными редутами и фельдшанцем, что позволяло значительно ускорить и удешевить возведение линии. Естественным природным рубежом от нападений кочевников стала бы акватория самой реки. Однако в столице отказались от этого предложения. Кстати, позднее, в 1735 г., в состав линии был включен участок по правому берегу р. Самары, между

г. Самарой и его пригородом Алексеевском. Здесь уже руководство Военной коллегии посчитало возможным отказаться от системы «ров – вал». Для обеспечения безопасности нового рубежа хватило построенного при устье р. Падовки Падовского ретраншемента.

Линейная система «ров – вал» имела реданное начертание, то есть содержала дополнительные укрепления в виде выступающих навстречу нападению противника реданов (редантов). Они при осмотре укреплений сверху придают ей своеобразный, более живописный облик. Конструктивные особенности реданов хорошо известны. Строились они прежде всего для организации ружейного огня вдоль фронта оборонительной линии. Расстояние между реданами определялось прицельной дальностью и, конечно, зависело от рельефа местности и других факторов. Так, в 1732 г. руководивший инженерными работами И.А. Бибикин доносил в рапорте Миниху, что расположил реданы через 320 м («150 сажен российских») друг от друга (А ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 84. Л. 523 об.; Дубман 2005, с. 143).

Система «ров – вал» оказалась универсальной как на всем протяжении оборонительной линии (кроме, разумеется, участков засек), так и для всех бастионных шанцев и редутов. Ружейный огонь солдат, ее защищавших, мог производиться как минимум с двух основных позиций:

- с передовой, выходящей за основную систему укреплений линии, с так называемого прикрытого пути через земляной гласис, защищенный, как правило, деревянным палисадом (частоколом);

- с основного вала. Там солдаты вели стрельбу из-за бруствера, размещаясь цепочкой по банкету. При этом огнестрельное оружие удобно ложилось на скат бруствера, слегка наклоненный в сторону противника;

- наконец, в крепостях и фельдшанцах третьей позицией являлись типовые укрепления рavelина.

Угол ската исключал на пространстве между предпольем и насыпью гласиса появление «мертвой зоны», недостижимой для стрельбы защитников укрепления. Пуля из положенного на скат бруствера ружья должна была пролетать над уровнем поверхности земли не выше чем на 0,5 м (рис. 2).

Локальные укрепления оборонительной линии.

Выше уже говорилось, что основу Новой Закамской линии составляли протяженные земляные укрепления «ров – вал» и засеки. Но соединяли ее

Рис. 2. Стрельба из-за укрытий [Теляковский 1848, черт. 8.]

Fig. 2. Shooting from behind cover [Telyakovskiy 1848, drawing 8]

в единое целое крепости и фельдшанцы (так называемые бастионные шанцы), редуты, ретраншемент и включенные в ее состав ранее основанные г. Самара и пригороды Сергиевск и Алексеевск. В отличие от Украинской линии, строители Новой Закамской полностью отказались от деревянных двухярусных блокаузов (Гукова 2009, с. 116, 222).

Первоначально своей юго-западной частью линия опиралась на основанные в начале XVIII в. Алексеевск и Сергиевск. В последний 1735 г. проведения строительных работ в нее вошла защищенная акваторией р. Самары полоса правобережья от Алексеевска до Волги, а также г. Самара со своими укреплениями и гарнизоном. Алексеевск и прежде всего Сергиевск были в какой-то степени реконструированы, но свой предшествующий облик они в основном сохранили. Сооружения старой земляной крепости Сергиевск, возведенной еще в 1703–1704 гг., судя по профилю разреза вала и рва, оплыли и утратили строгость очертаний. Они выглядят архаично и существенно отличаются от профиля разреза укреплений, защитивших в 1730-х гг. поселение ландмилиции при пригороде. С восточной стороны к старой крепости были пристроены новые укрепления такой же прямоугольной формы. Их возвели одновременно с сооружением самой линии (Ласковский 1866, л. 8, изд. 16) [Дубман 2005, с. 170–172; Иванин 1851, с. 71].

В г. Самаре после пожара 1703 г. была возведена в 1704–1706 гг. новая крепость, или, как ее называли, «земляной замок». По конфигурации своих укреплений и использованию внутреннего крепостного пространства она значительно отличалась от старой деревянной цитадели и в целом отражала новые тенденции в развитии военного инженерного искусства, близкие к фортификации бастионных шанцев Новой Закамской линии (РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2087) [Дубман 2015, с. 153–156].

Наиболее многочисленными локальными оборонительными сооружениями на линии являлись редуты. Всего их насчитывалось десять, но только при шести были устроены поселения ландмилиции. Редуты имели крайне простую в конфигурации форму квадрата, несколько отличаясь друг от друга размерами и способами «прикрепления» к системе «ров – вал». Из деревянных укреплений и строений они имели частокол (но, очевидно, не все), ворота, подъемные мосты; одну или несколько караульных будок (или «изб с сенями»), предназначенных для временной стоянки отрядов ландмилиции [Дубман 2005, с. 146].

Базовыми для Новой Закамской линии являлись две земляные крепости: Красноярская на р. Сок и Черемшанская на Б. Черемшане. Из четырех возведенных фельдшанцев сколь-нибудь значимая информация сохранилась только по Кондурчинскому.

На каждый рабочий сезон руководство экспедиции (не считая первый короткий осенний 1731 г.) намечало, помимо производства основных земля-

ных работ, возведение совокупности сооружений из дерева. Особенно напряженными в этом отношении стали 2 завершающих года деятельности экспедиции, когда предполагалось полностью отстроить линейные укрепления, основать все поселения ландмилиции и расселить в них гарнизоны. Так, при планировании работ на 1735 г. предполагалось построить 12 подъемных мостов, 77 (скорее 11, т. к. текст плохо читается. – Э. Д.) будок, 6 ворот; в крепостях, фельдшанцах и по линии 14 палисадных ворот, 6 деревянных пороховых погребов, 7 цейхгаузов и магазинов, 30 караульных изб и казарм (РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 487. Л. 8).

Сложные в конструктивном отношении земляные укрепления крепостей, фельдшанцев и редут, системы «ров – вал» к настоящему времени потеряли свои четкие геометрические очертания, но большей частью сохранились на протяжении почти всей линии. По многим из них имеются планы, профили разрезов как времени проектирования и строительства, так и более позднего времени, вплоть до современных инструментальных топографических работ, фотосъемки с парапланов, квадрокоптеров; археологических раскопок и т. д., поэтому их реконструкция не представляет особой сложности и они достаточно хорошо изучены исследователями.

Большой интерес в этом отношении представляет попытка архитектора Т.В. Вавилонской создать графическую реконструкцию укреплений Красноярской крепости. Основой для реконструкции стали чертежи и планы, опубликованные Ф.Ф. Ласковским, а также выявленные нами в архивохранилищах и подготовленные в процессе полевых исследований планы сооружений оборонительной линии. Особую значимость, на наш взгляд, представляет вывод исследователя, основывающийся на анализе сечений профилей укреплений земляного вала и рва Красноярской крепости (по внешнему и по внутреннему бастионам, а также по рavelину): «Со стороны противника бруствер был существенно более мощным, чем со стороны поселения ландмилиции» [Вавилонская Т.В., Вавилонская М.А. 2021, с. 626–627].

Нас же в данном случае больше интересует другое, о чем мало писали исследователи, а именно то, как использовался внутренний полигон крепостей и фельдшанцев для размещения в нем солдат ландмилиции и артиллерийских орудий в случае нападения противника; какие строения в нем располагались для обеспечения гарнизона боеприпасами, водой, продовольствием, а также для наблюдения за местностью и т. д. Отметим, что в пространстве внутреннего полигона и бастионов, и тем более на земляных укреплениях, их окружающих, отсутствовали традиционные для средневекового оборонительного зодчества деревянные башни, палисад или тарасы по валу, а также крайне мало было строений из дерева. Единственным используемым укреплением по всему внешнему периметру прикрытого пути, там, где он смы-

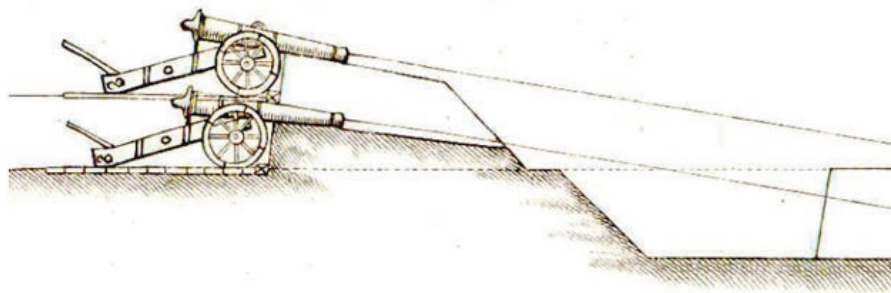

Рис. 3. Крепостные орудия. Стрельба через банк [Теляковский 1848. Черт. 8, 10]

Fig. 3. Fortress weapons. Shooting through the bank [Telyakovsky 1848. Drawing 8, 10]

кался с гласисом, являлся бревенчатый частокол. На первых порах, в 1731 – начале 1732 гг., предполагалось прикрыть им также внутреннюю крутость бруствера при соединении ее с банкетом, но затем уже в 1732 г. от этой идеи отказались (РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 3954, 4189) [Ласковский 1865, с. 92]. В Военной коллегии и Канцелярии главной артиллерии и фортификации вместо устройства еще одного частокола решили расширить берму и посадить по ней кустарник или деревья (создать «живой плетень») [Ласковский 1865, с. 91]. Кстати, указанный выше способ использования частокола хотели применить и при реконструкции в 1732 г. Царицынской линии (РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 29). О расстановке солдат ландмилиции по прикрытому пути, банкету рavelина и брустверу главного вала мы говорили выше, когда рассматривали организацию ружейной стрельбы солдат ландмилиции по линии «ров – вал». В бастионных шанцах роль реданов (редантов) для фронтальной стрельбы выполняли фланки и фасы бастионов.

В XVIII – начале XIX вв. считалось, что для защиты полевого укрепления солдат на банкете необходимо размещать так, чтобы между ними было расстояние в один шаг – от 0,7 (при расстановке в 1 шеренгу) до 1,2 м (при 2 шеренгах) [Теляковский 1848, с. 13]. Около 1/5 всех обороняющихся выделялось в резерв. В таком случае по двум куртинам, не считая бастионов, должно было располагаться не менее 500–600 солдат. Конечно, в условиях борьбы с плохо вооруженными и слабо организованными кочевниками их могло быть и меньше.

Сведений о том, как располагались орудия в бастионах крепостей и фельдшанцев Новой Закамской линии, в архивных и опубликованных материалах не выявлено. Только по «земляному замку» Самары, очевидно за более ранний период, известно, что они размещались в 3 из 4 бойверков, обращенных в сторону нападения противника. Эти бойверки были укреплены бревенчатыми «струбами» щитов (казематов), где и стояли пушки [Дубман 2015, с. 154–156].

Во вновь выстроенных бастионных шанцах их, видимо, ставили по фланкам и фасам бастионов и по куртинам, обращенным в сторону нападения противника, на барбетах – возвышениях из земли для размещения пушек.

Очевидно, что в данном случае наиболее приемлемым является способ размещения орудий, который описывает А.З. Теляковский. Для въезда на барбет устраивали пологие насыпи – аппарели или въезды. На барбете, чтобы колеса орудий не продавливали грунт, укладывались деревянные щиты (помост или платформа из толстого бруса) [Теляковский 1848, с. 20–23].

Стрельба из пушек (вероятнее всего) велась через банк, т. е. поверх бруствера, что позволяло наводить их в любую сторону. Валганги насыпались из земли. К сожалению, сведений о размещении таких барбетов с орудиями (или их следов, которые можно выявить в ходе археологических исследований) внутри пространства Красноярской и Черемшанской крепостей, а также фельдшанцев не сохранилось.

Однако отчетность командования Закамской экспедиции свидетельствует, что при «внутренней крутости» Красноярской крепости было сделано 8 въездов для орудий (РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 487. Л. 157) (рис. 3).

В середине XIX в. осматривавший Красноярскую крепость в числе прочих оборонительных сооружений линии капитан Генерального штаба, будущий генерал-лейтенант и военный историк М.И. Иванин дал весьма квалифицированную оценку ее боевым возможностям: «Все укрепления эти хорошо применены к местности: ружейный и пушечный огонь везде почти обстреливает окрестность» [Иванин 1851, с. 73].

В самой крепости, как и в других бастионных шанцах и редутах Новой Закамской линии, гарнизон размещался только на время нападений противника. Никаких строений для постоянного проживания, казарм и т. д. внутри оборонительных сооружений этого типа не возводилось. Они предназначались только для обороны и размещения караулов.

В данной статье вследствие ее объема мы приводим самые общие сведения только о составе, количестве и размещении основных деревянных сооружений во внутренних полигонах Красноярской крепости и Кондурчинского фельдшанца, а также об общем количестве подобных строений на линии, не рассматривая специально их конструктивные особенности.

При строительстве Красноярской крепости, сезонные работники в 1734–1735 гг. возвели в ее внутреннем пространстве «деловой двор», где стояли изба, кузница, магазин для инструментов и материалов, сарай (РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 487. Л. 7 об., 157). Очевидно, что это были временные сооружения, необходимые на период строительных работ. После их завершения на территории внутреннего крепостного полигона остались караульная изба – «караульня», пороховой погреб и колодец. На плане проекта крепости они размещаются следующим образом: в западном бастионе – при входе в него – пороховой погреб (а); рядом с северным крепостным фронтом, обращенным в тыл, в сторону ландмилицкой слободы у единственного въезда в крепость – «караульный дом» (б) и в центре внутреннего крепостного полигона – колодец (в) [Ласковский 1865, с. 871] (Ласковский 1866. Л. 8, изобр. 3). Внутри крепости можно было попасть через «палисадные» ворота северного крепостного фронта и подъемный мост (рис. 4).

Все эти строения являлись обязательными для бастионных шанцев. Все они строились из бревен, заготавливаемых в соседних лесах (РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 487. Л. 9 об.). Как правило, сохранившиеся источники не дают полного представления об их количестве; зачастую источники свидетельствуют об одной караульной избе, но, например, в Черемшанской крепости и в Шешминском фельдшанце их было по три да в крепости на Б. Черемшане располагался еще «магазин» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 487. Л. 156–156 об.) [Дубман 2005, с. 88, 180]. Очевидно, что внутренний полигон, бастионы и рavelин Красноярской крепости использовались только для размещения караулов и обороны во время нападения.

Т.В. Вавилонской в фондах РГВИА был выявлен план Кондурчинского фельдшанца с указанием внутренних деревянных сооружений в нем. Приведем его с нумерацией, проставленной нами (рис. 5).

Характерно, что линейная система «ров – вал» соединялась с фельдшанцем по бастионам его

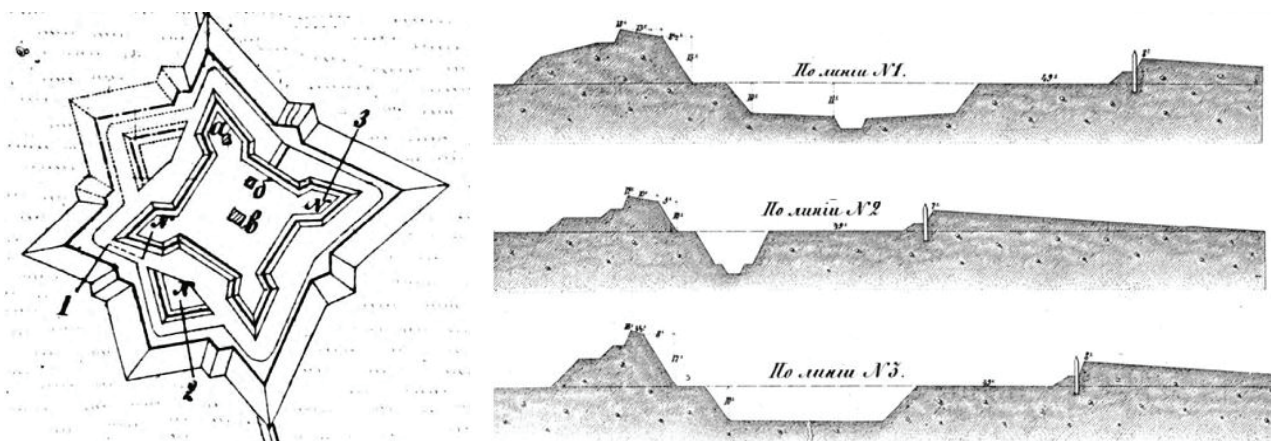

Рис. 4. Красноярская крепость (Ласковский 1866. Л. 8)

Строения во внутреннем полигоне: а – пороховой погреб; б – «караульный дом»;
в – колодец; разрезы и профили укреплений по линиям 1, 2, 3

Fig. 4. Krasnoyarsk fortress (Laskovsky 1866. L. 8)

Buildings in the inner range: a – Powder cellar; b – «Guard house»; v – Well. Sections and profiles of fortifications along lines 1, 2, 3

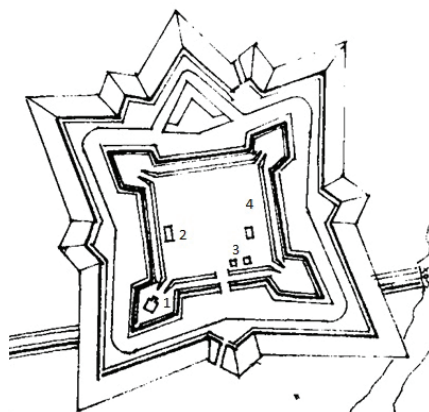

Рис 5. План Кондурчинского фельдшанца (РГВИА. Ф. 349. Оп. 17. № 34132).

1. Пороховой погреб. 2. Артиллерийский цейхгауз. 3. Караульные будки (избы). 4. Колодец
Fig. 5. Plan of the Kondurchinsky medical assistant (RGVIA. F. 349. Op. 17. D. 34132).

1. Powder cellar. 2. Artillery storehouse. 3. Guard houses (huts). 4. Well

западного бастионного фронта. Укрепления фельдшанца с одним рavelином почти полностью были выдвинуты навстречу противнику, фактически опираясь своей западной куртиной на линию. Понятно, что пороховой погреб находился под защитой укреплений самого фельдшанца, так и линии ров – вал, пожалуй, в самом защищенном месте в одном из бастионов. Во внутреннем полигоне фельдшанца почему-то нет караульных изб (их в 1735 г. было построено 2) (РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 485. Л. 79), зато указан артиллерийский цейхгауз.

Заключение

Завершая данную работу, отметим, что при ведении Новой Закамской линии у столичного руководства и командования Закамской экспедиции нередко возникали спорные моменты. При этом в Военной коллегии и других центральных учреждениях зачастую соглашались с предложениями, поступавшими из Заволжья. Например, не однажды по инициативе руководства Закамской экспедиции вносились существенные коррективы в протяженность линии. Вместо двух крепостей на реках Шешме и Кичуй были возведены значительно меньшие по размеру фельдшанцы. Уже на последнем этапе строительства было принято решение селить ландмилицию не только при крепостях и фельдшанцах, но и при некоторых редутах.

Но в ряде случаев, в основном со стороны Военной коллегии и Канцелярии главной артиллерии и фортификации, выдвигались требования, кото-

рые в экспедиции выполнялись неукоснительно. Речь идет об исправлении конфигурации основных оборонительных сооружений, по которой до второй половины лета 1732 г. точных предписаний в Заволжье (как и на Украину) не поступало. Необходимо также упомянуть об отклонении предложения Ф.В. Наумова и И.А. Бибикова строить по правому северному берегу Сока только отдельные локальные укрепления. Вместо этого было указано провести непрерывную систему «ров – вал» по южной прибрежной полосе реки. Протяженность ее составила около 70 км.

Следует вспомнить и проект командовавшего войсками на «Черемшанских форпостах» генерала В.П. Шереметева. Он предлагал значительно удешевить и упростить создание оборонительной линии. Шереметев считал, что вместо дорогой и чрезвычайно трудоемкой непрерывной системы укреплений следует возвести в дополнение к уже существовавшим редутам ряд новых и разместить при них драгунские полки. Однако в столице предложение генерала не приняли (РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 234–236 об.).

Таким образом, очевидно, что для военного руководства страны в первой половине 1730-х гг. базовыми принципами при сооружении мощной оборонительной линии на европейском Юго-Востоке являлись следование образцам западно-европейской фортификации и использование для защиты пограничных рубежей в Заволжье (как и на Украине) ландмилиции как основной военной силы.

Материалы исследования

А ВИМАИВиВС – *Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.*

Гукова 2009 – *Гукова Е.А.* Оборона южных рубежей России в XVIII веке: Украинская линия и Украинский ландмилицкий корпус (1710–1780 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2009. 277 с.

Ласковский 1866 – *Ласковский Ф.* Карты, планы и чертежи к III части материалов для истории инженерного искусства в России. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1866. 74 л.

РГАДА – *Российский государственный архив древних актов.*

РГВИА – *Российский государственный военно-исторический архив.*

Библиографический список

Багалеи 1887 – *Багалеи Д.И.* Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. Москва: Университетская типография, 1887. I–XVI, 614 с. URL: <https://runivers.ru/lib/book4323/52917>.

Байов 1909 – *Байов А.* Курс истории Русского Военного Искусства. Выпуск III. Эпоха Миниха. (Царствование Императрицы Анны Иоанновны). Санкт-Петербург: Типография Гр. Скачков с С-ми. 1909. III-91 с. URL: new.runivers.ru/lib/book3106/9773.

Белецкая 1961 – *Белецкая Е., Крашенинникова Н., Чернозубова Л., Эрн И.* «Образцовые» проекты в жилой застройке русских городов XVIII–XIX вв. Москва: Госстройиздат, 1961. 207 с. URL: https://vk.com/doc39003234_145349138?hash=23d2bcbf203d46a909.

Бенда 2016 – *Бенда В.Н.* Зарождение и развитие научных основ инженерного дела в России в первой половине XVIII века // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук: материалы XXX Международной научно-практической конференции 5–6 октября 2016 г. Москва: Институт стратегических исследований: Перо, 2016. С. 40–49. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27273247>. EDN: <https://elibrary.ru/wyvikj>.

Вавилонская Т.В., Вавилонская М.А. 2021 – *Вавилонская Т.В., Вавилонская М.А.* Графическая реконструкция крепости «Красный яр» в целях номинирования объекта в список всемирного наследия // Традиции и инновации в строительстве и архитектуре. Архитектура и градостроительство: сб. ст. 78-й Всероссийской научно-технической

конференции. Самара: Самарский государственный технический университет, 2021. С. 622–630. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46369739>. EDN: <https://elibrary.ru/iqswxu>.

Дубман 2015 – *Дубман Э.Л.* Земляная крепость в Самаре и другие оборонительные сооружения региона в конце XVII – начале XVIII в. // Самарский край в истории России. Вып. 5: материалы межрегиональной научной конференции, посвящ. 190-летию со дня рождения П.В. Алабина. Самара, 2015. С. 148–163. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43095166>. EDN: <https://elibrary.ru/jlxbqq>.

Дубман 2005 – *Дубман Э.Л.* Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. 2-е изд., испр. и доп. Самара: Самарский университет, 2005. 196 с. URL: <http://rushist.samsu.ru/books1/dubmane2005.pdf>.

Дубман 2021 – *Дубман Э.Л.* Особенности фортификационного строительства в лесостепном Заволжье первой трети XVIII в. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 2. С. 17–26. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-2-17-26>. EDN: <https://elibrary.ru/isactj>.

Иванин 1851 – *Иванин М.И.* Описание Закамских линий // Вестник императорского Русского географического общества. 1851. Ч. 1. Кн. 2. VI. География историческая. С. 57–72. URL: <https://elib.rgo.ru/safe-view/123456789/218957/1/UnVQUkxJQjEYMDQ3NjY2LnBkZg==>.

Комолов 2009 – *Комолов Н.А.* Царицынская линия во второй – третьей четверти XVIII века // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: история, политология, социология. 2009. № 1. С. 11–19. URL: <http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Komolov.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=12579942>. EDN: <https://elibrary.ru/kphlvf>.

Лавринова 1989 – *Лавринова Т.И.* План защиты юго-восточной окраины России после сооружения Царицынской укрепленной линии начала XVIII века // Историческая география Черноземного центра России (дооктябрьский период): межвуз. сб. науч. тр. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. С. 79–89.

Лавринова 2012 – *Лавринова Т.И.* Царицынская линия: история строительства в 1718–1720 и первые годы существования. Волгоград: Издатель, 2012. 95 с.: карты. URL: https://vk.com/wall-7319519_1112.

Ласковский 1865 – *Ласковский Ф.* Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть III. Опыт исследования инженерного искусства после императора Петра I до императрицы Екатерины II. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1865. 1016 с. URL: <http://prussia.online/books/materiali-dlya-istorii-inzhenerogo-iskusstva-v-rossii-1-3>.

Ожегов 1984 – *Ожегов С.С.* Типовое и повторное строительство в России в XVIII–XIX веках. Москва: Стройиздат, 1984. 168 с. URL: <https://dwg.ru/lib/2508>.

Петрухинцев 2014 – *Петрухинцев Н.Н.* Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). Москва: РОССПЭН, 2014. 1062, [1] с.: табл. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25885986>. EDN: <https://elibrary.ru/vumaul>.

Полевая фортификация 1798 – *Полевая фортификация*, или Искусство, каким образом строить шанцы и разные укрепления... Москва: Унив. тип., у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1798. 100, [1] с., 7 л. черт. URL: <http://tehne.com/library/polevaya-fortifikaciya-ili-iskusstvo-kakim-obrazom-stroit-shancy-i-raznyya-ukrepleniya-moskva-1798?ysclid=15rjim1rq1239432232>.

Теляковский 1848 – *Теляковский А.З.* Фортификация / сост. Лейб-гвардии сапер. батальона штабс-кап. Аркадий Теляковский. 2-е изд., испр. и доп. Ч. 1. Санкт-Петербург: Тип. И.И. Глазунова и К°, 1848. 225 с. ил., схемы. URL: http://militera.lib.ru/manuals/telyakovsky_az01/index.html.

Шемелина 2008 – *Шемелина Д.С.* Вобан и Россия // Academia. Архитектура и строительство. 2008. № 4. С. 11–17. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23076044>. EDN: <https://elibrary.ru/tkzhpn>.

References

Bagaley 1887 – *Bagaley D.I.* (1887) Essays from the history of colonization of the steppe outskirts of the Moscow state. Moscow: Universitetskaya tipografiya, I–XVI, 614 p. Available at: <http://elib.shpl.ru/nodes/4746>. (In Russ.)

Bayov 1909 – *Bayov A.* (1909) A course in the history of Russian Military Art. Issue III. The era of Münnich. (Reign of Empress Anna Ioannovna). Saint Petersburg: Tipografiya Gr. Skachkov s S-mi, III-91 p. Available at: <http://elib.shpl.ru/nodes/2629-vyp-3-epoha-miniha-tsarstvovanie-imperatritsy-anny-ioannovny-1909>. (In Russ.)

Beletskaya 1961 – *Beletskaya E.A., Krasheninnikova N.L., Chernozubova L.E., Ern I.B.* (1961) «Exemplary» projects in residential buildings of Russian cities of the XVIII–XIX centuries. Moscow: Gosstroizdat, 207 p. Available at: https://vk.com/doc-39003234_145349138?hash=23d2bcfb203d46a909. (In Russ.)

Benda 2016 – *Benda V.N.* (2016) Origin and development of the scientific foundations of engineering in Russia in the first half of the XVIII century. In: *Modern problems of the humanities and natural sciences: materials of the XXX International research and practical conference on October 5–6, 2016*. Moscow: Institut strategicheskikh issledovaniy: Pero, pp. 40–49. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27273247>. EDN: <https://elibrary.ru/wyvikj>. (In Russ.)

Vavilonskaya T.V., Vavilonskaya M.A. 2021 – *Vavilonskaya T.V., Vavilonskaya M.A.* (2021) Graphic reconstruction of the Krasny Yar fortress for the purpose of nominating for the world heritage list. In: *Traditions and innovations in construction and architecture. Architecture and urban planning: collection of articles of the 78th all-Russian research and*

technical conference. Samara: Samarskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet, pp. 622–630. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46369739>. EDN: <https://elibrary.ru/iqswxu>. (In Russ.)

Dubman 2015 – *Dubman E.L.* (2015) Earthen fortress in Samara and other defensive structures of the region in the late XVII – early XVIII centuries. In: *Samara region in the history of Russia: materials of the interregional scientific conference dedicated to the 190th anniversary of the birth of P.V. Alabin*. Issue 5. Samara, pp. 148–163. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43095166>. EDN: <https://elibrary.ru/jlxbqq>. (In Russ.)

Dubman 2005 – *Dubman E.L.* (2005) New Zakamskaya line: fate, project, construction. 2nd edition, revised and enlarged. Samara: Izd-vo Samarskii universitet, 196 p. Available at: <http://rushist.samsu.ru/books1/dubmane2005.pdf>. (In Russ.)

Dubman 2021 – *Dubman E.L.* (2021). Features of construction of fortification in the forest-steppe Zavolzhie region of the first third of the XVIII century. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 27, no. 2, pp. 17–26. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-2-17-26>. EDN: <https://elibrary.ru/isactj>. (In Russ.)

Ivanin 1851 – *Ivanin M.I.* (1851) Description of the Zakamsky lines. *Vestnik imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva, part 1, book 2, VI. Historical geography*, pp. 57–72. Available at: <https://elib.rgo.ru/safeview/123456789/218957/1/UnVQUkxJQjEyMDQ3NjY2LnBkZg==>. (In Russ.)

Komolov 2009 – *Komolov N.A.* The Tzaritsynsky line in the second – third quarter XVIII century. *Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology*, no. 1, pp. 11–19. Available at: <http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Komolov.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=12579942>. EDN: <https://elibrary.ru/kphlvf>. (In Russ.)

Lavrinova 1989 – *Lavrinova T.I.* (1989) Plan for the protection of the southeastern outskirts of Russia after the construction of the Tsaritsyn fortified line at the beginning of the XVIII century. In: *Historical geography of the Chernozem center of Russia (pre-October period): interuniversity collection of scientific works*. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, pp. 79–89. (In Russ.)

Lavrinova 2012 – *Lavrinova T.I.* (2012) Tsaritsyn line: the history of construction in 1718–1720 and the first years of its existence. Volgograd: Izdatel', 95 p.: maps. Available at: https://vk.com/wall-7319519_1112. (In Russ.)

Laskovsky 1865 – *Laskovsky F.* (1865) Materials for the history of engineering art in Russia. Part III. Research experience in engineering after Emperor Peter I to Empress Catherine II. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk, 1016 p. Available at: <http://prussia.online/books/materiali-dlya-istorii-inzhenerno-iskusstva-v-rossii-1-3>. (In Russ.)

Ozhegov 1984 – *Ozhegov S.S.* (1984) Standard and repeated construction in Russia in the XVIII–XIX centuries. Moscow: Stroizdat, 168 p. Available at: <https://dwg.ru/lib/2508>. (In Russ.)

Petrukhintsev 2014 – *Petrukhintsev N.N.* (2014) Internal policy of Anna Ioannovna (1730–1740). Moscow: ROSSPEN, 1062, [1] p.: tables. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25885986>. EDN: <https://elibrary.ru/vumaul>. (In Russ.)

Field fortification 1798 – *Field fortification, or Art, how to build trenches and various fortifications...* Moscow: Univ. tip., u Khr. Ridigera i Khr. Klaudiya, 100, [1] p., 7 sheets drawings. Available at: <http://tehne.com/library/polevaya-fortifikaciya-ili-iskusstvo-kakim-obrazom-stroit-shancy-i-raznyya-ukrepleniya-moskva-1798?ysclid=15pjm1rql239432232>. (In Russ.)

Telyakovsky 1848 – *Telyakovsky A.Z.* (1848) Fortification. Compiled by the Imperial Guard sapper battalion staff captain Arkady Telyakovsky. 2nd edition, revised and enlarged. Part 1. Saint Petersburg: Tip. I.I. Glazunova i K^o, 225 p., illustrated, schemes. Available at: http://militera.lib.ru/manuals/telyakovsky_az01/index.html. (In Russ.)

Shemelina 2008 – *Shemelina D.S.* (2008) Vauban and Russia. *Academia. Architecture and construction*, no. 4, pp. 11–17. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23076044>. EDN: <https://elibrary.ru/tkzhpn>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 393. 05

Дата поступления: 18.11.2021
рецензирования: 15.02.2022
принятия: 28.08.2022

Отражение анимистических представлений в погребально-поминальном обряде мордвы

А.В. Сосновский

Федеральное военное мемориальное кладбище
Министерства обороны Российской Федерации, г. Балашиха, Российская Федерация
E-mail: ansosnov67@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9664-6919>

Аннотация: В статье автор предпринял попытку выявить наиболее архаичные черты в погребально-поминальной обрядности мордвы. Актуальность данного исследования обуславливается важностью сохранения культурного наследия народов России, интересом к своим национальным традициям и их истокам. Исследование основано как на архивных и опубликованных исторических источниках, так и на работах ученых, рассматривавших различные аспекты поминально-погребальной обрядности мордвы. Использование сравнительно-типологического и структурно-семантического методов позволило не только выявить архаичные элементы погребального и поминального обрядов, но и определить их символику. В похоронных и поминальных обрядах мордвы нашли отражение реальные условия жизни мордовского народа. Проживая в лесной местности, до появления грунтовых захоронений в начале I тыс. н. э. мордва хоронила умерших на деревьях, что, возможно, обусловило ее анимистические воззрения на деревья как вместилища душ и духов. Подобные представления – явление универсальное для народов лесной зоны. Со сменой способа захоронения символика дерева продолжает играть важную роль в погребально-поминальном обряде. В ходе исследования было выявлено, что отголоски таких архаичных пережиточных черт, как веры о воплощении душ умерших в деревья, можно встретить в погребальном обряде мордвы вплоть до настоящего времени. Подобные явления характерны и для других народов Поволжья – марийцев, чувашей. В поминальной обрядности как более позднем явлении они сохранились в поминальных обрядах 40-го дня до начала XX века, но уже к концу XX века смысл их утрачивается.

Ключевые слова: погребальный обряд; поминальный обряд; мордва; анимизм; дерево; душа; мировоззрение; культ.

Цитирование. Сосновский А.В. Отражение анимистических представлений в похоронно-поминальном обряде мордвы // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 3. С. 20–27. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-20-27>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Сосновский А.В., 2022

Андрей Владленович Сосновский – заместитель руководителя Федерального военного мемориального кладбища Министерства обороны Российской Федерации, 143914, Российская Федерация, Московская область, городской округ Мытищи, Осташковское шоссе, 4-й км.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 18.11.2021
Revised: 15.02.2022
Accepted: 28.08.2022

Reflection of animistic ideas in the Mordovian funeral and memorial rite

A.V. Sosnovsky

Federal Military Memorial Cemetery
of the Ministry of Defence of the Russian Federation, Mytishchi, Russian Federation
E-mail: ansosnov67@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9664-6919>

Abstract: In the article, the author made an attempt to identify the most archaic features of the Mordovian funeral and memorial rites. The relevance of this study is determined by the importance of preserving the cultural heritage of the peoples of Russia, the interest in their national traditions and their origins. The research is based on both archival and published historical sources, as well as on the works of scientists who have considered various aspects of the Mordovian funeral rites. The use of comparative typological and structural-semantic methods made it possible to identify not only archaic elements of funeral and memorial rites, but also to determine their symbolism. In the funeral and memorial rites of the Mordovians, the real living conditions of the Mordovian people were reflected. Living in a forest area, before the appearance of ground burials at the beginning of the first millennium AD, the Mordvins buried the dead in trees, which may have led to their animistic views on trees as receptacles of souls and spirits. Such ideas are a universal phenomenon for the peoples of the forest zone. With the change in the method of burial, the symbolism of the tree continues to play an important role in the funeral and memorial rite. In the course of the study, it was revealed that echoes of such archaic survivor traits as the belief about the incarnation of the souls of the dead in trees can be found in the Mordovian funeral rite up to the present time. Similar phenomena are typical for other peoples of the Volga region – the Mari, the Chuvash.

In the funeral rites, as a later phenomenon, they were preserved in the funeral rites of the 40th day until the beginning of the XX century, but by the end of the XX century their meaning is lost.

Key words: funeral rite; funeral rite; mordva; animism; tree; soul; worldview; cult.

Citation. Sosnovsky A.V. Reflection of animistic ideas in the Mordovian funeral and memorial rite. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 28, no. 3, pp. 20–27. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-20-27>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Sosnovsky A.V., 2022

Andrey V. Sosnovsky – deputy director of the Federal Military Memorial Cemetery of the Ministry of Defense of the Russian Federation, 4km, Ostashkovskoye Highway, Mytishchinsky District, Mytishchi, 143914, Russian Federation.

Введение

В последнее время возрос интерес к истории народов, происхождению и развитию самобытной истории и культуры. Знание основных компонентов национальной культуры позволяет этносу осознать свое прошлое, ценить настоящее, представлять свое будущее в цивилизационном сообществе народов России. В данном контексте важный пласт информации предоставляет этнографическая наука с ее глубинным изучением обрядов, традиций и их истоков.

Похоронно-поминальная обрядность принадлежит к одному из самых консервативных элементов культуры и является выражением мировоззрения этноса. В то же время она не остается неизменной, многие обряды исчезают или если и выполняются, то смысл их зачастую утрачивается, появляются новые. Несмотря на то что погребальный обряд мордвы рассматривался многими исследователями [Смирнов 2002; Маркелов 1931; Федянович, 1989; Мокшин 1998; Волкова, 2001; Никонова, Кандрина, Щанкина 2010; Никонова 2013, 2017; Корнишина, 2000, Щанкина 2012, 2020] (Волкова 2001), некоторые существенные этнологические аспекты традиционной похоронно-погребальной обрядности у мордвы остались вне поля зрения.

Погребально-поминальная обрядность мордвы складывалась веками и носит сложный характер, обусловленный разновременностью формирования тех или иных компонентов [Мокшин 1998, с. 92]. Анализ их позволяет выявить символику погребально-поминальных действий в ходе ритуала. В этой связи представляет интерес выявление наиболее архаичных черт погребально-поминального обряда мордвы. Понимание смысла многих элементов погребальной обрядности уже в начале XX века было во многом утрачено, поэтому в изучении данного вопроса большую роль играет использование сравнительно-типологического и структурно-семантического методов.

Основная часть

Территория проживания мордвы вплоть до XVIII в. была покрыта обширными лесными массивами. Лес играл определяющую роль в хозяйственной и культурной жизни мордвы. Логично предположить, что наиболее архаичная система верований, обычаи и обряды связаны с поклоне-

нием лесам, рощам и отдельным деревьям. Языческая мордва считала, что у каждого дерева был свой покровитель. Священными деревьями были дуб, береза или яблоня. Не случайно в мордовской мифологии центром мироздания выступает образ Мирового дерева. Оно связывает разные зоны космоса, является дарителем жизни, обозначает целостность родового коллектива, изменчивость и неизменность природы и т. п. [Юрченкова 2009, с. 344]. У мордвы известен миф о происхождении первого человека из древесного пня: «Рассказывают, что, когда Бог ходил по земле, где-то существовал некий чудесный пенек, напоминавший человека, но не имевший ни рук, ни ног, ни глаз. Так и стоял он тридцать лет, пока Бог не обратил на него внимания. Творец попросил у пня воды, но тот ответил, что не может дать Богу напиток – ведь он не умеет ходить и у него нет рук. Тогда Бог велел ему встать. Тут пенек зашевелился, у него выросли руки и ноги, он протер глаза – и те стали видеть» [Петрухин 2005, с. 229]. По мнению Н.Г. Юрченковой, этот миф является отголоском широко известного в урало-алтайском мире универсального мотива рождения от (из) дерева и наиболее архаичен [Юрченкова 2009, с. 116, 127]. В связи с этим обращают на себя внимание записанные Б.Е. Смирновым предания, сохранившиеся у мордвы-мокши Зубово-Полянского района Республики Мордовия, в которых говорится, что «мордва раньше молилась на пенек дерева “мокорь”». «Начертят на нем вроде лика, мол, старое дерево было почтенного возраста. У каждого человека в лесу был свой пенек молельный. Их берегли. Соседи знали, где “мокорь” другого человека, и не касались его. Если сгнил пенек, то его сваливали там же и заводили другой» [Кевбрин, Рогачев, Шуляев 2012, с. 192]. Еще в начале XIX века некоторые жители с. Польдясова Зубово-Полянского района Республики Мордовия ходили ночью молиться на такие пенки. Один такой пенек был сделан из дуба, рубленный топором в четыре метра обхватом [Кевбрин, Рогачев, Шуляев 2012, с. 192]. Об особом почитании деревьев у мордвы говорит Г.А. Корнишина: «...в священном дереве обитал “хозяин” рода и данной местности» [Корнишина 2000, с. 113]. Подобные представления о Мировом дереве, родовых деревьях, о личном дереве человека существовали у многих народов [Павлинская 2009, с. 32].

Не исключено, что культ священных деревьев был изначально связан именно с обычаем воздушного погребения, а следовательно, и с культом предков. О существовании в прошлом у мордвы надземных захоронений высказывали предположение многие ученые – И.Н. Смирнов (Смирнов 2002), В.В. Гольмстен [Гольмстен 1940], П.Д. Степанов [Степанов 1972], Н.Ф. Мокшин [Мокшин 1998, с. 82] и др. Логично предположить, что, проживая в лесной зоне, при отсутствии свободной земли для погребения и соответствующих орудий труда мордва первоначально хоронила умерших на деревьях. Существование подобных захоронений находит подтверждение в фольклорных (Шахматов 1910, с. 431–436, 446–448) и этнографических материалах. Т.П. Федянович в 1959 году у мордвы-мокши с. Подгорного Конакова Темниковского района Республики Мордовия было записано предание о «священных» липах, на которых подвешивали в корзинах стариков, чье время пришло умирать. К ним же по традиции подъезжал свадебный поезд поминать предков (НА НИИ ГН. И-489. Л. 49). В 1964–1965 гг. Б.Е. Смирновым в мордовских селах Zubovo-Полянского района Республики Мордовия были записаны предания о захоронениях в дуплах деревьев. Приведем одно из них, записанное от П.А. Церакаева из с. Ачадовка: «Мокши когда-то (только не знай, когда это было) покойников не в землю хоронили, а толстое подходящее дерево найдут, гниль из дупла выбросят и туда положат (поставят) умершего [диал. (“Унду шуфта ароптозь потмонс, – лазондь – кулать тоза пуцазь” (досл. Вычистят нутро дуплистого дерева, – для гроба, – мертвеца туда положат”), диал. “Унду потмоса путозь и калмасазь” (досл. “Внутри этого дерева положат и захоронят”)]. Когда не хватало дупел, чтобы покойников рядом хоронить, на деревьях каменными топорами делали неглубокое дупло (“корытом”) и привязывали лыком туда покойника, завернутого в кору» (НА НИИ ГН. Л-915. Л. 122). В пользу того что захоронения на деревьях были вызваны вынужденными обстоятельствами, говорит и тот факт, что еще в XVII – начале XX веков в некоторых селах мордва практиковала временные захоронения на деревьях, особенно в зимний период, когда захоронения в землю были невозможны. Так, мордва-эрзя сел Сабаева и Давыдова Кочкуровского района Республики Мордовия сохранила воспоминания, что если человек умирал зимой или ранней весной, когда земля была еще мерзлая или не было переправы через р. Суру (лес был за рекой), то покойника в гробу из двух выдолбленных колод подвешивали на деревьях, а позже, когда оттаивала земля, его захоранивали в могилу [Федянович 1989, с. 102]. Информация о подобных захоронениях содержится в сообщениях Б.М. Соколова, который отмечал, что еще в начале XX в. мордва с. Лебежейка Хвалынского уезда Саратовской области умерших зимой подвешивала на ветки березы на «Горе плача», а с началом весны зарывала тут же под березой. Одни

объясняли этот обычай тем, что зимой трудно копать могилу, другие говорили, что душа покойника в течение зимы очищалась настолько, что была похожа по белизне на снег или кору березы (Соколов 1922, с. 8–9). В некоторых мордовских селах еще в конце XIX – начале XX в. сохранялось символическое совершение обряда, во время которого колоду с покойником на некоторое время вешали на дерево и только потом зарывали в землю [Степанов 1969, с. 52]. При этом захоронение совершалось только на березе или дубе, а также у дороги [Святогорова 2020, с. 262–263].

И если изначально такой способ захоронения был вызван необходимостью, то с течением времени, с развитием культа предков возникает вера в то, что в деревьях воплощаются души умерших. На деревья смотрят как на священные, им поклоняются, приносят жертвы, у них просят о помощи и т. д. Известно, что анимистические представления о деревьях как вместилищах душ и духов – явление универсальное для народов лесной зоны, к таковым относится и мордва. У некоторых народов существовала вера в то, что деревья одушевляют души умерших [Фрэзер 1980, с. 135–136]

Постепенно изменяется и символика дерева в погребальном обряде. Меняется и сам погребальный обряд. С первых веков нашей эры мордва стала хоронить своих умерших в землю. Несмотря на это, дерево при погребении продолжает играть важную роль. Археологические данные показывают, что в грунтовых могилах умершие лежали на подстилке из досок или древесной коры, сверху накрывались тканью, досками или корой [Жиганов 1976, с. 39]. Об обертывании умерших березовой корой сообщал И.Н. Смирнов (Смирнов 2002, с. 159). Позднее гроб выдалбливали из цельного дерева: одна половина служила собственно гробом, вторая – крышкой. При этом следили за тем, чтобы комля находилась у ног, а верхушка – в изголовье (Юртов 1877, с. 228), таким образом умершего как бы помещали внутрь дерева. В конце XIX в. мордва хоронила в ящикообразных гробах с крышкой. На наш взгляд, этот обычай можно считать рудиментом обычая захоронения на дереве. Дерево реализует идею продолжения жизни. Считалось, что после смерти душа человека могла перейти в дерево, по дереву проходит путь в загробный мир. Вполне вероятно, что подобное отношение к колоде, гробу, накладывалось и на оставшиеся от его изготовления стружки как части этого символического дерева. В пользу этого предположения говорит сообщение О. Голицына о саратовской мордве, у которой было принято, возвращаясь после похорон, кланяться вывезенным поближе к кладбищу щепам, оставшимся от изготовления гроба, при этом на них клали еду и монеты (Голицын 1881, с. 177–194) В этом отношении интересен обычай, существовавший в с. Анаеве Zubovo-Полянского района Республики Мордовия. После того как из дома вынесут гроб, одна старуха возвращалась обратно со щепкой или палкой и бросала ее перед

печкой. После похорон все заходили в дом обязательно со щепкою. Если кто забывал взять щепку или палку, то его отсылали на улицу обратно – с пустыми руками возвращаться в избу не полагалось. Эти щепки в доме оставались до следующего дня. Затем они складывались в корзину и выносились за гумно [Обряды и фольклор 2012, с. 221]. В некоторых местах существовала традиция, придя с кладбища, бросать в дом щепку – чтобы в семье больше не было покойников. Этим как бы показывали, что утрата в семье возмещена [Федянович 1989, с. 117]. Смысл этого обычая утрачен, но возможно, что щепки символизировали души умерших предков, которые, по поверьям мордвы, являлись на похороны.

Подобный символизм усматривается и в существовании у мордвы в течение длительного времени обычая класть в гроб с умершим мерку (брусок, палку), которой его обмеряли. Например, такая традиция существовала в с. Ачадове, Журавкине Zubovo-Полянского района, с. Салазгорь Торбеевского района Республики Мордовия (НА НИИГН. И-244. Л. 153, 160, 167), в с. Колопине Краснослободского района Республики Мордовия до конца XX в. (НА НИИГН. И-220/268. Л. 20). В более позднее время смысл этого обряда, правда, утратился, объяснялся тем, «чтобы еще не пригодилась». Наиболее показателен в этом отношении обычай в с. Чукалы Большеигнатовского района Республики Мордовия, где в качестве мерки умершего для изготовления гроба использовали палку от ветлы, которую после похорон втыкали в могильный холм. Если она не принималась, засыхала, то рядом сажали новую молодую ветлу (НА НИИГН. И-148. Л. 20). Такой же обычай существовал и в д. Селище того же района (НА НИИГН. И-148. Л. 58). Следует отметить, что традиция сажать на территории кладбища деревья широко распространена среди мордвы, чаще всего мордовское кладбище представляет собой целую рощу. Символическую связь с потусторонним миром в обычае посадки дерева на могиле умершего усматривает и Т.П. Девяткина [Девяткина 1998, с. 121].

Связь с символом дерева просматривается и в надмогильных сооружениях. По мнению ученых, наиболее древним надмогильным сооружением был деревянный столб с развилкой на вершине, что подтверждает старинное эрзя-мордовское название креста «сюроччувто» (сюроч – «рогатый», чувто – «дерево»). Так, на кладбище с. Заревки Zubovo-Полянского района Республики Мордовия до XIX века ставили дубовые памятники, огромные столбы из цельного дуба – (тумбокс) [Обряды и фольклор 2012, с. 205]. Подобные надгробия бытовали и в Инсарском районе Республики Мордовия. Так, около с. Навлей на старом кладбище в лесу находили дубовые тумбы высотой в аршин или метр. По описанию местных жителей, вершина их была округлая и хоть грубо, но сделана в виде головы [Кевбрин, Рогачев, Шуляев 2012, с. 203].

По предположению М.И. Каргиной, у мордвы могильный столб (палмань – э., м.) может быть «трансформацией мирового дерева» (Каргина 1997, с. 12). По нашему мнению, такой столб символизировал дерево как вместилище души покойного. Вполне возможно, первоначально на этих столбах изображался лик умершего. В пользу этого говорит записанное в Zubovo-Полянском районе Республики Мордовия Б.Е. Смирновым предание о памятниках – личинах – чамакст, которые устанавливались на первых захоронениях кладбища; на мужской могиле личина называлась Тумай-атя, на женской – Бердишь-баба, названия которых, по всей вероятности, восходят к названиям пород деревьев, из которых изготавливались памятники [Обряды и фольклор 2012. с. 204]. Подобные антропоморфные могильные столбы – юпа – широко были распространены у чувашей [Салмин 2009, с. 204–210], столбы и надмогильные шесты с изображением кукушки на конце у марийцев [Марийцы 2013, с. 250].

О том, что мордва придавала большое значение связи умершего с деревом, говорит и тот факт, что в Инсарском уезде в конце XIX века, после запрещения священниками совершать языческие обряды и поминовения на могилах усопших, мордва стала совершать их в лесу, у заветного дуба или другого дерева, избранного для совершения памяти по усопшему (Калачев 1855, с. 40–44).

В поминальных обрядах архаичные черты сохранились значительно хуже, чем в погребальных. На это обращали внимание многие исследователи. Так, М.Т. Маркелов отмечал, что «совокупность погребальных элементов сохранила в себе более примитивные черты и воззрения на умершего, нежели обряды, связанные с поминовением [Маркелов 1931, с. 281]. Объясняется это разными эпохами их происхождения [Токарев 1958, с. 159]. Н.Ф. Мокшин пишет: «Если погребальные обычаи своими корнями восходят в глубокую первобытную архаику, то поминальные ритуалы носят следы более позднего происхождения, хотя и тоже первобытного [Мокшин 1998, с. 92]. Тем не менее архаически пережиточные черты проявляются и в поминальном обряде. Так, отражением веры в то, что деревья одушевляют души умерших, на наш взгляд, является использование в поминальных обрядах поленьев, пеньков и т. д. Например, в с. Вадове Селище Zubovo-Полянского района Республики Мордовия возвращающиеся после похорон с кладбища берут специально заранее приготовленные у дома небольшие поленья (мокорьянт), которые, входя в дом, ставят у печи. Правда, теперь считается, что это отгоняет смерть от дома и притягивает свадьбы [Обряды и фольклор 2012, с. 224].

Особенно показательны в этом отношении поминки 40-го дня. Так в с. Анаеве Zubovo-Полянского района Республики Мордовия в этот день для заместителя покойного (васта озай) на лавку клали подушку, а под то место, где будут его ноги,

ставили полено (мокорь – «пенек»). Этот обрубок ничем не покрывали. Заместитель умершего садился на подушку, а на обрубок дерева ставил ноги [Обряды и фольклор 2012, с. 223]. Эта традиция, по всей видимости, символизировала связь умершего с деревом. Интересен поминальный обряд мокшан Тамбовской губернии, описанный Чигиным: прежде чем справить поминки 40-го дня, родственники покойного на лошади ездили в лес, чтобы срубить там дерево, причем рубили именно то дерево, перед которым останавливалась лошадь. Домой его привозили целиком, не срубив с него ни веточки. Здесь с дерева срубали так называемый «пень умершего», который в день поминок заносили домой. В день поминок же в переднем углу расстилали одежду покойного, приговаривая при этом: «Смотри, вот твоя рубашка, вот твои штаны, вот фуражка, вот твои лапти и веревки, иди, одень-обуй их! Мы плачем о тебе, мы говорим о своей горе и своей скорби, послушай нас, посмотри на нас! Иди поешь и попей с нами, пригласи и всю свою родню с собой!» Каждый предмет одежды клали на скамью, предварительно поскоблив по нему ножом. На одежду ставили упомянутый выше пенек, на который садился человек, призванный замещать покойного на поминках. Скоблили и по пеньку: «Смотри, вот твой пенек, он твой, никому не отдавай его, ни русскому, ни Видяеву. Сиди на нем и плети лапти, он твой!» По прочтении молитвы двое самых пожилых из числа поминающих, обычно это были мужчина и женщина, садились один в изголовье костюма на пенек, другая в ногах на скамье. На пенек садился мужчина, если умирал мужчина, если же умирала женщина, то и на пенек, соответственно, садилась женщина. В изголовье костюма ставили четверть водки (самогона). Старуха, руководящая обрядом, поднимала, засунув руки в рукава, а не голыми руками блюдо с поминальными кушаньями и приглашала всех покойных к трапезе: «Приходите все: и те, о ком никто не вспоминает, кого никто не поминает, и стоящие в стороне! Родные, соберитесь все! Идите, пейте, ешьте, всем хватит! Вкусите земных благ, вкусите земной сладости!» (Harva 1952, S. 77). Здесь явно усматривается связь с преданиями о личных пенках, описанными выше.

Довольно распространен был также обычай, описанный Смирновым, – «заготовка дров» покойным на 40-й день: «Посреди избы ставится стул с положенной на него подушкой; на этот стул сажают покойника, дают ему в руки большой нож и несут на плечах на гумно. Здесь стул опускают около заблаговременно воткнутого в землю сучка какого-нибудь дерева, и покойник начинает рубить его. С самым напряженным усердием он хлопочет около сучка, как около большого дерева, обходит его со всех сторон, ударяя ножом. Когда воображаемое дерево наконец сваливается, замогильный работник подбирает его, садится вновь на стул и отправляется прежним порядком в избу. Здесь он вновь садится за стол, а ветка кладется на пол по-

близости. Родня, подкрепившись силами, начинает обсуждать вопрос о том, как перевезти нарубленный покойником лес. Среди избы ставится импровизированная сборная кружка-кадочка, забитая сверху лубком, в котором прорезано небольшое отверстие. В часть прореза укрепляется срубленный покойником сук, а в оставшееся отверстие опускаются деньги; около кружки на полу разводится небольшой огонек. Каждый поминающий обходит кружку три раза, берется за ветку правой рукой, перепрыгивая через огонь, и в заключение кладет в кружку захваченные деньги» (Смирнов 2002, с. 166). На наш взгляд, первоначальный смысл этого обычая заключался в том, что покойный рубил как бы свое дерево (пенек), к середине XIX в. смысл его трансформировался в обеспечение умершего дровами на том свете. В пользу этого предположения говорит обряд, существовавший у эрзян Ардатовского уезда Симбирской губернии, которые на поминки 40-го дня ездили с покойным прямо в лес, рубили какое-либо дерево, ствол которого, обернутый в холст, привозили домой. На ствол клали деньги. Позднее из этого дерева делали какой-либо предмет домашнего обихода (Harva 1952, S. 86).

Традиции одушевления покойного в дереве известны у многих народов. Здесь можно провести аналогию с обычаем у восточных марийцев на 40-й день, пригласив умершего и его родню на поминки и возвращаясь с кладбища, отрубать липовую палку и очищать ее от коры. Она должна была символизировать умершего. Не случайно ее носили даже в баню, чтобы попарить. Затем эту палку укрепляли в красном углу дома и на нее вешали одежду покойного. Провожая на следующий день умершего на кладбище, липовую палку ломали по полам и закидывали на крышу домашнего строения [Марийцы 2013, с. 251].

Символично и то, что обряд с «рубкой» дерева у мордвы совершался на поминки 40-го дня, поскольку считалось, что душа умершего до этого дня находится еще дома, а поминки на 40-й день были как бы окончательными проводами умершего в потусторонний мир, где он начинает новую жизнь.

Заключение

Таким образом, наиболее архаичные черты в поминально-погребальном обряде связаны с анимистическими представлениями о деревьях какместилищах душ и духов. В погребальном обряде отголоски их сохраняются до настоящего времени, проявляются в традиции помещения умершего в деревянный гроб, установления деревянных надмогильных сооружений, посадки деревьев на могиле, но смысловое содержание их утрачено или трансформировалось. В поминальном обряде до конца XIX в. в некоторых селах еще можно было встретить пережитки этих представлений, но к настоящему времени они полностью утрачены.

Материалы исследования

Harva 1952 – *Harva U.* Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952. S. 381.

Волкова 2001 – *Волкова М.С.* Культ предков в религиозных верованиях мордвы: дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2001. 167 с.

Голицын 1881 – *Голицын О.* Мордва в Хвалынском уезде // Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии. Саратов: Издание Саратовского статистического комитета, 1881. Т. 1. Отдел 1. С. 177–194.

Калачев 1885 – *Калачев Н.В.* Заметки об Инсаре и его уезде (1855 г.) // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Изд. Н. Калачовым. Москва, 1855. Кн. 2, половина I, отд. 1. С. 40–44.

Каргина 1997 – *Каргина М.И.* Пространство и время в мифологии мордвы: автореф. дис. ... канд. культуролог. наук. Саранск: Тип. «Крас. Окт.», 1997. 16 с.

НА НИИ ГН – *Научный архив Научно-исследовательского института гуманитарных наук.*

Смирнов 2002 – *Смирнов И.Н.* Мордва: Ист.-этнограф. очерк. Саранск: Тип. «Крас. Окт.», 2002. 296 с. (Сер. «Наследие»)

Соколов 1922 – *Соколов Б.М.* Этнографическое изучение Саратовского края // Саратовский этногр. сборник. Вып. 1. Саратов: Мордовский п/отд. Губ. отд. по делам национальностей при Саратовском губисполкоме, 1922. 49 с.

Шахматов 1910 – *Шахматов А.А.* Мордовский этнографический сборник. Санкт-Петербург: Типография императорской академии наук, 1910. 848 с.

Юртов 1877 – *Юртов А.* Погребальные обряды и поверья крещеной мордвы Уфимской губернии // Известия Казанской епархии. 1877. № 8. С. 226–232.

Библиографический список

Гольмстен 1940 – *Гольмстен В.В.* Наземные погребения в Среднем Поволжье // КСИИМК. Москва; Ленинград, 1940. Вып. 5. С. 56–58. URL: <https://arheologija.ru/golmsten-nadzemnyie-pogrebeniya-v-srednem-povolzhe>.

Девяткина 1998 – *Девяткина Т.П.* Мифология мордвы. Саранск: Тип. «Крас. Окт.», 1998. 336 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19702425>. EDN: <https://elibrary.ru/qpdvzt>.

Жиганов 1976 – *Жиганов М.Ф.* Память веков. Изучение археологических памятников мордовского народа за годы Советской власти. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1976. 136 с.

Кевбрин, Рогачев, Шуляев 2012 – *Кевбрин Б.Ф., Рогачев В.И., Шуляев А.Д.* Мотивы родимой земли: духовная культура жителей Zubovo-Полянского района Республики Мордовия: хрестоматия народной культуры. Саранск: Тип. «Крас. Окт.», 2012. 356 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19486213>. EDN: <https://elibrary.ru/qkkvph>.

Корнишина 2000 – *Корнишина Г.А.* Традиционные обычаи и обряды мордвы: исторические корни, структура, формы бытования. Саранск: Мордов. Гос. Пед. ин-т, 2000. 150 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26667844>. EDN: <https://elibrary.ru/wlowtb>.

Корнишина 2008 – *Корнишина Г.А.* Экологическое воззрение мордвы (религиозно-обрядовый аспект): монография. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2008. 156 с.

Марийцы 2013 – *Марийцы.* Историко-этнографические очерки. Изд. 2-е, доп. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2013. 482 с. URL: https://vk.com/wall-144655427_151.

Маркелов 1931 – *Маркелов М.Т.* Культ умерших в похоронном обряде волго-камских финнов // Религиозные верования народов СССР: сборник этнографических материалов. Т. 2. Москва; Ленинград: Московский рабочий, 1931. Т. 2. С. 269–281. URL: https://vk.com/wall-63038783_36988.

Мокшин 1998 – *Мокшин Н.Ф.* Религиозные верования мордвы. 2-е изд., доп. и перераб. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1998. 248 с. URL: <http://uralistica.com/photo/albums/religioznye-verovaniya-mordvy>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=26055712>. EDN: <https://elibrary.ru/vyepnr>.

Никонова, Кандрина, Щанкина 2010 – *Никонова Л.И., Кандрина И.А., Щанкина Л.Н.* Традиционная культура сохранения здоровья народов, проживающих в Республике Мордовия: историко-этнографический аспект: монография. Саранск: НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия; Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера», 2010. 528 с. (Народы Мордовии). URL: <http://www.niign.ru/izdatelskaya-deyatelnost/nauchnye-izdaniya/etnokolturnyj-mir-mordovii/tradicionnaya-kultura-soxraneniya-zdorovya-narodov>.

Никонова 2017 – Мордва Калининградской области / Л.И. Никонова [и др.]. Саранск: НИИ гуманитар. наук при Правительстве РМ, 2017. 184 с. URL: <http://www.niign.ru/obloshki/mordva-kaliningradskoj-oblasti.pdf>.

Никонова 2013 – Мордва Саратовской области / Л.И. Никонова [и др.]. Саранск: НИИ гуманитар. наук при Правительстве РМ, 2013. 252 с. URL: <http://www.niign.ru/knigi/saratov-2013.pdf>.

Обряды и фольклор 2012 – *Обряды и фольклор мордвы-мокши: теория и практика проблемы (по фольклорно-этнографическим материалам Zubovo-Полянского района Республики Мордовия) / В.И. Рогачев [и др.].* Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т., 2012. 381 с. URL: <https://e.lanbook.com/book/128967>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=29054623>. EDN: <https://elibrary.ru/yluwcz>.

Павлинская 2009 – *Павлинская Л.П.* Типы и способы погребения у народов Сибири в контексте представлений о «потустороннем мире» // Сибирский сборник: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. 1. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2009. С. 29–33. URL: https://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-145-9/978-5-88431-145-9_06.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=21720277>. EDN: <https://elibrary.ru/shhxwr>.

Петрухин 2005 – *Петрухин В.Я.* Мифы финно-угров. Москва: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2005. 463 с. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/П/петрухин-vladimir-yakovlevich/mifi-finno-ugrov>; <https://www.litmir.me/br/?b=538364&p=1>.

Салмин 2009 – *Салмин А.К.* Юпа – антропоморфный столб на могиле у чувашей // Сибирский сборник: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. 1. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2009. С. 204–210. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21722498>. EDN: <https://elibrary.ru/shjesx>.

Святогорова 2020 – *Святогорова В.С.* Древо смерти // Мордовская мифология: энциклопедия. Саранск: НИИГН, 2020. С. 269–270. URL: <http://www.niign.ru/izdatelskaya-deyatelnost/nauchnyie-izdaniya/seriya-mordovskaya-mifologiya/mordovskaya-mifologiya-grant>.

Степанов 1969 – *Степанов П.Д.* Археологические памятники на территории Мордовии. (III тыс. до н. э. – XVIII в. н. э.). Саранск: Морд. кн. изд-во, 1969. 71 с.

Степанов 1972 – *Степанов П.Д.* К вопросу о роли фольклорных материалов в освещении древней истории мордвы // Проблемы изучения финно-угорского фольклора. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1972. С. 50–54.

Токарев 1958 – *Токарев С.А.* Этнография народов СССР: Ист. основы быта и культуры. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1958. 615 с. URL: <https://arheologija.ru/tokarev-s-a-etnografiya-narodov-sssr>.

Федянович 1989 – *Федянович Т.П.* Похоронные и поминальные обряды мордвы // Бытовая культура мордвы. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1989. Тр. НИИЯЛИЭ. Вып. 100. С. 96–125.

Фрэзер 1980 – *Дж. Дж. Фрэзер.* Золотая ветвь. Исследование магии и религии. Москва: Политиздат, 1980. 832 с. (Библиотека атеистической литературы.) URL: <http://yanko.lib.ru/books/sacra/fraser-1/volums-1.pdf>.

Щанкина 2012 – *Щанкина Л.Н.* Похоронно-поминальные обряды мордвы Сибири и Дальнего Востока // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 5–1 (19): в 2 ч. Ч. I. С. 219–223. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2012_5-1_51.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=17683159>. EDN: <https://elibrary.ru/owyzez>.

Щанкина 2020 – *Щанкина Л.Н.* Обряд «Проводов души» у мордвы Поволжья в середине XIX – начале XXI вв. // Культура. Наука. Образование: актуальные вопросы: монография. Чебоксары: ИД «Среда», 2020. С. 41–52. DOI: <http://doi.org/10.31483/r-75374>. EDN: <https://elibrary.ru/qsroud>.

Юрченкова 2009 – *Юрченкова Н.Г.* Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск: НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия, 2009. 412 с. URL: <http://www.niign.ru/izdatelskaya-deyatelnost/nauchnyie-izdaniya/seriya-mordovskaya-mifologiya/mifologiya-mordovskogo-etnosa-genezis-i-transformaczii>.

References

Golmsten 1940 – *Golmsten V.V.* (1940) Land burials in the Middle Volga region. In: *KSIIMK*. Moscow; Leningrad, issue 5, pp. 56–58. Available at: <https://arheologija.ru/golmsten-nadzemnyie-pogrebeniya-v-srednem-povolzhe>. (In Russ.)

Devyatkina 1998 – *Devyatkina T.P.* (1998) Mythology of the Mordva. Saransk: Tip. «Kras. Okt.», 336 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19702425>. EDN: <https://elibrary.ru/qpdvzt>. (In Russ.)

Zhiganov 1976 – *Zhiganov M.F.* (1976) Memory of centuries. The study of the archaeological monuments of the Mordovian people during the years of Soviet power. Saransk: Mordov. kn. izd-vo, 136 p. (In Russ.)

Kevbrin, Rogachev, Shulyaev 2012 – *Kevbrin B.F., Rogachev V.I., Shulyaev A.D.* (2012) Features of the motherland: spiritual culture of the inhabitants of the Zubovo-Polyansky district of the Republic of Mordovia: textbook of folk culture. Saransk: Tip. «Kras. Okt.», 356 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19486213>. EDN: <https://elibrary.ru/qkkvph>. (In Russ.)

Kornishina 2000 – *Kornishina G.A.* (2000) Traditional customs and rituals of the Mordvins: historical roots, structure, forms of existence. Saransk: Mordov. Gos. Ped. in-t, 150 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26667844>. EDN: <https://elibrary.ru/wlowtb>. (In Russ.)

Kornishina 2008 – *Kornishina G.A.* (2008) Ecological view of the Mordvins (religious and ritual aspect): monograph. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 156 p. (In Russ.)

Mariytsy 2013 – *Mariytsy.* Historical and ethnographic essays. 2nd edition, expanded. Yoshkar-Ola: MarNIIYaLI, 482 p. Available at: https://vk.com/wall-144655427_151. (In Russ.)

Markelov 1931 – *Markelov M.T.* (1931) Cult of the dead in the burial ritual of the Volga-Kama Finns. In: *Religious beliefs of the peoples of the USSR: collection of ethnographic materials. Vol. 2*. Moscow; Leningrad: Moskovskii rabochii, vol. 2, pp. 269–281. Available at: https://vk.com/wall-63038783_36988. (In Russ.)

Mokshin 1998 – *Mokshin N.F.* (1998) Religious beliefs of the Mordvins. 2nd edition, enlarged and revised. Saransk: Mordov. kn. izd-vo, 248 p. Available at: <http://uralistica.com/photo/albums/religioznye-verovaniya-mordvy>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=26055712>. EDN: <https://elibrary.ru/vyepnr>. (In Russ.)

Nikonova, Kandrina, Shchankina 2010 – *Nikonova L.I., Kandrina I.A., Shchankina L.N.* (2010) Traditional culture of preserving the health of the peoples living in the Republic of Mordovia: historical and ethnographic aspect: monograph. Saransk: NII gumanitar. nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya; Penza: Nauchno-izdatel'skii tsentr «Sotsiosfera», 528 p. (Peoples of Mordovia). Available at: <http://www.niign.ru/izdatelskaya-deyatelnost/nauchnyie-izdaniya/etnokulturnyij-mir-mordovii/tradiczionnaya-kultura-soxraneniya-zdorovya-narodov>. (In Russ.)

Nikonova 2017 – *Nikonova L.I. [et al.]* (2017) The Mordvins of the Kaliningrad region. Saransk: NII gumanitar. nauk pri Pravitel'stve RM, 184 p. Available at: <http://www.niign.ru/obloshki/mordva-kaliningradskoj-oblasti.pdf>. (In Russ.)

Nikonova 2013 – *Nikonova L.I. [et al.]* (2013) The Mordvins of the Saratov region. Saransk: NII gumanitar. nauk pri Pravitel'stve RM, 252 p. Available at: <http://www.niign.ru/knigi/saratov-2013.pdf>. (In Russ.)

Rites and folklore 2012 – *Rogachev V.I. [et al.]* (2012) Rites and folklore of Mordovia-moksha: theory and practice of the problem (according to folklore and ethnographic materials of the Zubovo-Polyansky district of the Republic of Mordovia). Saransk: Mordov. gos. ped. in-t, 381 p. Available at: <https://e.lanbook.com/book/128967>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=29054623>. EDN: <https://elibrary.ru/yluwcz>. (In Russ.)

Pavlinkskaya 2009 – *Pavlinkskaya L.R.* (2009) Types and methods of burial among the peoples of Siberia in the context of ideas about the «other world». In: *Siberian collection: the funeral rite of the peoples of Siberia and adjacent territories. Book 1*. Saint Petersburg: MAE RAN, pp. 29–33. Available at: https://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-145-9/978-5-88431-145-9_06.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=21720277>. EDN: <https://elibrary.ru/shhxwr>. (In Russ.)

Petrukhin 2005 – *Petrukhin V.Ya.* (2005) Myths of Finno-Ugric peoples. Moscow: Astrel': AST: Tranzitkniga, 463 p. Available at: <https://litresp.ru/chitat/ru/II/petruhin-vladimir-yakovlevich/mifi-finno-ugrov>; <https://www.litmir.me/br/?b=538364&p=1>. (In Russ.)

Salmin 2009 – *Salmin A.K.* (2009) Yupa – anthropomorphic pole on the grave of the Chuvash. In: *Siberian collection: the funeral rite of the peoples of Siberia and adjacent territories. Book 1*. Saint Petersburg: MAE RAN, pp. 204–210. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21722498>. EDN: <https://elibrary.ru/shjesx>. (In Russ.)

Svyatogorova 2020 – *Svyatogorova V.S.* (2020) The tree of death. In: *The Mordvins mythology: encyclopedia*. Saransk: NIIGN, pp. 269–270. Available at: <http://www.niign.ru/izdatelskaya-deyatelnost/nauchnyie-izdaniya/seriya-mordovskaya-mifologiya/mordovskaya-mifologiya-grant>. (In Russ.)

Stepanov 1969 – *Stepanov P.D.* (1969) Archaeological sites on the territory of Mordovia. (III thousand of years BC – XVIII century AD). Saransk: Mordov. kn. izd-vo, 71 p. (In Russ.)

Stepanov 1972 – *Stepanov P.D.* (1972) On the issue of the role of folklore materials in the coverage of ancient history of the Mordvins. In: *Problems of studying Finno-Ugric folklore*. Saransk: Mordov. kn. izd-vo, pp. 50–54. (In Russ.)

Tokarev 1958 – *Tokarev S.A.* (1958) Ethnography of the peoples of the USSR: Historical foundations of life and culture. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 615 p. Available at: <https://arheologija.ru/tokarev-s-a-etnografiya-narodov-sssr/>. (In Russ.)

Fedyanovich 1989 – *Fedyanovich T.P.* (1989) Funeral and memorial rites of the Mordvins. In: *Household culture of the Mordvins*. Saransk: Mordov. kn. izd-vo, Tr. NIIYaLIE, issue 100, pp. 96–125. (In Russ.)

Fraser 1980 – *Fraser J.G.* (1980) The Golden Bough: A Study in Magic and Religion. Moscow: Politizdat, 832 p. (Library of atheistic literature). Available at: <http://yanko.lib.ru/books/sacra/fraser-1volumes-l.pdf>. (In Russ.)

Shchankina 2012 – *Shchankina L.N.* (2012) Mordovians' funeral-commemoration rites in Siberia and Far East. *Historical, philosophical, political and law sciences, culturology and study of art. Issues of theory and practice*, no. 5–1 (19), pp. 219–223. Available at: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2012_5-1_51.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=17683159>. EDN: <https://elibrary.ru/owyzez>. (In Russ.)

Shchankina 2020 – *Shchankina L.N.* (2010) The rite of «seeing off the soul» at the Volga Mordvins in the middle of the XIX – beginning of the XXI centuries. In: *Culture. Science. Education: topical issues: monograph*. Cheboksary: ID «Sreda», pp. 41–52. DOI: <http://doi.org/10.31483/r-75374>. EDN: <https://elibrary.ru/qsroud>. (In Russ.)

Yurchenkova 2009 – *Yurchenkova N.G.* (2009) Mythology of the Mordovian ethnos: genesis and transformations. Saransk: NII gumanitar. nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya, 412 p. Available at: <http://www.niign.ru/izdatelskaya-deyatelnost/nauchnyie-izdaniya/seriya-mordovskaya-mifologiya/mifologiya-mordovskogo-etnosa-genezis-i-transformaczii>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(47).084

Дата поступления: 11.04.2022
рецензирования: 21.05.2022
принятия: 28.08.2022**Причины и последствия превалирования грузового автомобилестроения в советской автоиндустрии первой половины XX столетия****Е.Ю. Прокофьева**Самарский государственный технический университет, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: eypro@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0896-7462>

Аннотация: Особенность развития отечественного автомобилестроения до 70-х гг. XX века заключалась в значительном превалировании количества выпускаемых грузовых автомобилей над числом производимых легковых, что не соответствовало общемировому вектору развития автомобильной индустрии. В настоящей статье анализируются истоки и последствия данного явления с привлечением корпуса преимущественно статистических источников российского и зарубежного происхождения. В качестве фундаментальных факторов, обусловивших специфику стратегии российского автомобилестроения, автор выделяет социалистический фундамент политического устройства государства и ориентир на развитие тяжелой промышленности в экономической сфере. Сравнивая объемы грузооборота железнодорожного, речного и автомобильного транспорта, протяженность путей сообщения разных типов как внутри СССР, так и с соответствующими показателями зарубежных государств, исследователь фиксирует особенности российской транспортной системы, детерминировавшие сдерживание развития автомобилестроения в СССР в целом и легковой автоиндустрии в частности. В ряду социальных явлений, препятствовавших в СССР массовому распространению легкового автомобиля, в работе называются бедность и сопутствующий ей низкий уровень образования населения, что не позволяло сформировать в стране потребителя продукции легковой автоиндустрии. На основании данных отечественных и зарубежных источников делается вывод об устойчивости, закономерности и обоснованности тенденции преобладания выпуска грузовых автомобилей над легковыми в экономическом развитии страны в сравнении с общеевропейскими. Как результат данной отраслевой стратегии отмечается вклад грузового автомобилестроения в числе прочего в индустриальный прорыв СССР в 30-е гг. и победу над фашистскими Германией и Японией в 1941–1945 гг., а также комплекс разнохарактерных явлений, проявившихся в различных сферах социальной и экономической жизни Советского Союза. Смена соотношения выпускаемых грузовых и легковых автомобилей в пользу последних, с точки зрения исследователя, произошла в 70-е гг. XX столетия в результате победы в межпартийной борьбе концепции «мирного сосуществования». Использование новых данных позволило автору выявить влияние политических процессов в советском социалистическом государстве на стратегию развития одной из ключевых отраслей экономики – автоиндустрии.

Ключевые слова: автомобильная промышленность; СССР; стратегия отраслевого развития; грузовой автомобиль; легковой автомобиль; динамика промышленного производства.

Цитирование. Прокофьева Е.Ю. Причины и последствия превалирования грузового автомобилестроения в советской автоиндустрии первой половины XX столетия // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 3. С. 28–39. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-28-39>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Прокофьева Е.Ю., 2022

Елена Юрьевна Прокофьева – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры «Философия и социально-гуманитарные науки», начальник управления по работе с иностранными обучающимися, Самарский государственный технический университет, 443100, Российская Федерация, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244.

SCIENTIFIC ARTICLE Submitted: 11.04.2022
Revised: 21.05.2022
Accepted: 28.08.2022**Causes and consequences of truck production predominance in the Soviet automotive industry in the first half of the XX century****E.Yu. Prokofeva**Samara State Technical University, Samara, Russian Federation
E-mail: eypro@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0896-7462>

Abstract: A significant predominance of the number of produced trucks over the number of passenger cars was a feature of domestic automotive industry development until the 70-ies of the XX century. This fact did not correspond to the global vector of automotive industry development. The paper analyses the causes and consequences of this phenomenon by involving mainly a corpus of statistical sources of Russian and foreign origin. The socialist foundation of the political structure of the state and the focus on the development of heavy industry in the economy are identified as the fundamental

factors that determined the specifics of Russian automotive industry strategy. By comparing the volumes of freight turnover of railway, river and road transport, the length of communication routes of various types both within the USSR and with the corresponding indicators of foreign countries, the author picks out the features of the Russian transport system that determined the containment of the USSR automotive industry development as a whole and the passenger car industry in particular. The paper denotes poverty and low level of education going with it to be among the social phenomena that prevented the mass distribution of passenger cars in the USSR and did not allow to form consumers of passenger car industry products in the country. Based on domestic and foreign data sources, the article concludes about the stability, regularity and validity of the predominance of produced trucks over passenger cars in the economic development of the country in comparison with the pan-European ones. It is noted that among others the result of this sectoral strategy is the contribution of truck production to the industrial breakthrough of the USSR in the 30-ies and the victory over Nazi Germany and Japan in 1941–1945 as well as a complex of diverse phenomena that exhibited in various sectors of social and economic life of the Soviet Union. The author claims that the change in the ratio of manufactured trucks and passenger cars in favour of the latter occurred in the 70-ies of the XX century as a result of the victory in the inter-party struggle of the concept of ‘peaceful coexistence’. The use of new data allowed the author to identify the influence of politics in the Soviet socialist state on the development strategy of the automotive industry as one of the key sectors of the economy.

Key words: automotive industry; USSR; strategy of industrial development; truck; passenger car; dynamics of automotive industry.

Citation. Prokofeva E. Yu. Causes and consequences of truck production predominance in the Soviet automotive industry in the first half of the XX century. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 28, no. 3, pp. 28–39. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-28-39>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Prokofeva E. Yu., 2022

Elena Yu. Prokofeva – Doctor of Historical Sciences, associate professor, professor of the Department «Philosophy and Social Sciences and Humanities», head of Department for Work with Foreign Students, Samara State Technical University, 244, Molodogvardeyskaya Street, Samara, 443100, Russian Federation.

Введение

Поводом к написанию этого небольшого исследования явилось некоторое недоумение и даже удивление, высказанное в частной беседе, доктором наук, профессором университета Комплутенсе (Complutense, Королевство Испания) Еленой

Кристиной Сан Роман Лопец (Elena Cristina San Román López), специалистом в области истории европейского и испанского автомобилестроения [*San Román López 1995 a; San Román López 1995 b*], по поводу соотношения производимых в Советском Союзе легковых и грузовых автомобилей (табл. 1.)

Таблица 1

Динамика производства автомобилей в Российской империи и СССР, 1913–1974 гг.

Table 1

Dynamics of car production in the Russian Empire and the USSR, 1913–1974

	1913	1924	1928	1932	1937	1940	1945	1950	1955	1960	1965	1970	1971	1972	1973	1974
Автомобили – всего, тыс. шт.	0,1	0,01	0,84	23,88	199,9	145,4	74,7	362,9	445,3	523,6	616,3	916,1	1142,6	1378,8	1602,2	1846,3
в том числе: грузовые	–	0,01	0,74	23,75	180,3	136,0	68,5	294,4	328,1	362,0	379,6	524,5	564,3	596,8	629,5	666,3
легковые	0,1	–	0,05	0,03	18,3	5,5	5,0	64,6	107,8	138,8	201,2	344,2	529,0	730,1	916,7	1119,4
Соотношение количества выпущенных грузовых автомобилей к количеству выпущенных легковых автомобилей	–	–	14,8	791,7	9,8	24,7	13,7	4,6	3,1	2,608	1,9	1,5	1,1	0,8	0,7	0,6
Автобусы	–	–	0,05	0,1	1,3	3,9	1,1	3,9	9,4	22,8	35,5	47,4	49,3	51,9	56,0	60,6

Составлено по: Промышленность СССР. Статистический сборник. Москва: Финансы и статистика, 1988. С. 22–23; Народное хозяйство СССР в 1974 г. Статистический ежегодник. Москва: Статистика, 1975. С. 184–185.

Таблица 2

Производство автотранспортных средств (1923–1950) [López Carillo 1996] (в тыс. шт.)

Table 2

Motor vehicle manufacturing (1923–1950) [López Carillo 1996] (in thousand pieces)

Годы	Легковые автомобили						Грузовые автомобили					Всего						
	Великобритания	Германия	Франция	Италия	Европа всего	США	Великобритания	Германия	Франция	Италия	Европа всего	США	Великобритания	Германия	Франция	Италия	Европа всего	США
1923	71	31	–	–	–	3625	24	9	–	–	–	409	95	40	110	–	–	4034
1924	117	36	–	–	–	3186	30	20	–	–	–	417	147	56	145	37	385	3603
1925	132	48	–	–	–	3735	35	21	–	–	–	531	167	69	177	40	453	4266
1926	154	36	–	–	–	3784	44	14	–	–	–	517	198	50	192	55	495	4301
1927	165	91	–	–	–	2936	47	31	–	–	–	465	212	122	191	65	590	3401
1928	165	108	–	–	–	3816	47	39	–	–	–	543	212	147	223	55	637	4359
1929	182	117	211	–	–	4587	57	39	42	–	–	771	239	156	253	54	702	5358
1930	170	61	193	–	–	2785	67	10	37	–	–	571	237	71	230	43	581	3356
1931	159	56	167	22	404	1973	67	10	34	4	115	417	226	66	201	26	519	2390
1932	171	44	136	25	476	1136	62	8	27	4	101	235	233	52	163	29	577	1371
1933	221	85	159	36	501	1573	65	11	30	4	110	347	286	96	189	40	611	1920
1934	257	147	157	41	601	2178	86	27	24	4	141	575	343	174	181	45	742	2753
1935	312	201	143	41	697	3252	92	42	22	7	163	695	404	243	165	48	860	3947
1936	354	220	180	36	790	3669	108	51	24	9	192	785	462	271	204	45	982	4454
1937	390	264	177	62	893	3916	118	64	24	10	216	893	508	328	201	72	1109	4809
1938	341	277	200	59	877	2001	104	65	27	8	204	488	445	342	227	67	1081	2489
1946	219	10	30	11	270	2149	149	14	66	18	247	941	368	24	96	29	517	3090
1947	287	9	66	25	387	3558	158	14	71	18	261	1240	445	23	137	43	648	4789
1948	335	30	100	44	509	3909	177	31	98	16	322	1376	512	61	198	60	831	5285
1949	412	104	188	65	769	5120	218	58	98	21	395	1134	630	162	286	86	1164	6254
1950	522	216	257	101	1096	6666	263	90	100	27	480	1337	785	306	357	128	1576	8003

Данные советской статистики убедительно свидетельствуют о существенном преобладании выпуска грузовых транспортных средств над легковыми, что никогда ранее не являлось предметом дискуссии или обсуждения ни в широких исторических кругах, ни в кругу специалистов истории отечественного автомобилестроения.

В то же время сведения испанского историка Хосе Мариа Лопец Карийо (José María López Carillo), приведенные в его работе «Истоки автомобильной индустрии Испании и интервенция INI посредством ENASA» со ссылкой на монографию историка экономики университета Комплутенсе Хуана Эрнандеса Андреу (Juan Hernández Andreu) «Испания и кризис 1929» [Hernández 1986] в исследуемый и, выходя за установленные нами хронологические рамки, в последующие периоды, демонстрировали диаметрально противоположную картину, свидетельствующую о явном предпочтении, оказанном автопроизводителями легковому автомобилю (табл. 2).

Некая закрытость для мирового сообщества сведений об исторических процессах, происходивших в Советском Союзе, обусловленная языковым барьером, несходством принципов статистического учета, разным уровнем цифровизации и, соответственно, доступности как архивных материалов, так и работ российских исследователей, привела к необходимости прояснения данного расхождения и объяснению истоков столь отличного от мировых тенденций пути развития советской автоиндустрии.

Ход исследования

Российское автомобилестроение в процессе своей эволюции прошло несколько этапов:

1896–1924 гг. – единичное производство автомобилей;

1924–1932 гг. – серийное производство грузовых автомобилей;

1932–1970 гг. – массовое производство грузовых и серийное производство легковых автомобилей;

1970–1991 гг. – массовое производство грузовых и легковых автомобилей [Развитие автомобильной промышленности 1976; Прокофьева 2010].

Превалирование грузового автомобилестроения над легковым в СССР являлось закономерным в силу ряда причин. В качестве ключевой можно выделить философско-идеологические принципы государства рабочих и крестьян. Они были зафиксированы в 1918 г. в «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», составившей первый раздел первой Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики¹. Основной закон Союза Советских Социалистических Республик, утвержденный постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик 5 декабря 1936 г., детально закрепил положения социализма в части права собственности, выделив

ее основные формы: государственную и колхозно-кооперативную². В виде исключения для мелко-частного крестьянского хозяйства выделялась личная собственность граждан «на их трудовые доходы и сбережения, на жилой дом и подсобное домашнее хозяйство, на предметы домашнего хозяйства и обихода, на предметы личного потребления и удобства, равно как право наследования личной собственности граждан»³. Личный автомобиль олицетворял принадлежность к классу эксплуататоров, являл собой предмет роскоши и, соответственно, мог принадлежать советскому гражданину в исключительных случаях.

Экономическая модель советского государства первой половины XX столетия также не предполагала развития легкового автомобилестроения. С середины 20-х годов XX в. советское правительство осуществляло реализацию концепции И.В. Сталина о возможности построения социализма в одной, отдельно взятой стране, что подразумевало ускоренную индустриализацию, укрепление обороноспособности и обеспечение независимого от внешних факторов экономического развития страны. Теоретические положения о веществе в партийных и правительственных документах. 3 ноября 1926 г. резолюцией XV конференции ВКП(б) «О хозяйственном положении страны и задачах партии» была зафиксирована задача ускоренного индустриального развития: «Необходимо стремиться к тому, чтобы в относительно минимальный исторический срок нагнать, а затем и превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран. Успешное осуществление этого зависит от темпа накопления в народном хозяйстве и от тех ресурсов, которые оно сможет выделить для разрешения задачи индустриализации»⁴. В резолюции XVI конференции ВКП(б) «О пятилетнем плане развития народного хозяйства» 29 апреля 1929 г. обосновывались и определялись показатели темпов экономического роста⁵, а также назывались сами объекты промышленного строительства: «...г) По электростроительству план предусматривает строительство 42 районных электроцентралей (Днепровская гидростанция, Свирская гидростанция, электростанция на торфе на М. Вишере, на подмосковном угле в Бобриках, Зуевская в Донбассе и т. д. и т. п.). Это огромное строительство должно увеличить количество производимой электроэнергии с 5 млрд кВт-ч до 22 млрд кВт-ч в конце пятилетия. По черной металлургии предполагается строительство новых мощных металлургических заводов (Магнитогорского, Тельбесского, Днепровского, Криворожского и т. д.). Строительство новых заводов и реконструкция действующих должны довести продукцию чугуна с 3,5 млн до 10 млн т в 1932/33 г. По каменному углю проектируется мощное шахтное строительство как в Донбассе, так и на Урале, в Кузбассе и Подмосковном бассейне, причем добыча каменного угля с 35 млн т в 1927/28 г. должна быть доведена до 75 млн т в 1932/33 г.

Реконструкция и строительство новых заводов в области машиностроения (автомобильный завод, тракторные заводы в Сталинграде и на Урале, Свердловский завод тяжелого машиностроения, Ростовский завод сельскохозяйственного машиностроения, инструментальные заводы и т. д. и т. п.) дают возможность наметить возрастание валовой продукции машиностроительной промышленности в 3,5 раза, а продукции сельскохозяйственного машиностроения – в 4 раза. По химической промышленности намечается строительство химических комбинатов (Березниковского, Московского на егорьевских фосфоритах, в Донбассе и т. д.), причем производство химических удобрений в 1932/33 г. доводится до 8 с лишним млн т против 175 тыс. т в 1927/28 г.»⁶.

Данный объем строительных работ в обозначенные сроки был бы невозможен без грузовой автомобильной техники. В связи с этим до утверждения плана пятилетнего развития 04.03.1929 приказом ВСНХ СССР № 498 было принято решение о строительстве автомобильного завода с выпуском 100 тыс. машин в год при двусменном

режиме работы. 06.04.1929 постановлением Президиума ВСНХ СССР (протокол № 17 заседания президиума ВСНХ СССР) было определено место строительства завода – около Нижнего Новгорода (с 1932 по 1990 г. – город Горький)⁷. Тем самым был дан старт развитию массового грузового автомобилестроения. 01.01.1932 Нижегородский автомобильный завод им. В.М. Молотова вступил в строй действующих предприятий Советского Союза⁸, и СССР вскоре достиг уровня массового производства в сфере грузового автомобилестроения.

Следующим фактором, сдерживавшим развитие автомобилестроения в СССР в целом, являлось долгое преобладание в объемах грузооборота железнодорожного и речного транспорта в сравнении с другими видами грузоперевозок (табл. 3).

Рентабельность и востребованность железнодорожных грузоперевозок объяснялись как климатическими (высокая роль сезонных климатических изменений при эксплуатации различных типов путей) и географическими (масштаб территорий) особенностями России, так и более развитой сетью железных дорог (см. табл. 4).

Таблица 3

Грузооборот всех видов транспорта в Российской империи и СССР (млрд т/км)

Table 3

Freight turnover of all types of transport in the Russian Empire and the USSR (billion ton-kilometers)

Наименование	1913	1928	1932	1937	1940	1945	1950	1952
Грузооборот всех видов транспорта, в том числе	115,	118,8	215,4	430,6	483,5	371,9	708,1	871,3
железнодорожного	65,7	93,4	169,3	354,8	415,0	314,0	602,3	741,3
речного (включая малые реки и ГУСМП – Главное управление Северного морского пути)	28,9	15,9	24,9	33,1	35,9	18,6	45,9	57,9
морского (включая ГУСМП)	20,3	9,3	20,1	36,8	23,7	34,2	39,7	44,3
автомобильного	0,1	0,2	1,1	5,9	8,9	5,0	20,1	27,6
воздушного	–	0,0	0,001	0,02	0,02	0,06	0,14	0,20

Составлено по: Промышленность СССР. Статистический сборник. Москва: Государственное статистическое издательство, 1957. С. 137.

Таблица 4

Протяженность путей сообщения различных типов в Российской империи и СССР

Table 4

Length of communication lines of various types in the Russian Empire and the USSR

Наименование	Единица измерения	1913	1928	1932	1937	1940	1945	1950	1952
Площадь государства	тыс. км ²	21800,3 ⁹	21673,9			22370,2			
Эксплуатационная длина железных дорог на конец года	тыс. км	58,5	76,9	81,8	84,9	105,3	112,9	116,9	118,6
Протяженность эксплуатируемых судоходных речных путей	тыс. км	64,6	71,6	84,0	101,9	107,4	114,4	119,8	133,4
Протяженность дорог с твердым покрытием	тыс. км	24,3	32,0	44,5	83,9	143,4	155,3	177,3	190,5

Составлено по: Промышленность СССР. Статистический сборник. Москва: Государственное статистическое издательство, 1957. С. 128–140.

Как свидетельствуют приведенные выше в таблице 4 статистические данные, только к 40-м годам XX столетия протяженность дорог с твердым покрытием превысила эксплуатационную длину железнодорожных путей. При этом мировая транспортная система в обозначенный период развивалась в другой логике, логике преобладания протяженности автомобильных дорог и грузооборота автомобильного транспорта над железнодорожным и речным, а также значительно более высокого уровня покрытия сетью автомобильных и железных дорог площади государства.

К примеру, в 1913 г. железнодорожная сеть США равнялась 402 тыс. км, что составляло 38 % железнодорожной сети всего капиталистического мира, в 1916 г. – 408,8 тыс. км, в 1940 г. – 376 тыс. км, в 1942 г. – 368 тыс. км. Общая протяженность автомобильных дорог США в 1941 г. соответствовала 5,5 млн км, протяженность судоходных рек – 49,6 тыс. км, каналов – 2,8 тыс. км¹⁰.

В Германии протяженность железных дорог в 1913 г. составляла 63 378 км, в 1937 г. – 67 500 км. Грузооборот государственного железнодорожного транспорта в 1938 г. был равен 78 млрд т/км против 67 млрд т/км в 1913 г. (в старых границах). В 1936 г. железные дороги Германии перевезли 61,2 млрд т/км против 57,3 млрд т/км в 1913 г. (в тех же границах). Таким образом, грузооборот железных дорог Германии в границах 1937 г. возрос за период 1913–1936 гг. на 6,8 % [Вишневу 1940, с. 125].

Общая длина судоходных рек и каналов Германии в указанные хронологические рамки составляла около 11 тыс. км, во Франции – 12 тыс., в Англии – 6 тыс. км [Вишневу 1940, с. 127].

Дорожная сеть Германии насчитывала около 360 тыс. км проезжих дорог, в том числе около 150 тыс. км шоссе [Вишневу 1940, с. 131].

Только грузооборот дорог Испании развивался в сходных с российскими пропорциях, с превалированием доли железнодорожных перевозок. В 1929–1930 гг. грузооборот железных дорог государства составлял 5,4 млрд т/км, автомобильных – 1,8 млрд т/км; в 1948 г. железных – 5,5 млрд т/км, автомобильных – 1,3 млрд т/км [Escario, Pino 1951]. При этом соотношение протяженности автомобильных и железных дорог, а также степень развитости дорожной сети оставались в русле традиционных мировых тенденций.

Эта разница в уровне развития транспортной сети фиксировалась и современниками. Так, в статистическом сборнике «Народный доход СССР» 1939 г. отмечалось: «Несмотря на огромное увеличение сети железных дорог за время советской власти (на 50 %), она еще очень редкая по сравнению с такими капиталистическими странами, как США, Англия, Германия и др. На каждые 100 км² территории приходится железных дорог в США 4,6 км, Германии – 12,4 км. В СССР в 1932 г. приходилось 0,38 км ж/д путей на 100 км² территории (против 0,27 км в 1913 г.) [Народный доход СССР 1939, с. 230].

Отсутствие потребителя легкового автомобиля – еще одна социально-экономическая особенность Советского Союза 20–30-х гг., не позволявшая развивать легковое автомобилестроение параллельно грузовому. Страна не обладала достаточным уровнем благосостояния и образования населения для массовой эксплуатации легкового автомобильного транспорта.

Таблица 5

Протяженность путей сообщения различных типов в Испании

Table 5

Length of different types of lines of communication in Spain

Наименование	Единица измерения	1913	1928	1932	1937	1940	1945	1950	1952
Площадь государства	тыс. км ²	1912 505,2	503	504,9			506,5	506,9	503,5
Протяженность железных дорог	тыс. км	15,5	16,9	17,2		17,4	17,9	18,0	18,1
Протяженность дорог с твердым покрытием	тыс. км	57,1	77,4	92,8	112,5	114,9	116,7	116,7	115,4

Составлено по: Extensión superficial, absoluta y relativa, de las provincias de España. Fondo documental del Instituto Nacional de Estadística. Anuario, 1912. P. 1/1. Extensión superficial media de los Ayuntamientos, por provincia. Superficie de los grupos en que se clasifican las provincias de España por su situación. Fondo documental del Instituto Nacional de Estadística. Anuario. 1928. P. 4. Extensión superficial, absoluta y relativa, de las provincias de España. Extensión superficial, absoluta y relativa, de las provincias de España. Fondo documental del Instituto Nacional de Estadística. Anuario 1932–1933. P.4. Superficie de los grupos en que se clasifican las provincias de España por su situación. Extensión superficial de España, por regiones. Fondo documental del Instituto Nacional de Estadística. Anuario 1944–1945. P. 8. Superficie de los grupos en que se clasifican las provincias de España por su situación. Superficie de los grupos en que se clasifican las provincias de España por su situación. Fondo documental del Instituto Nacional de Estadística. Anuario, 1950. P. 11. Superficie de los grupos en que se clasifican las provincias de España por su situación. Superficie de los grupos en que se clasifican las provincias de España por su situación. Anuario 1952. Fondo documental del Instituto Nacional de Estadística 1/1, C. 15. URL: <https://www.ine.es/inebaseweb/libros.do?tnp=25687#> 21.07.2021. Transportes y comunicaciones. La evolución de la red ferroviaria, 1850–1999. Estadísticas históricas de España: siglos XIX–XX / Albert Carreras y Xavier Tafunell (coordinadores); con la colaboración técnica de Raimon Soler ; prólogo de Josep Fontana. 2 ed. res. y aum. Bilbao: Fundación BBVA, 2005. P. 533, 553.

Первая русская революция 1905–1907 гг., Первая мировая война 1914–1918 гг., Февральская и Октябрьская революции 1917 гг., Гражданская война 1918–1922 гг. нанесли тяжелейший удар по уровню благосостояния населения Российской империи, а позже и Советской России. Войны, голод, эпидемии, эмиграция начала XX века привели к значительному подъему смертности и спаду как рождаемости, так и общей численности населения. Точная количественная оценка потерь населения страны является дискуссионным вопросом. Но общий порядок цифр говорит сам за себя: убыль населения в 1914–1926 гг. составила от 25 млн до 30 млн человек [Демографическая модернизация России 2006, с. 399, 405]; бедность стала неотъемлемой характеристикой жизни. Подтверждение этому мы находим в многочисленных источниках делопроизводства и периодике тех лет. Приведем наиболее типичные и яркие: «В письме в прокуратуру Ставропольского района 7 февраля 1931 г. директор ставропольской школы для слепых <фиксировал. – Е. П.>: “...в начале сентября сего года в совершенно голые стены отведенного для школы слепых помещения начали поступать полуголые дети. ...Нет кроватей в достаточном количестве, а не так давно их и совсем не было, нет обуви, простынь, полотенец, нет чашек, нет даже половника для размешивания жидкой пищи и т. д. А до половины декабря отсутствовало топливо”. Северокавказская газета “Ленинские внучата” в ноябре 1930 года отмечала, что по всему краю школьникам катастрофически не хватает обуви, многие учащиеся остро нуждаются в материальном обеспечении. Из-за нехватки одежды и обуви, средств на пропитание “дети ходят в школу через день или не ходят вовсе”» [Мигачев 2017, с. 101]. Исследователь моделей социальной политики Г.М. Иванова в работе «Советская модель “государства благосостояния”»: общее и особен-

ное» подчеркивает, что «многие иностранцы, побывавшие в СССР как в 1930-е, так и в 1950-е годы, отмечали, что советский человек “привык жить плохо”» [Иванова 2015, с. 305]. Советский и российский философ и социолог Б.А. Грушин в фундаментальном труде «Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения: очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина» делает вывод об «отчетливо выраженном (и возникшем, заметим, не в Октябре 17-го, а задолго до него) отношении российских масс к низкому уровню и качеству своей жизни как к норме, как к вполне естественному, принятому состоянию дел, сопряженному, разумеется, с некоторыми неудобствами и огорчениями, но в принципе вполне терпимому и, конечно же, не побуждающему к протесту. В сущности, речь тут, если угодно, об исторической привычке к бедности, о восприятии ее как единственно возможного способа человеческого существования» [Грушин 2001].

Бедность сопровождалась низким уровнем образования. Россия первых десятилетий XX века – это преимущественно аграрное государство с уровнем грамотности населения ниже 50 % (см. табл. 6–7).

Если «обязательства» по подготовке водителей грузового транспорта в определенной степени взяла на себя Красная армия, то подготовить массового потребителя легкового автомобиля, человека как минимум с неполным средним уровнем образования, силами школы удалось к концу 50-х – началу 60-х гг. (табл. 8).

Сегодня 100-процентная точность статистических сведений используемых нами сборников 1975 и 1983 гг., основывающихся на данных переписи 1937 г., может вызывать некоторые вопросы, тем не менее они (сведения) отражают общий вектор развития как уровня грамотности, так и образования в Советском Союзе.

Таблица 6

Соотношение городского и сельского населения в России и некоторых крупнейших странах мира (1908–1914 гг.)¹¹

Table 6

Ratio of urban and rural population in Russia and some of the largest countries of the world (1908–1914)

Страны	Городское население, в %	Сельское население, в %
Россия	15,0	85,0
Англия и Уэльс	78,0	22,0
Норвегия	77,0	28,0
Германия	56,1	43,9
США	41,5	58,5
Франция	41,2	58,8
Дания	38,2	61,8
Голландия	36,9	63,1
Италия	26,4	73,6
Швеция	22,1	77,9
Венгрия	18,8	81,2

Таблица 7

Грамотные среди населения Российской империи и СССР в возрасте 9–49 лет¹² (в процентах)

Table 7

Literate among the population of the Russian Empire and the USSR aged 9–49 years (in percents)

Годы	Городское и сельское население	Городское население	Сельское население
1897	28,4	57,0	23,8
1920	44,1	73,5	37,8
1926	56,6	80,9	50,6
1939	87,4	93,8	84,0
1959	98,5	98,7	98,2

Таблица 8

Уровень образования в СССР¹³

Table 8

Level of education in the USSR

На 1000 человек населения в возрасте 10 лет и старше приходится лиц с высшим и средним (полным и неполным) образованием	1939	1959	1970	1974
	108	361	483	537

Таким образом, мы можем заключить, что социалистический философский фундамент советского государства, реализуемая советским правительством политика ускоренной индустриализации и отсутствие потребителя как субъективные причины, а также климат СССР и размер его территорий как объективные составляющие определили специфику развития российского автопрома. Существенное превалирование выпуска грузовых автомобилей над легковыми в сравнении с общеевропейскими тенденциями носило устойчивый характер и сохранялось не менее 44 лет, что демонстрирует закономерность и обоснованность данной тенденции в экономическом развитии страны. Массовый выпуск грузовых автомобилей в числе прочего обеспечил решение стратегических задач советского государства: индустриальный прорыв СССР в 30-е гг., победу над фашистской Германией и Японией в 1941–1945 гг.

К началу 50-х гг. начали проступать закономерные последствия ориентации на преимущественное производство грузовых автомобилей в Советском Союзе. Они заключались в следующем.

1) Система организации дорожного движения в СССР, в том числе дорожная разметка, система знаков, светофоров и указателей, была рассчитана прежде всего на водителей-профессионалов.

2) В стране отсутствовали система эвакуации автомобилей и сервис помощи на дорогах; развитая сеть заправочных станций (заправка грузовых автомобилей и автобусов осуществлялась на заправочных станциях автохозяйств); система массовой подготовки водителей-любителей; сеть технического обслуживания легковых автомобилей (техническое обслуживание и ремонт грузовых автомобилей и автобусов осуществлялись в автохозяйствах); сеть продаж легковых автомобилей; система страхования личных автомобилей при

дорожно-транспортных происшествиях; система утилизации использованных автомобилей.

3) Организация транспортных потоков велась с ориентацией на общественный транспорт без учета личного. Так, «Правила и нормы планировки и застройки городов СН 41–58» при определении перспектив развития города в отношении городских улиц и дорог не фиксировали возможность будущего развития личного транспорта: «п. 54. Городские улицы и дороги должны проектироваться как единая система городских путей сообщения, с учетом перспективного развития пассажирского и грузового движения и в увязке с движением пешеходов»¹⁴.

4) Минимальное использование личного легкового транспорта отражалось и в принципах градостроительства: «п. 319. Количество автомобилей индивидуального пользования рекомендуется принимать на проектный срок 30–50 ед. на 1 тыс. жителей в зависимости от административного, промышленного и культурного значения города, а на период первой очереди (5–10 лет) – 10–20 автомобилей на 1 тыс. жителей. Примечание. Для Москвы и Ленинграда количество машин на 1 тыс. жителей при соответствующем обосновании может быть увеличено»¹⁵. Строительными нормами и правилами городской застройки закладывались в том числе ограниченное количество парковочных мест временного и постоянного назначения, небольшая ширина дворовых проездов, минимальное количество гаражей и т. д.

5) Сеть автомобильных дорог с учетом площади государства была очевидно недостаточной, ее качество оставляло желать лучшего¹⁶.

Тем не менее с начала 70-х гг. XX столетия мы можем констатировать факт вхождения автоиндустрии СССР в общемировые пропорции выпуска различных типов автомобилей. Возвращаясь к таблице 1,

Таблица 9

Объем продаж товаров длительного пользования в СССР (тыс. ед.)¹⁸

Table 9

Sales of durable goods in the USSR (thousand units)

Наименование	1955 г.	1960 г.	1965 г.
Легковые автомобили	64	62	64
Телевизоры	495	1736	3655
Холодильники	151,4	529,5	1675
Стиральные машины	87	895	3430

отметим, что в 1971 г. количество выпускаемых грузовых и легковых автомобилей практически сравнялось. В 1972 г. количество выпускаемых легковых автомобилей превысило количество выпускаемых в СССР грузовых автомобилей. В качестве основы изменения стратегии развития советской автомобильной индустрии необходимо выделить следующий фактор.

Победившая концепция «мирного сосуществования» государств с различным общественным строем, нашедшая свое документальное выражение в решениях XX съезда КПСС 1956 г., Третьей программе КПСС 1961 г. и в конечном итоге в Конституции 1977 г., не исключала классовую борьбу, но отказывалась от непосредственных военных действий. Главной формой классовой борьбы становилось экономическое соревнование социалистических и капиталистических стран в мировом масштабе. Видимые, наглядные успехи социализма в этом соревновании, в том числе и в вопросе улучшения условий труда, быта, жизни советских граждан, должны были оказать решающее влияние на ход мировой истории в направлении победы социалистического уклада. Третья программа КПСС ставила задачу «обеспечить в Советском Союзе самый высокий жизненный уровень по сравнению с любой страной капитализма»¹⁷. В части автомобилизации населения представляют интерес данные раздела «Рост благосостояния населения», совместного документа отдела перспективных планов и общеэкономических проблем Госплана РСФСР и Госэкономсовета СССР «Предложения о перспективах развития народного хозяйства и культуры РСФСР на период по 1980 г.», опубликованного для служебного пользования в 1960 г. и введенного в научный оборот учеными Челябинского государственного университета д. и. н. С.А. Бакановым и к. и. н. А.А. Фокиным в 2019 г. [Баканов, Фокин 2019]. Согласно представленным исследователями документам, количество автомобилей на 1 тыс. человек за период с 1960 до 1980 гг. должно было вырасти в 41,3 раза. Однако реализации данных планов предшествовала затяжная внутрипартийная борьба.

С 1955 по 1965 г. ежегодное число продаж автомобилей не менялось, тогда как под влиянием развернувшегося жилищного строительства продажи

телевизоров выросли в 7,4 раза, холодильников – в 11 раз, стиральных машин – почти в 40 раз (9) [АВТОВАЗ 2006].

При этом на личных вкладах в Сбербанке СССР насчитывалось до 60 млрд руб., не обеспеченных товарной массой. Выход этих средств в сферу обмена грозил экономике серьезным кризисом. В этой связи многолетняя идея председателя Совета министров (1964–1980 гг.) А.Н. Косыгина о массовом выпуске легкового автомобиля как достаточно дорогого, но пользующегося устойчивым спросом товара, способного поглотить у населения массу отложенных денег, нашла все больше сторонников. А.Н. Косыгин полагал, что с вводом в эксплуатацию крупного автомобильного предприятия появится возможность ускорить развитие таких отраслей промышленности, как металлургия, химическая, стекольная и легкая промышленность, станкостроение, вывести на новый уровень внешнеэкономические связи, приблизиться к передовым западным технологиям, мировому опыту организации производства, уменьшив технико-экономическое отставание Советского Союза. Однако его предложения не встречали понимания у лидера государства Н.С. Хрущева. Только после отставки последнего в принятых XXIII съездом КПСС (29.03–08.04.1966.) директивах по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966–1970 гг. мы видим цифры, свидетельствующие о принципиальном изменении стратегии отечественного автопрома, его включении в русло общемировых тенденций. Так, было предусмотрено увеличение производства грузовых автомобилей с 379,6 тыс. шт. в 1965 г. до 600–650 тыс. шт. в 1970 г. и рост численности легковых машин – с 201,1 тыс. шт. до 700–800 тыс. шт. соответственно¹⁹. Объем производства по грузовым автомобилям предполагалось увеличить в 1,7 раза, а по легковым – в 3,9 раза.

С этого периода мы можем говорить о смене концепции развития советского автомобилестроения и его постепенном вхождении в общемировое русло, характеризующееся преобладанием в разы количества выпускаемых легковых автомобилей над численностью производимых грузовых транспортных средств.

Заключение

Развитие российского автомобилестроения шло сложными путями, в том числе при участии западных производств и влиянии внутренней и внешней политики советского государства. Использование новых данных позволило автору выявить влияние

политических процессов в советском социалистическом государстве на стратегию развития одной из ключевых отраслей экономики – автоиндустрии. В 70-х годах произошла смена концепции развития советского автомобилестроения и его постепенное вхождение в общемировое русло.

Примечания

¹ а) В осуществление социализации земли частная собственность на землю отменяется и весь земельный фонд объявляется общенародным достоянием и передается трудящимся без всякого выкупа, на началах уравнительного землепользования.

б) Все леса, недра и воды общегосударственного значения, а равно и весь живой и мертвый инвентарь, образцовые поместья и сельско-хозяйственные предприятия объявляются национальным достоянием.

в) Как первый шаг к полному переходу фабрик, заводов, рудников, железных дорог, прочих средств производства и транспорта в собственность Советской Рабоче-Крестьянской Республики подтверждается Советский закон о рабочем контроле и о Высшем Совете Народного Хозяйства в целях обеспечения власти трудящихся над эксплуататорами».

Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа. <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5320/31.08.2021>. Орфография и пунктуация источника сохранена.

² Статья 4. Экономическую основу СССР составляют социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства, утвердившиеся в результате ликвидации капиталистической системы хозяйства, отмены частной собственности на орудия и средства производства и уничтожения эксплуатации человека человеком.

Статья 5. Социалистическая собственность в СССР имеет либо форму государственной собственности (всенародное достояние), либо форму кооперативно-колхозной собственности (собственность отдельных колхозов, собственность кооперативных объединений).

Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.) в редакции от 5 декабря 1936 г. URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-sfsr/1936/red_1936/3958676/chapter/1b93c134b90c6071b4dc3f495464b753/31.08.2021. Орфография и пунктуация источника сохранена.

³ Статья 9. Наряду с социалистической системой хозяйства, являющейся господствующей формой хозяйства в СССР, допускается законом мелкое частное хозяйство единоличных крестьян и кустарей, основанное на личном труде и исключающее эксплуатацию чужого труда.

Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.) в редакции от 5 декабря 1936 г. URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-sfsr/1936/red_1936/3958676/chapter/493aff9450b0b89b29b367693300b74a (дата обращения: 31.08.2021).

⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. II. М., 1954. С. 293–299.

⁵ Исходя из общей идеи индустриализации страны, укрепления обороноспособности Союза и освобождения от зависимости в отношении капиталистических стран, капиталовложения в промышленность направляются преимущественно на промышленность, производящую средства производства (78 % всех капитальных вложений в промышленность), в соответствии с чем и продукция этих отраслей промышленности возрастает значительно быстрее: при росте всей валовой продукции планируемой промышленности в 2,8 раза валовая продукция отраслей, производящих средства производства, увеличивается в 3,3 раза.

д) Значительное превышение запроецированных темпов развития хозяйства Советского Союза по сравнению со всеми капиталистическими странами уже к концу пятилетия должно будет существенно изменить удельный вес СССР в мировом производстве: по чугуну СССР с шестого места передвинется на третье место (после Германии и Соединенных Штатов), по каменному углю – с пятого места на четвертое (после Соединенных Штатов, Англии и Германии).

Там же. С. 297.

⁶ Там же. С. 569–575.

⁷ Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 2435. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–3; Д. 3. Л. 1; Д. 8. Л. 2–3.

⁸ Там же. Ф. 2435. Оп. 1. Д. 23. Л. 1.

⁹ Статистический ежегодник России 1913 г. (год десятый). Издание Центрального статистического комитета М.В.Д. Санкт-Петербург, 1914. С. 26.

¹⁰ Соединенные Штаты Америки / под ред. П.И. Лебедева-Полянского, Ф.Н. Петрова, Ф.А. Ротштейна, О.Ю. Шмидта (Государственный научный институт «Советская энциклопедия»). Второе издание. Москва; ОГИЗ, 1946. С. 166, 168, 171, 172).

¹¹ Статистический ежегодник России. 1914 г. Петроград, 1915. Отд. I. С. 61.

¹² Население СССР. Справочник / А.Г. Волков, Р.М. Дмитриева, Ж.А. Зайончковская [и др.]; под общ. ред. Л.М. Володарского. Москва, 1983. С. 115.

- ¹³ Население СССР (численность, состав и движение населения) 1973. Статистический сборник. Статистика. 1975. С.43.
- ¹⁴ Правила и нормы планировки и застройки городов СН 41–58. М., 1959. С. 19. URL: <https://files.stroyinf.ru/Index2/1/4294848/4294848852.htm> (дата обращения: 31.08.2021).
- ¹⁵ Там же. С. 111. URL: <https://files.stroyinf.ru/Index2/1/4294848/4294848852.htm> (дата обращения: 31.08.2021).
- ¹⁶ По словам заместителя министра транспорта Евгения Дитриха, даже в 2018 г. в России только 10 % федеральных дорог по своим техническим характеристикам соответствовали современным стандартам по скорости, безопасности и качеству. При этом в рейтинге стран мира по состоянию автомобильных дорог Россия находилась на 123-м месте из 138 стран [Доклад 2018].
- ¹⁷ Программа Коммунистической партии Советского Союза. Москва, 1974. С. 90.
- ¹⁸ Народное хозяйство СССР в 1983 г. Москва, 1984. С. 440.
- ¹⁹ Материалы XXIII съезда КПСС. Москва, 1966. С. 236.

Библиографический список

- Escario, Pino 1951 – D. José Luis Escario y Nuñez del Pino. El problema del transporte terrestre en España // II Congreso Nacional de Ingeniería. Tomo VIII. Transporte. Tomo IX. Maquinaria y eficiencia. (Madrid, 1951). URL: <https://archive.org/details/IICongresoNacionalDeIngenieraTomoViiiTransportesYTomox/page/n131/mode/2up>*
- Hernández 1986 – Hernández Andreu J. España y la crisis de 1929. Madrid: Espasa Calpe, 1986. 260 p.*
- López Carillo 1996 – López Carillo José María. Los orígenes de la industria de la automoción en España y la intervención del INI a través de ENASA. Madrid: Fundación Empresa Pública, 1996. Documento de Trabajo nº 9608.*
- San Román López 1995a – San Román López E. La industria del automóvil en España: el nacimiento de la SEAT. Madrid: Fundación Empresa Pública, 1995. Documento de Trabajo nº 9503.*
- San Román López 1995 b – San Román López E. El nacimiento de la SEAT: autarquía e intervención del INI // Revista de Historia Industrial. 1995. № 7. P. 141–168. Available at: <https://raco.cat/index.php/HistoriaIndustrial/article/download/62964/84847/0>.*
- АВТОВАЗ 2006 – АВТОВАЗ на рубеже веков / под ред. Л.И. Абалкина. Москва, 2006. С. 76.
- Баканов, Фокин 2019 – Баканов С.А., Фокин А.А. «А при коммунизме все будет...»: государственное планирование уровня жизни советского человека к 1980 г. // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 2. С. 420–436. DOI: <http://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.208>. EDN: <https://elibrary.ru/ptdwak>.
- Вишнев 1940 – Вишнев С. Экономические ресурсы Германии. Экономическая база Германии в новой европейской войне. Москва: Государственное социально-экономическое издательство, 1940. 125 с. URL: https://vk.com/wall-67308657_6880.
- Грушин 2001 – Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения: очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина: в 4 кн. Жизнь 1-я: Эпоха Хрущева. Москва, 2001. 624 с. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/grushin/grushin_t1.pdf.
- Демографическая модернизация России: 1900–2000 2006 – Демографическая модернизация России: 1900–2000 / под ред. А. Вишневого. Москва: Новое издательство, 2006. (Серия «Новая история»). URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/modern/modernizacija.html>.
- Доклад 2018 – Доклад об изменении конкурентоспособности российской экономики в 2017 году. Москва: Совет Торгово-промышленной палаты Российской Федерации по промышленному развитию и конкурентоспособности экономики России. 2018. URL: https://subcontractrf.ru/images/doklad_2017.pdf (дата обращения: 14.08.2021).
- Иванова 2015 – Иванова Г.М. Советская модель «государства благосостояния»: общее и особенное // Труды института Российской истории РАН. 2015. № 13. С. 293–309. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26743873>. EDN: <https://elibrary.ru/wngdkz>.
- Мигачев 2017 – Мигачев А.В. Теория и практика воспитания «нового человека» в СССР в 1930-е гг. (на материалах Ставрополя) // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки. 2017. № 1. С. 99–103. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28961589>. EDN: <https://elibrary.ru/vykdhk>.
- Народный доход СССР 1939 – Народный доход СССР. Его образование и учет / под ред. проф. Д.И. Черномордик. Москва; Ленинград: Госпланиздат, 1939. 286 с. URL: https://archive.org/details/narodny_dokhod_sssr; https://vk.com/wall-61771654_14674.
- Прокофьева 2010 – Прокофьева Е.Ю. Отечественная автомобильная промышленность: этапы развития, структура и организация управления, научно-исследовательская база (1896–1991 гг.): монография. Тольятти; Самара, 2010. 289 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19984688>. EDN: <https://elibrary.ru/pdpkip>.
- Развитие автомобильной промышленности 1976 – Развитие автомобильной промышленности в СССР // Автомобиль / под ред. А.Н. Островцева. Москва: Машиностроение, 1976.

References

- Escario, Pino 1951 – José Luis Escario y Nuñez del Pino (1951)* El problema del transporte terrestre en España. In: *II Congreso Nacional de Ingeniería. Tomo VIII. Transporte. Tomo IX. Maquinaria y eficiencia. (Madrid 1951)*. Available at: <https://archive.org/details/IiCongresoNacionalDeIngenieriaTomoViiiTransportesYTomoIx/page/n131/mode/2up>.
- Hernández 1986 – Hernández Andreu J. (1986)* España y la crisis de 1929. Madrid, Espasa Calpe, 260 p.
- López Carillo 1996 – López Carillo José María (1996)* Los orígenes de la industria de la automoción en España y la intervención del INI a través de ENASA. Madrid: Fundación Empresa Pública. Documento de Trabajo nº 9608.
- San Román López 1995 a – San Román López E. (1995a)* La industria del automóvil en España: el nacimiento de la SEAT. Madrid: Fundación Empresa Pública., Documento de Trabajo nº 9503.
- San Román López 1995 b – San Román López E. (1995b)* El nacimiento de la SEAT: autarquía e intervención del INI. *Revista de Historia Industrial*, no. 7, pp. 141–168. Available at: <https://raco.cat/index.php/HistorialIndustrial/articulo/download/62964/84847/0>.
- AVTOVAZ 2006 – Abalkin L.I. (Ed.) (2006)* AVTOVAZ at the turn of eras: monograph. Moscow, 76 p. (In Russ.)
- Bakanov, Fokin 2019 – Bakanov S.A., Fokin A.A. (2019)* «And under communism everything will be...»: how the planning agencies of the USSR saw the nation's wealth by 1980. of the living standard of a Soviet person by 1980. *Modern History of Russia*, vol. 9, no. 2, pp. 420–436. DOI: <http://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.208>. EDN: <https://elibrary.ru/ptdwak>. (In Russ.)
- Vishnev 1940 – Vishnev S. (1940)* Economic resources of Germany. Economic basis of Germany in the new European war. Moscow: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 125 p. Available at: https://vk.com/wall-67308657_6880. (In Russ.)
- Grushin 2001 – Grushin B.A. (2001)* Four lives of Russia in the mirror of public opinion polls: essays of the mass consciousness of Russians during the times of Khrushchev, Brezhnev, Gorbachev and Yeltsin. The 1st life: Khrushchev Era. Moscow, 624 p. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/grushin/grushin_t1.pdf. (In Russ.)
- Demographic modernization of Russia 2006 – Vishnevsky Anatoly (Ed.) (2006)* Demographic modernization of Russia: 1900–2000. Series «New history». Moscow: Novoe izdatel'stvo. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/modern/modernizacija.html>. (In Russ.)
- Report 2018 – Report on changes in the competitiveness of the Russian economy in 2017*. Moscow: Sovet Torgovopromyshlennoi palaty Rossiiskoi Federatsii po promyshlennomu razvitiyu i konkurentosposobnosti ekonomiki Rossii. Available at: https://subcontractrf.ru/images/doklad_2017.pdf (accessed 14.08.2021). (In Russ.)
- Ivanova 2015 – Ivanova G.M. (2015)* The Soviet model of «welfare state»: general and special. *Trudy instituta Rossiiskoi istorii RAN*, no. 13, pp. 293–309. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26743873>. EDN: <https://elibrary.ru/wngdkz>. (In Russ.)
- Migachev 2017 – Migachev A.V. (2017)* Theory and practice of education «the new man» in the USSR 1930-ies (on materials of Stavropol). *Bulletin of North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov*, no. 1, pp. 99–103. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28961589>. EDN: <https://elibrary.ru/vykdhk>. (In Russian.)
- People's income of the USSR 1939 – Chernomordik D.I. (Ed.) (1939)* *People's income of the USSR*. Its formation and account. Moscow; Leningrad: Gosplanizdat, 286 p. Available at: https://archive.org/details/narodny_dokhod_sssrs; https://vk.com/wall-61771654_14674. (In Russ.)
- Prokofeva 2010 – Prokofeva E.Y. (2010)* Domestic automotive industry: development stages, structure and management arrangements, research base (1896–1991): monograph. Togliatti; Samara, 289 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19984688>. EDN: <https://elibrary.ru/pdpkip>. (In Russ.)
- Development of the automotive industry 1976 – Development of the automotive industry in the USSR (1976)*. In: *Ostrovtshev A.N. (Ed.) Automobile*. Moscow. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 9.908

Дата поступления: 17.05.2022
рецензирования: 22.06.2022
принятия: 28.08.2022**Проблема дефицита товаров народного потребления
в городе Куйбышеве в период перестройки****Н.В. Разумов**Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская ФедерацияE-mail: razumov240395@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9261-1455>**М.И. Леонов**Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская ФедерацияE-mail: mleonov40@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5573-7681>

Аннотация: В статье рассматривается проблема дефицита товаров народного потребления в период перестройки. Этот исторический аспект является одним из ключевых в изучении повседневной жизни советского общества. Цель исследования – определить причины возникновения дефицита, проанализировать методы его преодоления. В статье также рассматриваются различные проявления дефицита: очереди, талоны нормированного распределения, «черный рынок». Для разработки этих целей использовались различные подходы и методы (историко-системный, историко-генетический, сравнительно-исторический и др.). Проведен анализ архивных исторических источников, обращений рабочих, отчетов государственных и партийных организаций, материалов исторических интервью. В результате выяснилось, что дефицит оказал огромное влияние на социально-политический климат в СССР. Его проявления стали неотъемлемой частью повседневной жизни, и с каждым годом ситуация с поставками товаров ухудшалась. Подобные вопросы поднимались историками ранее, изучались на материалах других областей Среднего Поволжья, однако не было произведено комплексного анализа ситуации со снабжением на материалах Куйбышевской области. Также удалось установить характер влияния проблем со снабжением товарами народного потребления на повседневную жизнь, общественное мнение, психологическое состояние людей, проследить динамику их отношения к данной проблеме. Полученные результаты дополняют материалы по проблеме перехода СССР и России к рыночной экономике, а также о социальных процессах, имевших место в конце XX века.

Ключевые слова: СССР; Среднее Поволжье; Куйбышев; повседневность; перестройка; дефицит; нормированное распределение; социально-экономическая история; устная история.

Цитирование. Разумов Н.В., Леонов М.И. Проблема дефицита товаров народного потребления в городе Куйбышеве в период перестройки // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 3. С. 40–45. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-40-45>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Разумов Н.В., Леонов М.И., 2022

Никита Владиславович Разумов – аспирант кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34; учитель истории, ГБОУ лицей № 16 г. Жигулевска, 445350, Российская Федерация, Приволжский федеральный округ, Самарская область, г. о. Жигулевск, ул. Ленина, 1.

Михаил Иванович Леонов – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE Submitted: 17.05.2022
Revised: 22.06.2022
Accepted: 28.08.2022**Problem of shortage of consumer goods in the city
of Kuibyshev during the period of perestroika****N.V. Razumov**Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: razumov240395@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9261-1455>**M.I. Leonov**Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: mleonov40@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5573-7681>

Abstract: The article deals with the problem of shortage of consumer goods during the period of perestroika. This historical aspect is one of the key aspects in the study of the daily life of Soviet society. The purpose of the study was to determine the causes of the deficit, to analyze methods to overcome it. The article also examines various phenomena of deficit manifestation: queues, coupons, and the «black market». To develop these goals, various approaches and methods were used: historical-systemic, historical-genetic, comparative-historical and historical-dynamic, quantitative and others. Analysis of archival historical sources, workers' complaints, reports of government and party organizations, materials of historical interviews. As a result, it was found that the deficit had a huge impact on the socio-political climate in the USSR. Its manifestations became an integral part of everyday life, and every year the situation with the supply of goods became worse. Similar questions were raised by historians earlier, they were studied on materials from other regions of the Middle Volga region, however, a comprehensive analysis of the supply situation was not made on materials from the Kuibyshev region. It was also possible to establish the nature of the influence of problems with the supply of consumer goods on everyday life, public opinion, the psychological state of people, to trace the dynamics of their attitude to this problem. The significance of the findings will complement the materials on the problem of the transition of the USSR and Russia to a market economy, as well as on the social processes that took place at the end of the XX century.

Key words: USSR; Middle Volga region; Kuibyshev; everyday life; perestroika; deficit; normalized distribution; socio-economic history; oral history.

Citation. Razumov N.V., Leonov M.I. Problem of shortage of consumer goods in the city of Kuibyshev during the period of perestroika. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 28, no. 3, pp. 40–45. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-40-45>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

© Razumov N.V., Leonov M.I., 2022

Nikita V. Razumov – postgraduate student of the Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation; history teacher, Lyceum № 16, 1, Lenin Street, Zhigulevsk, 45350, Russian Federation. Mikhail I. Leonov – Doctor of Historical Sciences, professor of the Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Период второй половины 1980-х и начала 1990-х в истории нашей страны характеризуется масштабными преобразованиями во всех сферах советского общества, переходом к рыночной системе экономики. Это вызывает необходимость научно-го анализа влияния потребительских процессов на формирование социальной структуры, а также зарождение в стране так называемого «общества массового потребления». В условиях дефицита товаров народного потребления этот процесс приобрел определенную специфику, которая не могла не влиять на жизнь населения страны. Исключением не стал город Куйбышев.

Для полного понимания необходимости реформ, а также их характера недостаточно исследовать только лишь область «макроистории», необходим полноценный анализ повседневной жизни человека в ее историческом развитии. Это предполагает изучение неизменных свойств быта людей, новых форм общественных отношений, новых способов мышления, уровня жизни, работы, досуга и так далее. В региональном разрезе данная проблема поднимается нечасто, особенно это касается материалов Куйбышевской области. Цель исследования состоит во всестороннем и комплексном изучении проблемы влияния дефицита товаров народного потребления на повседневную жизнь населения г. Куйбышева в период перестройки. Отдельной задачей ставилось изучение различных методов преодоления дефицита со стороны центральной и региональной власти. Феномен дефицита товаров народного потребления приводил и к другим явлениям, таким как нормированное распределение, очереди, «блат». Еще одной проблемой можно назвать восприятие дефицита товаров народного потребления населением,

отражение этого феномена в исторической памяти. Также отдельно необходимо рассмотреть проблему отражения дефицита в искусстве.

При проведении исследования были использованы научные методы, которые основаны на требованиях объективного и всестороннего анализа изучаемого исторического явления. Наряду с общенаучными методами в исследовании использованы специальные исторические методы: историко-системный, историко-генетический, сравнительно-исторический и историко-динамический, количественный. Соблюдены принципы исторического исследования, учтены принцип историзма и объективного подхода к историческим событиям, системный подход.

Метод контент-анализа был применен для всестороннего изучения текстов писем рабочих, публикаций периодики, рекламных и пропагандистских материалов, отчетов правительственных организаций, которые непосредственно затрагивали проблему снабжения населения товарами народного потребления.

Был использован основной метод устной истории – исследовательское историческое интервью, целенаправленные беседы о жизненном мире человека в контексте исторических событий, процессов, явлений, целенаправленный опрос носителя информации о его эмпирическом опыте в контексте исторического прошлого с последующей трансформацией устного рассказа в письменный текст для последующей интерпретации.

Также был применен антропологический подход, в рамках которого повседневность человека изучалась не как повседневная жизнь «массы» или класса, а на уровне индивидов и семей.

Ход исследования

При изучении проблемы дефицита товаров народного потребления необходимо выделить две предметные области в зависимости от категории товаров. Первая группа объединяет в себе все товары продовольственного сектора, вторая – товары непродовольственного сектора. Необходимость данного разделения обусловлена спецификой природы дефицита по различным категориям товаров, которая выражена в ценности и доступности товара, способом его производства, стратегией «доставания». Так, например, некоторые товары являются своеобразными маркерами общества потребления, наличие и доступность которых показывает, насколько развита культура потребления в социуме. К таким категориям товаров можно отнести модную одежду, автомобили, бытовую технику, мебель и прочее. Чем более доступны данные категории товаров в сфере торговли и чем более высок на них спрос, тем более развита культура потребления в обществе. Прежде всего к таким товарам относится непродовольственная продукция промышленного производства. Если же мы говорим о таких категориях товаров, как хлебные, мясные изделия, ткани, то в данном случае речь идет о товарах первой необходимости, по которым нельзя охарактеризовать уровень развития общества потребления.

Снабжение населения города Куйбышева товарами первой необходимости из продовольственного сегмента проходило относительно бесперебойно. Так, уровень снабжения хлебом оставался удовлетворительным на протяжении всего исследуемого периода. Промышленность области обеспечивала порядка 70 % удовлетворенности спроса населения на хлебобулочные изделия, также проводилась закупка из других регионов СССР. Ситуация с мясными продуктами в Куйбышеве была напряженной еще до перестройки. Спрос населения на мясопродукты полностью не удовлетворялся ни по количеству, ни по ассортименту. Аналогичная ситуация была и с птицей. Дефицит мяса так и не был разрешен. Сообщения о серьезных проблемах снабжения мясом можно найти во всех конъюнктурных сводках торгового управления облисполкома Куйбышевской области (ЦГАСО Ф.Р-3954. Оп. 7. Д. 987. Л. 63).

При этом следует отметить, что существовала талонная система на мясо и мясную продукцию. В частности, на 1 кг мяса – 1 талон, на 1 кг колбасы – 1 талон. Однако их не всегда можно было отovarить, а если товар появлялся, то за ним сразу возникала большая очередь.

Консервы было проще достать, их дефицит был не таким острым, как на мясо и колбасу, однако к 1991 г. они могли обеспечить спрос лишь на 35 % (ЦГАСО Ф. Р-3954. Оп. 7. Д. 1346. Л. 12).

Снабжение рыбной продукцией также не удовлетворяло запросов населения на протяжении всей перестройки. Усилились перебои в торговле свежемороженой рыбой, постоянно в продаже

были только морская капуста, салка и сардина. Спрос на хорошую рыбу не удовлетворялся. Произошло сокращение ассортимента рыбных консервов, в продаже их осталось 1–2 наименования, пресервов – 3–4 наименования. Рыбу практически всегда можно было достать на колхозных рынках, где она продавалась по более высоким ценам. Также население обеспечивало себя рыбой самостоятельно.

Продукция растениеводства прежде всего поставлялась в торговую сеть от колхозов и совхозов. Большее количество товаров реализовывалось на рынках города. Там повсеместно и всегда имелись фрукты и овощи, которые можно было вырастить в регионе Среднего Поволжья. Например, на рынках можно было найти такие товары, как: мед, картофель, огурцы, свекла, морковь, помидоры, перец болгарский, перец красный острый, капуста разных сортов, лук, редис, баклажаны и кабачки, тыква, абрикосы, малина, клубника, ежевика, смородина красная и черная, слива, груши, яблоки свежие и моченые, арбузы, самодельные компоты, соки и настойки из ягод и фруктов (ЦГАСО Ф.Р-3954. Оп. 7. Д. 1155. Л. 21). Также для личных нужд население имело возможность выращивать овощи и фрукты самостоятельно на дачах и в деревнях.

Что же касается продажи овощей и фруктов через торговую сеть города в универсамах и специализированных магазинах, то на протяжении перестройки торговля ими проходила с небольшими перебоями. Так, например, на начало изучаемого периода в магазинах постоянно можно было найти картофель, капусту свежую и квашеную, свеклу, морковь, редьку, лук репчатый, соленые огурцы и помидоры в банках, свежие яблоки. С зеленым луком иногда случались перебои. Но вот на цитрусовые продукты, такие как лимон, мандарин, апельсин и прочее, спрос не удовлетворялся. Не было в продаже таких экзотических фруктов, как бананы, ананасы, персики, манго. Это связано с тем, что Куйбышевская область сильно зависела от импортных поставок по этим товарам и не всегда поставщики в полной мере снабжали товарооборот (ЦГАСО Ф. Р-3954. Оп. 7. Д. 1054. Л. 20).

В период перестройки в Куйбышеве торговля бакалейными товарами проходила с перебоями по некоторым группам ассортимента. Так, в 1985–1989 гг. ввиду ограниченности ресурсов, запасных фондов и недопоставки отдельными поставщиками спрос населения не удовлетворялся на черный перец горошком душистый, чайную соду, кексы, уксусную эссенцию, горчицу и горчичный порошок, специи, соки в мелкой упаковке, варенье, закусовые и обеденные консервы, дрожжи, детское питание, какао, компот. Не удовлетворялся спрос также на минеральную воду марок «Ессентуки», «Нарзан», «Боржоми», «Арагат». К 1989 г. продажа кавказской минеральной воды в основном прекратилась из-за отсутствия поставок. Затруднительно было купить кофе, который продавался как растворимый, так и в зернах или молотый в банках

из жести. За ним часто приходилось отправляться в Москву. Начались серьезные перебои с чаем, в продажу поступал некачественный чай, прозванный в народе «пыль грузинских дорог». Его продажи, однако, постоянно росли в год по 10–14 % при существенном падении запасов. Был серьезный дефицит как черного, так и зеленого чая (ЦГАСО Ф. Р-3954. Оп. 7. Д. 1155. Л. 16).

Крупы также продавались с перебоями, особенно гречка, самый остродефицитный товар в Куйбышеве по крупам. Они продавались на развес, фасованной продукции было мало.

Как известно, в годы перестройки началась антиалкогольная кампания, что не могло не сказаться на продаже винно-водочной и иной алкогольной продукции. Еще в 1985 г. продажи водки и ликеров снизились на 17 %, а вина – на 40 %. Запасы фондов были уменьшены на 74,5 % по сравнению с 1984 г. При этом отмечается, что увеличилась продажа коньяка более чем в 2 раза при снижении запасов на 10 %. Увеличилась продажа шампанского на 37 % при снижении запасов на 5,4 %. Запасы алкогольной продукции уменьшались с каждым годом на 40–60 %. Снижался уровень продаж водки и вина в среднем на 57 % в год (ЦГАСО Ф. Р-3954. Оп. 7. Д. 1054. Л. 20).

Продажа табачных изделий поначалу проходила стабильно. Продажи варьировались с символическим падением либо повышением на 1–2 % при росте фондов запаса. Не всегда в магазинах можно было найти пачки сигарет без фильтра «Прима», болгарские сигареты, за исключением «Шипки». В достаточном количестве были сигареты «Космос», «Столичные», «Лири» и нюхательный табак (ЦГАСО Ф. Р-3954. Оп. 7. Д. 1155. Л. 16). К 1989–1991 гг. на табачные изделия были введены талоны. Примечательно, что население обменивалось талонами. Например, некурящие отдавали свои талоны табака курящим в обмен на талоны кондитерских изделий.

С 1991 г. кроме талонов для приобретения того или иного товара жителю Куйбышева необходимо было иметь при себе документы, удостоверяющие личность, – паспорт, а с октября того же года – специальную визитку (Волжская коммуна. 1991. № 3. С. 3).

Изучение вопроса снабжения населения товарами непродовольственного сегмента также нуждается в разделении на отдельные группы товаров. Нами были изучены следующие группы товаров: текстильная продукция и одежда, обувь, хозяйственно-бытовые товары, электротехника, культурные товары, парфюмерия и косметика.

Продажа текстильной продукции на протяжении всей перестройки в городе Куйбышеве велась стабильно и практически бесперебойно. Ткани были из разных материалов, как дорогих, так и недорогих, и достать их было непроблематично. Наблюдалась тенденция насыщения рынка дорогостоящими хлопчатобумажными тканями от 3 рублей и дороже. Однако, несмотря на насы-

щенность рынка, спрос все равно полностью не удовлетворялся на ткани платьевой группы с ангорской шерстью, фланелеподобных платьевых для невест и костюмных тканей для торжественных случаев, а также шифона. Очень скуден и малоколеритен был ассортимент мягких тканей для новорожденных. Нехватка плащевых тканей. Что касается нитей, то они продавались более напряженно. Вызвано это высокой ценой на них при низком качестве. Хлопчатобумажные нитки было очень легко порвать. Не всегда в продаже можно было найти шелковые нитки из-за ограниченности фондов. По шерстяным тканям началось замедление продаж, была нехватка тканей из чистой шерсти, монотонных тонов. Также понизился спрос на отечественную джинсовую ткань. Ассортимент шелка отличался большим разнообразием и полностью удовлетворял рынок. Продажа швейных изделий возросла на 6 %, запасы снизились на 10 %. Это связано с тем, что в 1986 г. этой продукции было поставлено меньше, чем в 1985 г., на 18,7 миллиона рублей в целом по области. Однако уже к концу года склады были наполнены по норме (ЦГАСО Ф. Р-3954. Оп. 7. Д. 1054. Л. 24).

В 1987 г. конъюнктура рынка по текстильным изделиям и одежде характеризовалась повышенным спросом на готовую одежду, трикотаж и некоторые дефицитные качественные виды тканей. Самые частые претензии покупателей были связаны с тем, что одежда некрасиво оформлена, не было запасных пуговиц в комплектах, повторяющиеся по расцветке модели, часто невзрачных цветов, из рыхлых и мягких тканей, не держащих форму, при этом еще и весьма дорогих (ЦГАСО Ф. Р-3954. Оп. 7. Д. 1171. Л. 48). Рос интерес к демисезонной одежде. Снабжение обувью проходило практически бесперебойно вплоть до 1989 г. При увеличении запасов рос и спрос. Однако стоит отметить, что отечественная обувь значительно уступала по качеству обуви импортной, например чехословацкой, финской, итальянской и так далее. Импортная обувь была в дефиците, но она практически не изнашивалась и была весьма популярна среди населения. Примечательно, что существовала система лотерейного распределения импортной обуви на предприятиях промышленности. Так, некоторые люди могли выиграть, к примеру, итальянские сапоги.

Не удовлетворялся спрос населения на радиотовары и телевизоры. В продаже с трудом можно было найти только черно-белые, что касается цветных, то в городе они практически не продавались. По некоторым группам техники и культуртоваров в 1988 г. начались перебои с поставкой от производителей, увеличивался разрыв между торговыми сетями и производством. Например, промышленность недопоставила лодочных моторов на 26 %, игрушек – на 22 %, коньков – на 57 %, гитар – на 5 %. Активизация спроса на телевизоры, магнитофоны, радиоприемники и другую аппаратуру, музыкальные инструменты, спорттовары при недо-

статочных объемах ресурсов заставляла торговое управление включать в оборот фонды запасов, из-за чего началось их резкое уменьшение (ЦГАСО Ф. Р-3954. Оп. 7. Д. 1231. Л. 32).

Таким образом, проанализировав весь комплекс источников, можно проследить динамику изменения уровня снабжения населения товарами народного потребления в 1985–1991 гг. Дефицит товаров народного потребления приобретал все новые масштабы с каждым годом перестройки практически на все группы товаров и привел в конце рассматриваемого периода к колоссальной нехватке самых обычных товаров, таких как мясо, кондитерские изделия, одежда, обувь, хозяйственно-бытовые товары. Причиной возникших проблем со снабжением товаров является прежде всего коллапс советской экономики. Дефицит не возник именно в период перестройки, однако в это время с каждым годом шло ухудшение удовлетворения спроса населения. Предприятия не справлялись с обеспечением товарооборота, а также с пополнением фондов запасов, что в конечном итоге приводило к их полному истощению и отсутствию большинства товарных групп в магазинах города. Не могла разрешить проблему и система децентрализованных закупок из других областей, а также импортная закупка, это напрямую влияло на наличие некоторых групп товаров, которые не производились в пределах Куйбышевской области. Попытки решить проблему дефицита Торговым управлением облисполкома не привели к результатам. Посылаемые ими предложения по улучшению снабжения, мерам устранения разрыва уровня спроса и предложения, изысканию дополнительных средств, товарных ресурсов и вовлечению их в товарооборот с помощью сверхпланового производства в большинстве своем оставались безответными. Предприятия, выпускавшие продукцию, не были в состоянии обеспечить товарооборот, так как чаще всего сами нуждались в сырье или уже работали на экспорт. Одной из проблем была сильная ориентированность советской экономики на тяжелую промышленность, прежде всего на ВПК, что сказывалось на потенциале легкой промышленности в обеспечении населения товарами народного потребления. При этом многие самарские предприятия, работающие на ВПК, подверглись конверсии, что пагубно сказалось на их материально-техническом и финансовом состоянии, многие рабочие были вынуждены уйти. Такие предприятия больше не могли поддерживать работоспособность своих социальных учреждений. Стоит отметить, что многие виды товаров были в наличии через кооперативную торговую сеть, колхозные рынки. Многие категории товаров производились населением самостоятельно, в том числе сельскохозяйственная продукция, одежда [Остапович 1998, с. 155].

При этом дефицит товаров народного потребления вызван вовсе не плохой работой Торгового управления облисполкома Куйбышевской области.

Росту дефицита в Куйбышеве, и не только в Куйбышеве, способствовало несколько факторов.

1) Планы, которые составлял Госплан СМ СССР, не могли в полной мере учитывать реальные потребности населения. Они не отражали потребительский спрос населения.

2) Перебои с поставкой товаров от производителей, вызванные нехваткой сырья, производственных мощностей, рабочей силы, реконструкцией производственных помещений и по другим причинам.

3) Постоянный рост материального благосостояния населения, который также был заложен в планы и, разумеется, учитывался при планировании снабжения, стимулировал покупать больше. Также отдельной причиной можно назвать привычку закупать некоторые группы товаров, прежде всего продовольственные, «впрок», что послужило поводом введения нормированной системы распределения.

Заключение

Дефицит имел огромное влияние на повседневную жизнь Куйбышева. Проявлялось это во всех общественных сферах. Наличие у человека определенных товаров, которые относились к категории дефицита, вызывало у людей особое внимание к этим товарам, бережливость. Многие товары были статус-символами. В условиях трансформации советского общества менялись и взгляды людей на систему потребления. Проблема дефицита товаров, а также ее проявления, такие как очереди, система нормированного распределения через лоты, иерархия в системе потребления, влияли на психическое здоровье людей, создавали конфликтные ситуации, отнимали время [Николаев 2000, с. 4; Якупов 2010, с. 245]. Проблему дефицита общество проецировало на власть, причем на всех уровнях [Гущин 2018, с. 80]. Новым фактом, который ранее не встречался в литературе, можно считать влияние дефицита в Куйбышеве на социально-политическую обстановку. С течением перестройки социально-политическая напряженность возрастала, и дефицит сыграл в этом не последнюю роль. Это отражено в многочисленных жалобах населения, письмах в редакции газет, в различные партийные и государственные инстанции, в которых люди сетовали на свое бедственное положение, выражали несогласие с реформами, прежде всего ценообразования, указывали виноватых и предлагали собственные соображения по ликвидации дефицита. Жалобы выражались не только в письменной форме, но и в форме митингов в Куйбышеве, которые в некоторых случаях разгонялись. Отражение данной проблемы в исторической памяти легко проследить, анализируя материалы интервью с непосредственными участниками событий, для которых дефицит был повседневной проблемой. Мы сделали вывод, что проблема дефицита воспринималась и отразилась

в сознании людей не в виде какой-то трагической ситуации. Однако большинством она воспринималась как унижительная. Человек вынужден был как-то «ловчить»: заводит полезные знакомства, втягиваться в какую-то сеть взаимных услуг или стоять часами в очередях, терять человеческий облик, доказывая, что «вас тут не стояло, а за мной не занимать». И из-за чего? То есть это мелочи жизни, это проблемы, которые вообще не должны быть проблемами, но они приводят к тому, что люди растрачивают себя, свою жизнь, свое время, свою энергию на вот эти вещи [Дейнека 1999, с. 160–171; Найшуль 1991, с. 139–150].

Данная проблема нашла свое отражение и в культуре, где дефицит является неотъемлемой частью повседневной жизни. Спецификой произведений того времени можно назвать их ироничность и саркастичность. Дефицит высмеивался как временное явление, а все нелегальные способы его преодоления носили безнравственный характер мелкого проступка [Зарубина 2006, с. 160].

Таким образом, дефицит товаров народного потребления, достигший к 1990–1991 гг. колоссальных показателей, стал неотъемлемой частью социальной жизни советских граждан, в том числе и в городе Куйбышеве.

Материалы исследования

ЦГАСО – *Центральный государственный архив Самарской области*. Ф. Р-3954. Торговое управление облисполкома Куйбышевской области. Оп. 7. Д. 984, 987, 1054, 1155, 1346.

Волжская коммуна – *Волжская коммуна*.

Библиографический список

Гущин 2018 – *Гущин А.А.* Жалобы и обращения граждан по жилищно-бытовым вопросам как элемент повседневности советского общества в 1950–1980-х гг. // *Известия вузов. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2018. № 1 (45). С. 78–88. DOI: <http://doi.org/10.21685/2072-3024-2018-1-8>. EDN: <https://elibrary.ru/xwoxyt>.

Дейнека 1999 – *Дейнека О.С.* Экономическая психология: социально-политические проблемы. Санкт-Петербург, 1999. 240 с. URL: <http://nozdr.ru/data/media/biblio/edu/ped/Дейнека%20О.С.%20-%20Экономическая%20психология.doc>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=35309606>. EDN: <https://elibrary.ru/xudted>.

Зарубина 2006 – *Зарубина Н.Н.* Смеховая культура как фактор толерантности к новым социальным группам в российском обществе // *Общественные науки и современность*. 2006. № 5. С. 155–166. URL: <https://mgimo.ru/files/33028/33028.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=9277801>. EDN: <https://elibrary.ru/hvaroz>.

Найшуль 1991 – *Найшуль В.А.* Высшая и последняя стадия социализма // *Погружение в трясины (анатомия застоя)* / под. ред. Т.А. Ножкиной. Москва: Прогресс, 1991. 704 с. Available at: https://libertarium.ru/1_libnaul_brezhnev.

Николаев 2000 – *Николаев В.Г.* Советская очередь как среда обитания // *Россия и современный мир*. 2000. № 3 (28). С. 37–48. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=1232826>. EDN: <https://elibrary.ru/bazlbv>.

Остапкович 1998 – *Остапкович Г.С.* О социально-экономическом развитии СССР на рубеже 80–90-х годов // *Вопросы экономики*. 1998. № 7. С. 153–159.

Якупов 2010 – *Якупов Р.А.* Система нормированного распределения товаров в областях Среднего Поволжья в конце 1980-х – начале 1990-х гг. // *Молодой ученый*. 2010. № 9. С. 241–247. URL: <https://moluch.ru/archive/20/2024>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16366964>. EDN: <https://elibrary.ru/nuecwd>.

References

Gushchin 2018 – *Gushchin A.A.* (2018) Public complaints and appeals on living conditions as an element of the Soviet daily life in 1950–1980. *University Proceedings. Volga Region. Humanities*, no. 1 (45), pp. 78–88. DOI: <http://doi.org/10.21685/2072-3024-2018-1-8>. EDN: <https://elibrary.ru/xwoxyt>. (In Russ.)

Deyneka 1999 – *Deyneka O.S.* (1999) Economic psychology: socio-political problems. Saint Petersburg, 240 p. Available at: <http://nozdr.ru/data/media/biblio/edu/ped/Дейнека%20О.С.%20-%20Экономическая%20психология.doc>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=35309606>. EDN: <https://elibrary.ru/xudted>. (In Russ.)

Zarubina 2006 – *Zarubina N.N.* (2006) Laugh culture as factor of tolerance towards new social groups in Russian society. *Social Sciences and Contemporary World*, no. 5, pp. 155–166. Available at: <https://mgimo.ru/files/33028/33028.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=9277801>. EDN: <https://elibrary.ru/hvaroz>. (In Russ.)

Nayshul 1991 – *Nayshul V.A.* (1991). Highest and last stage of socialism. In: *Nozhkina T.A. (Ed.) Immersion in a quagmire (anatomy of stagnation)*. Moscow: Progress, 704 p. Available at: https://libertarium.ru/1_libnaul_brezhnev. (In Russ.)

Nikolaev 2000 – *Nikolaev V.G.* (2000) Soviet queue as a habitat. *Russia and the contemporary world*, no. 3 (28), pp. 37–48. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=1232826>. EDN: <https://elibrary.ru/bazlbv>. (In Russ.)

Ostapkovich 1998 – *Ostapkovich G.S.* (1998) On social and economic development of the USSR on the verge of 80–90-ies. *Voprosy ekonomiki*, no. 7, pp. 153–159. (In Russ.)

Yakupov 2010 – *Yakupov R.A.* (2010) System of rationed distribution of goods in the regions of the Middle Volga region in the late 1980-ies – early 1990-ies. *Molodoi uchenyi*, no. 9, pp. 241–247. Available at: <https://moluch.ru/archive/20/2024>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16366964>. EDN: <https://elibrary.ru/nuecwd>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(470)

Дата поступления: 24.04.2022
рецензирования: 26.05.2022
принятия: 28.08.2022

**«Покончить с этим гнездом»: евангелическо-лютеранская община
г. Самары в условиях антирелигиозной кампании (1918–1930 гг.)**

А.Е. Гулина

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация

E-mail:alnaara@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5458-5986>

Аннотация: В статье анализируется стратегия борьбы советской власти с общиной самарских лютеран в 1917–1930-е гг. Источниковой базой работы выступили нормативные акты, делопроизводственная документация и материалы прессы. Автор выделил два этапа существования общины евангелических лютеран г. Самары в условиях антирелигиозной кампании. На первом этапе советская власть подавляла религиозные организации, которые воспринимались как конкурирующие для новой идеологии. Самарская община лютеран лишилась имущества и права осуществлять образовательную деятельность, а также стала обязана вести регулярный документооборот, подотчетный губисполкому. Ситуация коренным образом изменилась на втором этапе, когда стратегия борьбы с религиозными организациями начала ужесточаться в условиях индустриализации и коллективизации: помимо пропаганды появились физические преследования лютеран. Автор статьи подробно рассмотрела процесс закрытия самарской лютеранской кирхи, который ярко продемонстрировал стремление местных властей, с одной стороны, к превентивной реализации указаний центральной власти, а с другой – к оправданию собственных действий. В статье доказано, что в протоколе заседания президиума Самарского горсовета активисты немецкой секции были заменены на верующих лютеран. Выводы работы демонстрируют, что в антирелигиозной кампании, направленной на борьбу с самарской общиной лютеран, большое значение возымел национальный фактор, который стал прикрытием неправомерных действий власти.

Ключевые слова: история Самары; евангелическо-лютеранская община; кирха; лютеране; стратегии власти; антирелигиозная кампания; репрессии.

Цитирование. Гулина А.Е. «Покончить с этим гнездом»: евангелическо-лютеранская община г. Самары в условиях антирелигиозной кампании (1918–1930 гг.) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 3. С. 46–51. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-46-51>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Гулина А.Е., 2022

Анастасия Евгеньевна Гулина – ассистент кафедры отечественной истории и историографии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 24.04.2022
Revised: 26.05.2022
Accepted: 28.08.2022

**«To end this nest»: Evangelical Lutheran Community of Samara
in the period of anti-religious campaign (1918–1930)**

A.E. Gulina

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail:alnaara@yandex.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5458-5986>

Abstract: This study analyzes strategy of anti-religious campaign against Lutheran community of Samara in 1918–1930. Main source of study is official regulations, business documentation and press materials. The author singled out two stages in the existence of Evangelical Lutheran Community of Samara community in the period of anti-religious campaign. First stage: Soviet officials suppressed religious organizations that were perceived as threat for the new ideology. Lutheran Community of Samara city lost its property and the right to carry out educational activities, and also became obliged to maintain a regular document flow accountable to the provincial executive committee. Second stage: The situation changed radically, when the strategy against religious organizations began to tighten in the conditions of industrialization and collectivization: in addition to propaganda, physical persecution of Lutherans appeared. In addition, the author of the article examined in detail the process of closing the Samara Lutheran church, which clearly demonstrated the desire of local authorities, on the one hand, to implement the instructions of the central government in a preventive manner, and on the other hand, to justify their own actions. The article proves that in the minutes of the meeting of the Presidium of the Samara City Council, the activists of the German section were replaced by religious Lutherans.

Key words: history of Samara; Evangelical Lutheran community; church; Lutherans; official's strategy; anti-religious campaign; repressions.

Citation. Gulina A.E. «To end this nest»: Evangelical Lutheran Community of Samara in the period of anti-religious campaign (1918–1930). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 28, no. 3, pp. 46–51. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-46-51>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Gulina A.E., 2022

Anastasia E. Gulina – assistant professor of the Department of National History and Historiography, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

С момента появления в качестве социального института церковь была неразрывно связана с государством – ее положение и влияние зависели от государственной политики в области конфессиональных отношений. Проблематика, связанная с антирелигиозной политикой советского государства, уже несколько десятилетий вызывает интерес как у отечественных [Одинцов 1991; Мендюков 2014; Лучшев 2016], так и у зарубежных исследователей [Смолкин 2003; Luehrmann 2015]. Анализ материала провинциальных архивов позволяет выявить новые аспекты в изучении масштабных процессов. В данном исследовании поставлена проблема изучения стратегии борьбы советской власти с самарской религиозной общиной евангелических лютеран.

Самарская лютеранская община в 1917–1929 гг.

Период существования самарской лютеранской общины во время антирелигиозной кампании можно условно разделить на два неравнозначных по длительности этапа. Первый – с 1918 г. (момент заключения типового договора на сдачу в аренду и бесплатное пользование молитвенными зданиями и культовым имуществом религиозным общинам и группам) по октябрь 1929 г. (начало процесса закрытия кирхи). Второй – с октября 1929 г. по январь 1930 г. (даты заключения президиума Самарского городского совета о закрытии кирхи лютеран).

Первый этап связан со стратегией советского государства по ослаблению церкви как учреждения, которая выразилась в национализации церковного имущества и лишении возможности вести образовательную деятельность. Фактически у церкви были изъяты права юридического лица [Беглов 2008, с. 32]. Это объясняется тем, что религия для советского коммунистического проекта была прежде всего препятствием в осуществлении монополии на политическую, идеологическую и духовную власть [Смолкин 2021, с. 32]. Однако отношение советской власти было неравнозначным к различным конфессиям. Главную опасность для формирования новой коммунистической идеологии представляла Русская православная церковь. Другие конфессии (и в особенности сектанты) в период становления советского государства испытывали меньшее давление.

Первое десятилетие существования самарской общины лютеран характеризуется ее активными попытками наладить свою деятельность в новых

условиях, которые были обозначены в декрете СНК от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Согласно этому документу, Евангелическо-лютеранская церковь, как и другие религиозные организации, потеряла право владения собственностью и лишалась прав юридического лица (Декрет «Об отделении церкви...» 1918).

Официальная регистрация евангелическо-лютеранского общества состоялась в 1923 г. на основании заявления уполномоченного по внешним сношениям общины Леонида Васильевича Вормса (ЦГАСО. Ф. 828. Оп. 3. Д. 32. Л. 51), на 1923 г. в общине состояло 337 человек (ЦГАСО. Ф. 828. Оп. 3. Д. 32. Л. 55). Для решения организационных задач требовалось, согласно новому законодательству, определить состав уполномоченных религиозного общества (ЦГАСО. Ф. 828. Оп. 3. Д. 32. Л. 61) и церковного совета (ЦГАСО. Ф. 828. Оп. 3. Д. 32. Л. 67).

Сразу после создания религиозного общества центральным стал вопрос о пасторе, поскольку постоянного служителя культа уже пару лет не было. В 1924 г. на заседании общего собрания евангелическо-лютеранского религиозного общества г. Самары была утверждена кандидатура Готлиба Яковлевича Коха, который обязался за плату в размере 600 руб. в год обслуживать самарский приход не менее шести месяцев.

Неотъемлемой частью повседневной жизни лютеранской общины являлся обряд конфирмации. 28 марта 1927 г. председатель церковного совета евангелическо-лютеранского общества Г. Бель подал заведующему столом по отделению церкви от государства заявление на разрешение «подготовки конфирмантов к конфирмации по евангелическо-лютеранскому обряду» (ЦГАСО. Ф. 828. Оп. 3. Д. 32. Л. 70). В итоге пастору самарской кирхи Г.Я. Коху было выдано свидетельство о том, что ему разрешается подготовка к конфирмации граждан, достигших 15-летнего возраста, при соблюдении определенных правил (например, «вероучение должно преподаваться в дни, свободные от занятий светских школ» (ЦГАСО. Ф. 828. Оп. 3. Д. 32. Л. 75 и пр.)). Согласно спискам, в 1927 г. конфирмацию прошли пять человек, в 1928 г. – шесть, в 1929 г. – четыре (ЦГАСО. Ф. 828. Оп. 3. Д. 32. Л. 72, 76, 77). Это важный факт, подтверждающий, что вплоть до 1929 г. община представляла собой действующую религиозную организацию, привлекавшую новых членов.

Итак, на первом этапе реализации антирелигиозной кампании с 1918 по 1929 г. евангелическо-лютеранское общество г. Самары пережило ряд серьезных перемен: национализацию церковного имущества, изъятие внутреннего документооборота, строгое подчинение правилам организации религиозного общества (например, создание церковного совета, комитета уполномоченных членов общества, регулярное проведение собраний, необходимость разрешения губисполкома в вопросах, касающихся внутренней жизни общины, и т. д.). Однако формально сохранялся принцип свободы совести, поскольку в этот период любое религиозное общество могло получить регистрацию и свое имущество в пользование.

Самарская лютеранская община в 1929–1930-е годы

Второй этап существования евангелическо-лютеранской общины Самары связан со значительными трансформациями государственной политики по отношению к религиозным организациям. Ситуация кардинальным образом изменилась в 1929 г., когда в СССР произошли изменения в политическом и экономическом положении. Отказ от новой экономической политики, для которой была характерна частичная религиозная свобода, и переход к форсированной индустриализации и коллективизации обозначали ужесточение антирелигиозной кампании. Американская исследовательница Виктория Смолкин подчеркнула, что антирелигиозная кампания стала частью культурной революции, которая, в свою очередь, являлась разновидностью классово-борьбы [Смолкин 2021, с. 73]. Кроме того, советское руководство теперь расширило свой инструментарий и стало ориентироваться не только на пропаганду, но в первую очередь на физическое преследование. Жесткие меры осуществления коллективизации, сопровождавшиеся уничтожением кулачества как класса, были непосредственно связаны с подъемом борьбы с церковниками, многие из которых были обвинены в эксплуатации крестьянской бедноты, антисоветской деятельности, в срыве кампании хлебозаготовки и т. д. Стала активно осуществляться борьба с отмечанием религиозных праздников, участие в которых также трактовалось как целенаправленное вредительство экономическим мероприятиям. О.А. Лиценбергер подчеркивает, что наиболее жестокая антицерковная политика была именно в районах «сплошной коллективизации» [Лиценбергер 2003, с. 389].

Всплеск антирелигиозной борьбы основывался на серии формальных документов. Важнейшим стало постановление «О религиозных объединениях», принятое на заседании президиума ВЦИК 8 апреля 1929 г. В постановлении определялся строгий порядок регистрации религиозных обществ, вводился ряд ограничений. Так, их деятельность ограничивалась «удовлетворением своих религиозных потребностей», а состав должен был соот-

ветствовать прописанным нормам (свыше 20 человек для обществ и менее 20 человек для групп верующих) (Постановление «О религиозных объединениях» 1929). Особенно болезненным для евангелических лютеран оказался пункт 17 постановления. В нем прописывался запрет на: 1) создание касс взаимопомощи, кооперативов, производственных объединений и пользование находящимся в распоряжении имуществом для каких-либо иных целей, кроме удовлетворения религиозных потребностей; 2) оказание материальной поддержки своим членам; 3) организацию как детских, юношеских, женских молитвенных и других собраний, так и общих библейских, литературных, рукодельческих, трудовых, по обучению религии и т. п. собраний, групп, кружков, отделов, а также организацию экскурсий и детских площадок. Фактически религиозным обществам запрещалось заниматься благотворительной и общественной деятельностью. Кроме того, постановлением запрещалось без разрешения властей проводить общие собрания религиозных обществ, созывать религиозные съезды и совещания, издавать религиозную литературу и т. д. (Постановление «О религиозных объединениях» 1929).

В 1929–1930 гг. в Самаре началось массовое закрытие церквей под различными предлогами [Подмарицын 2008, с. 122]. Примечательно, что формальные причины закрытия практически всегда были обусловлены какими-то «объективными» условиями, поскольку советская власть отрицала гонения на верующих. Зачастую причинами закрытия были неуплата налогов, ветхость здания или нехватка жилой площади – в соответствии с новым законом от 1929 г. религиозным организациям запрещалось занимать как жилые, так и нежилые помещения, которые могли быть приспособлены под жилую площадь (ЦГАСО. Ф. 828. Оп. 3. Д. 11. Л. 15). Другой распространенной причиной являлось требование общественности, выступавшей за передачу церковных зданий, например, под учреждения культуры. Обращения трудящихся были в большинстве своем сфальсифицированы, причем этот факт признавали даже официальные власти [Мендюков 2014, с. 272].

Итак, рассмотрение второго этапа существования лютеранской общины г. Самары неизбежно смещает фокус зрения с самой общины на влияние государственной политики на нее. Главным процессом здесь является закрытие самарской кирхи, которое во многом носило парадоксальный характер.

20 октября 1929 г. состоялось общее собрание немцев-активистов клуба национальных меньшинств им. Сталина в составе 68 человек, на котором одной из главных задач общества было обозначено закрытие немецкой кирхи. В протоколе собрания отразились радикализм и озлобленность участников собрания при обличении членов церковного совета, которые «мешками тащили» вещи, полученные от шведско-американской миссии

(СОГАСПИ. Ф. 655. Оп. 5. Д. 552. Л. 78). Они подчеркивали, что необходимо приступить к работе «немедленно для скорейшего получения церкви для наших культработ». На собрании не обошли стороной и пастора кирхи Г.Я. Коха. С характеристикой пастора выступил Б.Т. Альт, который сообщил, что пастор «в былое время имел 8 лошадей и 12 коров, а главное, эксплуатировал деревенскую бедноту для работ в своем кулацком хозяйстве» (СОГАСПИ. Ф. 655. Оп. 5. Д. 552. Л. 78). Здесь, с одной стороны, явственно прослеживается взаимосвязь таких элементов советской идеологии, как классовая и антирелигиозная борьба, а с другой – данный пример демонстрирует искажение понятия «класс» в советской повседневности и тем самым практику приписывания к классу как к словую [Фицпатрик 2003].

Решения собрания активистов немецкого клуба являют собой квинтэссенцию советской идеологии того периода: «Собрание немецких рабочих и служащих, заслушав доклад т. Бергнера, выносит следующую резолюцию, что в 12-ю годовщину Октябрьской революции при окончании 1-й годовщины 5-летн. плана индустриализаций нашей страны мы должны руководствоваться Ленинской ком. партией и не ослабевать тем работы нашей социалистической страны.

Собрание немецких рабочих и служащих считает необходимым отрешиться от старых традиций, от религиозного дурмана и от влияния панов, пасторов, ксендзов и проповедников, считаем, что это явление главным образом и тормозит явление культпохода.

По примеру других национальностей просить высшие советские организации о закрытии лютеранской кирхи /на Советской ул./ и передаче ее для концентрации культурной работы среди немецкого населения и открытия в ней очага для детей, школы и т. д.

Единовременно *вызываем польскую секцию в порядке социалистического соревнования* (курсив мой. – А. Г.) принять меры к закрытию костела при польском клубе» (ЦГАСО. Ф. 828. Оп. 3. Д. 32. Л. 94).

В тот же день, 20 октября 1929 г., была сформирована комиссия по закрытию немецко-лютеранской кирхи (ЦГАСО. Ф. 828. Оп. 3. Д. 32. Л. 88), а уже 29 октября она подала заявление в Самарский городской совет с просьбой о закрытии лютеранской кирхи согласно решению собрания немцев-активистов. В причинах указывались необходимость помещения для культурно-просветительских целей и малочисленность посещающих кирху (в среднем от 8 до 40 человек в месяц) (ЦГАСО. Ф. 828. Оп. 3. Д. 32. Л. 95).

Кроме того, активное участие в антирелигиозной кампании по закрытию кирхи приняла газета. Автор заметки в газете «Средневожская коммуна» приветствовал собрание немецких рабочих, отмечая, что наконец-то начались подвижки в области культурной работы среди нацменьшинств. «Лед тронулся», – отмечал он (Средневожская

коммуна. 1929. № 245. С. 3). Воодушевленные данной заметкой активисты немецкого клуба написали письмо в редакцию газеты: «Мы в свою очередь считаем большим преступлением существование лютеранской церкви при существующем обостренном жилищном кризисе, поэтому призываем всех гр-н немцев, считающих себя передовым и культурным народом, принять наш призыв по закрытию кирхи. Кроме того, видя в настоящее время вылазки духовенства и кулацкой своры в деревнях и в городах, мы раз и навсегда считаем нужным покончить с этим гнездом, одурманивающим целыми веками массу, и к 12-й годовщине Октябрьской революции вместо черного креста выкинуть Красное Знамя» (ЦГАСО. Ф. 828. Оп. 3. Д. 32. Л. 96).

Интересно заметить, что в архивном деле, содержащем делопроизводственные документы, связанные с евангелическо-лютеранским обществом г. Самары, имеется только один документ на немецком языке – это доверенность, написанная шрифтом Зюттерлина (нем. Sütterlinschrift) – последним широко распространенным готическим куррентом. Доверенность, составленная 29 октября 1929 г., передавала право составить обращение в газету «товарищу Августу Литти» (ЦГАСО. Ф. 828. Оп. 3. Д. 32. Л. 100).

Но региональным властям важно было оправдать собственные действия и показать, что сами верующие горели желанием закрыть кирху – в решении заседания президиума Самарского городского совета от 5 января 1930 г. по вопросу о закрытии лютеранской кирхи участники немецкого клуба превратились в верующих: «...ввиду того, что религиозная община лютеран в большей своей части подписала требование о закрытии кирхи/церкви/ во главе с председателем церковного совета общины лютеранскую церковь закрыть, используя ее под культурные надобности. ГОРОНО» (ЦГАСО. Ф. 828. Оп. 3. Д. 32. Л. 88). Примечательно, что фамилии активистов немецкой секции клуба национальных меньшинств им. Сталина не совпадают со списком членов лютеранской общины. В протоколе собрания не обозначен и председатель церковного совета евангелическо-лютеранской кирхи.

Уже в феврале 1930 г. в кирхе были открыты антирелигиозный клуб и музей Союза безбожников.

Официально со времени закрытия самарской кирхи евангелическо-лютеранское общество города перестало существовать. Верующие начали скрывать свои религиозные практики, опасаясь за собственную жизнь, поскольку в 1930-е гг. активизировался не только процесс закрытия церквей, но и репрессии против верующих лютеран. За 20 лет советской власти из 350 лютеранских пасторов были арестованы и репрессированы более 130 человек [Лиценбергер, Дерюгин, Коломийцев 2016, с. 35].

Лютеране Самары не стали исключением. Репрессиям подверглись несколько уполномоченных

представителей религиозного общества самарских лютеран: М.А. Гамберг была обвинена в шпионаже, организации террористических актов против советской власти, а также в организационной деятельности, направленной к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе контрреволюционных преступлений, и приговорена 28 ноября 1930 г. тройкой при ПП ОГПУ по Средне-Волжскому краю 58-6, 58-8 и 58-11 к 5 годам заключения в концлагере (Книга памяти Самарской области); К.К. Барат был арестован 8 марта 1930 г., однако дело было прекращено за недосказанностью обвинений (Книга памяти Самарской области); Э.Р. Келлер была арестована также 8 марта 1930 г., обвинена в оказании помощи международной буржуазии, шпионаже и контрреволюционной деятельности и приговорена Особым Совещанием при Коллегии ОГПУ 10 апреля 1931 г. к трем годам ссылки в Сибирь (Книга памяти Самарской области). Трагично сложилась и судьба пастора Г.Я. Коха – он был арестован 8 марта 1930 г. по обвинению в шпионаже и контрреволюционной деятельности и в апреле 1931 г. приговорен к пяти годам ссылки в Сибирь (Книга памяти Самарской области).

Заключение

С самого начала установления советской власти лютеране Самары были поставлены в совершенно новые условия. Помимо политической и экономической несвободы советская власть лишила церковь ее ключевой роли. Все важнейшие периоды жизни человека, ранее иницируемые религиозными обрядами, – от рождения до смерти – теперь полностью переходили под контроль государства.

Однако анализ источникового материала показывает, что, несмотря на все трудности, лютеранская община г. Самары с 1918 по 1929 г. функционировала в полном объеме, о чем говорят, например, избрание постоянно действующего пастора или проведение ежегодного обряда конфирмации.

Материалы исследования

Декрет «Об отделении церкви...» 1918 – Декрет Совета Народных Комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви от 28 января 1918 г. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5325> (дата обращения: 17.10.2021).

Книга памяти Самарской области – Книга памяти Самарской области. URL: <https://ru.openlist.wiki> (дата обращения: 25.09.2021).

Постановление «О религиозных объединениях» 1929 – Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров РСФСР от 8 апреля 1929 г. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=1787#UF1Py7TJbrCABrs4> (дата обращения: 20.11.2021).

СОГАСПИ – Самарский областной архив социально-политической истории.

Средневожская коммуна – Средневожская коммуна.

ЦГАСО – Центральный государственный архив Самарской области.

Библиографический список

Luehrmann 2015 – Luehrmann S. Religion in Secular Archives: Soviet Atheism and Historical Knowledge. New York: Oxford University Press, 2015. 240 p. URL: <https://archive.org/details/religioninsecula0000lueh>.

Коренным образом жизнь общины поменялась в 1929 г., когда борьба с религией не просто активизировалась, но превратилась в одну из форм социалистического соревнования, что, безусловно, повлекло за собой перегибы в осуществлении антирелигиозной политики – церкви и молельные дома стремились закрыть как можно скорее.

На наш взгляд, ключевым фактором реализации антирелигиозной кампании против лютеран стал национальный вопрос, который обострялся в рамках культурной и идеологической работы с национальными меньшинствами. В частности, это демонстрирует резолюция Седьмого Всесоюзного совещания немецкой секции и немецких партработников, в которой отдельным пунктом указана необходимость усиления антирелигиозной пропаганды, поскольку «национально-религиозная замкнутость немецкого населения способствует затуханию классового расслоения» (СОГАСПИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 582. Л. 8). Кроме того, анализ текста архивных источников показал, что инициатором последней стадии антирелигиозной кампании выступили сами немцы – они вынесли вопрос о необходимости закрытия кирхи, написали обращение в «Средневожскую коммуны», бросили в рамках социалистического соревнования вызов полякам-католикам. Однако, изучая источники, мы увидели, что в ходе процесса по закрытию кирхи немцы-активисты клуба национальных меньшинств им. Сталина «трансформировались» в немцев-верующих, что демонстрирует стремление местной власти легитимировать процесс гонения на религиозные общины, а значит, избежать обвинений центральной власти в «перегибах на местах».

Таким образом, антирелигиозная кампания местной власти, направленная на борьбу с общиной евангелических лютеран, соединила в себе несколько важнейших советских идеологем – это инициатива общественности, национальный и культурно-просветительские вопросы, классовая борьба, борьба с религией, а также социалистическое соревнование.

- Беглов 2008 – *Беглов А.Л.* В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. Москва, 2008. 352 с. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/v-poiskah-bezgreshnyh-katakomb-tserkovnoe-podpole-v-sssr/.
- Лучшев 2016 – *Лучшев Е.М.* Антирелигиозная пропаганда в СССР: 1917–1941 гг. Санкт-Петербург, 2016. 364 с. URL: <https://djvu.online/file/aNOS9K9I2uKCy>.
- Лиценбергер 2003 – *Лиценбергер О.А.* Евангелическо-лютеранская церковь в Российской истории (XVI–XX вв.). Минск, 2003. 544 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25834699>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vtiwcr>.
- Лиценбергер, Дерюгин, Коломийцев 2016 – *Лиценбергер О.А., Дерюгин А.Ю., Коломийцев Н.А.* Евангелическо-лютеранская церковь Святой Марии в Саратове: (к 250-летию с момента основания. Москва, 2016. 151 с. URL: <https://bibliothek.rusdeutsch.ru/pdf/pdf.php>.
- Мендюков 2014 – *Мендюков А.В.* Русская православная церковь и верующие в Советской России в условиях формирующегося тоталитаризма // Диалог со временем. 2014. № 48. С. 265–275. URL: https://roii.ru/publications/dialogue/article/48_17/menduykov_a.v./russian-orthodox-church-and-its-parishioners-in-soviet-russia-and-the-emerging-totalitarianism; <https://elibrary.ru/item.asp?id=22752908>. EDN: <https://elibrary.ru/tdxlm1>.
- Одинцов 1991 – *Одинцов М.И.* Государство и церковь. (История взаимоотношений. 1917–1938 гг.). Москва, 1991. 64 с. URL: https://vk.com/wall-118353223_2197.
- Подмарицын 2008 – *Подмарицын А.* Очерки истории Самарской епархии. Самара, 2008. 171 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19954070>. EDN: <https://elibrary.ru/quraoh>.
- Смолкин 2021 – *Смолкин В.* Свято место пусто не бывает: история советского атеизма. Москва, 2021. 552 с. URL: https://www.rulit.me/data/programs/resources/pdf/Smolkin_Svyato-mesto-pusto-ne-byvaet-Istoriya-sovetskogo-ateizma_RuLit_Me_637766.pdf.
- Фицпатрик 2003 – *Фицпатрик Ш.* «Приписывание к классу» как система социальной идентификации // Россия и современный мир. 2003. № 2 (39). С. 133–151. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pripisyvanie-k-klassu-kak-sistema-sotsialnoy-identifikatsii>; https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=2771. EDN: <https://elibrary.ru/escfmb>.

References

- Luehrmann 2015 – *Luehrmann S.* (2015) Religion in Secular Archives: Soviet Atheism and Historical Knowledge. New York: Oxford University Press, 240 p. Available at: <https://archive.org/details/religioninsecula0000lueh>.
- Beglov 2008 – *Beglov A.L.* (2008) In search of «sinless catacombs». Church underground in the USSR. Moscow, 522 p. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/v-poiskah-bezgreshnyh-katakomb-tserkovnoe-podpole-v-sssr/. (In Russ.)
- Luchshev 2016 – *Luchshev E.M.* (2016) Antireligious propaganda in the USSR: 1917–1941. Saint Petersburg, 364 p. Available at: <https://djvu.online/file/aNOS9K9I2uKCy>. (In Russ.)
- Litzenberger 2003 – *Litzenberger O.A.* (2003) Evangelical Lutheran church in Russian history (XVI–XX). Minsk, 544 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25834699>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vtiwcr>. (In Russ.)
- Litzenberger, Deryugin, Kolomiitzev 2016 – *Litzenberger O.A., Deryugin A.Yu., Kolomiitzev N.A.* (2016) Evangelical Lutheran church of St. Mary in Saratov (250-year foundation anniversary). Moscow, 151 p. Available at: <https://bibliothek.rusdeutsch.ru/pdf/pdf.php>. (In Russ.)
- Menduykov 2014 – *Menduykov A.V.* (2014) Russian Orthodox Church and its parishioners in Soviet Russia and the emerging totalitarianism. *Dialog with time*, no. 48, pp. 265–275. Available at: https://roii.ru/publications/dialogue/article/48_17/menduykov_a.v./russian-orthodox-church-and-its-parishioners-in-soviet-russia-and-the-emerging-totalitarianism; <https://elibrary.ru/item.asp?id=22752908>. EDN: <https://elibrary.ru/tdxlm1>. (In Russ.)
- Odintsov 1991 – *Odintsov M.I.* (1991) State and Church. (History of relationships. 1917–1938). Moscow, 64 p. Available at: https://vk.com/wall-118353223_2197. (In Russ.)
- Podmaritzyn 2008 – *Podmaritzyn A.* (2008) Essays on the history of the Samara diocese. Samara, 171 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19954070>. EDN: <https://elibrary.ru/quraoh>. (In Russ.)
- Smolkin 2021 – *Smolkin V.* (2021) A Sacred Space Is Never Empty. A History of Soviet Atheism. Moscow, 552 p. Available at: https://www.rulit.me/data/programs/resources/pdf/Smolkin_Svyato-mesto-pusto-ne-byvaet-Istoriya-sovetskogo-ateizma_RuLit_Me_637766.pdf. (In Russ.)
- Fitzpatrick 2003 – *Fitzpatrick Sh.* (2003) «Attribution to a class» as a system of social identification. *Russia and the contemporary world*, no 2 (19), pp. 133–151. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pripisyvanie-k-klassu-kak-sistema-sotsialnoy-identifikatsii>; https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=2771. EDN: <https://elibrary.ru/escfmb>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 328.123(470.23-25)

Дата поступления: 18.05.2022
рецензирования: 20.07.2022
принятия: 28.08.2022

Путь в оппозицию: причины студенческого протеста в Ленинграде 1920-х гг.

Д.А. Баринов

Санкт-Петербургский институт истории РАН,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: barinovdima1990@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3592-8557>

Аннотация: Студенчество традиционно являлось питательной средой для политического протеста. Эта традиция сформировалась еще в дореволюционный период, когда учащиеся университетов и институтов были активными участниками как работы политических партий различного толка, так и общеузовской борьбы за расширение автономии высшей школы. В первое время после революции студенчество продолжало быть одной из наиболее активных протестных групп, что наиболее ярко проявилось во время внутрипартийной борьбы 1920-х гг. Продолжая тему студенческого движения в раннем СССР, затронутую нами в предыдущих публикациях, в данной статье мы обратились к проблеме мотивации вузовцев-оппозиционеров. Для этого нами были привлечены материалы Контрольных комиссий ВКП(б) и личных партийных дел, которые позволяют компенсировать малое число источников личного происхождения, связанных с историей левой оппозиции. Несмотря на большой рост интереса к теме антисталинской альтернативы в ВКП(б), этот ценный круг источников не был задействован в существующих исследованиях. В статье приводится группировка основных мотивов и причин вовлечения в оппозиционную работу, а также оценка того, насколько они совпадали с содержанием программных документов, подготовленных лидерами движения. Среди основных причин, выявленных нами: разногласия с ЦК по крестьянскому и китайскому вопросу, зажим внутрипартийной демократии, поиск острых ощущений, защита авторитета большевистских вождей (Г.Е. Зиновьева, Л.Д. Троцкого) и др. Нами также будет описан путь вовлечения студентов в оппозиционную борьбу и определено место в этом процессе неформальных и родственных связей.

Ключевые слова: левая оппозиция, высшая школа, история ВКП(б), внутрипартийная борьба, студенческое движение, Л.Д. Троцкий, Г.Е. Зиновьев.

Благодарности. Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук МК-54.2022.2.

Цитирование. Баринов Д.А. Путь в оппозицию: причины студенческого протеста в Ленинграде в 1920-х гг. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 3. С. 52–61. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-52-61>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Баринов Д.А., 2022

Дмитрий Андреевич Баринов – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН, 197110, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 18.05.2022
Revised: 20.07.2022
Accepted: 28.08.2022

Path to opposition: the motives of the student protest in Leningrad in the 1920-ies

D.A. Barinov

Saint Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation

E-mail: barinovdima1990@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3592-8557>

Abstract: Students have traditionally been a breeding ground for political protest. This tradition was formed back in the pre-revolutionary period, when students of universities and institutes were active participants in both the work of political parties of various persuasions and the all-university struggle for expanding the autonomy of higher education. In the first period after the revolution, the students continued to be one of the most active protest groups, which was most clearly manifested during the intra-party struggle of the 1920-ies. Continuing the theme of the student movement in the early USSR, which we touched upon in previous publications, in this article we turned to the problem of motivating opposition university students. To do this, we used materials from the Control Commissions of the CPSU (b) and personal party files, which make it possible to compensate for the small number of sources of personal origin related to the history of the Left Opposition. Despite the great growth of interest in the topic of the anti-Stalinist alternative in the CPSU(b), this valuable range of sources was not included in the existing studies. The article provides a grouping of the main motives and reasons for involvement in opposition work, as well as an assessment of how they coincided with the content of program documents prepared by the leaders of the movement. Among the main reasons that we have identified are: disagreements

with the Central Committee on the peasant and Chinese issues, suppression of inner-party democracy, the search for thrills, the protection of the authority of the Bolshevik leaders (G.E. Zinoviev, L.D. Trotsky), etc. We will also describe the path of involvement of students in the opposition struggle, and the role of informal and family ties in this process will be determined as well.

Key words: left opposition; higher education; history of the CPSU (b); internal party struggle; student movement; L.D. Trotsky; G.E. Zinoviev.

Acknowledgments. The article was prepared with the support of the grant of the President of the Russian Federation for state support of young Russian scientists – candidates of sciences MK-54.2022.2.

Citation. Barinov D.A. Path to opposition: the motives of the student protest in Leningrad in the 1920-ies. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* = *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 28, no. 3, pp. 52–61. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-52-61>.

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Barinov D.A., 2022

Dmitry A. Barinov – Candidate of Historical Sciences, research fellow, St. Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences, 7, Petrozavodskaya Street, Saint Petersburg, 197110, Russian Federation.

Введение

Исследование политических столкновений внутри ВКП(б) в 1920-х гг., как правило, ограничивается лишь историей центральных и местных партийных органов [Назаров 2002; Фельштинский, Чернявский 2013, Апальков 2022]. Однако отличительной особенностью внутрипартийной борьбы является участие в ней массы рядовых большевиков. Каков был их путь в оппозицию? В чем им виделась ошибочность курса Сталина – Бухарина? Насколько взгляды рядовых оппозиционеров отражали программные документы, подготовленные старыми большевиками? Ответы на эти вопросы помогут расширить представление о низовой работе оппозиции. Нам кажется, что пример петроградского студенчества будет адекватным для решения этих задач. Как мы отмечали в предыдущих публикациях, студенты и преподаватели вузов играли знаковую роль в ведении оппозиционной борьбы. В 1923 г. вузовские партийные ячейки стали фактически единственными коллективами, поддержавшими «новый курс» Троцкого [Резник 2018, с. 189; Дмитренко 1987, с. 19, 32–33]. Во время действия ленинградской оппозиции 1925–1926 гг. вторым фронтом борьбы (после фабрик и заводов) со сторонниками Зиновьева стали коллективы крупных вузов [Баринов 2021 с; Halfin 2007, pp. 178–226]. Во время существования блока Троцкого – Зиновьева в 1926–1927 гг. университетские и институтские ячейки оппозиции часто становились наиболее крупными, а преподаватели вузов были в числе ключевых организаторов и теоретиков движения [Баринов 2021 b, Стефаненко 2021]. Велико было представительство вузовцев и в период подпольной борьбы [Баринов 2022, с. 21–22, Гусев 1996].

Для нашего исследования важно оценить мотивацию участников оппозиционной работы и понять, имелись ли у сторонников Троцкого и Зиновьева собственные причины для включения во внутрипартийную борьбу, или их политическая активность была лишь откликом на программы, предлагаемые авторитетными большевиками. Однако поставить этот вопрос легче, чем его решить, т. к. круг источников личного происхождения, связанных с рядовыми оппозиционерами, крайне ограничен. На наш взгляд, восполнить этот пробел

могут материалы партийных и контрольно-партийных органов. В конце 1927 – начале 1928 гг. началась массовая проработка оппозиционеров в Контрольных комиссиях, по результатам которой определялась мера партийного взыскания (как правило, исключение из ВКП(б)). Сохранившиеся протоколы и выписки из опросов оппозиционеров дают опору для создания политического портрета сторонников Троцкого – Зиновьева. Комиссия старалась выяснить основные разногласия с линией ЦК, причины вступления в ряды оппозиции, знакомство с ее материалами, характер работы, фамилии соратников и т. д. Разумеется, многие «фракционеры» старались приуменьшить свою вину или вовсе односложно отвечали на вопросы. Однако сам принцип действия комиссии заключался в том, что наградой за максимально подробные показания и искреннее раскаяние могло стать более мягкое наказание. Трудность в работе с материалами контрольных комиссий заключается в том, что они сохранились лишь фрагментарно, только для части опрошенных оппозиционеров; вместе с этим они не представляют собой единого собрания и распределены по различным фондам (коллекция личных дел, фонды губернской или районных контрольных комиссий и т. д.). Другим важным источником, раскрывающим мотивы и ход оппозиционной борьбы «снизу», являются заявления, поданные при восстановлении в ВКП(б). Часть бывших оппозиционеров считала своим долгом полностью разоружиться перед партией и сопровождала заявление на возвращение в ряды большевиков подробными рассказами о «преступлениях» против партии. Помимо названных источников мы также используем в своей статье немногочисленные воспоминания московских и ленинградских вузовцев-оппозиционеров.

На основании обозначенного круга источников мы выделим ключевые причины и поводы для разногласий с политикой партийного большинства, а также опишем процесс втягивания вузовцев в оппозиционную борьбу.

Демократия

Дискуссия вокруг 1923 г. была наиболее широким обсуждением проблем внутрипартийной

демократии и стала первым этапом формирования низовых оппозиционных групп. Главными программными документами оппозиционеров стали «Новый курс» Троцкого и во многом совпадающее с ним по содержанию, но более радикальное и заостренное «Заявление 46-ти» (получившее среди рядовых партийцев название платформа Сапронова – Преображенского по фамилиям ее наиболее авторитетных составителей). Стараниями Г.Е. Зиновьева Петроград стал оплотом борьбы с «троцкизмом». Принятые местной партийной и комсомольской организацией резолюции о внутрипартийном положении стали основой для дискуссии не только в Северной столице, но и во многих других городах.

Как воспринимали проблемы внутрипартийной демократии студенты? Они часто были склонны обращать внимание не на принципы работы ВКП(б) как таковой, а на те притеснения, который испытывали в собственном партийном коллективе. Многих раздражал явно формальный характер партийной работы, сводившейся к «механическому поднятию рук». Слушатель Военно-медицинской академии В.С. Мухаев заявлял, что партийные массы слишком задавлены и им, в сущности, все равно, за что голосовать, будет одобрено любое заранее сформулированное решение (ЦГАИПД СПб. Ф. 4. Оп. 1. Д. 874. Л. 66 об.). Письмо Петроградской организации многими рассматривалось как очередное подтверждение невозможности реального участия партийной массы в принятии решений. Поэтому студенты не просто возражали против содержания письма, но и оспаривали его легитимность, т. к. документ, принятый без обсуждения в ячейках, выдавался за мнение всей организации (ЦГАИПД СПб. Ф. 4. Оп. 1. Д. 108. Л. 37 (Горный), Л. 39 (рабфак ЛГУ)). В наиболее острой форме эти переживания выразил студент Института внешкольного образования им. Крупской И.А. Юрьев: мы, как «коммунистические низы <...>, имеем обязанности, но не имеем прав. Постоянное запугивание сверху, спекуляции словами “партидисциплина” и “Ленин сказал” превращают нашу партию в касту. Нетактичность и диктаторство сверху и поставили этот вопрос [о превращении] аппарата из исполнительного органа в руководителя <...> Резолюция Петроградской организации представляет собой резолюцию чиновников, а не рядовых членов партии» (ЦГАИПД СПб. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1250. Л. 18 об.). Существовали также призывы дать большую свободу дискуссии, не клеймить выступавших фракционерами и не мешать все критические взгляды в единую «опозицию» (ЦГАИПД СПб. Ф. 4. Оп. 1. Д. 108. Л. 42 об., 44 (2-й Политех)).

Дальнейшая партийная борьба новой оппозиции и блока Троцкого – Зиновьева шла по более широкому кругу вопросов, нежели дискуссия 1923 г. Однако и тогда проблема внутрипартийной демократии была одной из самых актуальных. Более того, после победы ЦК в дискуссии 1923 г. и раз-

грома ленинградской оппозиции 1925–1926 гг. вопрос о демократии перестал быть исключительно политическим. В новых условиях критику или несогласие с линией ЦК невозможно было озвучить без последующего порицания со стороны партийного коллектива, к чему особенно чувствительны оказались студенты. Я.И. Бавыкин (ЛГУ) выступал против процветания шкурничества, пассивного послушания и равнения на начальство. Бюрократия, полагал он, стала принимать уродливую форму. Дискуссии в ячейках нет, материалы толком не прорабатываются. Партийное начальство носится с оппозицией как с «писаной торбой», а на самом деле заглушает любую критику, от члена партии требуется беспрекословное подчинение и мыслями, и делом. Достаточно товарищу высказаться в оппозиционном духе, заключал Бавыкин, как тут же он обращается в плохого работника, на какой бы должности ни находился (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1–100. Д. 793171. Л. 6–6 об.). Об отсутствии условий для нормального ведения дискуссии заявляла группа преподавателей-оппозиционеров ЛГПИ им. Герцена – М.М. Духовный, Г.Я. Яковин, О.Г. Лифшиц. На заседании коллектива они отмечали, что дискуссия всегда запаздывает, материалов для кружков недостаточно, работа бюро идет с нарушениями и препятствует нормальному ходу дискуссии: «...бюро коллектива своими мелкими вопросами вытесняет большие – это оппортунистическая пошлость» (ЦГАИПД СПб. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 123. Л. 3–4). Этот же вопрос поднимали оппозиционеры Сельскохозяйственного института: партаппарат должен исполнять волю партийцев, а не спускать готовые директивы; отмечалось, что дискуссии задавался слишком острый характер, несогласным не давали выступать (ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 175. Л. 8). Многие отмечали, что именно невозможность ознакомиться с дискутируемыми материалами (о которых почти все говорили, но мало кто их видел) и толкнула на сближение с оппозиционерами (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1–24. Д. 186487. Ч. 3. Л. 4 об.). И.Ф. Панин (ЛГПИ им. Герцена) возмущался, что осуждаются речи и документы, которые никто из собравшихся не читал (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1–24. Д. 191061. Ч. а. Л. 7).

Кто-то видел в зажиме демократии прямое следствие политики ЦК – «кучки обанкротившихся лидеров, установивших железную дисциплину и уничтоживших свободу мысли в партии», при этом массам не позволяют участвовать в решении вопросов – на обсуждение выносятся уже готовые резолюции (Е.Е. Свердлов, Политехнический институт) (ЦГАИПД СПб. Ф. 4505. Оп. 14. Д. 2164. Л. 21–22.). П.М. Нелогов из Коммунистического университета утверждал, что партийная элита боится критики рядовых большевиков, боится за свое положение, т. к. верхи привыкли к кабинетам и портфелям и потому не допускают изменений в ВКП(б) (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1–87. Д. 691486. Л. 8).

Индифферентность по отношению к политическим вопросам, безынициативность рядовых партийцев связывались оппозиционерами с их карьеристскими устремлениями. Подробнее этими опасениями делился научный сотрудник Коммунистического университета и впоследствии преподаватель ЛГПИ им. Герцена, историк Н.И. Карпов (член партии с 1917 г.). На опросе в Контрольной комиссии, состоявшемся перед его исключением из партии в декабре 1927 г., он подробно описывал формирование собственных взглядов. В начале 1923 г., работая в университете, он «заметил некоторый холодок, создается какая-то прослойка, которая начинает отходить от массовой боевой работы, появляется некоторый карьеризм». Стараясь побороть растущий отрыв партии от рабочих масс, Н.И. Карпов после перевода в Педагогический институт им. Герцена сам попросил прикрепить его к партийному коллективу «Красного Путиловца» и, отказавшись от высоких постов, пошел в ячейку паровознокотельной мастерской. Историк также сокрушался, что в партию пролезает много приспособленцев, бывших представителей враждебных большевикам партий, которые в своих личных интересах «с пеной у рта» отстаивают линию ЦК. «Если я вижу какие-то ненормальности, я, как большевик, как ленинец прежде всего, в рамках устава партии я стараюсь исправлять все эти недочеты и ошибки» (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1–57. Д. 453380. Л. 44).

Схожие мысли встречаются на страницах воспоминаний выпускника рабфака МГУ И.М. Павлова. Он признавался, что «Заявление 46-ти» оказало на него сильное воздействие, т. к. озвученные в нем идеи перекликались с его собственными. Он «видел, как после окончания Гражданской войны племя мелких чиновников ринулось к государственному пирогу, отталкивая от него подлинных представителей народа. Видел жестокую борьбу за власть и влияние безыдейных и порочных элементов в партийном и государственном аппаратах. Все эти и многие другие недостатки я объяснял общей некультурностью, разрухой» (Павлов 2001, с. 41). По этим причинам он приветствовал этот протест влиятельных большевиков. Подобные настроения разделяли многие студенты, пришедшие в партию не из карьеристских соображений, а согласно собственным политическим убеждениям.

Активная оппозиционная деятельность Троцкого часто связывалась его противниками с меньшевистским прошлым наркомвоенмора. Если отказаться от спекуляций, связанных с использованием в ВКП(б) слова «меньшевик» исключительно как оскорбления, можно предположить, что названная связь могла действительно существовать. Представители небольшевистских социалистических движений начинали свой революционный путь в условиях большего демократизма и при вступлении в ВКП(б), вероятно, с трудом мирились с довольно жесткой дисциплиной. И если в годы Гражданской войны она рассматривалась как нечто неизбежное,

то в мирное время возникали надежды на большую политическую свободу. Насколько справедливо применить эти предположения к вузовцам? Из более 500 студентов и преподавателей в оппозиции, по нашим подсчетам, не менее 46 имели небольшевистское партийное прошлое: 13 состояли в партии меньшевиков (в т. ч. интернационалистов), 10 – в Бунде и Поалей-Цион, 7 – в ПСР, еще 5 – в зарубежных компартиях, 1 был анархистом. Таким образом почти каждый десятый вузовец-оппозиционер имел политический опыт, не связанный с ВКП(б). Изучение роли этого опыта в становлении левой оппозиции, на наш взгляд, могло бы стать перспективной темой исследования.

Материальная недостаточность

Можно предположить, что, как и в случае многих широких политических движений, оппозиционеров к борьбе подталкивали экономические трудности. Однако этот фактор крайне редко упоминался в качестве причины для вовлечения в протест. Более того, указывали на материальные трудности не сами оппозиционеры, а контрольные органы. Так, отмечалось, что рабфаковец Петроградского университета Н.С. Степанов «благодаря оппозиционную работу в 1923 г., т. к. «благодаря тяжелому материальному положению озлоблен» (ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 175. Л. 1). Участник подпольного кружка 1932 г., студент Горного института А.С. Скоморохов «на занятия, будучи больным, ходил без пальто, в рваных ботинках, с промокшими ногами» (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1-52. Д. 409490. Л. 28). На бедность и отсутствие работы жаловался студент Политехнического института Г.Ф. Щеклейн (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1–95. Д. 754545. Ч. 2. Л. 6 об.). Иногда со стороны «фракционеров» звучали выступления в знак солидарности с непростым положением рабочих. М.П. Красовский (Институт путей сообщения) вопрошал: «знает ли пропагандист, чем живет рабочий, и часто ли он у них бывает?»; «как определяется зарплата рабочих?»; «почему рабочих пропущено через санатории и курорты не более 5 процентов от общего числа пропущенных?» (ЦГАИПД СПб. Ф. 4505. Оп. 39. Д. 326. Л. 3). Похожее выступление сделал коллега Красовского по институту, комсомолец Кантер, говоривший о снижении заработной платы ленинградских рабочих (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1–26. Д. 201870. Л. 8 об.); высказывания об обнищании рабочих при росте производительности труда звучали в Электротехническом институте (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1–51. Д. 401091. Л. 3).

Крестьянство

Одно из наиболее частных расхождений оппозиционеров с ЦК проходило по линии крестьянского вопроса и критики нэпа. Неудивительно, что студенческая партийная молодежь, вышедшая преимущественно из крестьянской среды, из всего многообразия теоретических выкладок оста-

новилась именно на этой проблеме. М.М. Ометов (Горный институт) так описывал свои взгляды: «Я сам выходец из деревни, мои родители были безземельные крестьяне, а тов. Сталин, открывая [XIV] съезд, сказал “огонь налево”. Я считал, что ЦК недооценивает кулацкой опасности» (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1–81. Д. 640700. Ч. 3. Л. 2). Негативное впечатление открытие «огня налево» произвело и на студентов Политеха (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1–51. Д. 401041. Л. 6–7). Некоторые разногласия по крестьянскому вопросу заставляли вернуться к борьбе уже в подполье. Так, универсант В.И. Чанцев писал, что, отойдя от оппозиции после XV съезда, решил вновь в нее вернуться, когда по материалам печати понял, что объявленное съездом наступление на кулака начало сворачиваться. Особенно на него произвело впечатление выступление В.М. Молотова в печати 1 мая 1928 г., где он говорил о недостаточности популярного у оппозиции тезиса Ленина о крестьянстве: «Уметь достигать соглашения с середняком, ни на минуту не забывая о борьбе с кулаком и прочно опираясь только на бедняка» (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1–9. Д. 71880. Ч. 2. Л. 4). Очевидно, что и многими другими оппозиционерами подобные выступления рассматривались как победа правого, бухаринского курса, который они считали одной из главных опасностей для партии.

Китайский вопрос

Помимо борьбы с кулачеством одним из наиболее популярных поводов для критики ЦК являлась политика по отношению к китайской революции. Эту проблему осознавали и контрольно-партийные органы Ленинграда, составлявшие списки выступавших по китайскому вопросу в коллективах ВКП(б) (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1–10. Д. 78881. Л. 2 и далее.; ЦГАИПД СПб. Ф. Р-16. Оп. 1–8. Д. 8618 (Московско-Нарвский р-н), ЦГАИПД СПб. Ф. Р-16. Оп. 1–8. Д. 8548 (Володарский р-н)). Резня коммунистов в Шанхае, произошедшая в апреле 1927 г., для многих служила доказательством явных проблем во внешнеполитическом курсе СССР, которые становились очевидными даже без понимания тонкостей политики ЦК по отношению к Гоминьдану. Это событие рассматривалось уже не только как теоретическая, но и как практическая несостоятельность политики Сталина – Бухарина. Впечатление от массовой гибели коммунистов для многих было колоссальным. Преподаватели ЛГУ К.В. Нотман и Г.Е. Горбачев даже после капитуляции и отказа от оппозиционных взглядов оговаривались, что сохраняют свою позицию по китайскому вопросу (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1–80. Д. 633087. Ч. 4. Л. 1; ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1–53. Д. 416191. Ч. 4. Л. 7). Расхождения другого университетского преподавателя Л.Г. Райского и вовсе ограничивались только позицией по Китаю (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1–29. Д. 230054. Л. 1). Многие студенты также называли китайский вопрос в качестве

причины вступления в ряды оппозиции. Дискуссия по проблемам взаимоотношения компартии и Гоминьдана продолжалась и в 1928–1929 гг.

В отличие от крестьянского вопроса, обнаружить сколь-нибудь развернутых комментариев от студентов по поводу революции в Китае не удалось. Справедливо будет предположить, что в ряде случаев указание на несогласие с политикой ЦК в китайском вопросе на заседании Контрольной комиссии было выбором меньшего «зла». Многим могло казаться, что расхождение по внешнеполитическому вопросу сочтут не столь тяжким проступком, как критику внутренней политики, что позволило бы спастись от серьезных партийных взысканий.

Бравада

Анализ биографий противников ЦК показал, что важной и неочевидной причиной вовлечения в оппозиционную работу была бравада, свойственная представителям молодого поколения. Так партийные органы характеризовали университетского рабфаковца М.З. Жива: «Молодой. Ищет сильных ощущений. Считает, что выступать против ЦК весьма оригинально. Политически подготовлен слабо. Сомневаемся, чтобы он разобрался во всей партдискуссии» (ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 175. Л. 2). Другим примером может послужить биография студента Горного института В.Ф. Лысова. До исключения из ВКП(б) за фракционную работу он имел несколько взысканий за пьянство и дебош. В среде оппозиционеров занимался постоянным поиском провокаторов. Одному из подозреваемых в доносительстве заявил: «...если это неправда, дай мне по морде, а если не дашь, значит, соглашаешься со мной». В 1927 г. Лысов украл из института стеклограф для устройства типографии, на заседание контрольно-партийных органов отказался явиться из-за якобы охватившей его тропической лихорадки. «Постоянное пребывание в той или иной оппозиции объясняется желанием стать в позу “героя”» – сложно не согласиться с такой аттестацией, данной В.Ф. Лысову партийной ячейкой Горного (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1–52. Д. 408662. Ч. 2. Л. 3, 8).

Явно бравировал своей оппозиционностью сотрудник института Гипромез Н.Я. Храмцов. В 1926 г. под видом командировки он отправился на Урал для поиска сторонников, где сам в 1918 г. был председателем ЧК в Екатеринбурге. Оппозиционная агитация началась еще в поезде, при этом особую откровенность лозунгам Храмцова придавали обширные запасы алкоголя, которые тот вез с собой. Начав с критики политики Сталина – Бухарина, Храмцов продолжил гневной отповедью в адрес ГПУ. Он настаивал на том, что политуправлению «нечего делать», поэтому оно с благословления ЦК занимается охотой на старых большевиков, ищет их письма, приходит к ним на обыски. Вместо этого ГПУ предлагалось решить наконец польский вопрос, т. е. разбить буржуазное правительство в Польше и посадить туда Троцкого

(лучшая кандидатура после смерти Дзержинского). Сопровождались «оппозиционные философствования» похабными речами, бранью и препирательством с милицией, проводниками и пассажирам (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1–19. Д. 69985. Ч. 1. Л. 2–3).

К числу политических авантюристов можно отнести Е.И. Ходе, составителя оппозиционной резолюции в Артиллерийской академии РККА в 1923 г. На тот момент он являлся педагогом-экономистом и помощником по учебной части Академии. Учитывая, что по некоторым источникам ему в тот момент было всего 22 года, такую карьеру можно назвать впечатляющей. Однако более подробное знакомство с политической биографией Ходе вскрывает весьма нетривиальные причины его профессиональных «успехов». Оказалось, что примерно в начале 1920-х гг. Ходе придумал для себя вторую личность, для чего изменил себе год рождения с 1901-го на 1895-й и год вступления в партию с 1919-го на 1915-й. В качестве занимаемых ранее должностей он приписывал себе пост председателя Пермского губкома. При этом своевременно проверить эти данные по партийному билету оказалось невозможным, т. к. он якобы оказался утерян. Метаморфозы Ходе коснулись и его национальности – вместо еврея он решил сказать осетином, для чего представлялся различными вымышленными именами и фамилиями (Ефрен, Долидзе, Долицкий). Эта перемена вовсе не была случайной, т. к. выяснилось, что через свою сестру он был связан с сионистской организацией «Гошмар» («Лев») и имел отношения с главой ее Северо-западного бюро. Конец приключениям Ходе наступил в 1924 г., когда вместе с братом он был арестован за мошенничество в УССР (неучтенная прибыль при добыче серебра) (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1–1. Д. 5596. Ч. 1. Л. 179–181, 195–196, 197).

Случаи подобного безрассудства были нечастыми, но регулярными. Очевидно, что для оппозиционеров подобного рода вопросы внутрипартийной борьбы находились не на первом месте.

В целом ряде случаев факт нахождения в оппозиции (как и само членство в большевистской партии) выглядит противоречащим всем предпосылкам. Речь идет прежде всего о выходцах из знатных семей. Дед лидера оппозиции Ленинграда, ректора Лесного института Ф.Н. Дингельштедта участвовал в Отечественной войне 1812 г. и во взятии Парижа в 1814 г.; отец его был известным военным (участником Русско-турецкой войны) и художником (ГАРФ Ф. 102. Оп. 147. Д. 350. Ч. 8. Л. 8). О.Е. Юргенс была дочерью крупного чиновника Министерства императорского двора. Брат и сестра М.Х. и З.Х. Бураго (Горный и ЛГУ) и вовсе родились в семье, пострадавшей от революционного движения: их отец, польский дворянин и чиновник, был убит эсерами в 1906 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1–7. Д. 49054. Л. 4). Из зажиточных семей купцов и банкиров также были З.Н. Якимова (Институт народного хозяйства), Е.Я. Семичев (Политех).

Вожди

Для многих партийцев оппозиционная работа была связана с авторитетом вчерашних вождей ВКП(б). Не имея возможности выступать в печати, опальные большевики были вынуждены «идти в народ», то есть пойти на непосредственный контакт с партийными массами. В 1927 г. в Ленинграде на квартирных встречах с участием Троцкого, Зиновьева, К.Б. Радека, Г.Е. Евдокимова, Г.И. Сафарова побывали тысячи человек. Конечно, возможность общения или совместной работы со знаменитыми революционерами, вчерашними лидерами не только российского, но и мирового освободительного движения привлекала молодых людей. Для многих неприятие сталинского курса было связано именно с симпатиями или личным доверием к крупным фигурам оппозиции. Л.С. Штеренсон (Институт политпросвет работы им. Крупской) говорил о «глубокой вере в Зиновьева», который имел для него «огромный моральный авторитет». Схожего мнения придерживались и другие оппозиционеры института, отмечавшие, что Зиновьев «не может врать» (ЦГАИПД СПб. Ф. 564. Оп. 1. Д. 433. Л. 5 об., 22). И.Л. Глечков (ЛГУ) отмечал, что вступил в оппозицию после встречи с Зиновьевым на квартире и «его авторитет заставил меня укрепиться во мнении о правоте оппозиции» (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1–95. Д. 752697. Ч. 1. Л. 9 об.). При таком патерналистском подходе к внутрипартийной борьбе политические и экономические разногласия в ВКП(б) часто отходили на второй план, а борьба с оппозицией воспринималась как результат личного столкновения вождей партии, ущемление авторитетных большевиков. В таких случаях характер оппозиционных выступлений в партъячейках представлял собой защиту права вчерашних большевистских вождей на мнение. Х.И. Ильвес (Восточный институт) говорила, что, «если старые члены партии не имеют права высказываться, это никуда не годится», отмечая при этом, что опирается она не на Троцкого и Зиновьева, а на авторитет тысяч старых большевиков: «... в оппозицию пойдет не всякий, потому что требуется мужество» (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1–7. Д. 48166. Ч. 6. Л. 11, 13). Е.Е. Свердлов на собрании коллектива ВКП(б) Политехнического института говорил, что именно ЦК, а не оппозиция были главными раскольниками партии, т. к. он отторгает от себя большинство старых ленинцев (ЦГАИПД СПб. Ф. 4505. Оп. 14. Д. 2164. Л. 21–22). М.Я. Натансон (Электротехнический институт) утверждала, что Зиновьев правильно вел себя на съезде, т. к. имел право указать партии на слабые места и защищать парторганизацию своего города (ЦГАИПД СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 39. Л. 94). Прозвучало и множество других подобных заявлений, защищавших лидеров оппозиции от обвинений в меньшевизме.

Некоторые приходили в стан сторонников Троцкого под явным впечатлением от его публицистических работ. Известно, что в духе статей

Троцкого о революционном быте выступал и публиковался студент Горного института Б.Л. Бродянский [Бродянский, 1923 а, 1923 б]. Он же составил оппозиционную резолюцию в институте. Среди поклонников литературного творчества наркомвоенмора находился также преподаватель университета Г.Е. Горбачев. Свой отзыв о работе Троцкого «Литература и революция», несмотря на обилие критических выпадов, он завершил суждением о том, что это сочинение – произведение великого литературного критика, а отдельные его главы являются образцом марксистского анализа [Горбачев 1926, с. 160, 194].

Часто для оппозиционеров, наоборот, была принципиальна антивождистская программа, т. е. действия, направленные персонально против авторитаризма И.В. Сталина. З.М. Бравый (Горный институт) характеризовал Сталина как мерзавца (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1–51. Д. 405814. Ч. 4. Л. 3); П.М. Нелогов описывал методы подавления оппозиции как сталинский фашизм (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1–87. Д. 691486. Ч. 2. Л. 4–5). Подробно о своем неприятии сталинских методов руководства вспоминал выпускник Института путей сообщения Б.Е. Беленький: «Сталин в поисках убивающих оппозицию обвинений выдумал, что оппозиция связалась с капиталистическими странами, чуть ли с контрразведкой», «Мне противны были <...> ультрапарадоксальность и безграничная вера в Сталина». Беленький отмечал, что большое впечатление на него произвело «Завещание» В.И. Ленина, показанное ему коллегой по институту А.А. Кулевым. Из этого сочинения он составил для себя представление о политической «физиономии» генсека (Беленький 2013).

Вовлечение

Рассмотрим то, как происходило втягивание партийцев в оппозиционную борьбу. В предыдущих публикациях мы уже отмечали, что выступление в ячейках начиная с 1927 г. оборачивалось для оппозиционеров настоящим моральным испытанием [Баринов 2021 а, с. 1123]. Б.Е. Беленький описывал то колоссальное давление, которое он испытывал с разных сторон: «В партийном отношении я тогда находился между двумя влияниями, двумя силами. Многие товарищи, желая отколоть меня от оппозиции, доказывали, что оппозиция разрушает единство партии и что это чревато опасностями в период капиталистического окружения нашей страны. Этот довод на меня сильно действовал, и я частенько задумывался, прав ли я. Но с другой стороны передо мной вставал Сталин с его методами руководства <...> и я не мог мириться с ним» (Беленький 2013).

Выступления оппозиции встречали обструкцией, свистом, угрозами расправы и т. д. От старших коллег по оппозиции поступали специальные инструкции – записываться на выступления по 5–6 человек подряд, создавая тем самым впечат-

ление о большом представительстве оппозиции (ЦГАИПД СПб. Ф. 564. Оп. 1. Д. 433. Л. 25). Тем не менее в условиях постоянного давления донести свои идеи до слушателей было непростым делом, однако иногда и такая агитация находила отклик. К.А. Шостак (Политехнический институт) сам нашел в общежитии Института путей сообщения студента, выступавшего в ячейке в оппозиционном духе. Тот сначала подозревал – не шпик ли Шостак. Когда сомнения развеялись, была назначена встреча на нейтральной территории – у памятника Г.Е. Плеханову. Впоследствии состоялась еще пара встреч, после которых Шостака познакомили с оппозиционной Платформой и убедили ее подписать, успокоив его, что документ вполне легальный, т. к. об этом якобы сказал сам С. Орджоникидзе. Одновременно началась подготовка к прениям в ячейке. Впоследствии состоялось знакомство с С.Г. Боголеповым – лидером оппозиции Политеха и Выборгского района, а затем Шостаку дали адрес квартиры, где устраивал встречи Г.Е. Зиновьев (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1–51. Д. 401057. Л. 7–8).

Описанный путь – это пример грамотной и осторожной работы оппозиционной ячейки, которая заботилась о качественном составе движения и старалась избегать появления в своих рядах шпионов или провокаторов. По мере включения в работу нового члена знакомили со все более влиятельными фигурами и приглашали на более ответственные собрания. Но далеко не все оппозиционеры отличались подобной аккуратностью. А.З. Брейдо (Институт гражданских инженеров) после встречи с бывшим однокурсником, студентом ЛГУ А.Б. Падво был в скором времени приглашен на собрание с Троцким на проспекте 25 Октября (ныне – Невский). Там его свели с одним из лидеров оппозиции в комсомоле – университетским рабфаковцем М.С. Мартинковским. Тот начал с места в карьер: дал Брейдо оппозиционные материалы, поручил организовать кружок, велел выступать в партячейке, пригласил на новые собрания с участием вождей оппозиции, хотя сам признавал, что они под угрозой срыва. При этом Мартинковский не скрывал своей уверенности в победе оппозиции, говорил о скрытых сторонниках в Центральном и Выборгском райкомах, утверждал (или выдумывал), что свои люди есть и в ГПУ и они спасут оппозицию от чистки партаппарата. Вскоре Брейдо, ошеломленный, очевидно, столь яростным напором, донес обо всем в Контрольную комиссию, сдав полученные материалы и назвав услышанные фамилии (ЦГАИПД СПб. Ф. 601-К. Оп. 1 Д. 868. Л. 102–102 об.). Другие оппозиционеры явно смешивали политическую пропаганду с флиртом. Студентка Института путей сообщения заявляла: «Однажды подходит ко мне тов. [М. Ф.] Строков и заявляет, что “я буду тебя обрабатывать, ты – девка хорошая, но тебя обманывают”» (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1–26. Д. 201870. Л. 4).

Большое значение для поиска сторонников имели личные связи. Некоторые оппозиционеры старшего поколения были знакомы еще по дореволюционной партийной работе, как, например, супруга Троцкого А.Л. Бронштейн (Технологический институт) и один из главных пропагандистов «Нового курса» в Петрограде Б.Г. Козловский (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 684141. Ч. 6. Л. 11). Ключевая фигура ленинградской оппозиции 1926–1927 гг. Ф.Н. Дингельштедт в 1910–1911 гг. годы входил в состав Коалиционного комитета, который руководил одной из крупнейших студенческих забастовок в истории Российской империи (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 147. Д. 350. Ч. 8. Л. 2). Активным участником этого протеста был также Г.Л. Пятаков – будущий лидер компартии Украины, член ЦК ВКП(б), известный оппозиционер [Солдатенко 2017, с. 30–31]. Отметим, что в целом случаи подпольных связей до революции в исследуемой нами группе вузовских оппозиционеров не были слишком часты ввиду молодости студентов и большинства преподавателей.

Другим важным фактором втягивания в оппозиционную борьбу были семейные связи. Даже выборка, ограниченная вузовцами, дает десятки примеров работы в оппозиции семейных пар. Среди преподавателей: В.В. Бухарцева и Т.И. Харечко, О.М. Танхилевич и И.М. Альтер, М.А. Советкина и Ф.Н. Дингельштедт, Д.И. Белоцерковская и Г.И. Григоров, С.А. Лотте и М.Л. Ширвиндт, М.Н. Натансон и А.И. Анишев, С.Б. Раскина и Б.А. Куржний, Б.С. и С.И. Канатчиковы, Н.И. Карпов и О.Е. Юргенс, а также его вторая жена А.Д. Войтоловская, сестра которой была замужем за оппозиционером К.В. Нотманом. Среди студентов: С.Г. и М.М. Боголеповы, Г.А. Лавров и Е.А. Чернышева, Е.Я. и Е.А. Семичевы, Ю.Б. Тартаковская и Е.Т. Тимофеев-Копельсон, С.Ф. и В.С. Витковские, С.Б. Лобанова-Фальковская и Л.С. Штеренсон, К.М. Никитина и С.А. Николаев. В оппозиции состояли и жены ее лидеров – супруга Зиновьева З.И. Лилина (ЛГПИ им. Герцена), бывшая супруга Троцкого А.Л. Бронштейн. Участвовали в оппозиции и кровные родственники, братья и сестры: А.Б. и М.Б. Падво, Н.В. и Д.В. Вихоревы, А.Н. и Г.Н. Луловы, А.Я. и Э.Я. Клявс-Клявины, М.Г. и А.Г. Мальчихины, М.Х. и З.Х. Бурагов, двоюродные братья Н.А. и С.П. Отрожденные, сестры А.Л. Бронштейн и М.Л. Соколовская и др.

Неформальным штабом оппозиции Ленинграда стала бывшая гостиница «Астория», переделанная после революции в 1-й Дом Петроградского совета. Часть дома была отдана под квартиры, где располагались многие оппозиционеры. Сохранились воспоминания современников об истории 1920-х гг.: «...хорошо познакомился с жизнью этого своеобразного ковчега, с его пестрым и в то же время в чем-то схожим населением. Там жили и старые большевики, и – их было больше – молодые партийцы, карьера которых шла вверх, порою стремительно» (Рабинович 1996, с. 88). Известно, что в

«Астории» часто с супругами проживали преподаватели Н.И. Карпов, О.Г. Лифшиц, И.М. Альтер, Ф.Н. Дингельштедт, М.Л. Ширвиндт, Л.Г. Райский, А.И. Малышев и др. Конечно, такая тесная связь порождала не только политическую, но и личную близость. Они хорошо были знакомы между собой в быту, их дети (например, Г.И. Григорова и Ф.Н. Дингельштедта) учились в одних школах (Григоров 2005, с. 408–409; Войтоловская 1991, с. 264).

Тут же в бывших номерах «Астории» велась и работа со сторонниками. Писатель Виктор Серж вспоминал: «Мы собирались в номере “Астории”, обычно у Н.И. Карпова, профессора агрономии, бывшего армейского комиссара. Приходили: два или три рабфаковца, два старых большевика из рабочих, участвовавшие во всех революциях, которые произошли в Петрограде за двадцать лет; К., в прошлом организатор партийной типографии, скромный, не занявший синекуры из-за излишней совестливости, который и десять лет спустя после взятия власти по-прежнему жил в бедности, худой и бледный, в выцветшей фуражке; Федоров, рыжий детина, прекрасно сложенный, с открытым лицом воина-варвара, который работал на заводе и вскоре покинул нас, чтобы в конце концов погибнуть вместе с зиновьевцами» (Серж, 2001, с. 252). О посещении квартиры Н.И. Карпова сообщали студенты на допросе в Контрольной комиссии; за устройство этих собраний, а также за организацию нелегальной типографии 11 октября 1927 г. была исключена из партии его супруга (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1–53. Д. 422961. Ч. 4. Л. 1., Оп. 1–52. Д. 412365. Ч. 2. Л. 1). Оппозиционеры собирались здесь и в период подполья. Со своей стороны заметим, что с точки зрения конспирации «Астория» явно не была идеальным местом, т. к. в ней в это время жили одни из первых лиц Ленинграда – председатель губкома Б.Н. Позерн, ответственный секретарь Выборгского и Василеостровского райкомов П.И. Струппе (Рабинович 1996, с. 88).

Заключение

В условиях, когда агитация в партийных ячейках была затруднена из-за обструкций и давления со стороны начальства, особую роль в деле поиска сторонников начинали играть личные связи. К оппозиционерам приобщали жен и мужей, братьев и сестер, друзей, однокурсников и соседей по общежитию. Наиболее важную роль неформальные связи играли в среде преподавателей, которых часто объединяли революционное прошлое или общий быт. Неправильно будет выставлять личные связи главным источником пополнения рядов оппозиции, т. к. главная ее задача заключалась в работе в среде пролетариев. Однако политическая поддержка близких создавала чувство защищенности, защиты от возможных провокаций.

Политические воззрения студентов-оппозиционеров формировались далеко не только согласно статьям и платформам лидеров. Собственно, из про-

граммной Платформы большевиков-ленинцев (оппозиции), при всей широте ее содержания, студентами в качестве главных аргументов в агитации и дискуссии использовались только крестьянский и китайский вопросы. Преподаватели при этом отличались куда более основательной теоретической подготовкой, что видно из их выступлений, писем, ответов на вопросы Контрольной комиссии (РГАСПИ Ф. 324. Оп. 1. Д. 59. Л. 94 и далее – письма Н.М. Маторина Г.Е. Зиновьеву). Важным поводом для вступления в оппозицию являлся элемент патернализма и доверия к старым большевикам (в Ленинграде – в особенности к Зиновьеву). Полагалось, что лидеры революции не могут действовать во вред партии и имеют право на критику. Поэтому для части студентов оппозиционная борьба превращалась в защиту авторитета и достоинства крупных большевистских деятелей. Для других оппозиционеров принципиальным был вопрос о зажиме внутри-

партийной демократии. При этом в большинстве случаев речь шла не о порядке работы высших органов власти. Молодые люди, вступившие в ВКП(б) в искреннем порыве сочувствия к революции, в партийных ячейках сталкивались с формализмом, апатией, отсутствием интереса к живой дискуссии. Работа в коллективе (т. е. опосредованно и в самой партии) оказывалась для них конвейером по принятию кандидатур и резолюций. Живая партийная работа подменялась изучением приказов сверху. Дискуссии допускались только по бытовым или административным вопросам устройства университетской или институтской жизни. Критика спускаемых сверху докладов по актуальным политическим и экономическим положением воспринимались как скандал и контрреволюция. Подобное ущемление подталкивало многих людей к политическому протесту.

Материалы исследования

Беленький 2013 – *Беленький Б.Е.* «Враг народа». Мои воспоминания. 2013. URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=13367>.

Бродянский 1923 – *Бродянский Б.* Грани быта // Красный студент. 1923. № 11–12. С. 27–28.

Бродянский 1923 – *Бродянский Б.* От пассивной критики к активной работе // Красный студент. 1923. № 9–10. С. 32–33.

Войтоловская 1991 – *Войтоловская А.Л.* По следам судьбы моего поколения. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1991. 334 с. URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=862>.

ГАРФ – *Государственный архив Российской Федерации.*

Горбачев 1926 – *Горбачев Г.Е.* Два года литературной революции. Ленинград: Прибой, 1926. 200 с.

Григоров – *Григоров Г.И.* Повороты судьбы и произвол: воспоминания, 1905–1927 годы. Москва: ОГИ, 2005. 526 с.

Павлов 2001 – *Павлов И.М.* 1920-е: Революция и бюрократия. Записки оппозиционера. Санкт-Петербург: Петербург – XXI век, 2001. 123 с.

Рабинович 1996 – *Рабинович М.Б.* Воспоминания долгой жизни. Санкт-Петербург: Европейский дом, 1996. 368 с. URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=841>

РГАСПИ – *Российский государственный архив социально-политической истории.*

Серж 2001 – *Серж В.* От революции к тоталитаризму: воспоминания революционера. Москва: Праксис, 2001. 686 с. URL: <https://sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=1201>.

ЦГАИПД СПб. – *Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.*

Библиографический список

Halfin 2009 – *Halfin I.* (2007) Intimate enemies: demonizing the Bolshevik opposition, 1918-1928. Pittsburgh, Univ. of Pittsburgh press, 2007. 416 p.

Апальков 2022 – *Апальков Д.И.* Внутрипартийная борьба в ВКП(б): от «коллективного руководства» к сталинской диктатуре. Москва: АИРО-XXI, 2022. 192 с.

Баринов 2021 а – *Баринов Д.А.* Левая оппозиция в Ленинградском университете // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66, Вып. 4. С. 1117–1131. DOI: <http://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.405>. EDN: <https://elibrary.ru/bhgfj>.

Баринов 2021 б – *Баринов Д.А.* Историки и оппозиция в Ленинграде (1920–30-е гг.) // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 25–37. URL: https://history.museums.spbu.ru/images/BarinovDA_historians_opposition.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=47198348>. DOI: <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-25-37>. EDN: <https://elibrary.ru/mbfjap>.

Баринов 2021 с – *Баринов Д.А.* Ленинградская оппозиция 1925–1926 гг. и высшая школа // История повседневности. 2021. № 2. (18). С. 81–100. URL: https://history.museums.spbu.ru/images/BarinovDA_1925_1926.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=46955331>. DOI: https://doi.org/10.35231/25422375_2021_2_81. EDN: <https://elibrary.ru/tzewvt>.

Баринов 2022 – *Баринов Д.А.* Студенты в коммунистическом подполье Ленинграда (1928–1929) // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2022. Т. 8, № 1 (29). С. 1628. DOI: <http://doi.org/10.30914/2411-3522-2022-8-1-16-28>. EDN: <https://elibrary.ru/egmhft>.

Гусев 1996 – *Гусев А. В.* Левокоммунистическая оппозиция в СССР в конце 20-х годов // Российская история. 1996. № 1. С. 85–103. URL: <http://www.fedy-diary.ru/library-pages/auditorium-n-f-bugaj-20-50-e-gody-pereseleniya-i-deportacii-evrejskogo-naseleniya-v-sssr/a-v-gusev-levokommunisticheskaya-oppoziciya-v-sssr-v-konce-20-x-godov/> EDN: <https://elibrary.ru/scgefj>

Дмитренко 1987 – *Дмитренко С.Л.* Сплоченными рядами. Москва: Молодая гвардия, 1987. 198 с.

Назаров, 2000 – *Назаров О. Г.* Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях НЭПа. Москва: ИВИ РАН, 2000. 203 с. URL: https://scepsis.net/library/id_3543.html

Резник 2018 – *Резник А.В.* Троцкий и товарищи: левая оппозиция и политическая культура РКП(б), 1923–1924. Санкт-Петербург: Европейский университет, 2018. 389 с. URL: https://vk.com/wall-171948503_4673; <https://elibrary.ru/item.asp?id=32153783>. EDN: <https://elibrary.ru/yjgsxq>.

Солдатенко 2017 – *Солдатенко В.Ф.* Георгий Пятаков: оппонент Ленина, соперник Сталина. Москва: РОССПЭН, 2017. 423 с. URL: <http://test8.dlibrary.org/ru/nodes/139>.

Стефаненко 2021 – *Стефаненко А.Ю.* Инициативные группы и внутривнутрипартийная оппозиция: случай Ленинградского Горного Института (1925–1939 гг.) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 4 (37). С. 397–401. DOI: [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.4\(37\).397-401](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.4(37).397-401). URL: <https://portal.novsu.ru/file/1778518>

Фельштинский, Чернявский 2013 – *Фельштинский Ю.Г., Чернявский Г.И.* Лев Троцкий. Книга третья. Оппозиционер. 1923–1929 гг. Москва: Центрполиграф, 2013. 451 с.

References

Halfin 2009 – *Halfin I.* (2007) Intimate enemies: demonizing the Bolshevik opposition, 1918-1928. Pittsburgh, Univ. of Pittsburgh press, 2007. 416 p. (In Eng.)

Apalkov 2022 – *Apalkov D.I.* (2022) Intra-party struggle in the CPSU(b): from «collective leadership» to the Stalinist dictatorship. Moscow: AIRO-XXI, 192 p. (In Russ.)

Barinov 2021 a – *Barinov D.A.* (2021a) Left opposition at Leningrad State University. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, vol. 66, no. 4, pp. 1117–1131. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.405>. EDN: <https://elibrary.ru/bhgfjt>. (In Russ.)

Barinov 2021 b – *Barinov D.A.* (2021) Historians and opposition in Leningrad (1920s – 1930s). *Vestnik of Kostroma State University*, vol. 27, no. 3, pp. 25–37. Available at: https://history.museums.spbu.ru/images/BarinovDA_historians_opposition.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=47198348>. DOI: <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-25-37>. EDN: <https://elibrary.ru/mbfjap>. (In Russ.)

Barinov 2021 c – *Barinov D.A.* (2021) Leningrad opposition in 1925–1926 and higher school. *History of Everyday Life*, no. 2. (18), pp. 81–100. Available at: https://history.museums.spbu.ru/images/BarinovDA_1925_1926.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=46955331>. DOI: https://doi.org/10.35231/25422375_2021_2_81. EDN: <https://elibrary.ru/tzewvt>. (In Russ.)

Barinov 2022 – *Barinov D.A.* (2022) Students in the Communist underground of Leningrad (1928–1929). *Vestnik of the Mari State University. Chapter: History. Law*, vol. 8, no. 1 (29), pp. 16–28. DOI: <http://doi.org/10.30914/2411-3522-2022-8-1-16-28>. EDN: <https://elibrary.ru/egmhft>. (In Russ.)

Gusev 1996 – *Gusev A.V.* (1996) Left communist opposition in the USSR in late 20s. *Russian history*, no. 1, pp. 85–103. Available at: <http://www.fedy-diary.ru/librarypages/auditorium-n-f-bugaj-20-50-e-gody-pereseleniya-i-deportacii-evrejskogo-naseleniya-v-sssr/a-v-gusev-levokommunisticheskaya-oppoziciya-v-sssr-v-konce-20-x-godov/> (In Russ.)

Dmitrenko 1987 – *Dmitrenko S.L.* (1987) Close-knit rows. Moscow, Molodaya gvardiya, 198 p. (in Russ.)

Nazarov 2000 – *Nazarov O.G.* (2000) Stalin and the struggle for leadership in the Bolshevik Party under the NEP. Moscow, IVI RAN Publ., 203 p. (In Russ.). Available at: https://scepsis.net/library/id_3543.html

Reznik 2018 – *Reznik A.V.* (2018) Trotsky and his comrades. Saint Petersburg: Evropeiskii universitet, 389 p. Available at: https://vk.com/wall-171948503_4673; <https://elibrary.ru/item.asp?id=32153783>. EDN: <https://elibrary.ru/yjgsxq>. (In Russ.)

Soldatenko 2017 – *Soldatenko V.F.* (2017) Georgy Pyatakov: Lenin's opponent, Stalin's rival. Moscow: ROSSPEN, 423 p. Available at: <http://test8.dlibrary.org/ru/nodes/139>. (In Russ.)

Stefanenko 2021 – *Stefanenko A.Yu.* (2021) Initiative groups and inner-party opposition: the case of the Leningrad Mining Institute (1925-1939). Scientific notes of the Novgorod State University, 2021, no. 4 (37), pp. 397–401. DOI: [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.4\(37\).397-401](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.4(37).397-401). Available at: <https://portal.novsu.ru/file/1778518> (In Russ.)

Felshtinsky, Chernyavsky 2013 – *Felshtinsky Yu.V., Chernyavsky G.I.* (2013). Lev Trotsky: in 4 chapters. 3rd Chapter: Oppositionist. 1923–1929. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 451 p. (in Russ.)

ПЕДАГОГИКА PEDAGOGICS

DOI: 10.18287/2542-0445-2022-28-3-62-69

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 378.14

Дата поступления: 18.06.2022
Дата рецензирования: 23.07.2022
Дата принятия: 28.08.2022

Индивидуальные образовательные траектории обучения иностранному языку в вузе

С.В. ЕвтеевМосковский государственный институт международных отношений (университет),
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: sergevt@inbox.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2457-1441>**А.М. ИONOVA**Московский государственный институт международных отношений (университет),
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: a.ionova@my.mgimo.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7725-850X>

Аннотация: Индивидуализация обучения с учетом особенностей и образовательных потребностей обучающегося в современных условиях представляет собой актуальную задачу. Это находит свое отражение в законодательных актах и требованиях Министерства науки и высшего образования РФ. В статье рассматриваются вопросы реализации индивидуальной образовательной траектории (ИОТ) при обучении иностранному языку в вузе. Целью ИОТ является совершенствование системы современного российского вузовского образования и расширение индивидуальных потребностей обучающихся, необходимых для освоения профессии, для будущей профессиональной деятельности и, соответственно, конкурентоспособности на рынке труда. ИОТ трактуется как способ организации учебной деятельности, предусматривающий выстраивание индивидуального учебного плана для обучающегося в сотрудничестве с педагогом и с учетом имеющегося и необходимого уровней обучения по дисциплине (дисциплинам), личностного потенциала и способностей обучающегося для достижения целей образовательного процесса и освоения им учебной программы или ее части. Реализация ИОТ предполагает выявление особенностей структурирования процесса обучения, определение преимуществ и проблем при реализации ИОТ, создание ресурсной базы для ее реализации, раскрытие специфики и создание педагогических условий по выстраиванию ИОТ в вузе для обеспечения потребностей обучающихся, повышения качества их образования и карьерного роста. При переходе от традиционной образовательной модели к модели ИОТ должны быть созданы условия для ее реализации, а участникам учебного процесса необходимо знать ее положительные стороны и осознавать возможные трудности. Важным моментом ИОТ в обучении иностранному языку является взаимодействие в триаде работодатель – обучающийся – университет.

Ключевые слова: индивидуализация обучения; индивидуальная образовательная траектория; иностранный язык; степень самостоятельности обучающегося.

Цитирование: Евтеев С.В., ИONOVA А.М. Индивидуальные образовательные траектории обучения иностранному языку в вузе // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 3. С. 62–69. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-62-69>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Евтеев С.В., ИONOVA А.М., 2022

Сергей Валентинович Евтеев – кандидат филологических наук, доцент, начальник Управления языковой подготовки и Болонского процесса, МГИМО МИД России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, 119454, Российская Федерация, г. Москва, пр. Вернадского, 76.

Анна Михайловна ИONOVA – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры немецкого языка, заместитель декана факультета международных отношений, МГИМО МИД России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, 119454, Российская Федерация, г. Москва, пр. Вернадского, 76.

SCIENTIFIC ARTICLESubmitted: 18.06.2022
Revised: 23.07.2022
Accepted: 28.08.2022

**Individual educational trajectories of teaching
a foreign language at a university**

S.V. Evteev

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University),
Moscow, Russian Federation

E-mail: sergevt@inbox.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2457-1441>

A.M. Ionova

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University),
Moscow, Russian Federation

E-mail: a.ionova@my.mgimo.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7725-850X>

Abstract: In today's changing developing the personalized higher education which takes into account the characteristics and educational needs of the student is an increasingly relevant task. Its importance is reflected in the legislative acts and requirements of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. This study discusses the implementation of the individual learning path in teaching a foreign language at the university. The purpose of the individual learning path is to improve the system of modern Russian higher education and expand the individual needs of students necessary for mastering the profession, for future professional activity and, accordingly, competitiveness in the labor market. In this study, the individual learning path is interpreted as a way of organizing educational activities which provides for the formation of an individual curriculum for the student in cooperation with the teacher as well as considers students' current and necessary levels of training in the discipline (disciplines), their personal potential, and abilities to achieve the goals of the educational process and to complete the curriculum or its part. The implementation of the individual learning path involves identifying the features of structuring the learning process, identifying the advantages and problems in the implementation of the individual learning path, creating a resource base for its implementation, identifying of the specifics and creating pedagogical conditions for building of the individual learning path at a university to meet the needs of students, improve the quality of their education and career growth. During the transition from the traditional educational model to the individual learning path model, conditions should be created for its implementation, and participants in the educational process need to know its positive aspects and possible difficulties. An important element of the individual learning path model in teaching a foreign language is the interaction in the employer-student-university triad.

Key words: personalized higher education, individual learning path, teaching foreign language, the degree of student independence.

Citation: Evteev S.V., Ionova A.M. Individual educational trajectories of teaching a foreign language at a university. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 28, no. 3, pp. 62–69. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-62-69>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

© Evteev S.V., Ionova A.M., 2022

Sergej V. Evteev – PhD in Philology, associate professor, head of Directorate of Language Training and Bologna Process, MGIMO-University, 76, Vernadskogo Avenue, Moscow, 119454, Russian Federation.

Anna M. Ionova – Candidate of Pedagogics, associate professor, associate professor of German Language Department, Deputy Dean, School of International Relations, MGIMO-University, 76, Vernadskogo Avenue, Moscow, 119454, Russian Federation.

Введение

Актуальной задачей образования является индивидуализация обучения, реализация индивидуального подхода к обучающемуся с учетом его индивидуальных особенностей и с целью развития его индивидуальных способностей. Принцип индивидуализации обучения отражен в ст. 2 п. 23 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», где говорится об индивидуальном учебном плане, обеспечивающем «освоение образовательной программы на основе индивидуализации ее содержания с учетом особенностей и образовательных потребностей конкретного обучающегося» (Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»).

Целями настоящего исследования стали изучение научной литературы, посвященной индивидуализации в системе высшего образования, и анализ возможностей ее реализации в рамках обучения иностранным языкам в вузе. Кроме того, целями предлагаемой работы являются исследование индивидуальной образовательной траектории (ИОТ) как особой формы организации обучения иностранным языкам в высшей школе, особенностей структурирования процесса обучения, опре-

деление преимуществ и проблем при реализации ИОТ, создание ресурсной базы для ее реализации. Целевое назначение ИОТ заключается в совершенствовании системы современного российского вузовского образования и в расширении индивидуальных потребностей обучающихся, необходимых для освоения профессии, для будущей профессиональной деятельности и конкурентоспособности на рынке труда.

Актуальность исследования

В современных условиях необходимость реализации индивидуального подхода к обучению в рамках высшего образования становится особенно актуальной. Постоянно меняющаяся ситуация на рынке труда требует от выпускников вузов гибкости, умения ориентироваться в большом информационном потоке, быстро встраиваться в командные проекты, создавать инновационные продукты и активно внедрять их в производство. Обучающиеся должны быть готовы к тому, что за время их пребывания в университете квалификационные требования, предъявляемые к представителям выбранной ими профессии, могут измениться. Кроме того, в период обучения молодые люди могут полу-

чить (или изменить имевшиеся ранее) предпочтения относительно потенциального места работы, требующего дополнительной профессиональной квалификации. Образовательная траектория современного человека длится до конца жизни, поскольку меняется не только его профессиональная ситуация, но и интересы, предпочтения, запросы.

Необходимость реализации индивидуального подхода обусловлена также наличием у обучающихся различных когнитивных стилей, влияющих на стиль обучения. Хорошо известно, что все люди по-разному усваивают учебный материал. Для кого-то важно наличие наглядной опоры, кто-то предпочитает запоминать информацию на слух, а кто-то овладевает материалом посредством активного участия в деятельности. Конечно, людей, предпочитающих какой-то один стиль обучения, крайне мало, однако у каждого конкретного обучающегося преобладающим стилем является все-таки какой-то один [Сысоев 2013, с. 123–125]. Совершенно очевидно, что в одной учебной группе могут быть объединены обучающиеся, предпочитающие разные стили обучения и, соответственно, осваивающие один и тот же материал в разном темпе, с разной степенью успешности.

Пандемия коронавируса также повлияла на успешность образовательного процесса. Переход на дистанционное обучение привел в том числе и к тому, что многими обучающимися учебная программа не могла быть выполнена полностью, поскольку они испытывали серьезные психологические затруднения, связанные с отсутствием «живого» общения с преподавателями и сверстниками, или в силу недостаточной самоорганизации не могли вовремя сдать необходимые работы.

Вследствие этого, принимая во внимание наличие единых образовательных стандартов и единых требований к уровню овладения обучающимися необходимыми компетенциями по окончании обучения, образовательные учреждения оказываются перед необходимостью реорганизации образовательного процесса с учетом индивидуальных потребностей обучающихся.

Современная система образования также реагирует на появившиеся вызовы. Согласно существующим требованиям, к 2024 году не менее 50 % вузов, подведомственных Министерству науки и высшего образования, должны реализовывать образовательные программы с учетом возможности построения обучающимися индивидуальных образовательных траекторий, а к 2030 году переход к ИОТ предусматривается для всех вузов. В настоящее время 76 из 106 российских вузов-победителей программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» включили ИОТ в свои программы развития (Modeus).

Университет МГИМО МИД России как ведущий вуз страны, готовящий специалистов в области международных отношений, не остается в стороне от актуальных трендов. Специфика вуза, заключающаяся не только в количестве иностран-

ных языков, изучаемых студентами бакалавриата, но и в гетерогенности состава обучающихся, обуславливает активное привлечение методов индивидуализации в подходах к обучению иностранным языкам. Помимо выпускников школ из разных уголков нашей страны, студентами бакалавриата МГИМО становятся также абитуриенты из самых разных стран мира, от Японии, Китая и Монголии до Италии, Франции и Словакии. Каждый из них приезжает с собственным учебным опытом, уровнем общей подготовленности и разным уровнем владения русским языком. Индивидуальный подход к каждому обучающемуся позволит не только улучшить качество их языковой подготовки, но и расширить их дальнейшие профессиональные возможности на международной арене.

Степень разработанности проблемы

Необходимо отметить, что в последнее время целый ряд исследователей посвятил свои работы различным аспектам разработки и реализации ИОТ в обучении студентов вузов как в нашей стране, так и за рубежом. Среди них П.В. Сысоев, И.Ф. Бережная, Е.П. Комаровская, В.В. Гриншкун, А.А. Заславский, Н.Ю. Шапошникова. Авторы исследуют понятие и сущность ИОТ, описывают алгоритмы реализации обучения на их основе (П.В. Сысоев); предлагают модели и технологии ИОТ студента в вузе (И.Ф. Бережная, Е.П. Комаровская); анализируют отечественный и зарубежный опыт организации образовательного процесса на основе построения ИОТ (В.В. Гриншкун, А.А. Заславский, Т.О. Краснопева). В целом исследователи едины в определении сущности ИОТ, которая трактуется как «персональный путь достижения поставленной образовательной цели (или учебной задачи) конкретным обучающимся, соответствующий его способностям, мотивам, интересам и потребностям» [Сысоев 2013, с. 123]. ИОТ понимается как «гибкий вид обучения, выстраиваемый обучающимся в сотрудничестве с преподавателем и ориентированный на потребности, формирующиеся в реальном времени, учитывающий личностные характеристики обучающегося» (Краснопева, 2019, с. 13). ИОТ определяется как «персональный путь реализации личностного потенциала каждого субъекта образовательной или учебно-профессиональной деятельности» [Мухаметзянова, Забиров, Вафина 2015, с. 82].

Особый интерес представляет, на наш взгляд, исследование Т.О. Краснопеевой, посвященное обучению иностранному языку студентов вуза на основе психометрического анализа и индивидуальных иноязычных образовательных траекторий (2019). Автор не только анализирует понятие, содержание, структуру, принципы и предпосылки для реализации ИОТ в иноязычном образовании, но и предлагает модель разработки индивидуальных иноязычных образовательных траекторий с использованием психометрического анализа тестов.

Однако, несмотря на наличие значительного интереса к проблеме реализации ИОТ в системе вузовского образования, вопросы, связанные с внедрением таких траекторий в процесс иноязычного образования бакалавров, остаются на сегодняшний день недостаточно исследованными.

Переход от традиционной образовательной модели к ИОТ / ИОМ

В настоящей работе мы трактуем **индивидуальную образовательную траекторию** как способ организации учебной деятельности, предусматривающий выстраивание индивидуального учебного плана для обучающегося в сотрудничестве с педагогом и с учетом имеющегося и необходимого уровней обучения по дисциплине (дисциплинам), личностного потенциала и способностей обучающегося для достижения целей образовательного процесса и освоения им учебной программы или ее части.

Целями внедрения ИОТ в учебный процесс являются мотивация обучающегося к формированию и развитию соответствующих компетенций, предусмотренных образовательной программой, удовлетворение его потребностей в овладении учебной программой в целом и иностранным языком в частности, развитие у него умений самостоятельной организации деятельности и инициативы, достижение максимально высоких результатов обучения, подготовка обучающегося к конкретным видам деятельности в интересах работодателя, а также повышение его самооценки.

В отличие от индивидуальной образовательной траектории индивидуальный образовательный маршрут (далее – ИОМ) осуществляется на более коротком временном отрезке обучения с определением компонентов содержания и раздела (модуля) учебной программы.

Инкорпорирование ИОТ / ИОМ в систему обучения иностранным языкам в вузе может иметь, на наш взгляд, две цели. *Цель номер один* предполагает создание специальных условий для обучающегося в связи с существующими у него трудностями в освоении учебной программы дисциплины или длительным отсутствием на аудиторных занятиях (из-за болезни, стажировки, командировки обучаемого и т. п.). Для достижения данной цели возможна организация дополнительных занятий (семинаров), в рамках которых обучающиеся смогут индивидуально или в группе восполнить имеющиеся пробелы в знаниях. *Цель номер два* включает в себя расширение образовательных возможностей обучающегося, имеющего более высокий уровень подготовки по сравнению с другими. В данном случае реализация ИОТ / ИОМ возможна в виде дополнительных модулей образовательных программ, так называемых майнеров, позволяющих обучаемому осваивать дополнительные компетенции, необходимые для будущей профессиональной деятельности.

Выбор ИОТ / ИОМ в вузе может осуществляться на различных этапах обучения в рамках дисциплин базового и/или вариативного блока основных учебных программ, а также в рамках дисциплин дополнительных образовательных программ. На определенном этапе представляется возможным также осуществление ИОТ и в рамках «слияния» дисциплин, например изучение какого-либо узкопрофессионального модуля по выбору на иностранном языке. Важно отметить, что внутри университета ИОТ / ИОМ по иностранным языкам может не только реализовываться в рамках учебной программы и дисциплин одного направления подготовки, но и допускать возможность многопрофильной иноязычной профессиональной подготовки обучающихся, например создания курсов по юридическому переводу для бакалавров / магистрантов экономического или политического направлений подготовки.

При использовании модели ИОТ / ИОМ участникам учебного процесса необходимо знать ее положительные стороны и осознавать возможные трудности. Изучение литературы [Бережная, 2016; Гриншкун, Заславский 2020; Комаровская, Пивоваров 2020] позволило нам определить следующие положительные стороны ИОТ / ИОМ:

- реализация образовательных целей с учетом способностей, интересов и меняющихся профессиональных потребностей обучающегося, включая возможность получения им дополнительных образовательных услуг и / или дополнительной профессии;
- гибкость в прохождении учебного плана или его части по сравнению с линейной организацией учебного процесса;
- широкую возможность применения инновационных педагогических технологий;
- возможность применения разнообразных форм организации учебного процесса: практикумов, творческих лабораторий, организационно-деятельностных игр, научно-практических конференций, проблемных научных семинаров и др.;
- возможность межпредметной координации, что способствует «выработке у студентов целостности знаний о профессиональном будущем, представлений о профессиональной деятельности»;
- организацию и стимулирование самостоятельной работы обучающихся;
- возможность реализации деятельности обучающихся в малых, переменных по составу группах, что может способствовать их лучшей социализации и стимулировать их к обмену опытом (в том числе и учебным);
- возможность активного внедрения в теоретическое обучение непрерывной практики за счет тесных контактов с работодателями.

Анализ существующей ситуации и систематизация опыта образовательного процесса в Университете МГИМО позволил нам установить наличие следующих проблем в реализации ИОТ:

– необходимости подготовки и реализации большого количества индивидуальных планов и расписания;

– разработки информационной системы управления траекториями, сложности в составлении общего расписания курса, факультета;

– увеличения расходов вуза, дополнительной нагрузки на преподавателей;

– отсутствия в настоящее время достаточно-го объема материально-технического оснащения и надежной платформы для проведения онлайн-занятий и контроля;

– отсутствия научно обоснованной и проведенной методики индивидуализированного обучения иностранным языкам с учетом характеристик обучающегося и методически подготовленных к данному виду работы педагогов в вузе;

– возможности замены коммуникации (живого общения) цифровыми тестами и вытеснение преподавателя из учебного процесса.

Исходя из наличия перечисленных выше проблем и опираясь на исследованную литературу, видится логичным определить следующие условия, которые, на наш взгляд, должны быть созданы в университете для реализации перехода от традиционной образовательной модели к модели ИОТ / ИОМ. С этой целью необходимо:

– иметь педагогическую, управленческую и техническую готовность к реализации модели ИОТ;

– создать определенные педагогические условия, необходимые для реализации ИОТ (например, возможность межпредметной координации с целью создания у обучающихся целостного представления о будущей профессиональной деятельности);

– разработать и довести до сведения участников ИОТ / ИОМ принципы использования цифровых технологий и технических средств в рамках их образовательного взаимодействия.

Опираясь на разработанную И.Ф. Бережной педагогическую технологию проектирования индивидуальной образовательной траектории студентов в процессе профессиональной подготовки [Бережная 2016, с. 45–47], а также на исследование Ф.Г. Мухаметзяновой, Р.В. Забирова и В.Р. Вафина (2015), видится возможным предложить определенную последовательность осуществления совместной деятельности обучающегося и педагога в рамках реализации ИОТ / ИОМ.

Во-первых, должны быть определены индивидуальные потребности и возможности обучающегося, необходимость и целесообразность перехода к модели ИОТ и особых условий обучения.

Во-вторых, необходимо оценить уровень мотивации, самодисциплины и навыков самостоятельной работы обучающегося, а также «его готовности к совместному субъект-субъектному виду деятельности и наличия соответствующих навыков целеполагания, бесконфликтного общения,

рефлексии» [Мухаметзянова, Забирова, Вафина 2015, с. 82].

В-третьих, важно определить и согласовать цели, задачи, формы и содержание образовательной работы, планируемые образовательные результаты.

И наконец, необходимо согласовать расписание взаимодействия (темпы изучения материала, консультации, формы отчетности, контроль и т. п.) между обучающимся и педагогом. Данный выбор не может быть безграничным и должен находиться в определенных временных рамках, обозначенных учебной программой.

Следует также, на наш взгляд, отметить важность учета роли преподавателя в рамках реализации ИОТ / ИОМ. В соответствии с целями ИОТ / ИОМ может реализовываться с разной степенью индивидуализации обучающегося [Сысоев 2013, с. 129–130]. Если речь идет о снятии трудностей, возникших у него в освоении учебной программы дисциплины, то, очевидно, требуется более тесное общение его с преподавателем, в задачу которого будет входить уточнение характера трудностей, определение лагун, разработка индивидуального плана прохождения материала, подбор соответствующих заданий и упражнений, методическое сопровождение их выполнения обучающимся и контроль успешности решения поставленной задачи. В том же случае, если речь идет о расширении образовательных возможностей обучающегося, возможно ограничиться совместной разработкой ИОТ / ИОМ, определением задач и путей их решения, проведением необходимой корректировки и консультациями в случае возникновения у обучающегося трудностей в процессе реализации. Методическое сопровождение учебного процесса в данном случае «должно быть построено по принципу избыточности и альтернативности и должно содержать многоуровневые задания, альтернативные творческие работы по изучаемой проблеме, альтернативные формы контроля уровня сформированности навыков и развития умений» [Сысоев 2013, с. 127].

Роль преподавателя будет меняться также и в зависимости от степени самостоятельности обучающегося в выборе разработки и реализации ИОТ / ИОМ [Сысоев 2013, с. 130]. При высокой степени самостоятельности обучающегося, в том случае если он является единственным субъектом данной деятельности, преподаватель осуществляет лишь психолого-педагогическую поддержку его самоопределения и самореализации. Если же ИОТ / ИОМ является результатом совместной разработки преподавателя и обучающегося, то работа строится на основе не только индивидуального запроса обучающегося, но и требований и рекомендаций преподавателя-тьютора (преподавателя-наставника), научного руководителя и даже потенциального работодателя. Совершенно очевидно, что во всех этих случаях роль преподавателя отличается и должна соответствующим образом учитываться.

Результаты исследования

Реализация ИОТ / ИОМ может происходить как индивидуально, так и в группах. Для оптимальной организации работы в группах предлагается по всему университету определить в расписании часы, отводимые на индивидуальную работу по иностранному языку, что сделает возможным фиксацию занятия в рамках ИОТ / ИОМ в общем расписании, что позволит обучающимся и преподавателям планировать свою семестровую учебную нагрузку. Кроме того, обучающиеся, имеющие трудности и с основным, и со вторым языком, смогут найти время для обоих языков.

В соответствии с целями предлагаем следующие шаги для реализации ИОТ / ИОМ в рамках иноязычного образования в университете.

Цель I. Снятие трудностей в освоении учебной программы дисциплины.

Данная цель может быть реализована в рамках как индивидуальных, так и групповых занятий. Если речь идет о групповых консультациях, то в начале семестра преподаватели должны заявить тематику возможных консультаций, например «грамматический модуль» (по уровням – А1, А2 и т. п.), «лексический модуль», «обучение пересказу / реферированию» и т. п., и заранее опубликовать тематический график на образовательном портале университета. В учебных планах данные часы могут быть отнесены к разделу «факультативы». Необходимо заметить, что подобная реализация ИОТ / ИОМ предполагает:

– обоюдную ответственность обучающегося и преподавателя за реализацию соответствующей ИОТ / ИОМ;

– совместную разработку преподавателем и обучающимся индивидуального учебного плана, утвержденного заведующим кафедрой;

– проведение итогового, а в случае необходимости и промежуточного контроля, в рамках которого обучающийся должен продемонстрировать успешность освоения тематики, заявленной в индивидуальном учебном плане (контроль может проводиться с использованием цифровых технологий и технических средств).

Оценка, полученная обучающимся по результатам проведенного объективного контроля, может быть учтена при выставлении обучающемуся текущего рейтинга по соответствующему иностранному языку.

Цель II. Расширение образовательных возможностей обучающихся.

Реализация ИОТ / ИОМ в рамках достижения данной цели также может проходить индивидуально или в группах. В любом случае на первом этапе необходимо провести мониторинг запросов (пожеланий) обучающихся на тематику (формы работы) по иностранному языку. На основе данного мониторинга преподаватели языковых кафедр (возможно, в сотрудничестве с преподавателями специальных кафедр) разрабатывают свои авторские проекты, курсы. Если запрос носит индивидуальный характер,

рассматривают возможность реализации данного запроса и вносят свои предложения. Руководство кафедр в сотрудничестве с научно-методическим советом по иностранным языкам проводит конкурсный отбор предложенных курсов, и список допущенных курсов публикуется на образовательном портале университета. В конце семестра обучения (с первого по шестой) обучающиеся получают возможность записаться на заявленные курсы. В случае необходимости реализации индивидуальных консультаций соответствующая кафедра назначает обучающемуся преподавателя-тьютора (преподавателя-наставника). В учебных программах данные курсы (консультации) могут быть отнесены к разделу «факультативы». Конкурс преподавательских курсов может проводиться раз в год. На курсы, которые не пользуются спросом у обучающихся, на следующий год запись производиться не может.

Нагрузка преподавателей во всех предложенных случаях может быть учтена и оплачена в рамках эффективного контракта, в котором необходимо предусмотреть баллы за реализацию курсов (консультаций) в рамках ИОТ / ИОМ (например, 1 балл за 2 часа консультаций при условии предоставления необходимой отчетности: индивидуального учебного плана обучающегося, результатов проведенного контроля). Если предложенный преподавателем авторский курс был одобрен и его посещали обучающиеся (может быть определено необходимое количество обучающихся), то количество баллов может быть больше и приравнено к написанию научной статьи из списка, рецензируемого ВАК. В любом случае участие преподавателя иностранного языка в реализации программ ИОТ / ИОМ предлагается рассматривать как положительную характеристику в рамках прохождения по конкурсу.

Необходимы разработка и внедрение образовательной платформы, задачей которой стало бы осуществление взаимодействия между потенциальным работодателем, обучающимся и университетом.

Работодатель может разместить на платформе информацию о свободных **рабочих местах** (потенциальных должностях) с подробным описанием специализации, требуемых квалификационных качеств, характеристик и компетенций (...должен знать / уметь / владеть), информацию о наличии мест для прохождения практики потенциальными претендентами или пригласить обучающихся к участию в проектах, реализуемых его организацией. Получив данную информацию, обучающиеся имеют возможность сопоставить свой портфолио с требуемыми характеристиками. В результате данного сопоставления могут быть выявлены лакуны, которые могут быть заполнены, в том числе и за счет реализации обучающимся ИОТ / ИОМ. Для этого обучающийся может выбрать подходящее предложение из имеющихся или сформулировать конкретную заявку, которая поступит в соответствующее учебное подразделение.

Платформа должна обеспечивать обратную связь обучающегося с потенциальным работодателем, которая может помочь им приобрести практический опыт. Обучающийся может иметь возможность сам обратиться к работодателю с запросом о прохождении практики или участии в проектной работе под руководством работодателя. Справка (отчет) о прохождении практики, рецензия работодателя или характеристика руководителя проекта также размещаются на платформе и пополняют портфолио обучающегося.

Университет обеспечивает размещение информации об имеющихся курсах, программах, практикумах, реализуемых в рамках ИОТ / ИОМ, проводит запись обучающихся на данные курсы, предоставляет обучающимся возможность размещения портфолио на платформе, координирует взаимодействие участников ИОТ / ИОМ (составление ими индивидуальных учебных планов, расписания встреч с преподавателем-тьютором, размещение информации о результатах контроля).

В отношении иностранных языков взаимодействие в триаде работодатель – обучающийся – университет может быть реализовано путем размещения работодателем на платформе образцов документов, информации о тематике текстов, с которыми потенциальным претендентам на соответствующую должность придется иметь дело

в процессе работы. При знакомстве с данными материалами обучающийся сможет провести рефлексивный анализ уровня сформированности собственной иноязычной коммуникативной компетенции и сделать выводы о его достаточности или необходимости его усовершенствования. Кроме того, потенциальный работодатель может предложить обучающимся в качестве тестирования перевести указанный материал, составить по нему реферат, аннотацию, подобрать необходимую информацию из иноязычных источников и т. д. Таким образом работодатель сможет лично проверить уровень сформированности у обучающихся необходимых компетенций.

Заключение

Реализация индивидуальных образовательных траекторий (маршрутов) обучающихся в университетах – это не только вынужденная мера, обусловленная требованием нормативных документов, но и объективная возможность сделать обучение в университете персонализированным. В результате гибкой реорганизации вузовского образования с переносом акцента на индивидуализацию каждый обучающийся сможет получить дополнительные компетенции, которые сделают его уникальным на рынке труда и помогут осознанно и гибко выстраивать свою жизненную траекторию.

Материалы исследования

Strategium Space. Module 2: In-Depth Self-Assessment & Testing: Career Path, Skills and Abilities. Individual Learning Path: How to Design and Manage. URL: <https://strategium.space/en/lesson/individual-learning-path>.

Индивидуальные образовательные траектории в российских вузах. URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=21499 (дата обращения: 11.03.2022).

Краснопеева 2019 – *Краснопеева Т.О.* Обучение иностранному языку студентов вуза на основе психометрического анализа и индивидуальных иноязычных образовательных траекторий: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. Томск, 2019. 176 с.

Платформа управления индивидуальными образовательными траекториями в университетах и ДПО Modeus URL: <https://modeus.custis.ru/tpost/onpda2hdk1-modeus-itogi-goda> (дата обращения: 03.03.2022).

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»: принят Государственной думой 21 октября 2012 г. URL: <https://www.zakonrf.info/zakon-ob-obrazovanii-v-rf/2> (дата обращения: 07.03.2022).

Библиографический список

Lapenok, Tagiltseva, Matveyeva 2016 – *Lapenok M.V., Tagiltseva N.G., Matveyeva L.V.* [et al.] Formation of the individual learning path in the information and educational school environment // Smart Innovation, Systems and Technologies. 2016. Vol. 59. P. 553–562. DOI: http://doi.org/10.1007/978-3-319-39690-3_49. EDN: <https://elibrary.ru/wuvpsx>.

Бережная 2016 – *Бережная И.Ф.* Педагогическая технология проектирования индивидуальной образовательной траектории студентов в процессе профессиональной подготовки // Преподаватель XXI век. 2016. № 2–1. С. 44–48. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26134866>. EDN: <https://elibrary.ru/vzxqln>.

Бережная 2015 – *Бережная И.Ф.* Проектирование индивидуальной траектории профессионального развития студентов в вузе на основе объектно-субъектного преобразования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2015. № 2. С. 89–94. <https://elibrary.ru/item.asp?id=23408292>. EDN: <https://elibrary.ru/tsginf>.

Гриншкун, Заславский 2020 – *Гриншкун В.В., Заславский А.А.* Отечественный и зарубежный опыт организации образовательного процесса на основе построения индивидуальных образовательных траекторий // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Информатика и информатизация образования. 2020. № 1 (51). С. 8–15. DOI: <http://doi.org/10.25688/2072-9014.2020.51.1.01>. EDN: <https://elibrary.ru/gxildi>.

Зуева Виноградова 2021 – *Зуева Е.А., Виноградова О.Н.* Влияние дистанционного обучения на успеваемость студентов // Дни науки и инноваций НовГУ: материалы XXVIII научной конференции преподавателей,

аспирантов и студентов НовГУ. Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого. 2021. С. 114–118. DOI: <http://doi.org/10.34680/978-5-89896-757-4/2021.DN-2.21>. EDN: <https://elibrary.ru/iofsnh>.

Комаровская, Пивоваров 2020 – *Комаровская Е.П., Пивоваров В.А.* Моделирование индивидуальной образовательной траектории студентов в образовательном процессе вуза // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2020. № 2 (287). С. 16–19. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43153686>. EDN: <https://elibrary.ru/wevapf>.

Мухаметзянова, Забиров, Вафина 2015 – *Мухаметзянова Ф.Г., Забиров Р.В., Вафина В.Р.* Индивидуальная образовательная траектория и индивидуальный образовательный маршрут студента как фактор успешной подготовки будущего бакалавра в вузе // Модернизация образования: проблемы и перспективы: материалы XXII Рязанских педагогических чтений, посвящается 100-летию РГУ имени С.А. Есенина, Рязань, 20 марта 2015 года. Рязань: Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, 2015. С. 81–85. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23899730>. EDN: <https://elibrary.ru/uczylhv>.

Сысоев 2013 – *Сысоев П.В.* Обучение по индивидуальной траектории // Язык и культура. 2013. № 4 (24). С. 121–131. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21114693>. EDN: <https://elibrary.ru/rubjnt>.

Сысоев 2014 – *Сысоев П.В.* Система обучения иностранному языку по индивидуальным траекториям на основе современных информационных и коммуникационных технологий // Иностранные языки в школе. 2014. № 5. С. 2–11. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21584274>. EDN: <https://elibrary.ru/seinzv>.

Шеманаева 2015 – *Шеманаева М.А.* Принципы построения индивидуальной образовательной траектории в программах дополнительного профессионального иноязычного образования // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2015. № 6. С. 107–113. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24238547>. EDN: <https://elibrary.ru/sjjqog>.

References

Lapenok, Tagiltseva, Matveyeva 2016 – *Lapenok M.V., Tagiltseva N.G., Matveyeva L.V.* [et al.] (2016) Formation of the individual learning path in the information and educational school environment. *Smart Innovation, Systems and Technologies*, vol. 59, pp. 553–562. DOI: http://doi.org/10.1007/978-3-319-39690-3_49. EDN: <https://elibrary.ru/wuvpsx>.

Berezhnaya 2016 – *Berezhnaya I.F.* (2016) Pedagogical technology of designing individual educational trajectory of students in the process of training. *Prepodavatel XXI vek*, no. 2–1, pp. 44–48. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26134866>. EDN: <https://elibrary.ru/vzxlqn>. (In Russ.)

Berezhnaya 2015 – *Berezhnaya I.F.* (2015) Modelling an individual path of university student professional development based on object-subject transformation. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Problems of higher education*, no. 2, pp. 89–94. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23408292>. EDN: <https://elibrary.ru/tsginf>. (In Russ.)

Grinshkun, Zaslavsky 2020 – *Grinshkun V.V., Zaslavsky A.A.* (2020) Domestic and Foreign Experience in Organizing the Educational Process Based on the Construction of Individual Educational Trajectories. *MCU Journal of Informatics and Informatization of Education*, no. 1 (51), pp. 8–15. DOI: <http://doi.org/10.25688/2072-9014.2020.51.1.01>. EDN: <https://elibrary.ru/gxildi>. (In Russ.)

Zueva, Vinogradova 2021 – *Zueva E.A., Vinogradova O.N.* (2021) The impact of distance learning on student performance. In: *Days of science and innovations of NovSU: proceedings of the XXVIII scientific conference of teachers, postgraduate students and students of NovSU*. Veliky Novgorod: Novgorodskii gosudarstvennyi universitet imeni Yaroslava Mudrogo, pp. 114–118. DOI: <http://doi.org/10.34680/978-5-89896-757-4/2021.DN-2.21>. EDN: <https://elibrary.ru/iofsnh>. (In Russ.)

Komarovskaya, Pivovarov 2020 – *Komarovskaya E.P., Pivovarov V.A.* (2020) Modeling of individual educational trajectory of students in the educational process of the university. *Izvestia Voronezh State Pedagogical University*, no. 2 (287), pp. 16–19. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43153686>. EDN: <https://elibrary.ru/wevapf>. (In Russ.)

Mukhametzyanova, Zabirov, Vafina 2015 – *Mukhametzyanova F.G., Zabirov R.V., Vafina V.R.* (2015) Individual learning path and individual learning route of a student as a factor in the successful preparation of a future bachelor at a university. In: *Modernization of education: problems and prospects: proceedings of the XXII Ryazan pedagogical readings, dedicated to the 100th anniversary of the Ryazan State University named for S.A. Yesenin, Ryazan, March 20, 2015*. Ryazan: Ryazanskii gosudarstvennyi universitet imeni S.A. Esenina, pp. 81–85. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23899730>. EDN: <https://elibrary.ru/uczylhv>. (In Russ.)

Sysoyev 2013 – *Sysoyev P.V.* (2013) Individual education path. *Language and Culture*, no. 4 (24), pp. 121–131. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21114693>. EDN: <https://elibrary.ru/rubjnt>. (In Russ.)

Sysoyev 2014 – *Sysoyev P.V.* (2014) The system of foreign language teaching on individual educational paths on the basis of modern information and communication technologies. *Foreign Languages at School*, no. 5, pp. 2–11. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21584274>. EDN: <https://elibrary.ru/seinzv>. (In Russ.)

Shemanaeva 2015 – *Shemanaeva M.A.* (2015) Individual learning path construction principles in the framework of further language education programs. *Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University*, no. 6, pp. 107–113. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24238547>. EDN: <https://elibrary.ru/sjjqog>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 378.147

Дата поступления: 05.07.2022
рецензирования: 16.08.2022
принятия: 28.08.2022**Процессуально-целевые аспекты формирования мониторинговой компетентности будущего педагога профессионального обучения****В.Г. Гладких**Оренбургский государственный университет,
г. Оренбург, Российская ФедерацияE-mail: gladwal@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5165-2995>

Аннотация: Необходимость изучения мониторинговой компетентности преподавателя обусловлена возрастанием требований рынка труда к качеству профессиональной подготовки выпускников образовательных организаций. Эффективным средством управления качеством образовательных результатов считается педагогический мониторинг. Компетентность будущих педагогов, необходимая для его осуществления, формируется в реализации программ бакалавриата. В статье представлена преемственность общепрофессиональных компетенций педагога профессионального обучения, необходимых для осуществления мониторинга. Охарактеризовано формирование мониторинговой компетентности преподавателей в процессе освоения учебных дисциплин бакалавриата. Оно включало репродуктивный, исследовательский, конструктивный и продуктивный этапы, реализация которых завершалась разработкой обучающимися продуктов мониторинговой деятельности.

Ключевые слова: мониторинг; педагогический мониторинг; компетенция; профессиональная компетентность преподавателя; мониторинговая компетентность; бакалавриат; продукты мониторинговой деятельности обучающихся.

Цитирование. Гладких В.Г. Процессуально-целевые аспекты формирования мониторинговой компетентности будущего педагога профессионального обучения // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 3. С. 70–76. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-70-76>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Гладких В.Г., 2022

Валентина Григорьевна Гладких – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры общей и профессиональной педагогики, Оренбургский государственный университет, 460018, Российская Федерация, г. Оренбург, пр. Победы, 13.

SCIENTIFIC ARTICLE Submitted: 05.07.2022
Revised: 16.08.2022
Accepted: 28.08.2022**Procedural and target aspects of the formation of monitoring competence of the future teacher of vocational training****V.G. Gladkikh**

Orenburg State University, Orenburg, Russian Federation

E-mail: gladwal@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5165-2995>

Abstract: The need to study the monitoring competence of a teacher is due to the increasing demands of the labor market for the quality of professional training of graduates of educational organizations. Pedagogically monitoring is considered an effective means of managing the quality of educational results. The competence of future teachers necessary for its implementation is formed in the implementation of bachelor's degree programs. The article presents the continuity of the general professional competencies of a teacher of vocational training necessary for monitoring. The formation of the monitoring competence of teachers in the process of mastering the academic disciplines of the bachelor's degree is characterized. It included reproductive, research, constructive and productive stages, the implementation of which culminated in the development of monitoring products by students.

Key words: monitoring; pedagogical monitoring; competence; professional competence of a teacher; monitoring competence; bachelor's degree; products of monitoring activities of students.

Citation. Gladkikh V.G. Procedural and target aspects of the formation of monitoring competence of the future teacher of vocational training. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 28, no. 3, pp. 70–76. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-70-76>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Gladkikh V.G., 2022

Valentina G. Gladkikh – Doctor of Pedagogical Sciences, professor, professor of the Department of General and Professional Pedagogy, Orenburg State University, 13, Pobedy Avenue, Orenburg, 460018, Russian Federation.

Введение

Современное профессиональное образование Российской Федерации ориентировано на перманентное обновление его качества, обусловленное требованиями ФГОС (Федеральных государственных образовательных стандартов), профессиональных стандартов, региональными требованиями рынка труда. Одно из них непосредственно связывается с профессионально-педагогической деятельностью преподавателя, а ее инновационной функцией выступает педагогический мониторинг. Необходимость непрерывного мониторинга, способствующего информационной открытости и преемственности системы образования, установлена ст. 97 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» (ФЗ «Об образовании в РФ» 2012). Исследователями проблемы мониторинга в образовании охарактеризованы его системность и проблемная ориентированность, а также обоснована функциональность в управлении качеством образовательных результатов. Так, А.Н. Майоровым разработана концепция мониторинга в образовании [Майоров 2005], С.Е. Шишовым, В.А. Кальней, Е.Ю. Гирба рассмотрен мониторинг качества общего образования [Шишов, Кальней, Гирба 2013], Н.Г. Бурковой изучен мониторинг в организациях среднего профессионального образования (Буркова 2008). Соответственно, мониторинг в образовании характеризуется научной обоснованностью и разработанностью процедуры, способствующими эффективному управлению качеством образовательных результатов, а основным инструментом его реализации считаем профессиональную компетентность преподавателей.

Осуществление мониторинга в организациях высшего и среднего профессионального образования в настоящее время сопряжено с определенными затруднениями педагогов. В частности, результаты исследования, представленные М.Г. Сергеевой, С.В. Дмитриченковой и И.Ю. Варламовой, подтверждают наличие затруднений преподавателей как в организации мониторинга, так и в анализе полученных результатов [Сергеева, Дмитриченкова, Варламова 2018]. Данные пилотажного эксперимента позволили Т.П. Рубцовой выявить затруднения в реализации мониторинга более чем у 72 % испытуемых педагогов. Так, 15% преподавателей сталкиваются с мотивационно-ценностным барьером перед освоением информационных технологий, а более 50 % – испытывают затруднения в освоении способов мониторинга [Рубцова 2020]. Считаем причиной данных затруднений недостаточную профессиональную компетентность преподавателей в осуществлении мониторинга.

Компетентность преподавателя как инструмент мониторинга

Реализация мониторинга как эффективной технологии управления качеством образовательных результатов предполагает владение преподавателем необходимыми для его осуществления

компетенциями, т. е. профессиональную компетентность. Существуют многообразные трактовки сущности понятия «компетенция» в научной литературе. Зарубежные исследователи, в частности М. Eraut, характеризуют его как способность личности к реализации задач и ролей, ориентированных на достижение планируемого результата [Eraut 1998]. В свою очередь нидерландский ученый М. Mulder полагает, что компетенция представлена интегрированными способностями, основанием которых выступает взаимосвязь знаний, навыков и отношений [Mulder 2011]. Согласно мнению R.W. White, сущность рассматриваемого понятия характеризуется доминированием способностей, обеспечивающих эффективность выполнения практической деятельности [White 1959]. Характерно, что отечественные исследователи рассматривают компетенцию также неоднозначно: одни – как взаимообусловленные знания, понимание и действия, другие включают в ее сущность способность к эффективному выполнению деятельности, а третьи характеризуют ее как основу формирования компетентности [Галустян, Радченко, Плешаков, Пальчикова 2019]. Соответственно, реализация мониторинга образовательных результатов преподавателями предполагает владение совокупностью специальных соответствующих компетенций, т. е. профессиональную компетентность в целом.

Мы пришли к пониманию, что компетенции, объединенные в профессиональную компетентность, обладают спецификой, соответствующей профессионально-педагогической деятельности. Согласно мнению Т.В. Казаковой, профессиональная компетентность педагога является совокупностью «личностных и деятельностных свойств (компетенций), обеспечивающих эффективное профессиональное взаимодействие и успешное решение профессиональных педагогических задач» [Казакова 2018]. Профессиональная компетентность преподавателя охарактеризована также Е.А. Бероевой и Н.А. Каргапольцевой, которые трактуют данное понятие как «интегративное, непрерывно совершенствующееся профессионально-личностное качество, обеспечивающее продуктивное осуществление трудовой активности, выражаемое в постоянном стремлении к овладению личностно значимыми профессиональными знаниями и умениями, качественному освоению нового в профессиональной сфере образовательного труда» [Бероева, Каргапольцева 2019, с. 91]. Стержнем представленной характеристики выступает стремление компетентного педагога к непрерывному самосовершенствованию и саморазвитию в профессиональной деятельности. Одним из объективных индикаторов ее эффективности является качество преподавания, воплощенное в образовательных результатах обучающихся. С одной стороны, информация, полученная в результате мониторинга, выступает стимулом совершенствования профессионально-педагогической деятель-

ности. С другой – объективность мониторинговых данных зависит от владения педагогом специальными компетенциями, необходимыми в реализации мониторинга.

Неотъемлемым элементом профессиональной компетентности педагога, согласно мнению Э.С. Сулейманова и М.К. Эреджепова, является мониторинговая компетентность, включающая владение методами психолого-педагогической диагностики. Данная компетентность позволяет преподавателю принимать направленные на повышение качества профессиональной подготовки управленческие решения, а также проектировать действия, необходимые для коррекции образовательных результатов [Сулейманов, Эреджепов 2019]. Иными словами, в процессе мониторинга необходима субъектная позиция преподавателя, а мониторинговая компетентность выступает инструментом его реализации. Соответственно, мониторинговая компетентность педагога представлена диагностическими, управленческими и коррекционными компетенциями, а их формирование осуществляется в процессе профессионального образования и самообследования педагога.

Преимственность в формировании мониторинговой компетентности

Изучение ФГОС ВО бакалавриата по направлению подготовки 44.03.04 и магистратуры по направлению подготовки 44.04.04 Профессиональное обучение (по отраслям) позволило выделить общепрофессиональные компетенции преподавателя, необходимые для осуществления мониторинга (ФГОС ВО 2018 № 124; № 129). Очевидно, что принцип преимственности пронизывает содержание подготовки бакалавров → магистров. Также очевидно, что в аналогичной логике представлены

компетенции, преимственность которых отражена в таблице 1. В свою очередь, профессиональные компетенции формулируются образовательной организацией самостоятельно на основании обобщенных трудовых функций соответствующих профессиональных стандартов.

Соответственно, основы мониторинговой компетентности формируются в результате освоения студентами образовательных программ бакалавриата. Так, в образовательном пространстве Оренбургского государственного университета в подготовке бакалавров профессионального обучения реализуется интерактивная технология, направленная на формирование практикоориентированных умений целеобразования бакалавров, целереализации и рефлексии в профессионально-педагогической деятельности [Гладких 2019, 2020]. Формируются необходимые элементы мониторинговой деятельности, включающие освоение студентами метода «дерева целей», разработку оценочных средств, а также опыт индивидуального, группового и коллективного рефлексивного интерактивного взаимодействия. Метод «дерева целей» позволяет педагогам конкретизировать цели мониторинга в контексте изучаемых тем преподаваемой дисциплины. Оценочные средства выступают неотъемлемым инструментарием мониторинга. Опыт рефлексивного взаимодействия в оценке результатов деятельности студентов является основой рефлексии в предстоящем осуществлении мониторинга. Вместе с тем освоение учебных дисциплин, способствующих формированию мониторинговой компетентности бакалавров профессионального обучения, осуществляется поэтапно и включает создание продуктов мониторинговой деятельности будущего педагога.

Таблица 1

Общепрофессиональные компетенции педагога профессионального обучения, необходимые для мониторинга образовательных результатов

Table 1

The general professional competencies of the teacher of vocational training required in the monitoring of educational results

Общепрофессиональные компетенции бакалавра	Общепрофессиональные компетенции магистра
ОПК-5. Способен осуществлять контроль и оценку формирования результатов образования обучающихся, выявлять и корректировать трудности в обучении	ОПК-5. Способен разрабатывать программы мониторинга результатов образования обучающихся, разрабатывать и реализовывать программы преодоления трудностей в обучении
ОПК-6. Способен использовать психолого-педагогические технологии в профессиональной деятельности, необходимые для индивидуализации обучения, развития, воспитания, в том числе обучающихся с особыми образовательными потребностями	ОПК-6. Способен проектировать и использовать эффективные психолого-педагогические, в том числе инклюзивные, технологии в профессиональной деятельности, необходимые для индивидуализации обучения, развития, воспитания обучающихся с особыми образовательными потребностями
ОПК-7. Способен взаимодействовать с участниками образовательных отношений в рамках реализации образовательных программ	ОПК-7. Способен планировать и организовывать взаимодействия участников образовательных отношений

Формирование мониторинговой компетентности будущих бакалавров профессионального обучения

В Оренбургском государственном университете с 2019 года по настоящее время в подготовке будущих педагогов нами реализуется учебная дисциплина «Формирование практической готовности бакалавров профессионального обучения», а одним из ее результатов выступает мониторинговая компетентность. Освоение данной дисциплины включает репродуктивный, исследовательский, конструктивный и продуктивный этапы, охарактеризованные нами ранее в предыдущей статье [Гладких 2019]. Согласно мнению М.Г. Сергеевой, С.В. Дмитриченковой, И.Ю. Варламовой, ключевое значение в формировании компетенций, необходимых педагогам для осуществления мониторинга, обретает опыт мониторинговой деятельности [Сергеева, Дмитриченкова, Варламова 2018]. Соответственно, технология формирования мониторинговой компетентности будущих бакалавров профессионального обучения предполагает действия студентов, направленные на создание продуктов, необходимых в мониторинге (таблица 2).

Итак, *репродуктивный этап* данной технологии ориентирован на самостоятельный поиск будущими бакалаврами профессионального обучения информации об объекте мониторинга, в частности, профессиональной готовности. Информационным источником выступают научные статьи, опубликованные в журналах, включенных в перечень ВАК при Минобрнауки РФ. Таким образом обеспечивается научная обоснованность целей, критериев и показателей мониторинга. Ведущую роль в эффективности мониторинговой деятельности преподавателя играет опыт оценочной деятельности педагога. Соответственно, на *исследовательском этапе* студентам предлагается практикоориентированное задание, связанное с оцениванием соответствия содержания статьи ее цели и ключевым

словам. Освоение *конструктивного этапа* связано с разработкой оценочных средств, необходимых в мониторинге. Завершение мониторинга предполагает презентацию его результатов, которая на *продуктивном этапе* производится посредством составления учебного портфолио или кейса. Он включает результаты выполнения всех заданий, т. е. продукты мониторинговой деятельности.

Продукты мониторинговой деятельности будущих бакалавров профессионального обучения

Продукты мониторинговой деятельности будущих педагогов профессионального обучения характеризуются многообразием, поэтому ограничимся представлением исключительно контекстных заданий и ситуаций. Объектом мониторинга в изучении дисциплины «Формирование практической готовности бакалавров профессионального обучения» выступила профессиональная готовность, а уровнями ее сформированности считали репродуктивный, продуктивный и креативный. Они определялись ориентирами в разработке оценочных средств мониторинга студентами, в частности контекстных заданий и ситуаций.

Основанием содержания контекстных заданий и ситуаций выступают различные проблемы профессионально-педагогической деятельности и готовности к ней, выделенные будущими бакалаврами в результате изучения научных статей. Вместе с тем предполагаемый вариант решения контекстного задания характеризуется алгоритмичностью, позволяющей однозначно оценить результат его решения. Представим пример контекстного задания, разработанного студентами – будущими педагогами профессионального обучения в процессе изучения заявленной дисциплины.

Таблица 2

Технология формирования мониторинговой компетентности будущих бакалавров профессионального обучения

Table 2

Technology of formation of monitoring competence of future bachelors of vocational training

Этап формирования мониторинговой компетентности	Действия студентов	Продукт мониторинговой деятельности
Репродуктивный	– поиск научной информации об объекте мониторинга	– информация об объекте мониторинга
Исследовательский	– оценка соответствия работы требованиям, предъявляемым к качеству ее содержания	– резюме студента о соответствии содержания научной статьи ключевым словам; – рецензия на статью
Конструктивный	– разработка оценочных средств мониторинга	– вопросы к зачету; – тесты; – контекстные задачи; – контекстные ситуации
Продуктивный	– презентация результатов мониторинга	– учебное портфолио

Контекстное задание. Изучите критерии и показатели сформированности профессиональной готовности, представленные в монографии Г.Н. Жукова, Е.М. Дорожкина, П.Ф. Кубрушко «Формирование готовности студентов к профессионально-педагогической деятельности мастера производственного обучения: теоретико-методологический аспект».

Задание репродуктивного уровня: охарактеризуйте преимущества и ограничения применения критериев и показателей сформированности готовности к профессионально-педагогической деятельности в мониторинге образовательных результатов подготовки будущих мастеров производственного обучения.

Задание продуктивного уровня: подберите диагностические методики, соответствующие критериям и показателям сформированности готовности к профессионально-педагогической деятельности будущих мастеров производственного обучения.

Задание креативного уровня: разработайте одну из диагностических методик, соответствующих критериям и показателям сформированности готовности к профессионально-педагогической деятельности будущих мастеров производственного обучения.

Обращение к контекстным ситуациям, как известно, определяется исходным тезисом о неизбежности вариативного проектирования их решения. Иными словами, в конечном итоге предполагаемые результаты решения контекстных ситуаций неизвестны ни педагогу, ни обучающемуся. Они стимулируют креативность студентов, творческий поиск способов решения проблемы, составляющей основу контекстной ситуации.

Контекстная ситуация. В процессе изучения дисциплины «Русский язык» в юридическом колледже несколько обучающихся демонстративно не выполняли задания педагога, а играли в игры на смартфоне. На замечание преподавателя студенты ответили, что данная дисциплина не пригодится

им в предстоящей профессиональной деятельности, других они не отвлекают, сидят тихо. Педагог предложил студентам, которым не интересна его дисциплина, не приходить на занятия.

Задание репродуктивного уровня: охарактеризуйте предположительный уровень профессиональной готовности преподавателя.

Задание продуктивного уровня: предложите методы актуализации изучения дисциплины «Русский язык» в юридическом колледже.

Задание креативного уровня: предложите методы взаимодействия преподавателя и обучающихся, способствующие конструктивному решению данной ситуации.

Итак, нами представлены отдельные продукты мониторинговой деятельности будущих бакалавров профессионального обучения: контекстные задания и ситуации. Качество данных оценочных средств позволяет оценить сформированность профессионально-педагогической компетентности, необходимой для осуществления мониторинга.

Заключение

В статье нами охарактеризованы отдельные процессуально-целевые аспекты формирования мониторинговой компетентности будущих бакалавров профессионального обучения. Его целевые ориентиры представлены компетенциями ФГОС ВО соответствующего направления подготовки, реализуемой в процессе освоения учебных дисциплин. В частности, освоение дисциплины «Формирование практической готовности бакалавров профессионального обучения» направлено на получение студентами опыта для разработки продуктов мониторинга, включающего оценочные средства, объединенные в учебное портфолио. Качество их разработки является основой объективной оценки сформированности мониторинговой компетентности будущего педагога профессионального обучения.

Материалы исследования

ФЗ «Об образовании» 2018 – *Федеральный закон* от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 16.04.2022) «Об образовании в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/1a45a123ee3e2f6e74cac4d567d8881ba35fb291.

ФГОС ВО 2018 № 124 – *Приказ Министерства образования и науки РФ* от 22 февраля 2018 г. № 124 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 44.03.04 Профессиональное обучение (по отраслям) (уровень бакалавриата)». URL: https://base.garant.ru/71897862/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/#block_1000.

ФГОС ВО 2018 № 129 – *Приказ Министерства образования и науки РФ* от 22 февраля 2018 г. № 129 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – магистратура по направлению подготовки 44.04.04 Профессиональное обучение (по отраслям)». URL: <https://base.garant.ru/71897870>.

Буркова 2008 – *Буркова Н.Г.* Педагогические принципы мониторинга в учреждениях среднего профессионального образования: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01. Москва, 2008. 37 с.

Библиографический список

Eraut 1998 – *Eraut M.* Concepts of Competence // *Journal of Interprofessional Care*. 1998. Vol. 12, issue 2. P. 127–139. DOI: <http://doi.org/10.3109/13561829809014100>.

Mulder 2011 – *Mulder M.* The Concept of Competence: Blessing or Curse? // *Innovations or Competence Management*. Lahti: Lahti University of Applied Sciences, 2011. P. 11–24. URL: <https://www.mmulder.nl/wp-content/uploads/2011/11/2011-Mulder-Competence-Blessing-or-Curse-in-Torniainen-et-al.pdf>.

White 1959 – *White R.W.* Motivation Reconsidered: The Concept of Competence // *Psychological Review*. 1959. № 66. P. 297–333. DOI: <http://doi.org/10.1037/H0040934>.

Бероева, Каргапольцева 2019 – *Бероева Е.А., Каргапольцева Н.А.* Возможности дополнительного профессионального образования в развитии профессиональной компетентности преподавателя // *Мир науки. Педагогика и психология*. 2019. Т. 7, № 6. С. 91. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42596563>. EDN: <https://elibrary.ru/xcuuzcm>.

Галустян, Радченко, Плешаков, Пальчикова 2019 – *Галустян О.В., Радченко Л.А., Плешаков М.А., Пальчикова Г.С.* Понятия компетенции и компетентности в современной педагогике // *Гуманитарные науки (г. Ялта)*. 2019. № 2 (46). С. 10–14. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38609242>. EDN: <https://elibrary.ru/qbkmxh>.

Гладких 2020 – *Гладких В.Г.* Технология разработки «дерева целей» и использования в методической деятельности будущего педагога профессионального обучения // *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2020. № 3 (226). С. 86–91. DOI: <http://doi.org/10.25198/1814-6457-226-86>. EDN: <https://elibrary.ru/elfgcs>.

Гладких 2019 – *Гладких В.Г.* Целевые доминанты интерактивной технологии формирования практической готовности бакалавра профессионального обучения // *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2019. № 3 (221). С. 21–27. DOI: <http://doi.org/10.25198/1814-6457-221-21>. EDN: <https://elibrary.ru/bqiqdk>.

Казакова 2018 – *Казакова Т.В.* Теоретические подходы к определению профессиональной компетентности педагога // *Проблемы современного педагогического образования*. 2018. № 60–1. С. 437–440. EDN: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35688975>. EDN: <https://elibrary.ru/varwke>.

Майоров 2005 – *Майоров А.Н.* Мониторинг в образовании: монография. Москва: Интеллект-Центр, 2005. 424 с. ISBN 5-89790-275-5. URL: https://rco27.ru/files/uploads/oko/resources/Maiorov_Monitoring.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=19965145>. EDN: <https://elibrary.ru/quxijx>.

Рубцова 2020 – *Рубцова Т.П.* Подготовка преподавателей в системе повышения квалификации к выполнению инновационных функций // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки*. 2020. Т. 22, № 71. С. 42–47. DOI: <http://doi.org/10.37313/2413-9645-2020-22-71-42-47>. EDN: <https://elibrary.ru/xdblxc>.

Сергеева, Дмитриченкова, Варламова 2018 – *Сергеева М.Г., Дмитриченкова С.В., Варламова И.Ю.* Особенности подготовки студентов педагогической магистратуры к мониторинговой деятельности // *Проблемы современного педагогического образования*. 2018. № 58–2. С. 222–225. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32636445>. EDN: <https://elibrary.ru/ystwyy>.

Сулейманов, Эреджепов 2019 – *Сулейманов Э.С., Эреджепов М.К.* Компетентностный подход к формированию профессиональной компетентности бакалавров автотранспортного профиля // *Проблемы современного педагогического образования*. 2019. № 62–1. С. 297–300. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37032636>. EDN: <https://elibrary.ru/yu1abf>.

Шишов, Кальней, Гирба 2013 – *Шишов С.Е., Кальней В.А., Гирба Е.Ю.* Мониторинг качества образовательного процесса в школе: монография. Москва: Издательский дом «Инфра-М», 2013. 206 с. ISBN 978-5-16-006507-6. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21236576>. EDN: <https://elibrary.ru/rwssnv>.

References

Eraut 1998 – *Eraut M.* (1998) Concepts of Competence. *Journal of Interprofessional Care*, vol. 12, issue 2, pp.127–139. DOI: <http://doi.org/10.3109/13561829809014100>.

Mulder 2011 – *Mulder M.* (2011) The Concept of Competence: Blessing or Curse? In: *Innovations or Competence Management*. Lahti: Lahti University of Applied Sciences, pp. 11–24. Available at: <https://www.mmulder.nl/wp-content/uploads/2011/11/2011-Mulder-Competence-Blessing-or-Curse-in-Torniainen-et-al.pdf>.

White 1959 – *White R.W.* (1959) Motivation Reconsidered: The Concept of Competence. *Psychological Review*, vol. 66, pp. 297–333. DOI: <http://doi.org/10.1037/H0040934>.

Beroeva, Kargapolitseva 2019 – *Beroeva E.A., Kargapolitseva N.A.* (2019) Opportunities for additional professional education in the development of professional competence of the teacher. *World of Science. Pedagogy and Psychology*, vol. 7, no. 6, p. 91. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42596563>. EDN: <https://elibrary.ru/xcuuzcm>. (In Russ.)

Galustyan, Radchenko, Pleshakov, Pal'chikova 2019 – Galustyan O.V., Radchenko L.A., Pleshakov M.A., Pal'chikova G.S. (2019). Concepts of competency and competence in contemporary pedagogy. *The Humanities*, no. 2 (46), pp. 10–14. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38609242>. EDN: <https://elibrary.ru/qbkmxj>. (In Russ.)

Gladkih 2020 – Gladkih V.G. (2020) Technology for the development of the «goal tree» and use in the methodological activities of the future teacher of professional training. *Vestnik of the Orenburg State University*, no. 3 (226), pp. 86–91. DOI: <http://doi.org/10.25198/1814-6457-226-86>. EDN: <https://elibrary.ru/elfgcs>. (In Russ.)

Gladkih 2019 – Gladkih V.G. (2019) Target dominant of interactive technologies of professional training bachelor practical readiness formation. *Vestnik of the Orenburg State University*, no. 3 (221), pp. 21–27. DOI: <http://doi.org/10.25198/1814-6457-221-21>. EDN: <https://elibrary.ru/bqiqdk>. (In Russ.)

Kazakova 2018 – Kazakova T.V. (2018) Theoretical approaches to determining the professional competence of the teacher. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, no. 60–1, pp. 437–440. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35688975>. EDN: <https://elibrary.ru/varwke>. (In Russ.)

Maiorov 2005 – Maiorov A.N. (2005). Monitoring in education: monograph. Moscow: Intellekt-Tsentr, 424 p. ISBN 5-89790-275-5. Available at: https://rcoko27.ru/files/uploads/oko/resources/Maiorov_Monitoring.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=19965145>. EDN: <https://elibrary.ru/quxijx>. (In Russ.)

Rubtsova 2020 – Rubtsova T.P. (2020) Preparing a teacher to perform an innovative function in the professional development system. *Izvestiya of the Samara Science Centre of the Russian Academy of Sciences. Social, Humanities, Biomedical Sciences*, vol. 22, no. 71, pp. 42–47. DOI: <http://doi.org/10.37313/2413-9645-2020-22-71-42-47>. EDN: <https://elibrary.ru/xdblxc>. (In Russ.)

Sergeeva, Dmitrichenkova, Varlamova 2018 – Sergeeva M.G., Dmitrichenkova S.V., Varlamova I.Yu. (2018) Peculiarities of training of students of pedagogical magistracy to monitoring activities. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, no. 58–2, pp. 222–225. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32636445>. EDN: <https://elibrary.ru/ystwvy>. (In Russ.)

Suleymanov, Eredzhepov 2019 – Suleymanov E.S., Eredzhepov M.K. (2019) Competence approach to the formation of professional competence of bachelors of the motor transport profile. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, no. 62–1, pp. 297–300. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37032636>. EDN: <https://elibrary.ru/yiyabf>. (In Russ.)

Shishov, Kalnei, Girba 2013 – Shishov S.E., Kalnei V.A., Girba E.U. (2013) Monitoring the quality of the educational process at the school: monograph. Moscow: Izdatel'skiy dom «Infra-M», 206 p. ISBN 978-5-16-006507-6. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21236576>. EDN: <https://elibrary.ru/rwssnv>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 378.12

Дата поступления: 12.07.2022
рецензирования: 14.08.2022
принятия: 28.08.2022

Подготовка преподавателя вуза к решению инновационных методических задач в системе повышения квалификации

Т.П. Рубцова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация

E-mail: rubcova.tp@ssau.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1037-1502>

Аннотация: Современные тенденции в высшем образовании определяют новые требования к обеспечению его качества. Повышение качества образования становится целью и результатом деятельности высших учебных заведений, гарантом в обеспечении востребованных выпускников на рынке труда. Преподаватель при этом лично несет ответственность за результаты обучения в виде общих и профессиональных компетенций. Происходит трансформация функций преподавателя, меняются его задачи с учетом новых инновационных функций в деятельности, а также появляется необходимость в их готовности к управлению профессиональной подготовкой. В статье рассматривается инновационная методическая задача: проведение внутривузовского мониторинга качества обучения студентов. Исследуя готовность преподавателя вуза к решению инновационных методических задач, необходимо провести анализ тенденций развития образования, выделить основные направления. Проведенный анализ показал, что наблюдается потребность в преподавателях, реализующих новые инновационные задачи, которые могут ставиться перед преподавателем на основании проведения внутривузовского мониторинга.

Ключевые слова: мониторинг качества обучения; готовность преподавателя к проведению внутривузовского мониторинга качества обучения студентов; качество образования; качество обучения студентов; инновационная функция преподавателей; повышение квалификации.

Цитирование. Рубцова Т.П. Подготовка преподавателя вуза к решению инновационных методических задач в системе повышения квалификации // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 3. С. 77–81. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-77-81>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Рубцова Т.П., 2022

Татьяна Павловна Рубцова – старший преподаватель кафедры информатики и вычислительной математики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 12.07.2022
Revised: 14.08.2022
Accepted: 28.08.2022

Preparation of a university teacher for solving innovative methodological problems in the system of advanced training

T.P. Rubtsova

Samara National Research University, Samara, Russian Federation

E-mail: rubcova.tp@ssau.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1037-1502>

Abstract: Current trends in higher education define new requirements for quality assurance. Improving the quality of education becomes the goal and result of the activities of higher educational institutions, a guarantor in providing demanded graduates in the labor market. At the same time, the teacher is personally responsible for the learning outcomes in the form of general and professional competencies. There is a transformation of the functions of the teacher, his tasks are changing, taking into account new innovative functions in the activity, and there is also a need for their readiness to manage professional training. The article considers an innovative methodological task: conducting intra-university monitoring of the quality of student education. When studying the readiness of a university teacher to solve innovative methodological problems, it is necessary to analyze the trends in the development of education, to identify the main directions. The analysis showed that there is a need for teachers who implement new innovative tasks that can be set for a teacher on the basis of intra-university monitoring.

Key words: monitoring the quality of education; teacher's readiness to conduct intra-university monitoring of the quality of student's learning; quality of education; quality of teaching students; innovative function of teachers; readiness formation system.

Citation. Rubtsova T.P. Preparation of a university teacher for solving innovative methodological problems in the system of advanced training. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorija, pedagogika, filologija* = *Vestnik of Samara University*.

History, pedagogics, philology, 2022, vol. 28, no. 3, pp. 77–81. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-77-81>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© **Rubtsova T.P., 2022**

Tatyana P. Rubtsova – senior lecturer of the Department of Computer Science and Computational Mathematics, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Смена образовательной парадигмы на современном этапе развития высшей школы предъявляет новые требования к качеству обучения студентов в вузе. Высшая школа как элемент в структуре современного общества становится гарантом обеспечения качества образования, предполагая, что эту новую задачу она будет решать совместно с преподавателями, возлагая на него ответственность за качество обучения. Значимым становится осмысление проблем качества образования и качества обучения.

Обращение к научным исследованиям показывает, что существуют разные точки зрения на проблему качества обучения. Так, утверждается, что качество обучения представляет собой специально организованное целеполаганием активное взаимодействие между его участниками, что выражается совокупностью качеств личности обучаемого [Голубков, Илюхина, Рубцова 2018].

Предъявление новых требований к качеству образования не может происходить без постановки новых задач перед преподавателем, таких как управление качеством обучения. Преподаватель вуза становится лично ответственным за организацию условий качественного обучения [Руднева 2021].

Степень разработанности проблемы

Контент-анализ исследований изучаемой проблематики позволил выделить основные направления развития высшей школы.

Первая тенденция представляется трансформацией образования, что потребовало от преподавателя адаптации к новым условиям, связанным с цифровизацией. Аналитическая деятельность преподавателя требует функции систематизации и обработки информации. Вторым видом инноваций становится новый вид образования, который требует информационно-исследовательскую деятельность преподавателя и реализацию функции непрерывного слежения и хранения информации, а также конструирования образовательного процесса в новом информационном пространстве. К третьему виду относится использование новых педагогических средств в ходе операциональной деятельности преподавателя: диагностика качества обучения учебной дисциплине студентов. Рефлексивная деятельность направлена на выполнение функций оценки полученных результатов. В число инноваций включены новые средства оценки результатов обучения студентов, управленческая деятельность, которая реализуется функци-

ей оценки и прогнозирования качества освоения учебной дисциплины. Ответственность за выполнение инновационных функций в соответствии с новой парадигмой образования ложится на преподавателя, от которого требуется готовность к решению инновационных методических задач [Калмыкова 2019].

Готовность к реализации инновации [Сластенин, Подымова, 2007] преподавателем в вузе может представляться способностью исполнять свои обязанности в условиях неопределенности [Алашкевич, Зеленский и др. 2012]. Необходимость в осуществлении инноваций в деятельности преподавателя [Уралова 2019] предполагает профессионализм и ключевые инновационные компетенции. Решение инновационных задач преподавателем, как показало исследование, выявляет необходимость повышения квалификации педагогических кадров [Царапкина, Лемешко, Миронов 2020].

Методологическая основа исследования

Методологическую основу исследования составил принцип идентификации структур, предполагающий сопоставление инновационных функций с видами инновационной деятельности (таблица 1).

Применялись компетентностный и деятельностный подходы к отбору содержания повышения квалификации, направленные на формирование готовности преподавателей к решению инновационных задач. Рассматривается готовность преподавателя к решению инновационных задач как интегративное свойство личности, системообразующее информационно-исследовательский, операционально-деятельностный, аналитический, рефлексивный и управленческий компоненты готовности, отражающие уровень знаний и умений применять методы, технологии и средства проведения внутривузовского мониторинга качества обучения студентов учебной дисциплине.

Содержание программ повышения квалификации реализовано на базе Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева. Программа повышения квалификации, спроектированная с учетом результатов анкетирования преподавателей Самарского университета, апробирована на двух потоках. Преподаватели обращаются к основам мониторинга качества обучения студентов, который рассматривается в виде системы сбора, обработки, хранения и распространения информации об образовательной системе: во-первых, определяются цели педагогического оценивания состояния образовательного процесса; во-вторых, прогнози-

Таблица 1

Инновационные функции преподавателей в соответствии с тенденциями образования

Table 1

Innovative functions of teachers in accordance with educational trends

Инновация	Функция	Вид деятельности	Вид готовности
Новые условия	Систематизация и обработка информации	Аналитическая деятельность	Аналитический
Новый тип образования	Непрерывное слежение и хранение информации	Информационно-исследовательская деятельность	Информационно-исследовательский
Новые инструменты	Диагностика качества обучения учебной дисциплине	Операциональная деятельность	Операционально-деятельностный
Развитие качеств личности	Оценка полученных результатов	Рефлексивная деятельность	Рефлексивный
Новые средства оценки результатов обучения студентов	Коррекция и прогнозирование качества обучения учебной дисциплине	Управленческая деятельность	Управленческий

Таблица 2

Динамика значений показателей готовности преподавателя вуза к проведению внутривузовского мониторинга качества обучения студентов

Table 2

Dynamics of the values of indicators of the readiness of the teacher of the university to conduct intra-university monitoring of the quality of student learning

Среднее значение		Доминирующий показатель	
Конст.	Форм.	Констатирующий эксперимент	Формирующий эксперимент
Информационно-исследовательский вид готовности			
0.57	0.78	Способность самостоятельно разрабатывать исследовательский инструментарий	Умение применять современные информационные технологии проведения мониторинга
Операционально-деятельностный вид готовности			
0.28	0.66	Умение поэтапно планировать и осуществлять внутривузовский мониторинг качества обучения студентов учебной дисциплине	Умение поэтапно планировать и осуществлять внутривузовский мониторинг качества обучения студентов учебной дисциплине
Аналитический вид готовности			
0.35	0.76	Потребность в получении достоверных данных о качестве обучения учебной дисциплине	Умение использовать инструментальный исследования, различные формы и средства взаимодействия с респондентами
Рефлексивный вид готовности			
0.42	0.64	Потребность в оценке своей деятельности	Умение апробировать разработанный инструментарий
Управленческий вид готовности			
0.32	0.79	Потребность в прогнозировании развития процесса обучения учебной дисциплины	Потребность в выборе траектории, пути развития, внесение корректив в процесс обучения с учетом оценки результатов мониторинга

руются средства развития личности обучаемого; в-третьих, дается научное обоснование способов мониторинга. Следует заметить, что внутренний мониторинг дает не только сведения о качестве обучения, но и об уровне компетентности преподавателей

в решении инновационных педагогических задач и об удовлетворенности обучаемых условиями и содержанием полученного образования.

В ходе дискуссии слушатели обсуждают проблему обусловленности качества обучения психо-

логическими особенностями студентов – это адаптированность к учебной деятельности, мотивация, уровень невербального интеллекта, креативность, практический интеллект. Практические занятия посвящаются способам обработки результатов мониторинга. Анализ фактических данных становится основой для принятия управленческих решений. В ходе повышения квалификации преподаватели приобретают навыки разработки тестов на определение качества освоения учебной дисциплины. Объективность результатов тестирования обеспечивается стандартизацией вопросов.

Результаты исследования

Результат проведенного исследования показал, что преподаватели не готовы к выполнению инновационных функций, организация внутривузовского мониторинга качества обучения студентов вызывает затруднения у 72 % опрошенных преподавателей (выборку составили 112 преподавателей). Преподаватели испытывают мотивационно-ценностный барьер в связи с внедрением новых информационных технологий в учебные дисциплины, есть затруднения с проведением внутривузовского мониторинга качества обучения. Преподаватели понимают необходимость в адаптации

к нововведениям, происходящим в системе образования. После повышения квалификации отмечается положительная динамика значений всех компонентов готовности преподавателей к проведению внутривузовского мониторинга качества обучения студентов (таблица 2).

Заключение

Основной задачей в подготовке преподавателей вуза к решению инновационных методических задач в системе повышения квалификации является систематическая и целенаправленная работа по освоению новых инновационных функций в связи с трансформацией современного образования. Готовность преподавателей вуза к решению инновационных методических задач представлена основными видами готовности (информационно-исследовательской, операционно-деятельностной, аналитической, рефлексивной, управленческой), для формирования которой было разработано и апробировано содержание в виде программы повышения квалификации.

Результаты подтвердили эффективность разработанной системы внутривузовского мониторинга качества обучения студентов учебной дисциплине.

Библиографический список

Алашкевич, Зеленский, Богданов и др. 2012 – *Алашкевич М.Ю., Зеленский В.А., Богданов Л.Н., Майоров А.Н., Мацкевич А.В., Романова В.В., Рудник Б.Л.* Мониторинг хода реализации Федерального закона от 08.05.2010 № 83-ФЗ в части формирования перечней услуг (работ), оказываемых (выполняемых) государственными учреждениями субъектов Российской Федерации / под общ. ред.: М.Ю. Алашкевич, Б.Л. Рудник. Москва: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012. 85 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19868249>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qsufaf>.

Голубков, Илюхина, Рубцова 2018 – *Голубков С.А., Илюхина Н.А., Рубцова Т.П.* Готовность преподавателя вуза к организации внутривузовского мониторинга качества обучения студентов // Известия Самарского научного центра РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2018. Т. 20, № 5. С. 16–20. URL: http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia_hum/2018/2018_5_16_20.pdf.

Калмыкова 2019 – *Калмыкова Д.А.* Генезис теоретических идей управления знаниями // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 63, ч. 1. С. 135–139. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-teoreticheskikh-idey-upravleniya-znaniyami/viewer>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37603830>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ranarm>.

Руднева 2021 – *Руднева Т.И.* Профессиональное развитие – фактор профессиональной успешности // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 2. С. 61–65. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-2-61-65>. EDN: <https://www.elibrary.ru/pgdbnk>.

Сластенин, Подымова 2007 – *Сластенин В.А., Подымова Л.С.* Готовность педагога к инновационной деятельности // Сибирский педагогический журнал. 2007. № 1. С. 42–49. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11687141>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jvtmsf>.

Царапкина, Лемешко, Миронов 2020 – *Царапкина Ю.М., Лемешко Т.Б., Миронов А.Г.* Подготовка педагогических кадров к профессиональной деятельности в условиях цифрового обучения // Информатика и образование. 2020. № 2 (311). С. 48–52. DOI: <http://doi.org/10.32517/0234-0453-2020-35-2-48-52>. EDN: <https://www.elibrary.ru/diowmc>.

References

Alashkevich, Zelenskiy, Bogdanov et al. 2012 – *Alashkevich M.Yu., Zelenskiy V.A., Bogdanov L.N., Mayorov A.N., Matskevitch A.V., Romanova V.V., Rudnik B.L.* (2012) Monitoring the implementation of the Federal Law of 08.05.2010 No. 83-FZ regarding the formation of lists of services (works) provided (performed) by state institutions of the constituent entities of the Russian Federation. *Alashkevich M.Yu., Rudnik B.L. (Eds.)*. Moscow: Izdatel'skii dom NIU VShE, 85 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19868249>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qsufaf>. (In Russ.)

Golubkov, Ilyukhina, Rubtsova 2018 – *Golubkov S.A., Ilyukhina N.A., Rubtsova T.P.* (2018) Readiness of the teacher of higher education institution for the organization of intra high school monitoring of quality of training of students. *Izvestiya of the Samara Science Centre of the Russian Academy of Sciences. Social, humanitarian, medicobiological sciences*, vol. 20, no. 5, pp. 16–20. URL: http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia_hum/2018/2018_5_16_20.pdf. (In Russ.)

Kalmykova 2019 – *Kalmykova D.A.* (2019) Genesis of theoretical knowledge management ideas. *Problems of modern pedagogical education*, no. 63, part 1, pp. 135–139. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-teoreticheskikh-idey-upravleniya-znaniyami/viewer>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37603830>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ranarm>. (In Russ.)

Rudneva 2021 – *Rudneva T.I.* (2021) Professional development – factor of professional success. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 27, no. 2, pp. 61–65. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-2-61-65>. EDN: <https://www.elibrary.ru/pgdbnk>. (In Russ.)

Slastenin, Podymova 2007 – *Slastenin V.A., Podymova L.S.* (2007) Readiness of the teacher for innovative activity. *Siberian Pedagogical Journal*, no. 1, pp. 42–49. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11687141>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jvtmsf>. (In Russ.)

Tsarapkina, Lemeshko, Mironov 2020 – *Tsarapkina Ju.M., Lemeshko T.B., Mironov A.G.* (2020) The training of teachers for professional activity within digital education. *Informatics and Education*, no. 2 (311), pp. 48–52. DOI: <http://doi.org/10.32517/0234-0453-2020-35-2-48-52>. EDN: <https://www.elibrary.ru/diowmc>.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 004.9: [378.016:159.9]

Дата поступления: 17.06.2022
рецензирования: 21.07.2022
принятия: 28.08.2022

Формирование цифровой компетентности будущих педагогов-психологов

О.В. Дудина

Чувашский государственный педагогический университет
имени И.Я. Яковлева, г. Чебоксары, Российская Федерация
E-mail: oxanadudina@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7181-9716>

Аннотация: Актуальность проблемы обусловлена изменениями, происходящими в мировом сообществе. Сегодня речь идет уже не о постиндустриальном, а о датацентричном мире, в котором на первое место выходят данные сами по себе, их сбор, хранение и дальнейшее применение. Поэтому наличие цифровой компетентности является необходимым элементом бытия человека в современном информационном пространстве. В данной статье проведен анализ работ авторов, исследующих проблему компетентности работников образовательной сферы в цифровом обществе. Автором рассмотрено понятие цифрового потребления в процессе применения в образовательной деятельности как одного из компонентов цифровой компетентности будущего педагога-психолога. В работе освещены результаты диагностики уровня сформированности цифрового потребления как составляющей цифровой компетентности будущего педагога-психолога на констатирующем и контрольном этапах эксперимента, проведенного на базе ФГБОУ ВО «ЧГПУ имени И.Я. Яковлева». Исследование проводилось в период с октября 2021 года по май 2022 года. В ходе исследования проверялся уровень сформированности цифрового потребления обучающихся психолого-педагогического факультета. В процессе диагностики студентов-волонтеров применялись методики Российского центра интернет-технологий, Всероссийского центра изучения общественного мнения, национального агентства финансовых исследований. Констатирующий этап эксперимента по формированию цифровой компетентности выявил, что немногие обучающиеся применяют на достаточном уровне цифровые технологии в своей деятельности. Во время проведения формирующего эксперимента по повышению цифровой компетентности обучающимся прививались навыки использования современных информационных технологий и применения цифровых инструментов в профессиональной деятельности. На контрольном этапе эксперимента по формированию цифровой компетентности будущего педагога-психолога выявлено, что индикаторы достижения цифрового потребления в сфере профессиональной деятельности педагога-психолога заметно увеличились после проведенных лекционных и практических занятий в сфере цифрового потребления.

Ключевые слова: цифровое потребление; цифровая компетентность; сквозные цифровые технологии; искусственный интеллект; виртуальная реальность; цифровые инструменты; индикатор достижения компетенции.

Цитирование. Дудина О.В. Формирование цифровой компетентности будущих педагогов-психологов // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 3. С. 82–87. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-82-87>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Дудина О.В., 2022

Оксана Владимировна Дудина – аспирант кафедры гуманитарных дисциплин, Чувашский государственный педагогический университет имени И.Я. Яковлева, 428008, Российская Федерация, г. Чебоксары, ул. Карла Маркса, 38.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 17.06.2022
Revised: 21.07.2022
Accepted: 28.08.2022

Formation of digital competence of future teachers-psychologists

O.V. Dudina

I.Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russian Federation
E-mail: oxanadudina@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7181-9716>

Abstract: The relevance of the article is due to the changes taking place today in the world community. Today we are no longer talking about a post-industrial, but about a data-centric world in which data itself, its collection, storage and further application come out on top. Therefore, the presence of digital competence is a necessary element of human existence in the modern information space. This article analyzes the works of authors developing the problem of competence of educational workers in a digital society. The author considers the concept of digital consumption in the process of application in educational activities as one of the components of the digital competence of the future teacher-psychologist. The article highlights the results of diagnostics of the level of formation of digital consumption as a component of digital competence of the future teacher-psychologist at the ascertaining and control stages of the experiment conducted on the basis of the I.Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University. The study was conducted between October 2021 and

May 2022. In the course of the study, the level of formation of digital consumption of students of the Faculty of Psychology and Pedagogy was checked. The methods of the Russian Center for Internet Technologies, the All-Russian Center for the Study of Public Opinion, and the National Agency for Financial Research were used in the process of diagnosing volunteer students. The ascertaining stage of the experiment on the formation of digital competence revealed that few students use digital technologies at a sufficient level in their activities. During the formative experiment to improve digital competence, students were taught the skills of using modern information technologies and using digital tools in their professional activities. At the control stage of the experiment on the formation of digital competence of the future teacher-psychologist, we found that the indicators of achieving digital consumption in the field of professional activity of a teacher-psychologist significantly increased after lectures and practical classes in the field of digital consumption. The article may be useful for further research in the field of digitalization of vocational education.

Key words: digital consumption; digital competence; end-to-end digital technologies; artificial intelligence; virtual reality digital tools; competence achievement indicator.

Citation. Dudina O.V. Formation of digital competence of future teachers-psychologists. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 28, no. 3, pp. 82–87. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-82-87>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Dudina O.V., 2022

Oksana V. Dudina – postgraduate student of the Department of Humanities, I.Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, 38, Karl Marx Street, Cheboksary, 428008, Russian Federation.

Введение

«Сегодня мы живем в мире, который стремительно меняется. Повсеместно происходит внедрение цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности человека, поэтому процесс социализации в цифровом мире является злободневным» [Дудина 2021, с. 162]. «Цифровая среда осуществляет быстрый переход от одной социокультурной реальности к другой. Изменяются критерии и нормы поведения, жизнедеятельности, мировоззрения человека» [Дудина 2020, с. 94].

Проблема цифровой компетентности в настоящее время является одним из важнейших вопросов современного цифрового общества. Оно формирует цифровые привычки современного гражданина, поэтому вопрос наличия цифровой компетентности – это вопрос социальной адаптации в датацентричном мире. Целью данной работы является анализ мнений авторов, проводящих исследования по теме компетентности человека в цифровом мире, а также выделение и разбор одной из составляющих цифровой компетентности педагога-психолога. Предполагаем, что одним из структурных компонентов цифровой компетентности педагога-психолога является цифровое потребление, т. е. применение современных информационно-коммуникационных технологий, цифровых инструментов и средств в процессе профессиональной деятельности. Проблема цифровой компетентности сегодня активно обсуждается в научном сообществе.

Обзор литературы

Р.Дж. Крумвик отмечает, что «цифровая компетентность – это умение преподавателей использовать информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) в профессиональном контексте в сочетании с хорошим педагогическим (дидактическим) пониманием и осознанием его значения для стратегий обучения и цифровой базы обучающихся» [Krumsvik 2011].

Н.Д. Берман, рассматривая проблему цифровых компетенций, акцентирует внимание на владении «технологиями поиска в интернете, способности критического восприятия информации и проверки ее на достоверность, умения создавать мультимедийный контент с целью размещения его в сети, использовании мобильных средств коммуникации» [Берман 2017, с. 36].

Н.В. Топилина, И.И. Топилина считают, что цифровая компетентность педагога требует новых взаимоотношений с информационными технологиями и умения критически оценивать полученную информацию, поэтому «цифровые компетенции требуют высокого уровня владения информационно-коммуникационными технологиями» [Топилина Н.В., Топилина И.И. 2020].

А.А. Картукова одним из компонентов российской модели цифровой компетентности видит базовые навыки использования педагогом информационно-коммуникационных технологий [Картукова 2019].

Н.В. Носкова, Л.А. Петрова под цифровой компетентностью педагога-психолога понимают «овладение умениями использовать цифровые технологии в образовательном процессе, которые имеют преимущества перед традиционным обучением» [Носкова, Петрова 2020].

Согласно модели цифровой компетентности педагога, представленной в 2017 году Европейским Союзом по образованию, работник системы образования должен уметь применять цифровые технологии в процессе своей профессиональной деятельности; развивать навыки работы с разного рода цифровыми ресурсами и цифровыми инструментами; контролировать и оценивать образовательный процесс с применением современных цифровых инструментов; уметь применять цифровые технологии в творчестве и самореализации, а также формировать цифровую компетентность у обучающихся [Carretero, Vuorikari, Punie 2017].

Представители организации ЮНЕСКО создали трехуровневую шестимодульную модель

по структуре ИКТ-компетенций преподавателя. Согласно данной модели, преподаватель должен понимать, что информационно-коммуникационные технологии играют ведущую роль в образовательном процессе, создавать учебные программы и владеть технологиями оценивания, педагогическими практиками, техническими и программными средствами информационно-коммуникационных технологий, организацией и управлением образовательным процессом и профессионально развиваться [Структура...].

Педагогу-психологу по роду своей деятельности, кроме универсального использования стационарного и мобильного интернета, облачных технологий для хранения и передачи данных, различных гаджетов и нейрогаджетов [Горбунова, Дудина 2022], приходится использовать сквозные цифровые технологии, цифровые инструменты и цифровые ресурсы.

Современные стандарты образования, которые представлены во ФГОС, могут быть достигнуты с использованием широкого спектра компьютерных технологий и информационных инструментов [Ворона-Сливинская 2019]. Под информационным инструментом учебной деятельности понимают программное средство, которое позволяет обучающему и работнику образования совершать активные действия над информационными объектами, создавать их, изменять их, связывать, передавать и т. д.

Команда российского общественного центра информационных технологий под цифровым потреблением понимает использование услуг Интернета для жизни и работы, что подразумевает использование стационарного и мобильного Интернета, разного рода цифровые устройства и средства массовой информации: обращение граждан в многофункциональные государственные центры, владение облачными технологиями и технологиями, связанными с передачей больших данных, общение в социальных сетях.

Методологической основой исследования стали системный подход (Бернадский Б.Ю.); деятельностный подход (Выготский Л.С., Леонтьев А.Н., Якиманская И.С.) и компетентностный подход (Бондаревская Е.В., Деркач А.А., Зимняя И.А., Кузьмина Н.В., Маркова А.К., Мясищев Н.В., Палферова А.Ш., Петровская Л.А.) [Бернадский 2015].

А.В. Хуторской полагает, что компетентностный подход в российской образовательной системе нужен для того, чтобы обучающиеся, обладая высоким уровнем знаний, могли реализовывать эти знания на практике [Хуторской 2005].

Теоретической основой исследования стали работы Н.Б. Мануйловой, Е.М. Мессиневой, Е.И. Расказовой, Г.У. Солдатовой, А.Г. Фетисова и др. Экспериментальная база исследования – ФГБОУ ВО «ЧГПУ имени И.Я. Яковлева». В исследовании участвовали волонтеры, будущие педагогические психологи, обучающиеся 1–3-го курсов психоло-

го-педагогического факультета по направлению подготовки 44.03.02 «Психолого-педагогическое образование, профиль «Психология и социальная педагогика». В ходе исследования нами применялись такие теоретические методы, как анализ и синтез, систематизация и обобщение научной психолого-педагогической литературы; эмпирические: наблюдение и педагогический эксперимент.

Цифровое потребление в профессиональной деятельности педагога-психолога будем понимать как использование педагогом-психологом современных информационных технологий, программных средств, применение методов и технологии обучения и диагностики, облачных технологий, перспективных цифровых технологий, цифровых инструментов, интеллектуальных обучающих систем и образовательных чат-ботов [Виноградова 2021].

Выделено три индикатора достижения цифрового потребления в профессиональной деятельности педагога-психолога. Первый индикатор представлен нами как способность педагога-психолога понимать принципы работы современных информационных технологий и использовать их для решения задач профессиональной деятельности. Второй индикатор мы обозначили как применение диагностического инструментария для оценки сформированности образовательных результатов и динамики развития обучающихся. Третий индикатор показан как использование методов и средств наглядного (публичного) представления результатов профессиональной деятельности. Выделяя индикаторы достижения цифрового потребления будущего педагога-психолога, руководствовались федеральным государственным образовательным стандартом в области психолого-педагогического образования и профессиональным стандартом педагога-психолога.

Для определения уровня сформированности индикаторов цифрового потребления педагогом-психологом провели исследование, в котором приняли участие обучающиеся-волонтеры, студенты ФГБОУ ВО «ЧГПУ имени И.Я. Яковлева» 1–3-го курсов психолого-педагогического факультета по направлению подготовки 44.03.02 «Психолого-педагогическое образование, профиль «Психология и социальная педагогика». В ходе исследования цифровой компетентности нами применялись опросники Российского общественного центра интернет-технологий, Всероссийского общественного центра изучения общественного мнения, Национального агентства финансовых исследований при опросе для выявления цифровой грамотности российских граждан.

Руководствовались Положением о рейтинговой оценке качества знаний студентов ЧГПУ имени И.Я. Яковлева, в соответствии с которым оценивание работы обучающегося происходит следующим образом: 100–90 баллов соответствует оценке «5», 89–76 баллов – оценке «4», 75–60 бал-

лов – «3» [Положение о рейтинговой оценке качества знаний студентов ЧППУ имени И.Я. Яковлева].

На начальном этапе исследования была проведена диагностика сформированности цифрового потребления как составляющей цифровой компетентности. Результаты констатирующего эксперимента показали, что у будущих педагогов-психологов выявлен достаточно низкий уровень цифрового потребления в процессе ведения своей профессиональной деятельности, что существует необходимость в обогащении учебного материала новыми темами.

На формирующем этапе эксперимента мы проводили занятия по формированию цифровой компетентности в части цифрового потребления. С целью «формирования ориентировочных основ для дальнейшего усвоения учебного материала» [Горбунова 2015] организовали лекционные занятия. В ходе лекционных занятий были разъяснены понятия и принципы цифрового потребления современного человека, обучающиеся ознакомились с такими сквозными цифровыми технологиями, предусмотренными Программой «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной Правительством, как искусственный интеллект и технологии виртуальной и дополненной реальности. ИИ в образовании применяется в создании контента, когда системы искусственного интеллекта преобразовывают традиционные учебные пособия в персональные, оцифровывая его. Искусственный интеллект применяется в создании индивидуального обучения, адаптируя различные приложения в персональные образовательные рамки для удовлетворения потребностей обучающихся в сфере новых знаний в соответствии с их способностями и интересами; расширяет образовательные возможности за счет передачи и получения информации со всех континентов. Искусственный интеллект применяется в информационной системе управления образованием, где собираются, хранятся, анализируются и используются данные в процессе предоставления образовательных услуг.

Интеллектуальная система позволяет проводить на цифровых платформах диагностику знаний обучающихся, мониторить процесс обучения и успеваемости, предлагать мгновенную обратную связь, рекомендовать информационный материал к дальнейшему использованию. Виртуальная реальность используется в интерактивном и иммерсивном обучении, где, применяя трехмерное изображение, можно переноситься во времени и пространстве, получая информацию из разных источников.

Познакомили обучающихся-волонтеров с цифровыми инструментами для организации совместной деятельности: Padlet, Mentimeter, сервисы Google (Google Документы, Google Таблицы, Google Презентации и т. д.); цифровыми инструментами для осуществления обратной связи: Google Form, Kahoot, Quizizz; цифровыми инструментами для создания цифровой образовательной среды: Google Classroom, Learning Apps и цифровыми инструментами для организации онлайн-уроков: Microsoft Teams, Zoom, Skype [Шайхутдинова 2021].

На практических занятиях у студентов-волонтеров формировалась способность понимать принципы работы современных информационных технологий и использование их для решения профессиональных задач – «становление будущего специалиста возможно только в конкретном деле». [Горбунова 2010].

Результаты, полученные на констатирующем и контрольном этапах исследования, представлены в таблице.

Была подсчитана средняя арифметическая уровня сформированности цифрового потребления как составляющая цифровой компетентности:

– на констатирующем этапе эксперимента: 100–90 баллов получили 6,7 % респондентов, 89–76 баллов – 38,7 %, 75–60 баллов – 54,6 % обучающихся;

– на контрольном этапе эксперимента: 100–90 баллов получили 38,7 % студентов-волонтеров, 89–76 баллов – 34,7 %, 75–60 баллов – 26,6 % участников исследования.

Таблица

Результаты диагностики цифрового потребления будущих педагогов-психологов на констатирующем и контрольном этапах эксперимента

Table

Results of diagnostics of digital consumption of future educational psychologists at ascertaining and control stages of the experiment

Индикатор достижений цифрового потребления	Количество студентов-волонтеров, получивших (в процентном соотношении)					
	100–90 баллов		89–76 баллов		75–60 баллов	
	Констатирующий этап	Контрольный этап	Констатирующий этап	Контрольный этап	Констатирующий этап	Контрольный этап
Индикатор-1	4 %	32 %	32 %	40 %	64 %	28 %
Индикатор-2	4 %	28 %	28 %	36 %	68 %	36 %
Индикатор-3	12 %	56 %	56 %	28 %	32 %	16 %

Заключение

В статье дано определение одного из компонентов цифровой компетентности: цифровое потребление как способность педагога-психолога безопасно, системно и эффективно применять в своей практической деятельности современные информационные технологии, программные средства, методы и технологии обучения и диагностики, облачные технологии, перспективные цифровые технологии, цифровые инструменты, интеллектуальные обучающие системы, образовательные

чат-боты. Проанализировав полученные данные проведенного эксперимента, сделали вывод, что уровень цифрового потребления заметно повысился после проведения лекционных и практических занятий со студентами-волонтерами. Таким образом, совершенствование системы подготовки будущих педагогов-психологов способствует формированию у студентов цифровой компетентности, что повышает конкурентоспособность выпускника и улучшает качество профессионального образования.

Библиографический список

Carretero, Vuorikari, Punie 2017 – *Carretero S., Vuorikari R., Punie Y.* DigComp 2.1: The Digital Competence Framework for Citizens. With eight proficiency levels and examples of use. Luxembourg: Publications Office of the European Union. 2017. 48 p. DOI: <http://doi.org/10.2760/38842>.

Krumsvik 2011 – *Krumsvik R.A.* Digital competence in the Norwegian teacher education and school // *Högre Utbildning*. 2011. № 1 (1). P. 39–51. URL: https://www.researchgate.net/publication/305360830_Digital_competence_in_the_Norwegian_teacher_education_and_school.

Берман 2017 – *Берман Н.Д.* К вопросу о цифровой грамотности // *Современные исследования социальных проблем*. 2017. Том 8. № 6–2. С. 35–38. DOI: <http://doi.org/10.12731/2218-7405-2017-6-2-35-38>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yodggv>.

Бернадский 2015 – *Бернадский Б.Ю.* Системный подход в развитии личности индивидуума и его влияние на дальнейшее развитие // *Молодой ученый*. 2015. № 12–2 (92). С. 9–14. URL: <https://moluch.ru/archive/92/20331>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23646764>. EDN: <https://www.elibrary.ru/txmaff>.

Виноградова 2021 – *Виноградова Г.А.* Трансформация педагогического сознания в условиях цифровизации общества // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. 2021. Т. 27, № 4. С. 80–84. DOI: <http://doi.org/10/18287/2542-0445-2021-27-4-80-84>.

Ворона-Сливинская 2019 – *Ворона-Сливинская Л.Г.* К вопросу об использовании электронных образовательных ресурсов в учебной деятельности образовательного учреждения // *Colloquium-journal*. 2019. № 22–5 (46). С. 38–39. DOI: <http://doi.org/10.24411/2520-6990-2019-10739>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xsxqnm>.

Горбунова, Дудина 2002 – *Горбунова Т.В., Дудина О.В.* Нейрогаджеты в профессиональной деятельности психолога // *Психология и социальная педагогика: современное состояние и перспективы развития: сборник научных статей по материалам XI Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 14 апреля 2022 года*. Чебоксары: Чувацкий государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2022. С. 49–52. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48646856>. EDN: <https://elibrary.ru/cofptj>.

Горбунова 2010 – *Горбунова Т.В.* Практико-ориентированный подход к подготовке будущих социальных педагогов к профессиональной деятельности // *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*. 2010. № 7. С. 93–101. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15199861>. EDN: <https://www.elibrary.ru/muqcaj>.

Горбунова, Ярусова 2015 – *Горбунова Т.В., Ярусова Т.В.* Инновационные подходы к организации лекций в условиях педвуза // *Гуманитарные науки и образование*. 2015. № 1 (21). С. 40–43. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23486329>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ttysxl>.

Дудина 2020 – *Дудина О.В.* К вопросу изучения цифровой среды как фактора социализации личности // *Казанский педагогический журнал*. 2020. № 6. С. 89–96. DOI: <http://doi.org/10.51379/KPJ.2020.31.28.012>. EDN: <https://elibrary.ru/twbtlo>.

Дудина 2021 – *Дудина О.В.* К вопросу о структуре цифровой социализации в контексте современного образования // *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева*. 2021. № 3 (112). С. 161–165. DOI: <http://doi.org/10.37972/chgpu.2021.112.3.020>. EDN: <https://elibrary.ru/tejuhl>.

Картукова 2019 – *Картукова А.А.* Цифровая образовательная среда как фактор профессионального развития педагога // *Цифровая образовательная среда: новые компетенции педагога: сборник материалов участников конференции*. Санкт-Петербург: Международные образовательные проекты, 2019. С. 8–11. URL: <https://portalsga.ru/data/3425.pdf>.

Носкова, Петрова 2020 – *Носкова Н.В., Петрова Л.А.* Цифровая компетентность современного педагога: от теории к инновационной практике // *Проблемы современного педагогического образования*. 2020. № 68–4. С. 45–49. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44478908>. EDN: <https://elibrary.ru/xmnwst>.

Структура... 2011 – *Структура ИКТ-компетентности учителей*. Рекомендации ЮНЕСКО. Париж: ЮНЕСКО, 2011. URL: <https://iite.unesco.org/pics/publications/ru/files/3214694.pdf> (дата обращения: 07.03.2021).

Топилина Н.В., Топилина И.И. 2020 – *Топилина Н.В., Топилина И.И.* Цифровая компетентность бакалавров педагогического профиля // *Kant*. 2020. № 2 (35). С. 321–324. DOI: <http://doi.org/10.24923/2222-243X.2020-35.68>. EDN: <http://elibrary.ru/ilxaqa>.

Положение... – *Положение о рейтинговой оценке качества знаний студентов ЧГПУ им. И.Я. Яковлева*. URL: <http://www.chgpu.edu.ru/index.phpdo=infoo&action=education>.

Хуторской 2005 – Хуторской А.В. Технология проектирования ключевых и предметных компетенций // Эйдос. 2005. № 4. С. 1. URL: <http://www.eidos.ru/journal/2005/1212.htm> (дата обращения: 21.12.2021); <https://elibrary.ru/item.asp?id=21696585>. EDN: <https://elibrary.ru/qlhzwi>.

Шайхутдинова 2021 – Шайхутдинова Л.М. Обзор цифровых инструментов педагога для организации дистанционного обучения // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2021. № 4 (56). С. 155–160. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45848880>. EDN: <https://elibrary.ru/gcxwor>.

References

Carretero, Vuorikari, Punie 2017 – Carretero S., Vuorikari R., Punie Y. (2017) DigComp 2.1: The Digital Competence Framework for Citizens. With eight proficiency levels and examples of use. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 48 p. DOI: <http://doi.org/10.2760/38842>.

Krumsvik 2011 – Krumsvik R.A. (2011) Digital competence in the Norwegian teacher education and school. *Högre Utbildning*, vol. 1, no. 1, pp. 39–51. Available at: https://www.researchgate.net/publication/305360830_Digital_competence_in_the_Norwegian_teacher_education_and_school.

Berman 2017 – Berman N.D. (2017) To the question of digital literacy. *Russian Journal of Education and Psychology*, vol. 8, no. 6–2, pp. 35–38; p. 36. DOI: <http://doi.org/10.12731/2218-7405-2017-6-2-35-38>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yodggv>. (In Russ.)

Bernadskiy 2015 – Bernadskiy B.Yu. (2015) Systematic approach to the development of the individual's personality and its influence on further development. *Molodoi uchenyi*, no. 12–2 (92), pp. 9–14. Available at: <https://moluch.ru/archive/92/20331>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23646764>. EDN: <https://www.elibrary.ru/txmaff>. (In Russ.)

Vinogradova 2021 – Vinogradova G.A. Transformation of pedagogical consciousness in the conditions of digitalization of society. *Vestnik of the Samara University. History, pedagogy, philology*, 2021, vol. 27, no. 4, pp. 80–84. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-4-80-84>. (In Russ.)

Vorona-Slivinskaya 2019 – Vorona-Slivinskaya L.G. (2019) On the use of electronic educational resources in educational activities of educational institutions. *Colloquium-journal*, no. 22–5 (46), pp. 38–39. DOI: <http://doi.org/10.24411/2520-6990-2019-10739>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xsqxnm>. (In Russ.)

Gorbunova, Dudina 2022 – Gorbunova T.V., Dudina O.V. (2022) Neurogadgets in the professional activity of a psychologist. In: *Psychology and social pedagogy: current state and development prospects: collection of scientific articles based on the materials of the XI All-Russian research and practical conference, Cheboksary, April 14, 2022*. Cheboksary: Chuvashskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. I.Ya. Yakovleva, pp. 49–52. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48646856>. EDN: <https://elibrary.ru/cofptj>. (In Russ.)

Gorbunova 2010 – Gorbunova T.V. (2010) Practically-oriented approach of future social teachers training for their professional activity. *Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University*, no. 7, pp. 93–101. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15199861>. EDN: <https://www.elibrary.ru/muqcaj>. (In Russ.)

Gorbunova, Yarusova 2015 – Gorbunova T.V., Yarusova T.V. (2015) Innovative approaches to the organization of lecture in the conditions of pedagogical institution. *The Humanities and Education*, no. 1 (21), pp. 40–43. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23486329>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ttysxl>. (In Russ.)

Dudina 2020 – Dudina O.V. (2020) On the issue of studying the digital environment as a factor for individual socialization. *Kazan Pedagogical Journal*, no. 6 (143), pp. 89–96. DOI: 10.51379/KPJ.2020.31.28.012. EDN: <https://elibrary.ru/twbtl0>. (In Russ.)

Dudina 2021 – Dudina O.V. (2021) Digital socialization structure in modern education. *I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*, no. 3 (112), pp. 161–166. DOI: <http://doi.org/10.37972/chgpu.2021.112.3.020>. EDN: <https://elibrary.ru/tejlulh>. (In Russ.)

Kartukova 2019 – Kartukova A.A. (2019) Digital educational environment as a factor in the professional development of a teacher. In: *Digital educational environment: new competencies of the teacher: collection of materials of the conference participants*. Saint Petersburg: Mezhdunarodnye obrazovatel'nye proekty, pp. 8–11. Available at: <https://portalsga.ru/data/3425.pdf>. (In Russ.)

Noskova, Petrova 2020 – Noskova N.V., Petrova L.A. (2020) Digital competence of modern educator: from theory to innovative practice. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, no. 68–4, pp. 45–49. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44478908>. EDN: <https://elibrary.ru/xmnwst>. (In Russ.)

Structure... 2011 – Structure of teachers' ICT competence. UNESCO recommendations. Paris: YuNESKO, 2011. Available at: <https://iite.unesco.org/pics/publications/ru/files/3214694.pdf> (accessed 07.03.2021). (In Russ.)

Topilina N.V., Topilina I.I. 2020 – Topilina N.V., Topilina I.I. (2020) Digital competence of bachelors of pedagogical profile. *Kant*, no. 2 (35), pp. 321–324. DOI: <http://doi.org/10.24923/2222-243X.2020-35.68>. EDN: <http://elibrary.ru/ilxaqa>. (In Russ.)

Regulations – Regulations on the rating assessment of the quality of knowledge of students of I. Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University. Available at: <http://www.chgpu.edu.ru/index.phpdo=infooo&action=education>. (In Russ.)

Khutorskoy 2005 – Khutorskoy A.V. (2005) Technology for designing key and subject competencies. *Internet-zhurnal «Eidos»*, no. 4, p. 1. Available at: <http://www.eidos.ru/journal/2005/1212.htm> (accessed 21.12.2021); <https://elibrary.ru/item.asp?id=21696585>. EDN: <https://elibrary.ru/qlhzwi>. (In Russ.)

Shaykhutdinova 2021 – Shaykhutdinova L.M. (2021) Overview of digital teacher tools for organizing distance learning. *Sciif. Questions of Student Science*, no. 4 (56), pp. 155–160. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45848880>. EDN: <https://elibrary.ru/gcxwor>. (In Russ.)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ LINGUISTICS

DOI: 10.18287/2542-0445-2022-28-3-88-95

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'811.111

Дата поступления: 14.06.2022
рецензирования: 23.07.2022
принятия: 28.08.2022

Аксиологические характеристики концепта 'cruelty' в современном англоязычном комическом дискурсе

А.И. БочкаревНовосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск, Российская Федерация
E-mail: arsentiy_87@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3869-2797>

Аннотация: Данная статья посвящена изучению особенностей комической объективации концепта 'cruelty' с точки зрения аксиологической лингвистики. Концепт 'cruelty' впервые рассматривается в качестве ценности современного англоязычного комического дискурса. В представленной статье применяется аксиологический подход к исследованию комического, который состоит из оценки реакции зрителей на проявление жестокости, определения комически значимых когнитивных признаков, выявления языковых и внеязыковых средств актуализации концепта 'cruelty'. В качестве источника языкового материала послужили записи и скрипты более чем 70 выпусков стендап-комедий и более чем 500 эпизодов различных ситуационных комедий. Проявление жестокости помимо смеха также зачастую сопровождается аплодисментами зрителей. Основными когнитивными признаками ценностного концепта 'cruelty' в рамках комического дискурса являются: отсутствие сострадания и сочувствия; причинение боли и страданий; проявление несправедливости или нечестности. Отсутствие сострадания и сочувствия обычно выражается через: получение удовольствия от причиненной боли; безосновательное, намеренное и неоднократное причинение сильной боли или страданий; непонимание собственной жестокости. Причинение боли и страданий обычно актуализируется через: физическое воздействие на человека; причинение душевных страданий; убийство. В современном комическом англоязычном дискурсе несправедливое проявление жестокости касается прежде всего физически слабых людей. В комическом дискурсе ценностный концепт 'cruelty' выражается как вербально (описание жестоких действий; констатация положительных эмоций, получаемых от жестокости; перечисление совершенных или предполагаемых актов жестокости; проявление жестокости), так и невербально (демонстрация намерения совершить жестокий поступок или результата данного акта, осуществление акта жестокости).

Ключевые слова: аксиологическая лингвистика; жестокость; комический дискурс; ценности; антиценности.

Цитирование. Бочкарев А.И. Аксиологические характеристики концепта 'cruelty' в современном англоязычном комическом дискурсе // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 3. С. 88–95. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-88-95>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Бочкарев А.И., 2022

Арсентий Игоревич Бочкарев – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков технических факультетов, Новосибирский государственный технический университет, 630073, Российская Федерация, г. Новосибирск, пр. Карла Маркса, 20.

SCIENTIFIC ARTICLE Submitted: 14.0.2022
Revised: 23.07.2022
Accepted: 28.08.2022

Axiological characteristics of the concept of cruelty in modern English-language humorous discourse

A.I. Bochkarev Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation
E-mail: arsentiy_87@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3869-2797>

Abstract: This article is devoted to the study of the features of the comic objectification of the concept of cruelty in terms of axiological linguistics. The concept of cruelty is considered as a value of modern English humorous discourse. The present article is based on the axiological approach to the study of humor that consists of assessing the reaction embracing

viewers' response to cruelty through comically significant cognitive markers related to identifying language and non-language means of actualizing the concept of cruelty. The corpus of the research comprises recordings and scripts of more than 70 episodes from stand-up comedies and more than 500 episodes of various situational comedies. Besides laughter during the manifestation of cruelty is also often accompanied by applauding from the audience. The main key cognitive markers of the value cruelty concept within the framework of humorous type of discourse are: lack of compassion and sympathy; causing physical or mental pain; manifestation of injustice or dishonesty. Lack of compassion and sympathy is usually expressed through: taking pleasure in the pain caused; unreasonable, intentional and regular causing of severe pain or suffering; misunderstanding (misidentification) of their own cruelty. Causing physical or mental pain is usually actualized through: physical impact on a person; infliction of mental suffering; murder. In modern humorous English discourse, unfair manifestation of cruelty relates mainly to concerns mostly physically weak people. In humorous discourse the value concept of cruelty is expressed both verbally (description of cruel actions; statement of positive emotions derived from cruelty; enumeration of committed or alleged acts; manifestation of cruelty; etc.) and non-verbally (demonstration of the intention to commit a cruel act or the result of this act, the performance of cruelty).

Key words: axiological linguistics; cruelty; humorous discourse; values; anti-values.

Citation. Bochkarev A.I. Axiological characteristics of the concept of cruelty in modern English-language humorous discourse. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 28, no. 3, pp. 88–95. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-88-95>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Bochkarev A.I., 2022

Arsentiy I. Bochkarev – Candidate of Philological Sciences, associate professor, Department of Foreign Languages of the Technical Faculties, Novosibirsk State Technical University, 20, Karla Marksa Avenue, Novosibirsk, 630073, Russian Federation.

Введение

Целью данной работы стало изучение аксиологических характеристик концепта 'cruelty' для определения его ценностного статуса в рамках современного англоязычного комического дискурса. Актуальность данного исследования предопределена тем, что концепт 'cruelty' является одним из основных концептов комического дискурса. Кроме того, проявление жестокости в целом вызывает как положительную, так и отрицательную реакцию аудитории. Соответственно, необходимо определить ценностный статус рассматриваемого концепта именно в рамках комического дискурса.

На сегодняшний день наиболее глубокое исследование ценностей провели Ч. Петерсон и М.Е. Селигман, которые на основании анализа различных направлений философии, религии, политики и образования выделили наиболее важные человеческие ценности, а именно: мудрость, мужество, гуманизм, справедливость, умеренность и превосходство [Peterson, Seligman 2004]. Также специалисты выделяют пять основных областей бытования и выведения ценностей: область истины, область прекрасного, область этики, область удовольствия, область практической пользы [Серебренникова 2011, с. 29].

В обществе концепт 'cruelty' может восприниматься как в качестве ценности, так и антиценности. Ценностный характер данного концепта во многом обусловлен тем, что в основе жестокости лежит базовая ценность культуры – превосходство, при этом проявление жестокости является примером антигуманного поведения [Мартин 2009]. В рамках этической системы ценностей концепт 'cruelty' воспринимаются как антиценность (Куликова 2012; Выстропова 2013, Михайлушкина 2016) [Carroll 2014], при этом можно предположить, что жестокость как проявление превосходства следует отнести к ценностям практической (социальной) области, что и обуславливает положительную реакцию людей на проявление жестокости.

Многие исследователи также отмечают, что в современном обществе пропагандируется «культ жестокости» (Вольнов 2011, Вяткин 2011), при этом сам он сформировался в англосаксонском обществе еще в период язычества, с приходом христианства на первый план начинают выдвигаться такие ценности, как добро и справедливость (Петрова 2003, с. 162). Соответственно, в разные эпохи мы можем наблюдать различное отношение к жестокости в рамках той или иной лингвокультуры.

В англоязычных словарях дается следующее определение слова 'cruelty': behaviour that causes physical or mental pain to others and makes them suffer, especially deliberately; something that happens that seems unfair (OALD); behaviour that deliberately causes pain to other people or animals, or that makes them unhappy or upset; the fact of an event or situation being unfair and causing suffering to people (MD). Данные словари в качестве антонима к этому слову выделяют слово 'kindness'.

На основании данных вышеприведенных определений можно выделить следующие когнитивные признаки рассматриваемого концепта: физическая или душевная боль, страдание, несправедливость.

В результате проведенного исследования Л.В. Куликова определяет следующие когнитивные признаки концепта 'cruelty': «акт проявления антигуманного отношения к другим людям», «причинение боли, страданий», «обладание жестоким сердцем, неспособным на сострадание, сочувствие», «безразличное отношение к страданиям других людей», «несправедливость, нечестность» (Куликова 2012, с. 9). Также отмечается, что жестокость связана с такими явлениями, как смерть, гнев, трусость, бессердечие, унижение, подавление, зло (Куликова 2012; Киреева 2012; Михайлушкина 2016) [Красавский 2014]. Исследования показали тесную связь концепта 'cruelty' с концептами 'anger' и 'violence' (Куликова 2012; Газизулина 2013). В качестве оппозиции концепта 'cruelty' выделяется ценностный концепт 'mercy' (Куликова 2012).

Теоретическое основание

Жестокость является важным концептом для комического дискурса (Куликова 2012, с. 16). Зачастую концепт ‘cruelty’ актуализируется в рамках черного юмора через такие темы, как смерть, болезни и травмы [Willinger et al. 2017]. Также жестокость может реализовываться через сексуальное насилие [Dickie 2011]. Отмечается, что в основе комического, связанного с жестокостью, лежит идея превосходства [Мартин 2009; Granitsas 2020]. В подобных случаях человек, смеясь над проявлением жестокости (особенно по отношению к представителям негативно воспринимаемых референтных групп), повышает собственную самооценку [La Fave 1972; Zillman, Cantor 1976]. Традиционно основными объектами, на которые направлена жестокость в рамках комического дискурса, являются люди с низким социальным статусом или люди с ограниченными возможностями [Dickie 2011]. В политическом юморе жестокость приписывается тоталитарному режиму [Davies 2014].

Существует два типа восприятия проявления жестокости в рамках комического дискурса: позитивное и негативное. При позитивном восприятии жестокости комический эффект возрастает по мере увеличения жестокости. При негативном восприятии жестокости комический эффект уменьшается по мере возрастания жестокости [Herzog et al. 2006; p. 139–140].

На этом основании К. Дейвис выделяет такое явление, как «жестокое чувство юмора». По мнению К. Дейвис, шутки с крайним проявлением жестокости обычно вызывают негативную реакцию зрителей, но часть зрителей воспринимает подобные шутки положительно, такие люди и обладают «жестоким чувством юмора» [Davies 2014, p. 3], при этом умеренное проявление жестокости вызывает смех у большинства зрителей [Berlyne 1972]. Следует отметить, что в данном случае нужно говорить не столько об особом чувстве юмора, сколько о предрасположенности людей к восприятию определенных ценностей и антиценностей, т. е. одни люди смеются в большей степени над похотью, другие – над неискренностью и т. д.

Материалы и методология

Определение того или иного явления в качестве ценности или антиценности базируется на реакции большего числа зрителей, при этом в качестве практического материала мы отбирали культурно значимые комические произведения. Помимо определения реакции зрителей на те или иные текстовые фрагменты мы также проанализировали языковые и внеязыковые средства выражения концепта ‘cruelty’. Комически значимые когнитивные признаки концепта ‘cruelty’ были определены нами на основе анализа: словарных дефиниций жестокости; работ, посвященных исследованию данного концепта; эмпирического материала.

В качестве практического материала в представленной работе используются записи и скрипты

таких популярных жанров современного комического дискурса, как стендап-комедии и ситуационные комедии. В общей сложности нами было проанализировано более 70 стендап-комедий и 500 выпусков различных ситуационных комедий. Отбор материала для анализа осуществлялся следующим образом: на основе изучения различных рейтингов выбирались самые популярные стендап-комедии; популярность ситуационных комедий определялась количеством просмотров серий в момент их премьеры на телевидении. Неоспоримое преимущество данного материала заключается в том, что можно оценить либо живую реакцию аудитории (стендап-комедии), либо позицию авторов материала относительно комичности тех или иных фрагментов на основе закадрового смеха (ситуационные комедии).

Комическая объективация концепта ‘cruelty’

Комическая объективация концепта ‘cruelty’ в полной мере соотносится с высказыванием А. Бергсона о том, что «комическое для полноты своего действия требует как бы кратковременной анестезии сердца» [Бергсон 1914, с. 98]. В том случае если адресат испытывает какие-либо позитивные эмоции по отношению к объекту жестокости, то высока вероятность отсутствия комического эффекта, т. е. адресат может почувствовать жалость по отношению к соответствующему человеку.

Как было отмечено выше, концепты ‘cruelty’ и ‘anger’ тесно связаны друг с другом. Так, в состоянии гнева человек может проявлять жестокость. В подобных случаях жестокость является инструментом для реализации гнева. В данной статье мы проанализируем жестокость отдельно от гнева.

Основными когнитивными признаками данного концепта в комическом дискурсе являются: отсутствие сострадания и сочувствия; причинение боли и страданий; проявление несправедливости или нечестности.

а) Отсутствие сострадания и сочувствия

В большинстве случаев такая черта жестокости, как отсутствие сострадания или сочувствия, в рамках комического дискурса актуализируется через гиперболизацию, а именно: получение удовольствия от причиненной боли.

I play golf. I'm not good at golf. I never got good. I never got a hole in one. But I did hit a guy. And that's way more satisfying (Hedberg 1999).

Проявление жестокости помимо смеха вызывает аплодисменты зрителей. В представленном примере адресант рассказывает о том, что он получает удовольствие (that's way more satisfying) от избияния человека клюшкой для гольфа. Комический эффект вызывает констатация положительных эмоций, получаемых от жестокости.

Отсутствие сострадания также выражается через *безосновательное, намеренное и неоднократное причинение сильной боли и страданий*.

Harley Davidson used to mean something. It stood for biker attitude; grimy outlaws in their sweaty mamas

full of beer and crank, rolling around on Harleys, looking for a good time – destroying property, raping teenagers, and killing policemen (Carlin 1999).

Проявление жестокости здесь кроме смеха вызывает также аплодисменты зрителей. В данном примере байкеры неоднократно проявляют беспричинную жестокость (*destroying property, raping teenagers, and killing policemen*), при этом такое поведение положительно (*good time*) характеризуется адресантом. Комический эффект вызывает описание жестоких действий.

Отсутствие сострадания и сочувствия может быть обусловлено и непониманием собственной жестокости.

Lily Young: You missed my gymnastics meet. Mickey: "Yes, But this is the one!" Car Battery: "How long can you hold on?" Grab these (He shows clips to charge car batteries) (How I Met Your Mother. Slapsgiving 2: Revenge of the Slap 2009).

Проявление жестокости вызывает смех зрителей. В приведенном примере отец хочет ударить током собственную дочь, воспринимая это не как акт насилия, а как игру. Комический эффект обуславливает намерение совершить жестокий поступок.

б) Причинение боли и страданий

Причинение боли и страданий обычно актуализируется через конкретные действия. В комическом дискурсе наиболее популярным органом человека, на которое оказывают физическое воздействие, являются мужские гениталии.

Ted is in the forest with children. Ted: Today we are going to braid friendship bracelets. (A pat on the boy's private parts and they run off) (How I Met Your Mother. The Fight 2008).

Проявление жестокости кажется смешным зрителям. В приведенном примере один из бойскаутов наносит удар ногой по гениталиям своего инструктора, что причиняет ему боль, которая выражается через мимику и движения объекта жестокости. Комический эффект вызывает результат жестокости.

Также страдания может приносить угроза наказания. Так, может осуществляться перенос наказания во времени, что само по себе доставляет страдания объекту жестокости.

Marshall: Hey, man. It's Marshall. Check your e-mail. Sent you something. Barney: What is it? Marshall: Just a new website. Slapcountdown.com. (The countdown reads 55: 23: 59: 57...and counting) Barney: What does this mean? Marshall? Ma...? (Marshall hangs up. He sniffs his hand, then practices a slap) Barney: No. (screams) No! (How I Met Your Mother. Wait for It 2007).

Проявление жестокости в вышеприведенном примере вызывает смех зрителей. Один из главных героев устанавливает обратный отсчет (55 дней 23 часа 59 минут и 57 секунд), по окончании которого он ударит другого героя. Комический эффект в этом случае вызывает намерение совершить жестокий поступок.

Крайней степенью проявления жестокости является убийство человека. В случаях реального

убийства конкретного человека комический эффект возможен только в том случае, если зритель чувствует предельную антипатию к убитому человеку. Обычно такими объектами являются политические деятели, виновные в смерти большого количества людей.

This first guy, he's called Thomas Cox, he's a construction worker, talking in Times Square on Radio 4, and he said, "I made Photoshop pictures of the Statue of Liberty «holding Osama's bloody severed head» and handed them out to the crowd. It's payback. It's not, is it? The payback for Osama surely was being shot in the face at pointblank range (Lee 2012).

Данный пример вызывает непродолжительный смех зрителей. Стендап-комик обсуждает смерть Усамы бен Ладена. Описание его смерти вызывает смех зрителей, так как этот персонаж виновен в смерти огромного количества американцев, поэтому его смерть не вызывает сострадания. Комический эффект возникает как результат проявления жестокости. Следует отметить, что подобное проявление жестокости обычно не влечет за собой бурного смеха зрителей.

Тем не менее обычно в комическом дискурсе либо убийство носит гипотетический характер, либо осуществляется неудачная попытка убить кого-либо.

«Lord, this motherfucker's ugly and stupid». I had a good man and I blew it. «Damn, Lord, kill my man. Kill him, please». Kill him while I still look good enough to get something new. «Please kill this motherfucker now. Strike him!» If you out there, Lord, strike this motherfucker dead (Rock 2004).

Смех сопровождается аплодисментами зрителей. В приведенном примере женщина усиленно просит Бога, чтобы он убил ее мужа. Комический эффект обуславливает желание совершить жестокое действие. Следует отметить, что в современном комическом дискурсе в рамках гендерного юмора жестокость приписывается в большей степени женщинам.

в) Проявление несправедливости или нечестности

Проявление несправедливости или нечестности является опциональной характеристикой концепта 'cruelty'. Данная характеристика может сопровождать отсутствие сострадания/сочувствия или причинение боли/страданий. В таких случаях объектами жестокости обычно выступают *физически более слабые люди*.

Man: How the hell did you get in the building? Leonard: Oh. We're scientists. Sheldon: Tell him about our IQ. Scene: Outside the apartment building. Leonard and Sheldon exit. They are not wearing trousers (The Big Bang Theory. Pilot Episode 2007).

Проявление жестокости помимо смеха вызывает также аплодисменты зрителей. В приведенном примере более сильный мужчина снял брюки с менее сильных мужчин и отправил их в таком виде на улицу. Комический эффект возникает как результат проявления жестокости.

Жестокость также может быть направлена на инвалидов, женщин, людей с низким социальным статусом, старых людей, представителей различных меньшинств. Следует отметить, что в современной англоязычной культуре существует определенное табу на проявление жестокости относительно представителей данных социальных групп, поэтому зачастую жестокость актуализируется представителями этих групп.

В тех случаях когда жестокость направлена на афроамериканцев, она исходит прежде всего от полиции.

Sometimes we want to call them too. Somebody broke into my house once. This is a good time to call him. But I went, I don't know. The house is too nice. It ain't a real nice house but they'll never believe I live in it. They'd be, he's still here! (Chappelle 2000).

Смех сопровождается аплодисментами зрителей. В приведенном примере стендап-комик демонстрирует, как полицейский убивает афроамериканца, войдя в его дом. Осуществление акта жестокости в этом случае создает комический эффект. Немаловажно отметить, что в целом подобное проявление жестокости оценивается негативно стендап-комиком на протяжении всего концерта в серьезной части выступления. Соответственно, в подобных контекстах проявление жестокости имеет двойственный характер. С одной стороны, при проявлении жестокости зрители смеются и аплодируют. С другой – автор текста негативно оценивает проявление подобной жестокости, которая выражается через: оскорбительное поведение по отношению к афроамериканцем (*Spread your cheeks and lick your sack*), предубеждения полицейских относительно афроамериканцев (*The house is too nice. It ain't a real nice house but they'll never believe I live in it.*) и т. д. Соответственно, в тех случаях, когда жестокость направлена на табуированных для ее проявления представителей англоязычного общества, она обычно воспринимается ценностно в рамках комической коммуникации и антиценностно – в рамках серьезной коммуникации.

Жестокость также часто направлена на старых людей.

And it had a draft excluder along the floor, it went: «Pbdum, pdum». And the guy in the bed went, «Aaaa, aaa!» «Behave yourself, for fuck's sake!» The guy pushing him: «I'm sorry about that». «Aaa, well, mind what you're doing». Well, that happened 24 times (Connolly 2016).

Проявление жестокости вызывает смех зрителей. В приведенном примере санитар неоднократно (24 times) причиняет боль старому человеку. Комический эффект создает констатация неоднократности причинения боли объекту жестокости. Следует отметить, что стендап-комик сам принадлежит к старым пожилым людям.

В тех случаях, когда жестокость направлена на вышеупомянутых представителей англоязычного

общества человеком, который не относится к этой группе людей, данные шутки зачастую реализуются при помощи намеков.

I said to my girlfriend, I said: «Do you wanna experiment with role play with rape fantasy?» She said: «No!» I said: «That's the spirit!» (Carr 2011).

Смех сопровождается аплодисментами зрителей. В рассматриваемом примере комический эффект создается за счет того, что адресант не оставляет адресату выбора, т. е. изнасилование предполагает нежелание вступать в сексуальную связь, при этом согласие поучаствовать в ролевой игре предполагает декларирование данного нежелания.

Следует отметить, что существуют отдельные комические жанры, в рамках которых жестокость становится одним из главных комических концептов, т. е. в данных произведениях реализуется «культ жестокости». Следовательно, в подобных произведениях снимаются все табу на проявления жестокости. К таким жанрам относятся прежде всего черные комедии и анимационные ситуационные комедии («Рик и Морти», «Гриффины», «Симпсоны», «Южный парк» и т. д.). В последние годы увеличивается число популярных анимационных ситуационных комедий, которые рассчитаны в основном на подростков. Можно предположить, что жестокость в анимационных сериалах воспринимается положительно по той причине, что героями данных произведений являются не настоящие люди, что снимает табу на смех. В данных жанрах реализуется вышеупомянутые когнитивные признаки, только в более грубой форме. В основном в представленных произведениях жестокость актуализируется через убийства (например, в «Южном парке» в каждой серии на протяжении нескольких сезонов разными способами убивают одного из главных персонажей мультфильма). В этом же контексте можно обнаружить и несправедливое проявление жестокости по отношению к инвалидам (например, в «Гриффинах» иногда жестоко обращаются с одним из второстепенных героев, который является инвалидом-колясочником).

Заключение

Проявление жесткости помимо смеха может сопровождаться аплодисментами зрителей, при этом в рамках серьезной коммуникации при актуализации такой характеристики, как несправедливость, концепт 'cruelty' может восприниматься как антиценность. Следует также отметить, что в комическом дискурсе несправедливое проявление жестокости по отношению к определенным социальным группам (инвалиды, различные меньшинства и т. д.) обычно нуждается в определенном оправдании (например, жестокое обращение по отношению к какой-либо социальной группе высмеивается самим представителем данной социальной группы или жестокость представлена в анимационной форме). Во всех других комических случа-

ях проявление жестокости воспринимается либо нейтрально, либо положительно. Соответственно, в рамках комического дискурса жестокость воспринимается положительно и относится к ценностным концептам современной англоязычной лингвокультуры.

К основным комически значимым когнитивным признакам концепта 'cruelty' относятся: отсутствие сострадания и сочувствие; причинение боли и страданий; проявление несправедливости или нечестности.

В комическом дискурсе жестокость выражается как вербально (описание жестоких действий; констатация положительных эмоций, получаемых от жестокости; перечисление совершенных или предполагаемых актов проявления жестокости и т. п.), так и невербально (демонстрация намерения совершить жестокий поступок или результата данного акта, осуществление акта жестокости).

Дальнейшей перспективой данного исследования является изучение крайних форм проявления жестокости в рамках комического дискурса.

Материалы исследования

Carlin 1999 – *Carlin G.* You are all diseased. 1999. URL: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/george-carlin-you-are-all-diseased-transcript> (дата обращения: 30.05.2022).

Carr 2011 – *Carr J.* Being Funny. 2011. URL: <https://scrapsfromtheloft.com/2018/01/25/jimmy-carr-being-funny-transcript> (дата обращения: 30.05.2022).

Chappelle 2000 – *Chappelle D.* Killin' Them Softly. 2000. URL: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/dave-chappelle-killin-softly-2000-full-transcript> (дата обращения: 30.05.2022).

Connolly 2016 – *Connolly B.* High Horse Tour Live. 2016. URL: <https://scrapsfromtheloft.com/2020/05/27/billy-connolly-high-horse-tour-live-transcript> (дата обращения: 30.05.2022).

Hedberg 1999 – *Hedberg M.* Comedy Central Special. 1999. URL: <https://scrapsfromtheloft.com/2017/07/06/mitch-hedberg-comedy-central-special1999-full-transcript> (дата обращения: 30.05.2022).

How I Met Your Mother. Slapsgiving 2: Revenge of the Slap 2009 – *How I Met Your Mother. Slapsgiving 2: Revenge of the Slap.* 2009. URL: <https://transcripts.foreverdreaming.org/viewtopic.php?f=177&t=11703> (дата обращения: 30.05.2022).

How I Met Your Mother. The Fight 2008 – *How I Met Your Mother. The Fight.* 2008. URL: <https://transcripts.foreverdreaming.org/viewtopic.php?f=177&t=11553> (дата обращения: 30.05.2022).

How I Met Your Mother. Wait for It 2007 – *How I Met Your Mother. Wait for It.* 2007. URL: https://sublikescript.com/series/How_I_Met_Your_Mother-460649/season-3/episode-1-Wait_for_It (дата обращения: 30.05.2022).

Lee 2012 – *Lee S.* Carpet Remnant World. 2012. URL: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/stewart-lee-carpet-remnant-world-transcript> (дата обращения: 30.05.2022).

MD – *Macmillan Dictionary.* URL: <https://www.macmillandictionary.com> (дата обращения: 30.05.2022).

OALD – *Oxford Advanced Learner's Dictionary.* URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения: 30.05.2022).

Rock 2004 – *Rock Ch.* Never Scared. 2004. URL: <https://scrapsfromtheloft.com/2018/01/19/chris-rock-never-scared-2004-full-transcript> (дата обращения: 30.05.2022).

The Big Bang Theory. Pilot Episode 2007 – *The Big Bang Theory. The Pilot Episode.* 2007. URL: <https://bigbangtrans.wordpress.com/series-1-episode-1-pilot-episode> (дата обращения: 30.05.2022).

Выстропова 2013 – *Выстропова О.С.* Базисные индивидуально-авторские концепты в поэзии Роберта Бернса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2013. 20 с.

Вольнов 2011 – *Вольнов Р.В.* Психолого-правовые особенности обеспечения информационно-психологической безопасности личности: дис. ... канд. психол. Москва, 2011. 185 с.

Вяткин 2011 – *Вяткин А.П.* Психология экономической социализации личности в условиях изменяющегося общества: дис. ... д-ра психол. наук. Санкт-Петербург, 2011. 430 с.

Газизулина 2013 – *Газизулина Л.Р.* Реализация концептов насилия и violence в дидактических текстах школьной литературы (на материале русского языка и американского варианта английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2013. 22 с.

Киреева 2012 – *Киреева Т.В.* Документально-художественный синтез как дискурсивная стратегия литературной личности: лингвориторический подход (А.И. Солженицын, «Архипелаг ГУЛАГ»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2012. 23 с.

Куликова 2012 – *Куликова Л.В.* Семантические константы mercy / cruelty: ценность и антиценность в английской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2012. 21 с.

Михайлушкина 2016 – *Михайлушкина О.А.* Индивидуально-авторские концепты в прозе В.П. Астафьева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2016. 24 с.

Петрова 2003 – *Петрова Н.В.* «Королевские идилии» А. Теннисона в контексте «Артуровского возрождения» в английской литературе XIX века: дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2003. 222 с.

Библиографический список

- Berlyne 1972 – *Berlyne D.E.* Humor and its kin // *The Psychology of Humor: Theoretical Perspectives and Empirical Issues*. New York: Academic Press, 1972. P. 43–60. DOI: <http://doi.org/10.1016/B978-0-12-288950-9.50008-0>.
- Carroll 2014 – *Carroll N.* Ethics and comic amusement // *British Journal of Aesthetics*. 2014. Vol. 54, issue 2. P. 241–253. DOI: <http://doi.org/10.1093/AESTHJ%2FAYU015>.
- Davies 2014 – *Davies Ch.* Political ridicule and humour under socialism // *European Journal of Humour Research*. 2014. Vol. 2, № 3. P. 1–27. DOI: <http://doi.org/10.7592/EJHR2014.2.3.davies>.
- Dickie 2011 – *Dickie S.* Cruelty and Laughter: Forgotten Comic Literature and the Unsentimental Eighteenth Century. Chicago: University of Chicago Press, 2011. 384 p. DOI: <http://doi.org/10.5860/choice.49-4311>.
- Granitsas 2020 – *Granitsas D.A.* All laughter is nervous: An anxiety-based understanding of incongruous humor // *HUMOR*. 2020. Vol. 33, № 4. P. 625–643. DOI: <http://doi.org/10.1515/humor-2019-0015>.
- Herzog et al. 2006 – *Herzog T.R., Harris A.C., Kropscott L.S., Fuller K.L.* Joke cruelty and joke appreciation revisited // *HUMOR*. 2006. Vol. 19, № 2. P. 139–156. DOI: <http://doi.org/10.1515/HUMOR.2006.007>.
- La Fave 1972 – *La Fave L.* Humor judgments as a function of reference groups and identification classes // *The Psychology of Humor: Theoretical Perspectives and Empirical Issues*. New York: Academic Press, 1972. P. 195–210. DOI: <http://doi.org/10.1016/B978-0-12-288950-9.50016-X>.
- Peterson, Seligman 2004 – *Peterson C., Seligman M.E.* Character strengths and virtues: A handbook and classification. New York: Oxford University Press, 2004. 800 p. DOI: <http://doi.org/10.5860/choice.42-0624>.
- Willinger et al. 2017 – *Willinger U., Hergovich A., Schmoeger M., Deckert M., Stoettner S., Bunda I., Witting A., Seidler M., Moser R., Kacena S., Jaeckle D., Loader D., Mueller Ch., Auff E.* Cognitive and emotional demands of black humor processing: The role of intelligence, aggressiveness and mood // *Cognitive Processing*. 2017. Vol. 18. P. 159–167. DOI: <http://doi.org/10.1007/s10339-016-0789-y>.
- Zillman, Cantor 1976 – *Zillman D., Cantor J.* A disposition theory of humor and mirth // *Humor and Laughter: Theory, Research, and Applications*. London: Wiley, 1976. P. 93–115. DOI: <http://doi.org/10.4324/9780203789469-6>.
- Бергсон 1914 – *Бергсон А.* Собрание сочинений. Т. 5. Введение в метафизику смеха. Санкт-Петербург: Издание М.И. Семенова, 1914. 206 с. URL: https://vk.com/doc230002101_392546809?hash=4Bbwa64C5yZAZ7lSP5wbJ6iImgthWE43ileZCZGbhJP&dl=qZM01ZK521U1BdqFpzHZfumlk4CdXYWrgOt6tT0Ysz4.
- Красавский 2014 – *Красавский Н.А.* Эмоциональный концепт «жестокость» в романе Роберта Музиля «Душевные смуты воспитанника Терлеса» // *Филология и лингвистика в современном обществе: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2014 г.)*. Москва: Буки-Веди, 2014. С. 73–77. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23358187>. EDN: <https://elibrary.ru/trdvib>.
- Мартин 2009 – *Мартин Р.* Психология юмора. Санкт-Петербург: Питер, 2009. 480 с. URL: https://vk.com/wall-154516093_2718.
- Серебренникова 2011 – *Серебренникова Е.Ф.* Ключевые понятия аксиологического анализа // *Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов: коллективная монография*. Москва: ТЕЗАУРУС, 2011. С. 27–40. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32514690>. EDN: <https://elibrary.ru/yhtpis>.

References

- Berlyne 1972 – *Berlyne D.E.* (1972) Humor and its kin. *The Psychology of Humor: Theoretical Perspectives and Empirical Issues*. New York: Academic Press, pp. 43–60. DOI: <http://doi.org/10.1016/B978-0-12-288950-9.50008-0>.
- Carroll 2014 – *Carroll N.* (2014) Ethics and comic amusement. *British Journal of Aesthetics*, vol. 54, issue 2, pp. 241–253. DOI: <http://doi.org/10.1093/AESTHJ%2FAYU015>.
- Davies 2014 – *Davies Ch.* (2014) Political ridicule and humour under socialism. *European Journal of Humour Research*, vol. 2, no. 3, pp. 1–27. DOI: <http://doi.org/10.7592/EJHR2014.2.3.davies>.
- Dickie 2011 – *Dickie S.* (2011) Cruelty and Laughter: Forgotten Comic Literature and the Unsentimental Eighteenth Century. Chicago: University of Chicago Press, 384 p. DOI: <http://doi.org/10.5860/choice.49-4311>.
- Granitsas 2020 – *Granitsas D.A.* (2020) All laughter is nervous: An anxiety-based understanding of incongruous humor. *HUMOR*, vol. 33, no. 4, pp. 625–643. DOI: <http://doi.org/10.1515/humor-2019-0015>.
- Herzog et al. 2006 – *Herzog T.R., Harris A.C., Kropscott L.S., Fuller K.L.* (2006) Joke cruelty and joke appreciation revisited. *HUMOR*, vol. 19, no. 2, pp. 139–156. DOI: <http://doi.org/10.1515/HUMOR.2006.007>.
- La Fave 1972 – *La Fave L.* (1972) Humor judgments as a function of reference groups and identification classes. *The Psychology of Humor: Theoretical Perspectives and Empirical Issues*. New York: Academic Press, pp. 195–210. DOI: <http://doi.org/10.1016/B978-0-12-288950-9.50016-X>.
- Peterson, Seligman 2004 – *Peterson C., Seligman M.E.* (2004) Character strengths and virtues: A handbook and classification. New York: Oxford University Press, 800 p. Available at: <http://doi.org/10.5860/choice.42-0624>.
- Willinger et al. 2017 – *Willinger U., Hergovich A., Schmoeger M., Deckert M., Stoettner S., Bunda I., Witting A., Seidler M., Moser R., Kacena S., Jaeckle D., Loader D., Mueller Ch., Auff E.* (2017) Cognitive and emotional demands

of black humor processing: The role of intelligence, aggressiveness and mood. *Cognitive Processing*, vol. 18, issue 2, pp. 159–167. DOI: <http://doi.org/10.1007/s10339-016-0789-y>.

Zillman 1976 – *Zillman D., Cantor J.* (1976) A disposition theory of humor and mirth. In: *Humor and Laughter: Theory, Research, and Applications*. London: Wiley, pp. 93–115. DOI: <http://doi.org/10.4324/9780203789469-6>.

Bergson 1914 – *Bergson A.* (1914) *Collected works*. Vol. 5. An introduction to the metaphysics of laughter. Saint Petersburg: Izdanie M.I. Semenova, 206 p. Available at: https://vk.com/doc230002101_392546809?hash=4Bbwa64C5yZAZ71SP5wbJ6iImgthWE43i1eZCZGbHjP&dl=qZM01ZK521U1BdqFpzHZfumIk4CdXYWrgOt6tT0Ysz4. (In Russ.)

Krasavsky 2014 – *Krasavsky N.A.* (2014) Emotional concept of cruelty in Robert Musil's novel «The Confusions of Young Törless». In: *Philology and linguistics in modern society: materials of the III International scientific conference (Moscow, November 2014)*. Moscow: Buki-Vedi, pp. 73–77. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23358187>. EDN: <https://elibrary.ru/trdvib>. (In Russ.)

Martin 2009 – *Martin R.* (2009) *The Psychology of Humor*. Saint Petersburg: Piter, 480 p. Available at: https://vk.com/wall-154516093_2718. (In Russ.)

Serebrennikova 2011 – *Serebrennikova E.F.* (2011) Key concepts of axiological analysis. In: *Linguistics and axiology: ethnosemiometry of value meanings: multi-authored monograph*. Moscow: TEZAURUS, pp. 27–40. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32514690>. EDN: <https://elibrary.ru/yhtpis>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.111

Дата поступления: 17.04.2022
рецензирования: 25.05.2022
принятия: 28.08.2022

Актуализация концепта «движение» в англоязычном железнодорожном дискурсе

Е.В. Кабанова

Самарский государственный университет путей сообщения,
г. Самара, Российская Федерация

E-mail: elena_ignatenko@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8657-3867>

Аннотация: Статья посвящена исследованию аспектов актуализации концепта «движение» в английском языке в рамках предметной сферы железнодорожного транспорта. В работе раскрывается понятие актуализации концепта, выявляются лексические средства его актуализации, проводится лексикографический и контекстуальный анализ. Доказывается тезис о многогранной и многослойной организации данного макроконцепта, охватывающего все сферы транспорта. Объективирующие его языковые средства передают широкий спектр значений. Ядро концепта составляют глаголы движения, отражающие непосредственное физическое перемещение субъекта или объекта в пространстве. Глаголы содержат ядерную сему и некоторые дополнительные характеристики движения. Глаголы движения преимущественно включают сему векторного, регулярного, управляемого движения, движения с приложением определенных усилий, движения, ориентированного на перемещение какого-то объекта. Специфика материала исследования позволяет увидеть концептуальные признаки движения в профессиональной среде. Концепт «движение» приобретает дополнительные признаки, исходя из того, что движение становится аспектом коммерческой деятельности, требующей вовлечения разного рода ресурсов, социально значимым фактором для всего общества, обеспечивающим надлежащее функционирование не только транспортной, но и экономической отрасли. Концепт «движение» можно представить как макроконцепт, объединяющий другие базовые концепты. Размытость, нечеткость границ между концептами проявляется в диффузности, то есть в способности некоторых компонентов одного концепта участвовать в создании другого.

Ключевые слова: концепт; движение; железнодорожный транспорт; актуализация; структура концепта; концептуальные признаки.

Цитирование. Кабанова Е.В. Актуализация концепта «движение» в англоязычном железнодорожном дискурсе // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 3. С. 96–101. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-96-101>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Кабанова Е.В., 2022

Елена Владимировна Кабанова – старший преподаватель кафедры «Лингвистика», Самарский государственный университет путей сообщения, 443066, Российская Федерация, г. Самара, ул. Свободы, д. 2В.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 17.04.2022
Revised: 25.05.2022
Accepted: 28.08.2022

Actualization of the «motion» concept within the English railway discourse

E.V. Kabanova

Samara State Transport University, Samara, Russian Federation

E-mail: elena_ignatenko@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8657-3867>

Abstract: The article deals with the study of aspects of the actualization of the motion concept within the English railway transport discourse. It reveals the notion of concept actualization, identifies lexical means of its actualization, presents lexicographic and contextual analysis. It proves the thesis about the multifaceted and multilayered organization of this macro-concept, covering all transport areas. The linguistic means objectifying the concept convey a wide range of meanings. The core of the concept is formed by the verbs of motion, reflecting the direct physical movement of a subject or object in space. The verbs contain a nuclear seme and some additional characteristics of movement. The verbs of movement mainly contain the seme of a vector, regular, controlled movement, movement with the application of certain efforts, movement focused on the hauling some objects. The specificity of the research material allows us to see the conceptual features of movement in a professional environment. The «motion» concept acquires additional features, based on the fact that movement becomes an aspect of commercial activity that requires the involvement of various kinds of resources, a socially significant factor for the whole society, ensuring both proper functioning of not only the transport, but also the economic industry. The «motion» concept can be represented as a macro concept that combines other basic concepts. Blurring, fuzziness of boundaries between concepts is manifested in diffuseness, that is, in the ability of some components of one concept to participate in the creation of another.

Key words: concept; movement; railway transport; actualization; concept structure; conceptual features.

Citation. Kabanova E. V. Actualization of the «motion» concept within the English railway discourse. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 28, no. 3, pp. 96–101. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-96-101>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Kabanova E.V., 2022

Elena V. Kabanova – senior teacher of the Department of Linguistics, Samara State Transport University, 2 V, Svobody Street, Samara, 443066, Russian Federation.

Введение

Английский железнодорожный дискурс представляет собой сложное интересное образование, отражающее варианты познания и репрезентации определенного кластера кинетической картины мира. Железнодорожный дискурс можно описать как совокупность тематических текстов, центральным концептом которых является движение по железной дороге. Концепт – это структурно-семантическая единица сознания, включающая сгусток смыслов и отражающая результат концептуализации, создания картины мира. Концепт является принадлежностью сознания человека, глобальной единицей мыслительной деятельности, квантом структурированного знания [Попова, Стернин 2005, с. 7]. Концепт рассматривается как фундаментальная, исходная форма мышления, которая аккумулирует когнитивный и перцептивный опыт человека. Е.С. Кубрякова определяет концепт как «некий отдельный смысл, некую идею, имеющуюся у нас в сознании и существующую как оперативная единица в мыслительных процессах» [Кубрякова 2004, с. 316]. Концепт реализуется на разных уровнях: от индивидуального до коллективного сознания. Идеи, выраженные в языковых знаках, получают свое бытие в бесконечности актуализаций. «Язык – одно из средств доступа к сознанию человека, его концептосфере, к содержанию и структуре концептов как единиц мышления. Через язык можно познать и эксплицировать концептуальное содержание сознания» [Попова, Стернин 2005, с. 7].

Лингвистические исследования сосредоточены именно на уровнях актуализации концепта, траекториях движения актуализаций. Актуализация концепта трактуется довольно широко: как «способ оформления его внутренней сущности во всякого рода текстовых единицах и дискурсах, как вербальных, так и невербальных» [Видинеева, Скворцова 2016]. Вербализация концепта, то есть его языковое оформление, рассматривается как одна из важнейших форм актуализации.

Некоторые из аспектов концепта «движение» исследовались на примере лексико-семантического поля глаголов движения в разных языках в работах таких ученых, как А. Вежбицкая, В.Г. Гак, А.А. Кубрякова, М.В. Никитин, В.Н. Топоров, Ч. Филмор, G. Miller, Ph. Johnson-Laird, L. Talmy и др.

Данная статья призвана рассмотреть феномен актуализации концепта «движение» в предметной сфере железнодорожного транспорта. Актуальность темы определяется спецификой предмета

исследования и современным материалом выборки, отражающим актуальные тенденции в языковой картине мира. Такое исследование позволит получить репрезентативные данные о способах актуализации данного концепта применительно к сфере транспорта, в частности железнодорожного, а также увидеть специфику когнитивных представлений о движении в профессиональной среде, для людей, которые заняты в этой сфере непосредственно. Данная сфера является очень показательной, так как может продемонстрировать как историческое развитие движения, так и инновационные достижения, которые широко охватили данную сферу.

Цель исследования – выявить и описать разнородные языковые средства актуализации концепта «движение», описать концептуальные признаки, составляющие ядро, ближнюю и дальнюю периферию концепта «движение» в англоязычном железнодорожном дискурсе. Материалом исследования стали лексикографические данные, энциклопедические статьи, связанные с указанной тематикой, и статьи из профессионального международного журнала *Railway Gazette International* (2019–2021). Статьи, которые послужили материалом исследования, ориентированы на широкий круг читателей и включают в себя темы, ориентированные не только на пассажиров, но и на крупные транспортные компании, поставщиков логистических услуг, производителей подвижного состава и оборудования для железных дорог.

Ход исследования

Концепт «движение» является ключевым в рамках предметной сферы железнодорожного транспорта, так как основная идея транспорта и заключается в оказании транспортных услуг, перемещении людей и грузов. Движение в этом плане оказывается метаконцептом, многогранным и многослойным образованием, охватывающим практически все сферы транспорта. «Концепты – это динамические образования, которые являются изменчивыми и гораздо более подвижными, чем словарные значения слов» [Карасик 2009, с. 24], поэтому рассмотрение движения в рамках концепта очень актуально для бурно развивающейся сферы транспорта, чувствительно реагирующей на инновации. Когнитивный анализ проводился с целью выявления структур знания, признаков концепта, актуализированных языковыми формами. Анализ языковых единиц позволяет выделить концептуальные признаки или классификаторы. Кон-

цепты обязательно имеют внутреннюю структуру, представляющую чувственный образ в сознании, информационное содержание и интерпретационное поле. Изучение семантики языковых единиц, актуализирующих концепты, дает доступ к содержанию концепта и его структурных полей.

Ядро концепта представляют собой глаголы движения, относящиеся к работе транспорта. В словарных дефинициях таких глаголов можно выделить следующие интегральные семы:

– (cause something to) travel, move, or continue in a particular way;

– to move someone or something from one place to another;

– to use physical pressure or force in order to move something into a different position;

– to use or control equipment or a machine or to make something work.

Глаголы движения, преимущественно содержат сему направленного движения (*connect, link, join*), регулярного (*shuttle, commute*), управляемого движения (*drive, operate, control*), движения с приложением определенных усилий (*haul, draw, pull, power*), движения, ориентированного на перемещение какого-то объекта (*carry, transport, transfer, transship, serve*).

В самом процессе движения можно выделить стадии начала движения (*start, depart, proceed*), изменение скорости движения (*slow down, accelerate, speed up, retard, brake*), движения, по инерции (*roll, coast*), прекращения движения (*arrive, stop, terminate at, call at*), приостановки движения по причине аварий (*derail, crash, fail*).

Но тот ментальный образ, что отражают глаголы движения, – это лишь вершина айсберга, которая отражается в сознании обывателя. Для профессионалов процесс движения куда более сложный и многогранный. Примеры такой актуализации мы и находим на страницах железнодорожного журнала.

Кроме глаголов движения концепт актуализируется и через многочисленные глагольные и номинативные конструкции, которые реализуют данное представление в определенном контексте. Следует отметить, что перевозочный процесс и движение в данном корпусе выборки часто актуализируются при помощи лексемы *serve, operate*, поскольку в данных журналах мы видим движение со стороны лиц, непосредственно участвующих в его реализации.

Когнитивная структура концепта представляет собой когнитивную матрицу, компонентами которой выступают следующие когнитивные признаки-классификаторы:

1) движение как транспортная услуга (*provide a public route, to provide an all-day two-way train service, providing 'additional' services, provide transfer, to serve in the Toronto area, the launch of trainsets, the launch of domestic services*):

'It can provide options for freight containers to reach new destinations inland, which our country has

struggled with during the supply chain crisis', Ivey said on January 4.

JR East will continue to provide the passenger services, paying access charges to the infrastructure manager; as JR Freight already does to run its trains across the country (RGI);

2) изменение объема движения (перевозок) (*to bolster GO Transit services in the Toronto area, to increase ridership, to increase the volume of passengers, the expansion of GO services*):

Ridership between Bukhara and Khiva is expected to increase from around 280 000 to 1 000 000 passengers/year by 2026, and freight traffic is projected to reach 11.8 million tonnes/year (RGI);

3) изменение скорости движения (*to proceed at a faster pace, to offer a fastest journey time, use high speed trains, raising the country's maximum speed*):

Several cut-offs and diversions have been built to reduce the distance between the two cities; journey times have been cut from 1 h 20 min to 40 min (RGI). Увеличение скорости актуализируется через пространственно-временные характеристики. Концепт «движение» тесно переплетается с концептами пространства и времени;

4) восстановление движения (*to recover the traffic, to get back to a pre-pandemic normality, to relaunch services, accelerate the recovery, revive sleeping car and couchette services, Night train renaissance gathers pace, reactivate the old tracks*):

They will enable more shuttles to run as demand for flights ramps up post-pandemic, and improve the resilience of the service, Alstom says (RGI).

Данный классификатор приобрел глобальный характер в последние годы, поскольку транспортная сфера сильно затронута пандемическими ограничениями и понесла немалые финансовые потери. Восстановление движения воспринимается как этап преодоления кризиса и возвращения к нормальной жизни;

1) движение как источник прибыли (*to open for revenue service, the launch of commercial passenger services*);

2) подготовка к началу движения:

а) испытания:

This will pave the way for commissioning trials that will culminate with test runs at up to 275 km/h (RGI).

Test running on Route 3 started in December 2018, and the line was expected to enter service later that month (RGI);

б) инфраструктурные улучшения (*to realign the existing conventional line*):

The transport ministry has announced the opening of the 106 km Konya – Karaman line, which has been extensively upgraded and realigned by lead contractor Gülermak (RGI);

с) обновление и обслуживание подвижного состава:

The four-car units are scheduled to be delivered in winter 2022–23

The first SDD1 mainline diesel locomotive for Sudan Railways Corp has been rolled out.

It will also modernise GO Transit's existing BiLevel coaches, and maintain the new locomotives and signalling for 25 years.

Chemin de Fer Nyon-Saint-Cergue-Morez has put into service the first two of six additional electric multiple-units (RGI).

Помимо глагольных конструкций концепт «движение» реализуется через многочисленные номинативные конструкции, включающие наименование:

1) перевозок (*transport, traffic, freight services, through passenger services, container services, piggyback, shunting and main line operations*);

2) подвижного состава:

а) тягового (*road locomotive, switch engine, shunter, electric multiple unit, diesel multiple unit*);

б) нетягового (*trailer car, passenger car, coach, sleeping car, boxcar, flat car, tank car, gondola car, hopper, dump car*);

в) видов поездов (*commuter train, intercity, long-distance, mainline, mixed freight, local*). Можно также выделить дополнительные важные черты, такие как автономность работы (*diesel-battery hybrid locomotives, automated peoplemover vehicles*), увеличение скорости движения (*tilting train, Stadler Flirt 160 km/h electric multiple-units, «modern» air-cushioned or maglev trains*), увеличение провозной способности (*double-deck cars, double stack well cars*), интеграция с другими видами наземного транспорта (*'dual-mode' road-rail midi-buses*);

3) перемещаемых объектов (*passengers, commuters, tourists, vacationers, containers, freight, cargo*);

4) маршрутов движения (*line, track, route, corridor, way, dedicated line, conventional line*):

The Frecciarossa 1000 service will initially provide eight trains each way on the core route between Roma and Milano (RGI);

а) инфраструктуры, связанной с движением (*rail network, rail yard, hump yard, terminal, intermodal yard, railway station, switches, signals*);

б) круга заинтересованных лиц на рынке транспортных услуг (*passenger operator, freight operator, supplier, manufacturer*):

RegioJet has bought 14 DWA-built Type 751.1-4 DBpz(a) double-deck coaches from Deutsche Bahn.

Cathcart Rail buys The Andersons wagon repair business (RGI).

Широкое информационное содержание концепта позволяет включить в него такие элементы, которые можно рассматривать как отдельные концепты. Размытость, нечеткость границ между концептами проявляется в диффузности, то есть в способности некоторых компонентов одного концепта участвовать в создании другого. Эта способность и обеспечивает взаимодействие концептов. Концепты не существуют изолированно в сознании, а реализуют разные концептуальные

признаки в большей или меньшей степени в зависимости от близости к ядру. Реализация периферийных элементов концепта позволяет проследить затухающие элементы и попытаться создать модель взаимодействия и взаимовлияния отдельных концептов в рамках макроконцепта (Britannica Encyclopedia; Cambridge dictionary).

Сфера железнодорожного транспорта очень подвержена изменениям и чувствительно реагирует на изменения и достижения науки, ведущие к изменениям картины мира. Наличие большого количества актуализаций концепта говорит о номинативной плотности [Miller 1972; Ваганова 2017; Карасик 2002].

Характерными чертами концепта «движение» в транспортной системе являются его точность, слаженность, взаимодействие со всеми связанными элементами, регламентированными определенными правилами, указаниями, расписанием. В рамках интерпретационного поля концепта «движение» отмечается широкая сочетаемость с оценочными атрибутами для создания положительного образа движения по железной дороге и привлечения большего круга лиц. В лексико-ассоциативном плане можно выделить следующие черты:

– экологичность (*climate-smart, environmentally-friendly, sustainable*):

'With concerns about climate change, high speed rail is the primary alternative to air travel.

The monorail will be a game changer for residents, decreasing commute times, congestion, pollution and carbon emissions', said Andrew DeLeone (RGI);

– надежность (*safe, robust, reliable...*):

He told the council that 'our aim is to ensure that the trains run on time, that they are safe to travel on and that they are the preferred mode of transport for our citizens.

Transitio CEO Magnus von Bahr said the type has 'proven to be robust, reliable and appreciated by the passengers' (RGI);

– экономичность (*affordable, reasonable fares...*):

The fully automated driverless technology will provide convenient transfer for arriving and departing passengers reliably and efficiently, while reducing operating personnel and operational costs (RGI).

'We must do everything we can to ensure that more people can travel by train reliably, affordably and safely', said Land Transport Minister Ina Brandes (RGI);

– комфорт:

'High speed rail is comfortable, convenient and now very fast'.

NStCM said the EMUs would increase passenger comfort and help to improve punctuality and reliability on its 27 km route (RGI);

– конкурентоспособность:

Running at express passenger speeds, the units would be competitive with both road and air over distances up to about 1 500 km.

'With every new train connection, we shift thousands of car-km to the rails every year and relieve the roads' (RGI).

В рамках ассоциативного поля создается положительный и конкурентный образ в сознании людей, поэтому концепт «движение» актуализируется в сочетании с такими прилагательными, которые указывают на его несомненные достоинства. Ярко прослеживается прагматическая цель привлечения клиентов и увеличения пассажиро- и грузопотоков.

Заключение

Движение является неотъемлемым атрибутом кинематической картины мира. Современная действительность и развитие технологий сокращают расстояния, ускоряют процессы, изменяют представления о реальности. Рассмотрение концепта «движение» в рамках предметной области железнодорожного транспорта позволяет сформировать когнитивную модель движения, отраженную в мышлении людей, связанных с данной сферой.

Ядро концепта составляют глаголы движения, отражающие непосредственное физическое перемещение субъекта или объекта в пространстве. Глаголы содержат ядерную сему и некоторые дополнительные характеристики движения. Глаголы движения преимущественно включают сему векторного, регулярного, управляемого движения, движения с приложением определенных усилий, движения, ориентированного на перемещение какого-то объекта. В самом процессе движения

можно выделить следующие стадии: начала движения, изменения скорости движения, движения по инерции, прекращения движения (планового или экстренного). Специфика материала исследования позволяет увидеть концептуальные признаки движения в профессиональной среде. Концепт «движение» приобретает дополнительные признаки, исходя из того, что движение становится аспектом коммерческой деятельности, требующей вовлечения разного рода ресурсов, социально значимым фактором для всего общества, обеспечивающим надлежащее функционирование не только транспортной, но и экономической отрасли. Концепт «движение» можно представить как макроконцепт, объединяющий другие базовые концепты: «поезд», «путь», «пассажир», «груз». Концепт «движение» является сложным многослойным образованием, актуализация которого может происходить на разных уровнях концептосферы.

Нельзя не учитывать, что данное исследование имеет свои ограничения. Поскольку основу исследуемого материала составили медиатексты международного профессионального железнодорожного журнала, то для полноты охвата концепта «движение» не хватает личного восприятия, а не обобщенного, переработанного, подведенного под определенные цели журналистами. Было бы интересно рассмотреть концепт «движение» на примере текстовых или видеоблогов в сфере железнодорожного транспорта, где можно встретить больше субъективных и разноплановых актуализаций концепта.

Материалы исследования

Britannica Encyclopedia – *Britannica Encyclopedia*. URL: <https://www.britannica.com>.

Cambridge dictionary – *Cambridge dictionary*. URL: <https://dictionary.cambridge.org>.

RGI – *Railway Gazette International* (2019–2021). URL: <https://www.railwaygazette.com>.

Библиографический список

Miller 1972 – *Miller G.* English Verbs of Motion: A Case Study in Semantics and Lexical Memory // Melton A., Martin E. (Eds.) *Coding Processes in Human Memory*. New York, 1972. P. 335–372. URL: <https://archive.org/details/codingprocessesi0000unse/mode/2up>.

Ваганова 2017 – *Ваганова А.* Концепт «движение» как лингвистический компонент русской картины мира (состояние и проблемы изучения) // *Научная мысль Кавказа*. 2017. № 1 (89). С. 102–105. URL: <http://nmkav.ru/archive/2017/1/kontsept-dvizhenie-kak-lingvisticheskij-komponent-russkoj-kartiny-mira-sostoyanie-i-problemy-izucheniya>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=28938257>. DOI: <http://doi.org/10.18522/2072-0181-2017-89-1-102-105>. EDN: <https://elibrary.ru/yjgqsv>.

Видинеева, Скворцова 2016 – *Видинеева Н.Ю., Скворцова И.О.* О способах актуализации концептов // *Символ науки: международный научный журнал*. 2016. № 10–3 (22). С. 69–72. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27195791>. EDN: <https://elibrary.ru/wxdgpp>.

Карасик 2002 – *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепт, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24065092>. EDN: <https://elibrary.ru/ugqamp>.

Карасик 2009 – *Карасик В.И.* Языковые ключи. Москва: Гнозис, 2009. 406 с. URL: <https://fb2lib.ru/gnozis/yazykovye-klyuchi>.

Кубрякова 2004 – *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 560 с. (Язык. Семиотика. Культура). URL: https://drive.google.com/file/d/0B3S-kpls80DCQzFFbzh2cnVzemM/view?resourcekey=0-3X_MG_DjDDySw2AQd8YtyA.

Попова, Стернин 2005 – *Попова З.Д., Стернин И.А.* Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Т. 1. Волгоград: Парадигма, 2005. 352 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32339916>. EDN: <https://elibrary.ru/ymybah>.

References

Miller 1972 – *Miller G.* (1972) English Verbs of Motion: A Case Study in Semantics and Lexical Memory. In: *Melton A., Martin E. (Eds.) Coding Processes in Human Memory*. New York, pp. 335–372. Available at: <https://archive.org/details/codingprocessesi0000unse/mode/2up>.

Vaganova 2017 – *Vaganova A.K.* (2017) The Concept of «Movement» as a Linguistic Component of Russian Paintings in the World (Current State and Problem of Study). *Scientific Thought of Caucasus*, no. 1 (89), pp. 102–105. Available at: <http://nmkav.ru/ru/archive/2017/1/kontsept-dvizhenie-kak-lingvisticheskij-komponent-russkoj-kartiny-mira-sostoyani-i-problemy-izucheniya>. DOI: <https://doi.org/10.18522/2072-0181-2017-89-1-102-105>. EDN: <https://elibrary.ru/yjgqsv>. (In Russ.)

Vidineeva, Skvortsova 2016 – *Vidineeva N.Yu., Skvortsova I.O.* (2016) On the ways of actualization of concepts. *Symbol of Science: International Scientific Journal*, no. 10–3 (22), pp. 69–72. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27195791>. EDN: <https://elibrary.ru/wxdgpp>. (In Russ.)

Karasik 2002 – *Karasik V.I.* (2002) Language circle: personality, concept, discourse. Volgograd: Peremena, 477 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24065092>. EDN: <https://elibrary.ru/ugqamp>. (In Russ.)

Karasik 2009 – *Karasik V.I.* (2009) Language keys. Moscow: Gnozis, 406 p. Available at: <https://fb2lib.ru/gnozis/yazykovye-klyuchi/>. (In Russ.)

Kubryakova 2004 – *Kubryakova E.S.* (2004) Language and knowledge: Towards acquiring the knowledge about language: Parts of speech from the cognitive point of view. The role of language in the world cognition. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 560 p. (Language. Semiotics. Culture). Available at: https://drive.google.com/file/d/0B3S-kpls80DCQzFFbz2cnVzemM/view?resourcekey=0-3X_MG_DjDDySw2AQd8YtyA. (In Russ.)

Popova, Sternin 2005 – *Popova Z.D., Sternin I.A.* (2005) Main features of the semantic and cognitive approach to language. In: *Karasik V.I., Sternin I.A. (Eds.) Anthology of concepts. Vol. 1*. Volgograd: Paradigma, 352 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32339916>. EDN: <https://elibrary.ru/ymybah>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.581.11

Дата поступления: 11.07.2022
рецензирования: 21.08.2022
принятия: 28.08.2022

**Анализ предложений с двойным подлежащим китайского языка
с позиций когнитивной лингвистики**

Л.А. Радус

Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: lara_rad@bk.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9852-0191>

Т.С. Большакова

Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: tatyana_bolschakowa@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1157-040X>

Аннотация: В данной статье рассматривается структура предложений с двойным подлежащим, которые выделяются исследователями в отдельный вид простых предложений китайского языка. Актуальность темы обусловлена нерешенностью проблемы объяснения роли и сущности двух именных групп в начале предложения (noun phrases / NP1 и NP2) и растущим интересом к когнитивной лингвистике как к относительно новому и перспективному направлению. В связи с особенностями китайского языка, вытекающими из его типологических характеристик, возникает необходимость более комплексного подхода, нежели классический синтаксический анализ или актуальное членение предложения. На основе анализа материала произведения китайского писателя Лу Синя и предложений из живой речи носителей языка выдвигается гипотеза, согласно которой предложение с двойным подлежащим представляет собой референциальную структуру, где NP1 выступает в роли когнитивной точки отсчета, а NP2 составляет подлежащее внутреннего простого предложения. В качестве доказательства приведены ряд положений когнитивной лингвистики и результаты исследований таких ученых, как Рональд Лангакер, Роберт Лоренс Траск, Цао Фэнфу и Вэнь Сюй. Путем диахронического анализа прослеживается связь структуры предложения с двойным подлежащим с отношениями неотчуждаемой посессивности / принадлежности. Также выдвигается предположение, что отношения между NP1 и NP2 могут носить характер тождественного означаемого. Новизна полученных результатов исследования заключается в отходе от традиционных взглядов на данную синтаксическую структуру, согласно которым NP1 и NP2 относятся либо к категории подлежащего, либо к категории топика.

Ключевые слова: предложение с двойным подлежащим; топик; подлежащее; именная группа; когнитивная точка отсчета; посессивность / принадлежность.

Цитирование. Радус Л.А., Большакова Т.С. Анализ предложений с двойным подлежащим китайского языка с позиций когнитивной лингвистики // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 3. С. 102–109. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-102-109>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Радус Л.А., Большакова Т.С., 2022

Лариса Александровна Радус – начальник кафедры дальневосточных языков, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, 123001, Российская Федерация, г. Москва, ул. Б. Садовая, 14.

Татьяна Сергеевна Большакова – курсант IV курса факультета иностранных языков, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, 123001, Российская Федерация, г. Москва, ул. Б. Садовая, 14.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 11.07.2022
Revised: 21.08.2022
Accepted: 28.08.2022

**Analysis of Chinese double-subject constructions
from the viewpoint of cognitive linguistics**

L.A. Radus

Military University, Moscow, Russian Federation
E-mail: lara_rad@bk.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9852-0191>

T.S. Bolshakova

Military University, Moscow, Russian Federation
E-mail: tatyana_bolschakowa@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1157-040X>

Abstract: This article examines the structure of double subject construction, which has been identified by researchers as a separate type of simple sentences in Chinese. The relevance of the topic is determined by the unsolved problem

of explaining the role and essence of two noun phrases at the beginning of a sentence (NP1 and NP2) and a growing interest in cognitive linguistics as a relatively new and promising scientific direction. Due to the peculiarities of the Chinese language arising from its typological characteristics, a more comprehensive approach than classical syntactic analysis or topical sentence partitioning becomes necessary. Based on the analysis of the Chinese writer Lu Xun's works and the sentences in the natural speech of the native speakers, we hypothesize that the double subject construction is a referential structure, where NP1 is a reference point, and NP2 is the subject of the inner clause. A number of cognitive linguistics propositions and research findings by scholars such as Ronald Langacker, Robert Lawrence Trask, Tsao Fengfu (曹逢甫) and Wen Xu (文旭) are cited as evidence. Through diachronic analysis, the structure of the double-subject sentence is traced to a relationship of inalienable possession. It is also suggested that the relationship between NP1 and NP2 could be an identical signifier. The novelty of the findings is in the departure from traditional views of this syntactic structure according to which NP1 and NP2 belong to either the subject or the topical category.

Key words: double subject construction; topic; subject; noun phrase; reference point; possession.

Citation. Radus L.A., Bolshakova T.S. Analysis of Chinese double-subject constructions from the viewpoint of cognitive linguistics. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriiia, pedagogika, filologiiia = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 28, no. 3, pp. 102–109. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-102-109>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

© Radus L.A., Bolshakova T.S., 2022

Larisa A. Radus – head of the Department of Far Eastern Languages, Military University, 14, Bolshaya Sadovaya Street, Moscow, 123001, Russian Federation.

Tatiana S. Bolshakova – 4th year cadet of the Department of Foreign Languages, Military University, 14, Bolshaya Sadovaya Street, Moscow, 123001, Russian Federation.

Введение

Согласно Чарльзу Ли и Сандре Томпсон, типологические признаки и характеристики китайского языка подразумевают наличие в нем так называемой структуры предложения с двойным подлежащим 双主语句.

Данный тип предложений характеризуется наличием двух именных групп (здесь и далее – NP1, NP2), за которыми прочно закрепился термин «подлежащие». Тем не менее четкой дефиниции NP1 и NP2 пока не существует. По мнению ряда исследователей, они представляют собой два самостоятельных подлежащих. Другие ученые полагают, что NP1 и NP2 являются топиками. Наконец, существует точка зрения, согласно которой данные именные группы входят в состав единого топика. Объем NP могут быть присущи как признаки подлежащего (отсутствие специальных грамматических показателей), так и свойства топика (начальная позиция в предложении). Однако подобное деление относительно условно и не является аксиоматичным, т. к. справедливость данных характеристик зачастую зависит от конкретного контекста. Широкий спектр гипотез затрудняет объяснение структуры предложения с двойным подлежащим и роли его именных групп [Березина 2013; Бюлер 1993; Демьянков 1979]. Таким образом, в связи с невозможностью с полной уверенностью отнести NP1 и NP2 ни к категории подлежащего, ни к категории топика возникает закономерный вопрос: как наиболее рационально объяснить данные структуры? Мы считаем, что ответ можно найти, взяв за основу положения когнитивной лингвистики – направления, «во многом определяющего лицо современной мировой лингвистической науки» [Попова, Стернин 2007, с. 3] – и рассмотрев предложение с двойным подлежащим как референциальную структуру с когнитивной точкой отсчета (reference point).

В данной работе ставится цель проанализировать предложения с двойным подлежащим не с опо-

рой на традиционные категории «европейского» синтаксиса или логики, а как референциальную структуру. В качестве доказательств приводятся положения когнитивной лингвистики [Коцик 2017; 2018] (Коннова 2012). В достижении цели предстоит решение ряда задач:

- доказать, что данная структура является референциальной;
- выделить ее основные составляющие;
- объяснить ее происхождение.

В качестве источника и материалов используются отрывки из сборника Лу Синя «К оружию» (呐喊), исторического труда Чжаньго цэ (战国策) и предложения из повседневного дискурса современного китайского языка.

Предложение с двойным подлежащим с точки зрения когнитивной лингвистики

Изучением предложений с двойным подлежащим в различных языковых системах занимался один из основоположников когнитивной лингвистики Рональд Лангакер. По его мнению, существует 2 вида структуры предложения с двойным подлежащим: предложение с двойным подлежащим в узком смысле этого понятия и предложение с двойным подлежащим, в состав которого входит только самостоятельное простое предложение. В данном простом предложении представлено отдельное подлежащее со сложным описанием. Субъект восприятия (в сознании которого формируется концепт) способен превратить представляемый объект в когнитивную точку отсчета. Следовательно, между целью и другим объектом устанавливается мысленный контакт. Данные объекты проходят через специальный «домен» [Жаботинская 2008, с. 62], или сферу когнитивной точки отсчета. Именно в этом заключается суть базовых отношений в структуре предложения с двойным подлежащим.

Внутреннее и внешнее подлежащие представляют собой именные группы NP 1 и NP 2. Сказуе-

мое имеет как минимум один траектор – наиболее когнитивно выделенную сущность, т. е. внутреннюю когнитивную точку отсчета (reference point). Внутреннее придаточное предложение содержит только подлежащее и сказуемое. Это является примером классических грамматических отношений, в которые вступает подлежащее-существительное.

По его мнению, NP2 и VP образуют «внутреннее» простое предложение (inner clause), в то время как вся структура представляет собой завершенное полноценное предложение (full clause). NP1 он называл внешним подлежащим (outer subject), а NP2 – внутренним подлежащим (inner subject). К примеру, в предложении “我脑子不够用” (Wǒ nǎozi bùgòu yòng. Мне не хватает мозгов.) 我 Wǒ и 脑子 nǎozi являются именными группами, то есть образцом двойного подлежащего: 我 представляет собой внешнее подлежащее, а 脑子 – внутреннее подлежащее. Ученый полагает, что внешние подлежащие являются подлежащим всего предложения, а внутреннее подлежащее – подлежащим только для внутреннего простого предложения. Он иллюстрирует анализ следующей схемой (рис. 1) [文旭 2008, с. 8].

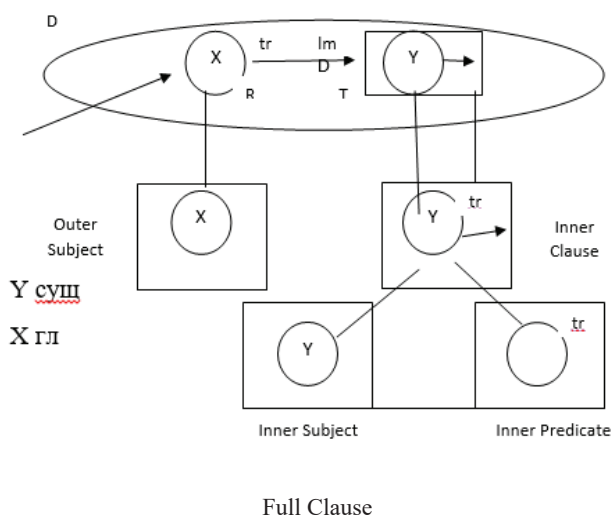

Рис. 1

Tr = траектор (trajectory). Траектором называют «наиболее когнитивно выделенную сущность» [Скребцова 2011, с. 139]; Im = ориентир/landmark [Березина 2013, с. 107]. Это когнитивно выделенная сущность, отличная от траектора; D = домен/когнитивная сфера (domain). Доменом называют «сферу знаний, представлений и ощущений, к которой отсылает соответствующее слово» [Скребцова 2011, с.135]. Также под данным термином понимается «семантическая структура, которая функционирует в качестве основы (фоновое знание, «поддерживающее» концепт и без которого концепт не может быть понят) для профилирования хотя бы одного концепта, обыкновенно нескольких» [Хренова 2014, с. 159]. R = когнитивная точка отсчета (reference point), т. е. некий менталь-

ный образ. T = целевая сущность (target). Она является выражением пропозиции, т. е. мысленного образа языковой ситуации как сущности, характеризующейся временным параметром. Внутреннее подлежащее совместно с внутренним сказуемым (inner predicate) образуют предложение, в котором внутреннее подлежащее является траектором. После выделения внутреннего предложения оно становится ориентиром, так как внешнее подлежащее, относящееся ко всему предложению и выполняющее функции траектора, становится когнитивной точкой отсчета, а внутреннее простое предложение становится ориентиром. При этом Лангакер считает, что внешнее и внутреннее подлежащее находятся в простых предложениях разного уровня

NP1 – это именное словосочетание. На различных уровнях структуры предложения с двойным подлежащим необходимо наличие самостоятельного простого предложения для создания отдельного интонационного рисунка и отдельного озаглаваемого.

Позиция рассмотрения предложения с двойным подлежащим как конструкции с когнитивной точкой отсчета обладает важным преимуществом: понятие когнитивной точки отсчета включает в себя как топик, так и подлежащее, т. к. оба понятия способны выступать в роли когнитивной точки отсчета. Подлежащее может быть рассмотрено как исходный пункт, с которого говорящий начинает сообщение. По мнению Уоллеса Чейфа, функция грамматического подлежащего заключается в выражении исходного пункта мыслей с последующим добавлением дальнейшей информации. Топик способен брать на себя роль когнитивной точки отсчета и отсылать к касающейся его области знаний. В свою очередь, другие ассоциирующиеся высказывания (целевые сущности) могут полностью войти в нее. В качестве примера рассмотрим предложения (1). Если перед нами топик, то он обратит внимание читающего (слушающего) на соответствующую сферу. В свою очередь, последующие предложения уже будут полностью относиться к ней.

(1) Let's talk about the wedding. October would be a good month. I do not want too many guests. I think a priest should perform the ceremony. Do you need a lot of flowers?

В данном примере топик wedding является когнитивной точкой отсчета.

Лангакер считает, что человек обладает основной когнитивной способностью – «использовать представления об одной сущности в качестве когнитивной точки отсчета для установления мысленного контакта (mental contact) а с другим объектом, т. е. с целевой сущностью (target, T)». Домен когнитивной точки отсчета – это совокупность всех ее потенциальных целевых сущностей. Иными словами, механизм фокусирования на концептах (концептуализация) использует некий представляемый объект в качестве когнитивной

точки отсчета, а также еще одно слово для создания другой сущности и мысленного контакта с целью высказывания. Понятие когнитивной точки отсчета подразумевает некоторую когнитивную / познавательную деятельность, в ходе которой в сознании либо совершается «мысленный путь» от одного объекта к другому, либо устанавливаются отношения между ними.

Структура когнитивной точки отсчета может быть представлена на следующей схеме (рис. 2) [文旭 2008, с. 9].

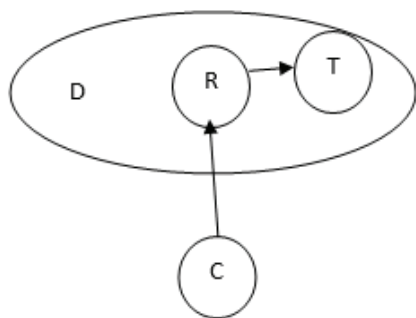

Рис. 2
Fig. 2

С – механизм фокусирования на концептах – это то, что управляет понятиями. Стрелка обозначает ход мыслей, или ментальную траекторию (mental path), которая помогает установить «мысленный контакт с другой сущностью» (Скребцова, 2011, с. 149). В языке когнитивная точка отсчета может проявляться различными способами, например выступать в качестве основы для метонимии. Если применить к данной схеме предложение 他眼睛却看着我 (Tā yǎnjīng què kànzhe wǒ. Он [его глаза] смотрит на меня), то получается следующее: механизм фокусирования на концептах проходит через семантический домен предложения (3) и превращает 他 Tā в когнитивную точку отсчета, которая позволяет субъекту осознать ядро высказывания – 眼睛却看着我 yǎnjīng què kànzhe wǒ через ментальную траекторию / мысленный путь.

В предложении (2) мы видим противоборство двух факторов – это «потребности говорящего выражаться точно и естественное стремление думать и говорить о вещах, обладающих наибольшей когнитивной выделенностью. Обычно соблюдаются следующие приоритеты: человек > нечеловек, целое > часть, конкретное > абстрактное, видимое > невидимое [Скребцова 2008, с. 149]. Иными словами, человек, а также конкретные видимые сущности и целостные объекты более вероятны в качестве когнитивной точки отсчета» (Скребцова 2011, с. 149).

(2) a. Langacker has some pages missing (речь идет о книге, а не об авторе);

b. The kettle is boiling. (the kettle – это «видимое», the water – это то, что увидеть нельзя).

Данная базовая когнитивная способность проявляется как в перцептивном, так и в абстрактном отношении. В (3a) описывается роль когнитивной точки отсчета в зрительном восприятии, ее цель – определить место предмета в пространстве. В (3b) ни о каком зрительном восприятии речи нет. В подобном предложении когнитивная точка отсчета может выступать связующим звеном для порядка слов.

(3) a. Do you see that large boulder about half-way up the mountain? There is a climber just above it.

b. Do you know that guy who mows our lawn? His girlfriend is pregnant.

В обоих предложениях введена когнитивная точка отсчета: boulder, и guy. Однако в 3b она является основой предложения, позволяющей сосредоточить внимание говорящего/слушающего на смысле высказывания.

По аналогии с этим когнитивная точка отсчета может быть использована для анализа предложения с двойным подлежащим в китайском языке. Рассмотрим следующий пример:

(4) 他口渴. (Tā kǒu kě. Он хочет пить.)

В данном предложении 他 Tā представляет собой когнитивную точку отсчета, за которой следует скрытая цель, например: 口渴 kǒu kě, 肚子饿 Dùzi è, 头痛 tóu tòng, 手软 shǒu ruǎn, 眼睛近视 yǎnjīng jìnshì и т. д. Однако в (4) цель высказывания – 口渴 kǒu kě, следовательно, читатель/слушатель может посредством когнитивной точки отсчета приблизиться к ней. Обратимся к следующей схеме (рис. 3) [文旭 2008, с. 9].

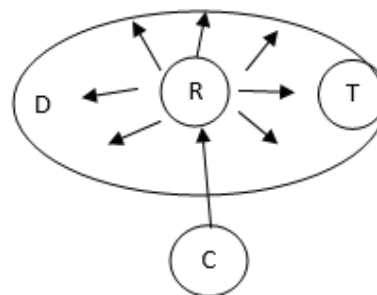

Рис. 3
Fig. 3

На схеме (рис. 3) представлено большое количество скрытых целей, однако говорящий использует только одну: 口渴 kǒu kě. Отталкиваясь от когнитивной точки отсчета, читатель приходит к пониманию всего, что к ней относится. Поэтому китайское предложение с двойным подлежащим в общем обладает следующей структурой: [[когнитивная точка отсчета] + [подлежащее + сказуемое]].

Можно предположить, что предложения с двойным подлежащим существовали уже в древнем китайском языке:

(5) 邹忌修八尺有余, 身体逾俚. (Zōujì xiū bā chǐ yǒuyú, shēntǐ yúli. Цзоу Цзисиу более восьми футов ростом, красив телом.)

С точки зрения диахронии определить конкретное время возникновения структуры предложения с двойным подлежащим не представляется возможным. Однако это не умаляет важности и значимости ее изучения для китайского языка.

Вэнь Сюй предполагает, что термин «предложение с двойным подлежащим» происходит от структуры 非双主语结构 *fēi shuāngzhǔyǔ jiégòu*, и объясняет выдвигание данного типа предложений на основании посессивной связи. Отношения между двумя именными группами подобных предложений изначально ограничены 不可让予的领属关系 *bùkě ràng yǔ de lǐngshǔ guānxì* – inalienable possession, или же «неотчуждаемой посессивностью» [Давлетшина 2008, с. 51]. Под так называемой неотчуждаемой посессивностью понимаются постоянные и обязательные отношения между «обладателем» и «обладаемым». Примером подобных отношений является человек с его тенью, отпечатком стопы и т. д. Таким образом, NP2 является гипонимом NP1. Отношениям неотчуждаемой посессивности противопоставлены отношения отчуждаемой принадлежности (alienable possession). Она продемонстрирована в таких словосочетаниях, как 我的书 (*wǒ de shū*. Моя книга), между 我 *wǒ* и 书 *shū*.

Подобного рода отношения – довольно частое явление для китайского языка. Рассмотрим следующие примеры (6).

1. 他眼睛却看着我。 (*Tā yǎnjīng què kànzhe wǒ*. Он [его глаза] смотрит на меня.)

2. 他身材很高大, 青白脸色, 皱纹间时常夹些伤痕: 一部乱蓬蓬的花白的胡子。 (*Tā shēncái hěn gāodà, qīng bái liǎnsè, zhòuwén jiān shícháng jiā xiē shānghén: yī bù luànpéngpéng de huābái de húzi*. Он высокий и крупный [тело высокое и крупное], с бледным лицом, между морщинами видны частые шрамы: спутанная серая борода.)

3. 他身材增加了一倍。 (*Tā shēncái zēngjiāle yī bèi*. Он [рост] вырос в два раза.)

4. 他两颊都鼓起来了, 仿佛气恼这答案正和他的议论 «差不多», 近乎随声附和模样。 (*Tā liǎng jiá dōu gǔ qǐláile, fāngfú qìnǎo zhè dá'àn zhènghé tā de yìlùn* «*chābùduō*», *jìnhū suíshēngfùhè múyàng*. Его [он] щеки надулись, как будто его раздражало, что ответ «почти» повторял его довод, практически слово в слово.)

5. 红鼻子老拱手里擎了一碗黄酒, 说着, 向间壁努一努嘴。 蓝皮阿五便放下酒碗, 在他脊梁上用死劲的打了一掌。 (*Hóng bízi lǎo gǒngshǒu lǐ qíngle yī wǎn huángjiǔ, shuōzhe, xiàng jiānbì nǔ yī nǔzuǐ. Lán pí ā wǔ biàn fàngxià jiǔ wǎn, zài tā jǐliang shàng yòng sǐjìn de dǎle yī zhǎng*. Красноносый Лао Гун протянул ему держать чашу с рисовым вином и сказал, что обиделся. Синекожий А У поставил чашу с вином и энергично хлопнул его по спине.)

6. 九斤老太虽然高, 耳朵却还不恨, 但也没听到孩子的话, 仍旧自己说《这真是一代不如一代!》 (*Jiǔ jīn lǎo tài suīrán gāo, ěrduǒ què hái bú dào hái zǐ de huà, réngjiù zìjǐ shuō «zhè zhēn shì yī dài bù rú yī dài!»*)

bù hèn, dàn yě méi tīng dào hái zǐ de huà, réngjiù zìjǐ shuō «zhè zhēn shì yī dài bù rú yī dài!» Хотя старушка Цзю Цзинь высокая, ее уши все еще служат ей, она не услышала слов ребенка. Она сказала сама себе: «Действительно поколение с поколением не сравнится!»)

(鲁迅 2000, 《呐喊》. «К оружию», Лу Синь)

Вышеуказанные примеры наглядно демонстрируют отношения отчуждаемой и неотчуждаемой посессивности между NP1 и NP2. Однако по данному критерию они не являются полностью тождественными и равнозначными. Предложения (6) 1–6 можно разделить на две группы:

– предложения 1–4, в которых NP1 – это «собственник» NP2;

– предложения 5–6, в которых NP2 – это «собственник» NP1.

Некоторые глаголы могут быть использованы в отношениях как неотчуждаемой, так и отчуждаемой посессивности. Ярким примером такого явления можно назвать глагол *to own* в английском языке, для которого зачастую характерна отчуждаемая принадлежность. Так, можно сказать: *George owns a car*, в то время как предложение *George owns a big noise* недопустимо (если только речь не идет о его собственном носе). Напротив, глагол *to have* может употребляться в обоих видах отношений. В китайском языке для предложения с двойным подлежащим характерна неотчуждаемая посессивность:

(7) 他的手臂长, 合适打篮球。 (*Tā de shǒubì zhǎng, héshì dǎ lánqiú*. У него [он] длинные руки, как раз для баскетбола.)

Если удалить маркер принадлежности 的 *de*, то анализ данного предложения приведет к совершенно другому результату:

(8) a. 他 (的) 手臂长, 合适打篮球。

b. 他 (参照点) 手臂长, 合适打篮球。

Пример отношения между человеком и частями его тела наиболее наглядно демонстрирует типичные отношения неотчуждаемой посессивности. Подобного рода отношения характерны для китайского языка в связи с тем, что касаются всех видов несимметричности в когнитивной выделенности. То есть сам человек с большей вероятностью может быть использован в качестве топика, чем части его тела. Исследователь из КНР, Тайвань, Хуан Сюаньфань (黄宣范) уже выносил на обсуждение концепт «тело»: «В общих чертах философы Тайваня времен ранней Цинь уже разработали свою точку зрения на философию тела человека. Оно состоит из трех основных видов материи: «естественного» (физического) тела – 自然的身体 – *Zirán de shēntí*, материи духа ци – 精神物质的气 – *Jīngshén wùzhí de qì* и сердца чистого духа – 纯粹精神的心 – *Chúncuì jīngshén de xīn*. Слово 心 *xīn* китайском языке соответствует английским словам *mind* и *heart*. В Древнем Китае сердце считалось главным из пяти важнейших

внутренних органов. Фраза “Сердце контролирует разум” подразумевает, что оно отвечает за мысли и духовную деятельность человека. К примеру: Мэн Юй сказал Гао Цзы: “Предназначение сердца – думать”». Этим объясняется тот факт, что в Древнем Китае оно часто называлось мыслительным органом. Физическое тело 身 shēn управляется сердцем 心 xīn. Кто может позаботиться о теле, тот может завоевать сердце. Исходя из манеры поведения, традиционно сложившейся в китайской культуре, лучшим способом подчинить человека считается психологическое нападение, «атака на сердце», а самый простой путь лежит через тело. Сердце же – его основная часть (大 БКРС).

Это философское осмысление находит отражение в следующих примерах:

(8) а. 她很高兴/生气/紧张. (Tā hěn gāoxìng/shēngqì/jǐnzhāng. Она очень рада / злится / взволнована.)

б. 她人很高兴/生气/紧张. (Tā rén hěn gāoxìng/shēngqì/jǐnzhāng. Она человек веселый / злится / взволнована.)

с. 她心里很高兴/生气/紧张. (Tā xīnlǐ hěn gāoxìng/shēngqì/jǐnzhāng. В ее сердце радость / гнев / волнение.)

Следует еще раз подчеркнуть: в китайском языке предложения с двойным подлежащим представляют собой предложения, в которых именные группы находятся в отношениях посессивности с опущением маркера принадлежности 的 De.

В английском языке никогда не наблюдалось подобных посессивных структур, однако в нем могут быть использованы другие средства для обозначения отношений между человеком и частями его тела. Например, [曹逢甫2005, с. 6]:

(9) а. The scene touched her.

б. The scene touched her heart.

(10) а. She is a little touched.

б. She is a little touched in her heart.

Несмотря на то что некоторые ученые считают пары предложений в (9) и (10) синонимичными, между ними есть одно незначительное различие: (а) описывает человека, а (б) – его «составную часть», т. е. орган.

Естественно, это касается не только вышеуказанных предложений. К примеру, отношения NP1 и NP2 как целого и частного (11); родовидовые (12) и релятивные отношения (13).

(11) а. 三十六计, 走为上计. (Sānshíliù jì, zǒu wéi shàng jì. Из тридцати шести стратегий лучшая – уйти.)

б. 这些学生, 这个最刻苦. (Zhèxiē xuéshēng, zhège zuì kèkǔ. Среди данных студентов этот самый упорный.)

(12) 车 (啊), 奔驰最漂亮. (Chē (a), bēnchí zuì piàoliang. Из машин красивее всего мерседесы.)

(13) 这件事 (啊), 他的经验最丰富. (Zhè jiàn shì (a), tā de jīngyàn zuì fēngfù. В этом деле у него больше всего опыта.)

Помимо маркера принадлежности 的 de между NP1 и NP2 возможно наличие глагола 有 yǒu, т. к. он подразумевает наличие референциальных отношений:

(14) 车有奔驰. (Chē yǒu bēnchí. Есть автомобили Mercedes-Benz.)

Заключение

Типологические характеристики китайского языка накладывают на его изучение определенные отпечатки и могут вызывать некоторые трудности для лингвистов. Одна из проблем, которая всегда оставалась актуальной для синологов-лингвистов и многократно поднималась в ряде научных трудов, – это необходимость «многопланового» подхода к изучению вопросов языковой системы китайского языка. Так, например, рассуждая о методах синтаксического анализа предложения, многие китайские ученые пришли к следующему выводу: полностью верный анализ предложения невозможен без учета семантического значения грамматических единиц. Мы придерживаемся схожей позиции и считаем, что рассматривать предложение с двойным подлежащим исключительно с точки зрения синтаксиса или актуального членения нерационально. Подобная точка зрения не дает исчерпывающего объяснения сущности NP1 и NP2 и связей между компонентами предложения.

Таким образом, из вышеприведенного исследования можно сделать следующие выводы:

– предложение с двойным подлежащим – это референциальная структура. Первая именная группа, включающая имя или именное словосочетание, NP1 является когнитивной точкой отсчета всего предложения, а вторая NP2 – подлежащим внутреннего простого предложения;

– предложение с двойным подлежащим изначально происходит от отношений посессивности. Первая именная группа является «обладателем», а вторая, в свою очередь, – «обладаемым». Это наглядно демонстрируется на примере человека и частей его тела. Подобный анализ также применим к топико-ориентированным структурам;

– помимо посессивности, NP1 и NP2 могут быть объединены связью тождественного означаемого, при которой NP1 и NP2 характеризуют один и тот же объект.

Итак, мы предлагаем предложение с двойным подлежащим с позиций когнитивной лингвистики как референциальную структуру, соответствующую формуле [[когнитивная точка отсчета] + [подлежащее + сказуемое]] и тесно связанную с отношениями неотчуждаемой посессивности.

Материалы исследования

鲁迅 2000 – 呐喊. 北京: 外文出版社, 2000.

Скребцова 2011 – *Скребцова Т.Г.* Когнитивная лингвистика: курс лекций. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2011. 256 с. URL: https://www.academia.edu/20012177/TATIANA_G_SKREBTSOVA_COGNITIVE_LINGUISTICS_A_SERIES_OF_LECTURES_ТАТЬЯНА_Г_СКРЕБЦОВА_КОГНИТИВНАЯ_ЛИНГВИСТИКА_КУРС_ЛЕКЦИЙ.

大БКРС – 大БКРС. Режим доступа: <https://bkrs.info>.

Библиографический список

文旭 2008 – 文旭. 汉语双主语构式的认知语法观 // 外语教学. №. 4. С. 6–11.

曹逢甫 2005 – 曹逢甫. 汉语的句子与子句结构. 北京语言大学出版社. 2005. 393 p.

Langacker 2003 – *Langacker Ronald W.* Double-subject and Complex – predicate Constructions // *Cognitive Linguistics*. 2003. Vol. 14, no. 1. P. 1–45. DOI: <http://dx.doi.org/10.1515/cogl.2003.001>.

Langacker 2017 – *Langacker R.* Ten Lectures on the Basics of Cognitive Grammar by Ronald Langacker. Leiden; Boston: Brill, 446 p. DOI: <https://doi.org/10.1163/9789004347458>.

Березина 2013 – *Березина О.А.* К вопросу о концептуальном субстрате безличных структур // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013. Т. 1, № 2. С. 104–111. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20415378>. EDN: <https://elibrary.ru/retmql>.

Бюлер 1993 – *Бюлер Карл.* Теория языка. Москва: Прогресс, 1993. 528 с. URL: <https://superlinguist.ru/obshchee-izykoznanie-skachat-knigi-besplatno/biuler-karl-teoriia-izyaka.html>.

Давлетшина 2018 – *Давлетшина С.М.* Анализ структурных особенностей категорий посессивности // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 8 (197). С. 51–55. DOI: <http://doi.org/10.23951/1609-624X-2018-8-51-55>. EDN: <https://elibrary.ru/yotykt>.

Демьянков 1979 – *Демьянков В.З.* «Субъект», «тема», «топик» в американской лингвистике последних лет: Обзор II // Известия Академии наук СССР: сер. литературы и языка. 1979. Т. 38, №. 4. С. 368–380. URL: http://www.infolex.ru/IZV4_79.html; <https://elibrary.ru/item.asp?id=21495695>. EDN: <https://elibrary.ru/sckdqz>.

Жаботинская 2008 – *Жаботинская С.А.* Модели репрезентации знаний в контексте различных школ когнитивной лингвистики: интегративный подход // Когнитивные исследования языка. 2008. № 3. С. 61–74. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18441558>. EDN: <https://elibrary.ru/pnomcx>.

Коннова 2012 – *Коннова М.Н.* Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие. Калининград: Издательство БФУ им. Канта, 2012. 313 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20208029>. EDN: <https://elibrary.ru/rafniv>.

Коцик 2018 – *Коцик К.Э.* Методика синтаксического анализа предложений китайского языка по топиковым составляющим // Научный диалог, 2018. № 10. С. 78–88. DOI: <http://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-10-78-88>. EDN: <https://elibrary.ru/ymbkxr>.

Коцик 2017 – *Коцик К.Э.* Топик китайского типа в работах Ши Динсюя // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7–1 (73). С. 102–107. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29253780>. EDN: <https://elibrary.ru/yqefv>.

Попова, Стернин 2007 – *Попова З.Д., Стернин И. А.* Когнитивная Лингвистика. Москва: АСТ, Восток–Запад, 2007. 315 с. URL: <https://bookree.org/reader?file=1345982>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=21122351>. EDN: <https://elibrary.ru/rufsvd>.

Хренова 2014 – *Хренова А.В.* Современная когнитивная лингвистика за рубежом. Основные единицы исследования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 1–1 (57). С. 156–161. URL: <https://vestnik.kemsu.ru/jour/article/view/674>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=21420486>. EDN: <https://elibrary.ru/satjcl>.

References

Wen Xu 2008 – *Wen Xu* (2008) Cognitive-grammatical view of double-subject constructions in Chinese. *Foreign Language Education*, no. 4, pp. 6–11. (Original in Chinese)

Tsao 2005 – *Tsao Fengfu* (2005). Sentence and clause structure in Chinese. Beijing Language and Culture University Press, 393 p. (Original in Chinese)

Langacker 2003 – *Langacker Ronald W.* (2003) Double-subject and Complex – predicate Constructions. *Cognitive Linguistics*, vol. 14, no. 1, pp. 1–45. DOI: <http://dx.doi.org/10.1515/cogl.2003.001>.

Langacker 2007 – *Langacker Ronald W.* (2017) Ten Lectures on the Basics of Cognitive Grammar by Ronald Langacker. Leiden; Boston: Brill, 446 p. DOI: <http://doi.org/10.1163/9789004347458>.

Berezina 2013 – Berezina O.A. (2013) On the conceptual substrate of impersonal structures. *Pushkin Leningrad State University Journal*, vol. 1, no. 2, pp. 104–111. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20415378>. EDN: <https://elibrary.ru/retmql>. (In Russ.)

Bühler 1993 – Carl Bühler (1993). *Theory of Language*. Moscow: Progress, 528 p. Available at: <https://superlinguist.ru/obshchee-iazykoznanie-skachat-knigi-besplatno/biuler-karl-teoriia-iazyka.html>. (In Russ.)

Davletshina 2018 – Davletshina S.M. (2018) Structural peculiarities analysis of the category of possessiveness. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, no. 8 (197), pp. 51–55. DOI: <http://doi.org/10.23951/1609-624X-2018-8-51-55>. EDN: <https://elibrary.ru/yotykt>. (In Russ.)

Demyankov 1979 – Demyankov V.Z. (1979) «Subject», «theme», «topic» in American linguistics of the recent years: Review II. *Izvestiya Akademii nauk SSSR: ser. literaturny i yazyka*, vol. 38, no. 4, pp. 368–380. Available at: http://www.infoex.ru/IZV4_79.html; <https://elibrary.ru/item.asp?id=21495695>. EDN: <https://elibrary.ru/sckdqz>. (In Russ.)

Zhabotinskaya 2008 – Zhabotinskaya S.A. (2008) Models of knowledge representation in the context of different schools of cognitive linguistics: integrative approach. *Cognitive Studies of Language*, no. 3, pp. 61–74. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18441558>. EDN: <https://elibrary.ru/pnomcx>. (In Russ.)

Kotcik 2018 – Kotcik K.E. (2018). Method of syntactic analysis of Chinese sentences on topical components. *Nauchnyi dialog = Scientific Dialogue*, no. 10, pp. 78–88. DOI: <http://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-10-78-88>. EDN: <https://elibrary.ru/ymbkxr>. (In Russ.)

Kotsik 2017 – Kotsik K.E. (2017) Chinese topic in Shi Dingxu's works. *Philology. Theory & Practice*, no. 7–1 (73), pp. 102–107. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29253780>. EDN: <https://elibrary.ru/yqeefv>. (In Russ.)

Popova, Sternin 2007 – Popova Z.D., Sternin I.A. (2007) *Cognitive linguistics*. Moscow: AST, Vostok-Zapad, 315 p. Available at: <https://bookree.org/reader?file=1345982>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=21122351>. EDN: <https://elibrary.ru/rufsvd>. (In Russ.)

Khrenova 2014 – Khrenova A.V. (2014) Contemporary cognitive linguistics abroad. Basic research concepts. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 1–1 (57), pp. 156–161. Available at: <https://vestnik.kemsu.ru/jour/article/view/674>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=21420486>. EDN: <https://elibrary.ru/satjcl>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'33

Дата поступления: 17.05.2022
рецензирования: 26.06.2022
принятия: 28.08.2022

Пути и способы создания комического эффекта в англоязычном драматургическом дискурсе

А.А. Харьковская

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: aax2009@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6532-0828>

К.А. Вихляева

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: john.openair@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1487-8194>

Аннотация: Статья посвящена исследованию природы авторской ремарки и ее функциональной возможности создания комического эффекта. На первом этапе была предпринята попытка определить роль авторского комментария в тексте пьесы. В рамках данного вопроса были освещены ключевые характеристики драматургического дискурса, а именно фикциональность и стилизованность. Далее авторы сосредоточили фокус внимания на феномене паратекста, представив позиции как отечественных, так и зарубежных исследователей относительно роли паратекста в драматургическом произведении, а именно необходимость принятия во внимание особенностей паратекста при выполнении дискурс-анализа. Кроме того, в статье авторы предприняли попытку представить краткую историю происхождения термина «паратекст». Так, процессы взаимодействия внутри пары «текст – паратекст» обосновали необходимость исследования драматургического текста именно через призму данной корреляции. В качестве источников фактического материала были отобраны пьесы (The Comedy About a Bank Robbery, The Play that Goes Wrong), авторами которых стала плеяда британских драматургов, работающих в тандеме: Генри Льюис, Джонатан Сэйер и Генри Шилдс. В ходе исследования была сформирована выбока текстовых фрагментов, которые позволили выявить ряд авторских приемов создания комического эффекта, механизмы которых неоднократно дублируются от пьесы к пьесе, что позволяет выдвинуть предположение о наличии характерного стиля комического, присущего данному трио драматургов. В качестве базового приема создания комического эффекта авторы используют взаимодействие реплик персонажей пьесы и ремарок, которые противоречат друг другу, реализуя тем самым принцип несоответствия, который, в свою очередь, становится одним из основных принципов комизма. Таким образом, финальная часть исследования посвящена реализации принципов абсурдности, несоответствия и обманутого ожидания посредством взаимодействия авторской ремарки и диалоговой части пьесы.

Ключевые слова: драматургический дискурс; авторская ремарка; паратекст; комический эффект; абсурдность; принцип несоответствия; принцип обманутого ожидания.

Цитирование. Харьковская А.А., Вихляева К.А. Пути и способы создания комического эффекта в англоязычном драматургическом дискурсе // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 3. С. 110–116. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-110-116>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Харьковская А.А., Вихляева К.А., 2022

Антонина Александровна Харьковская – кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Ксения Алексеевна Вихляева – аспирант кафедры английской филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 17.05.2022
Revised: 26.06.2022
Accepted: 28.08.2022

Ways and means of creating a comic effect in English drama discourse

A.A. Kharkovskaya

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: aax2009@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6532-0828>

K.A. Vykhlueva

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: aax2009@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1487-8194>

Abstract: The article is devoted to the study of the nature of the author's remark and its functional ability to create a comic effect. At the first stage, an attempt was made to determine the role of the author's commentary in the text of the play. Within the framework of this question, we have highlighted the key characteristics of dramatic discourse, namely, fiction and stylization. Next, we focused on the phenomenon of paratext, presenting the positions of both domestic and foreign researchers regarding the role of paratext in a dramatic work, namely the need to take into account the features of paratext when performing discourse analysis. In addition, in the article we made an attempt to present a brief history of the origin of the term «paratext». Thus, the processes of interaction within the pair «text-paratext» substantiated the need to study the dramatic text precisely through the prism of this correlation. As sources of factual material, we selected plays («The Comedy About a Bank Robbery», «The Play that Goes Wrong»), the authors of which were a galaxy of British playwrights working in tandem: Henry Lewis, Jonathan Sayer and Henry Shields. In the course of the study, a selection of text fragments was formed, which made it possible to identify a number of authorial techniques for creating a comic effect, the mechanisms of which are repeatedly duplicated from play to play, which makes it possible to suggest the presence of a characteristic comic style inherent in this trio of playwrights. As a basic technique for creating a comic effect, the authors use the interaction of replicas of the characters of the play and remarks that contradict each other, thereby realizing the principle of inconsistency, which in turn becomes one of the basic principles of comedy. Thus, the final part of the study is devoted to the implementation of the principles of absurdity, inconsistency and deceived expectations through the interaction of the author's remark and the dialogue part of the play.

Key words: drama discourse; authors' remarks; paratext; comic effect; absurdity; principles of incongruity; deceived expectation principles.

Citation. Kharkovskaya A.A., Vykhylyeva K.A. Ways and means of creating a comic effect in English drama discourse. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 28, no. 3, pp. 110–116. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-110-116>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

© Kharkovskaya A.A., Vykhylyeva K.A., 2022

Antonona A. Kharkovskaya – Candidate of Philological Sciences, professor, professor of the Department of English Philology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Kseniya A. Vykhylyeva – postgraduate student of the Department of English Philology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

В настоящее время существует широкий круг научных трудов, посвященных исследованию роли авторской ремарки в драматургическом произведении. Во многом такой интерес к статусу авторского комментария обусловлен рядом особенностей, характерных для драматургического дискурса. В первую очередь следует подчеркнуть «фикциональный» характер указанного типа дискурсивного пространства. Иными словами, данный вид дискурса позволяет автору воплощать проблемы, понятия, идеалы, соотносимые со значениями реального мира, стимулируя таким образом работу сознания и основываясь на обобщающих механизмах продуцирования текстов [Шилков 2002, с. 625].

Вторая дистинктивная черта драматургического дискурса, которую необходимо отметить в качестве основополагающей, – стилизованность разговорной речи, представленной в тексте образцов драматургического дискурса [Genette 1997; Женетт 2004].

Данная характеристика обусловлена стремлением автора реконструировать аутентичную разговорную речь, максимально точно воспроизводя ее лексические и грамматические особенности. Так, в научной литературе по проблематике драматургической коммуникации диалогические фрагменты пьесы предлагается рассматривать как письменную фиксацию разговорной речи [Buzarov 1998, с. 13]. Однако автор в процессе фиксации может столкнуться с некоторыми сложностями, которые связаны с двухуровневой структурой речевого акта. Первый компонент – имплицитный, трансли-

рующий интенцию говорящего, второй – эксплицитный, который включает паралингвистические факторы (мимику и жесты), способствующие наиболее полному и адекватному пониманию высказывания. Важно подчеркнуть, что именно эксплицитный компонент вызывает наиболее серьезные затруднения при передаче разговорной речи на письме, поскольку он обеспечивает актуализацию эмоциональных аспектов общения, которые находят отражение в действиях, жестах, мимике участников коммуникации в рамках драматургического дискурса, поэтому в условиях драматургического дискурса он традиционно фиксируется на письме при помощи авторского комментария или ремарок.

Основная часть

Исследователь Дж. Л. Остин одним из первых поместил в фокус внимания невербальную составляющую высказывания, а именно – жесты, тон и голосовую модуляцию [Austin 1962, с. 34–37], определив тем самым новую тенденцию в исследовании драматургического дискурса, которая предполагает восприятие метатекстового элемента как смыслообразующего звена пьесы.

Н.Ю. Петрова исследует драматургический дискурс, руководствуясь методами и приемами лингвокогнитивного анализа, и предлагает рассматривать текст пьесы как массив знания, который имеет двухчастную структуру: 1) формат знания для исполнителей пьесы и ее зрителей; 2) формат знания для режиссера-постановщика.

Формат знания в первом случае представлен в диалоговой части текста пьесы, а во втором – актуализируется посредством авторского комментария.

Таким образом, для наиболее полного и адекватного понимания воспроизводимой коммуникативной ситуации необходимо рассматривать основной диалоговый корпус текста пьесы в совокупности с метатекстовыми элементами, которые, по мнению Н.Ю. Петровой, составляют когнитивную матрицу драматургического произведения [Петрова 2010, с. 42].

И.Б. Лимановская в своих трудах обращается к функциональному потенциалу авторской ремарки, отмечая, что последняя призвана компенсировать информацию, поступающую по визуальному каналу восприятия, утверждая, что ее особенность заключается в том, что она не предназначена для «озвучивания» в разговорной речи коммуникантов. Однако именно этот вид информации чрезвычайно важен для формирования наиболее полного представления о коммуникативной ситуации, задуманной драматургом. Кроме того, ремарка может служить комментарием относительно организации сценического пространства и действий, совершаемых персонажами пьесы, транслируя таким образом авторское видение конечного результата, которого следует достичь [Лимановская 2011, с. 226–227].

Необходимость принять во внимание авторский комментарий или паратекст подчеркивается К.В. Толчеевой. По мнению исследователя, «тело» пьесы, которое традиционно именуется словесным действием, взятое обособленно от авторской ремарки, не позволяет учесть в полной мере «полиморфное текстовое поле драмы» [Толчеева 2014, с. 125–126].

Действительно, нередко за пределами внимания исследователей остаются взаимоотношения в пределах пары «текст – паратекст», иными словами, вне фокуса внимания остается метатекстовый потенциал авторской ремарки по отношению к диалоговой части текста пьесы. Именно многоаспектное изучение собственно авторского текста или паратекста приобретает особую значимость для полноценного раскрытия смыслового содержания авторского текста пьесы. В связи с активным употреблением понятия «паратекст» необходимо пояснить значение данного термина. Впервые термин «паратекст» вводит французский лингвист Жан-Мари Томасо для замены таких узкоспециальных терминов, как «дидаскалии» и «сценические указания». Согласно определению исследователя, паратекст означает «текст (набранный курсивом или другим шрифтом, всегда зрительно отличающим его от другой части произведения), который сопровождает диалоги театральной пьесы» (Цит. по: [Титова 2019, с. 30]). Справедливости ради следует отметить, что понятие «паратекст» может включать в себя не только авторские ремарки, но также название пьесы, имя автора, предисловие, посвящение, эпиграф, список действующих лиц и различного рода комментарии [Genette 1997, p. 13].

Согласно исторической справке, паратекст считался вспомогательным, второстепенным элементом организации сценического действия. Такие функции он частично сохраняет и до сих пор, если речь идет о постановке, «верной тексту», однако современный подход допускает *интерпретацию* текста драмы, которая призвана реализовать лишь часть смыслов, заложенных в тексте произведения драматургии. Таким образом, паратекст перестает быть словом, подлежащим точной реализации, теперь основная задача паратекста – создание образа. Подтверждение данному суждению можно обнаружить в исследовании Н.И. Ищук-Фадеевой: «Ремарка не выполняет своей прямой функции, то есть не организует сцену, соединяя воедино слово, жест, паузу, сценографию. Ремарка не исполняет своего “драматического” долга потому, что сыграть написанное невозможно, как невозможно сыграть реализованную метафору. <...> То, что было откровенной пародией на традиционный театр, вскоре оформилось в новую эстетическую систему» [Ищук-Фадеева 2001, с. 12]. Однако и возможности обособиться, выйти на первый план по отношению к диалоговой части пьесы паратекст не имеет, поскольку он тесно связан с последней, подчинен ей, о чем сообщается в работах последователей Ж. Женнета, стоящего у истоков изучения паратекста: «Паратекст, разумеется, может обладать самостоятельной эстетической и идеологической ценностью, щегольством и парадоксальностью, но он всегда подчинен «своему» тексту, и эта функциональность определяет в конечном итоге его суть» [Женетт 2004, с. 189].

Таким образом, определить статус паратекста как абсолютно автономный или непременно зависимый не представляется возможным ввиду двойственной природы данного феномена, однако Е.В. Титова предлагает условно выделять два типа паратекста: *классический* или нормативный, номинативный, паратекст с небольшим количеством ремарок, и в противовес этому виду паратекста рассматривать *неклассический*, избыточный эпитетами, метафорами и другими средствами выразительности языка паратекст [Титова 2019, с. 32–33].

Интересный взгляд на проблему паратекста предлагается Л.Г. Тютеловой. Исследователь берет в основу принципы исторической поэтики М.М. Бахтина и рассматривает автора как субъект эстетической деятельности, при этом термин паратекст Л.Г. Тютеловой используется для обозначения материального выражения активности автора драмы. Подобное обозначение обнаруживается и в работе Т.Г. Ивлевой, которая утверждает, что основное средство выражения авторской позиции в пьесах – это именно паратекст. Ремарки, согласно исследователю, больше не являются второстепенным элементом, но становятся инструментом выражения авторской оценки и характеристики

персонажей [Ивлева 2001, с. 54]. Л.Г. Тютелова в своей работе делает сходные выводы: «Существенные диалогические отношения автора – героя – читателя в драме указывают на то, что паратекст перестает играть роль служебного текста и только по традиции сохраняет свое название» (Тютелова 2012, с. 22).

Поддерживая позицию исследователей, которые принимают во внимание особенности паратекста при изучении драматургического дискурса [Cherkunova, Starostina 2020], представляется целесообразным рассмотреть сюжетобразующие возможности авторской ремарки – ее участие в механизмах создания комического эффекта.

В связи с этим следует отметить прием, который заключается в создании связи между двумя уровнями текста пьесы: между диалоговой частью текста и авторской ремаркой, которые ранее рассматривались как относительно автономные языковые образования. Подобного рода связь возникает за счет удвоения некоторых лексем, которые были зафиксированы в репликах персонажей и в соотносимых с нею ремарках. Интересно заметить, что лексемы основного массива текста, дублированные паратекстом, являют собой нечто крайне трудновоспроизводимое при постановке пьесы. За счет подобного удвоения возникает ситуация абсурда, поскольку реципиент обычно вполне способен понимать информацию с первого раза и не нуждается в многократном ее повторении устами персонажа и «голосом» автора. Именно абсурдность удвоения становится причиной смеховой реакции реципиента. Обратимся к пьесе *The Comedy About a Bank Robbery* (авторы Генри Льюис, Генри Шилдс и Джонатан Сейер), которая изобилует авторскими приемами создания комического эффекта:

COOPER: First he was arrested for armed robbery but since then there have been other charges brought against him!

WARDEN: With conviction?

COOPER: (*spoken with conviction*) But since then there have been other charges brought against him! (Lewis Sayer Shields 2016, p. 15).

В данном случае авторская ремарка выступает в качестве «спускового механизма» в реализации каламбура. Комический эффект строится на двух значениях существительного *conviction*. В реплике персонажа Вардена реализуется значение «судебное обвинение», то есть мужчина продолжает диалог вопросом о причине заключения, собеседник же воспринимает вопрос *With conviction?* как приказ изменить тон голоса на более *обвиняющий* и повторяет предыдущую свою реплику *обвиняющим* тоном.

«Переключателем» смыслов в данном случае выступает авторская ремарка, дублирующая языковую единицу *conviction*, без которой каламбур был бы невозможен.

Избыточная на первый взгляд информация, заложенная в паратексте, создает атмосферу буффонады и в некоторой степени абсурдности, что и создает основу комизма данного эпизода.

Интересно отметить и взаимодействие отдельных авторских ремарок в рамках одного эпизода. При инсценировке телефонного разговора инспектора с высокопоставленными чиновниками авторы формулируют ремарки, используя синтаксический параллелизм, чтобы показать более высокий статус следующего оратора:

– *Lights up on the irritated Lieutenant on the phone.*

– *Lights up on the Captain in the same uniform as the Lieutenant but with a larger moustache and more badges. He is more angry than the Lieutenant.*

– *Lights up on the Superintendent in the same uniform but with an even larger moustache and even more badges. He is even more angry than the Captain.*

– *Lights up on the Commissioner in the same uniform but with an even larger moustache and even more badges. He is even more angry than the Superintendent.*

– *Lights up on the Chief of Police in the same uniform but with an even larger moustache and even more badges* (Lewis Sayer Shields 2016, p. 31–32).

Таким образом, повторение синтаксического рисунка ремарки позволяет объединить каждую из них в единый массив паратекста, который создает комический эффект. Обособленное восприятие изолированной ремарки не позволит ощутить комичности ситуации в полной мере.

Аналогичный прием обнаруживается в начале второго акта при инсценировке схожего по сюжетному рисунку телефонного разговора.

– *Phone ringing. Lights up on the Lieutenant answering the phone. He is standing knee-deep in a pile of paper work.*

– *The Lieutenant hits a button on his phone. Light up on the Captain standing in paperwork up to his waist. He is more angry than the Lieutenant.*

– *He hits a button on the phone. Light up on the Superintendent in paperwork up to his stomach. He is even more angry than Captain.*

– *He hits a button on the phone. Light up on the Commissioner in paperwork up to his chest. He is even more angry than Superintendent.*

– *He hits a button on the phone. Light up on the Chief of Police up to his neck in paperwork.* (Lewis Sayer Shields 2016, p. 52–53).

В этих примерах, как и в предыдущем комплексе ремарок, наряду с синтаксическим параллелизмом, усиливающим напряжение и комичность, наблюдается некоторое повышение статуса говорящих: в первом случае это происходит за счет большего размера усов и знаков отличия, а во втором – за счет высоты стопки документов, однако в обоих случаях этот маркер не является действительным индикатором высокого статуса в реальной жизни. Подобная закономерность демонстри-

рует принцип несоответствия действительности и событий, происходящих на сцене, что становится причиной смеховой реакции реципиента.

Принцип несоответствия также ложится в основу комизма пьесы *The Play that Goes Wrong*, написанной теми же драматургами. Авторы мастерски освоили технику работы с ремарками, которые не просто комментируют события, но задают сюжетную линию, вступая во взаимодействие с диалогической частью пьесы, создавая тем самым комический эффект. Название пьесы говорит само за себя. Руководствуясь принципами модернизма при создании комедии, авторы позволяют зрителям стать персонажами пьесы и увидеть, как постановка срывается из-за многочисленных недоработок как со стороны актеров, так и со стороны декораторов, а также людей, отвечающих за реквизит. Авторы на протяжении всей комедии высвечивают несоответствие идеального хода пьесы и действительного ее сценического воплощения. Паратекст намеренно подчеркивает искусственность происходящего в противовес идеалу, максимально приближенному к естественному отражению хода человеческой жизни.

Так, в следующих ремарках камень бросается в «огород» реквизиторов и звукотрансляторов:

– *Opens the curtains to reveal falling paper snowflakes. Closes the curtains again* (Lewis Sayer Shields 2012, p. 13).

– *He goes to leave through the door, but it still won't budge. He opens the front of the long-case clock next to the door and gets inside instead* (Lewis Sayer Shields 2012, p. 36).

– *A musical spike plays again. The spike plays for far too long* (Lewis Sayer Shields 2012, p. 21).

– *All gasp and face out. Silence. The cast wait for a sound effect that doesn't happen. Eventually a loud door chime sounds, late* (Lewis Sayer Shields 2012, p. 34).

Авторские ремарки содержат замечания и в адрес актеров и их партнеров по актерскому цеху:

– *The door suddenly bursts open revealing Max, Trevor, Annie and two members of Stage Crew who have all be attempting to open it. They all quickly run off* (Lewis Sayer Shields 2012, p. 41).

– *He sits on the chaise longue and discovers a ledger under the cushions. In confusion he moves it under the chaise longue* (Lewis Sayer Shields 2012, p. 44).

Приведенные выше авторские ремарки, совсем не примечательные на первый взгляд, высвечивают комичность ситуации, отражая ход вещей, который должен был быть совсем иным, по представлению зрителя, однако задумка автора строится на разрушении ожидания зрителя, тем самым активируя прием обманутого ожидания, который, согласно Н.В. Поддубной, становится предпосылкой для возникновения комического эффекта (Поддубная 2012).

Заключение

Итак, как показали наши наблюдения, закономерность создания комического эффекта в условиях драматургической коммуникации обусловлена паратекстом, который размещается в базовом текстовом пространстве проанализированных пьес. В своих пьесах авторы активно используют паратекст во взаимодействии с основным текстом, при этом текст пьесы строится таким образом, что диалоговая часть, взятая обособленно от авторского комментария, предстает перед реципиентом в совершенно нейтральной форме, в то время как в сочетании с паратекстом фрагмент приобретает совершенно новый комический оттенок, который, в свою очередь, обусловлен реализацией принципа абсурдности, принципа несоответствия и принципа обманутого ожидания.

Материалы исследования

Lewis, Sayer, Shields 2016 – *Lewis H, Sayer J, Shields H*. The Comedy About a Bank Robbery. Bloomsbury, London, 2016, 114 p.

Lewis, Sayer, Shields 2012 – *Lewis H., Sayer J., Shields H*. The Play that Goes Wrong. Bloomsbury. London, 2012. 82 p.

Поддубная 2012 – *Поддубная Н.Н.* Приемы и средства создания комического эффекта в шванке российских немцев: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Барнаул, 2012. 231 с.

Тютелова 2012 – *Тютелова Л.Г.* Поэтика субъектной сферы русской драмы XIX века: от драматургии романтиков к драматургии А.П. Чехова: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Самара, 2012. 43 с.

Библиографический список

Austin 1962 – *Austin J.L.* How to do things with words. Oxford, 1962. 213 p. URL: <https://michaeljohnsonphilosophy.com/wp-content/uploads/2013/04/austin-how-to-do-things-with-words.pdf>.

Buzarov 1998 – *Buzarov V.V.* Essentials of Conversational English Grammar. Moscow, 1998. 265 p. Available at: <https://knigogid.ru/books/1188426-prakticheskaya-grammatika-razgovornogo-angliyskogo-yazyka-essentials-of-conversational-english-grammar>.

Genette 1997 – *Genette G. Paratexts: Thresholds of Interpretation*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997. 427 p. URL: https://www.almendron.com/tribuna/wp-content/uploads/2017/06/genette_gerard_paratexts_thresholds_of_interpretation.pdf.

Cherkunova, Starostina 2020 – *Cherkunova M.V., Starostina Ju.S.* English announcements of cultural events: structural and semantic approach to expressiveness // *EpSBS European Proceedings of Social AND Behavioural Sciences: Proceedings of the Philological Readings (PhR 2019), Orenburg, 2019; London, United Kingdom: EPSBS European Proceedings of Social AND Behavioural Sciences, 2020. P. 725–732.* URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44311439>. EDN: <https://elibrary.ru/cqsuyu>.

Женетт 2004 – *Женетт Ж.* Посвящения / пер., вступ. ст., примеч. Л. Семеновой // *Антропология культуры, 2004. Вып. 2. С. 187–218.* URL: https://vk.com/doc26038490_442837947?hash=DkFLWbcwdh3HgZjwGnR7fjsxrEYvOeRTcmcfWgMjO9k&dl=JvLPWi3atrYiiGipCx5IFxCwWwmfndcWyjGvGgbnsGk.

Ивлева 2001 – *Ивлева Т.Г.* Автор в драматургии А.П. Чехова. Тверь: Тверской государственный университет, 2001. 131 с. URL: http://teatrsemya.ru/lib/teatr/dramaturgiya/ivleva_t.g-avtor_v_dramaturgii_a.p-chekhova.pdf.

Ищук-Фадеева 2001 – *Ищук-Фадеева Н.И.* Ремарка как знак театральной системы: К постановке проблемы // *Драма и театр: сб. науч. тр. Вып. 2. Тверь: Тверской государственный университет, 2001. С. 5–16.* URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23190546>. EDN: <https://elibrary.ru/tmnlkt>.

Лимановская 2011 – *Лимановская И.Б.* Взаимодействие англоязычного драматургического дискурса с функциональным потенциалом авторской ремарки // *Вестник Самарского государственного университета. 2011. № 1–1 (82). С. 225–230.* URL: <https://journals.ssau.ru/hpp/article/view/3610>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=17265749>. EDN: <https://elibrary.ru/ncbdlk>.

Петрова 2010 – *Петрова Н. Ю.* К вопросу о канонах построения пьес (когнитивно-дискурсивный аспект) // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 1. С. 42–45.* URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-kanonah-postroeniya-pies-kognitivno-diskursivnyy-aspekt>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=15179805>. EDN: <https://elibrary.ru/muerin>.

Титова 2019 – *Титова Е.В.* Драматургический паратекст: к постановке проблемы // *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2019. № 2–1. С. 30–40.* URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dramaturgicheskiy-paratekst-k-postanovke-problemy>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=39195464>. EDN: <https://elibrary.ru/xckkex>.

Толчеева 2014 – *Толчеева К.В.* Изучение драматургического паратекста в отечественной науке: проблемы типологии и взаимодействия с драматургическим диалогом // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 2. С. 125–129.* URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-dramaturgicheskogo-parateksta-v-otechestvennoy-nauke-problemy-tipologii-i-vzaimodeystviya-s-dramaturgicheskim-dialogom>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=21614901>. EDN: <https://elibrary.ru/sezzbl>.

Шилков 2002 – *Шилков Ю.М.* О природе фикционального дискурса // *Я. (А. Селин) и МБ: к 70-летию профессора Ярослава Анатольевича Селина. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 606–632.* URL: <http://anthropology.ru/ru/text/shilkov-yum/o-prirode-fikcionalnogo-diskursa>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=23934875>. EDN: <https://elibrary.ru/udyfd>.

References

Austin 1962 – *Austin J.L.* (1962) *How to do things with words*. Oxford, 213 p. Available at: <https://michaeljohnsonphilosophy.com/wp-content/uploads/2013/04/austin-how-to-do-things-with-words.pdf>.

Buzarov 1998 – *Buzarov V.V.* (1998) *Essentials of Conversational English Grammar*. Moscow, 265 p. Available at: <https://knigogid.ru/books/1188426-prakticheskaya-grammatika-razgovornogo-angliyskogo-yazyka-essentials-of-conversational-english-grammar>.

Genette 1997 – *Genette G.* (1997) *Paratexts: Thresholds of Interpretation*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 427 p. Available at: https://www.almendron.com/tribuna/wp-content/uploads/2017/06/genette_gerard_paratexts_thresholds_of_interpretation.pdf.

Cherkunova, Starostina 2020 – *Cherkunova M.V., Starostina Ju.S.* (2020) English announcements of cultural events: structural and semantic approach to expressiveness. In: *EpSBS European Proceedings of Social AND Behavioural Sciences: Proceedings of the Philological Readings (PhR 2019), Orenburg, 2019; London, United Kingdom: EPSBS European Proceedings of Social AND Behavioural Sciences, pp. 725–732.* Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44311439>. EDN: <https://elibrary.ru/cqsuyu>.

Genette 2004 – *Genette G.* (2004) Dedications. Translation, introductory article, notes by Semenova L. In: *Culture Anthropology*, no. 2, pp. 187–218. Available at: https://vk.com/doc26038490_442837947?hash=DkFLWbcwdh3HgZjwGnR7fjsxrEYvOeRTcmcfWgMjO9k&dl=JvLPWi3atrYiiGipCx5IFxCwWwmfndcWyjGvGgbnsGk. (In Russ.)

Ivleeva 2001 – *Ivleeva T.G.* (2001) Author in the plays of A.P. Chekhov. Tver: Tverskoi gosudarstvennyi universitet, 131 p. Available at: http://teatrsemya.ru/lib/teatr/dramaturgija/ivleva_t.g-avtor_v_dramaturgii_a.p-chekhova.pdf. (In Russ.)

Ischuk-Fadeeva 2001 – *Ischuk-Fadeeva N.I.* (2001) Remark as a sign of the theatre system: To the problem statement. In: *Drama and theatre: collection of scientific works*, issue 2. Tver: Tverskoi gosudarstvennyi universitet, pp. 5–16. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23190546>. EDN: <https://elibrary.ru/tmmlkt>. (In Russ.)

Limanovskaya 2011 – *Limanovskaya I.B.* (2011) Interaction of the English-language dramatic discourse with the functional potential of the author's remark. *Vestnik of Samara University*, no. 1–1 (82), pp. 225–230. Available at: <https://journals.ssau.ru/hpp/article/view/3610>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=17265749>. EDN: <https://elibrary.ru/ncbdlk>. (In Russ.)

Petrova 2010 – *Petrova N.Y.* (2010) Cognitive and discursive approach to the conventional structure of plays. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 42–45. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-kanonah-postroeniya-pies-kognitivno-diskursivnyy-aspekt>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=15179805>. EDN: <https://elibrary.ru/muerin>. (In Russ.)

Titova 2019 – *Titova E.V.* (2019) The dramaturgic paratext. Towards the definition of an issue. *RGGU Bulletin. Series: Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies*, no. 2–1, pp. 30–40. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/dramaturgicheskiy-paratekst-k-postanovke-problemy>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=39195464>. EDN: <https://elibrary.ru/xckkex>. (In Russ.)

Tolcheeva 2014 – *Tolcheeva K.V.* (2014) Major approaches to dramatic paratext in Russian linguistics. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 125–129. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-dramaturgicheskogo-parateksta-v-otechestvennoy-nauke-problemy-tipologii-i-vzaimodeystviya-s-dramaturgicheskim-dialogom>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=21614901>. EDN: <https://elibrary.ru/sezzbl>. (In Russ.)

Shilkov 2002 – *Shilkov Ju.M.* (2002) On the nature of functional discourse. In: *I (A. Slinin) and WE: on the 70th anniversary of Professor Yaroslav Anatolyevich Slinin*. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, pp. 606–632. Available at: <http://anthropology.ru/ru/text/shilkov-yum/o-prirode-fikcionalnogo-diskursa>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=23934875>. EDN: <https://elibrary.ru/udtyfd>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81-23

Дата поступления: 19.07.2022

рецензирования: 22.08.2022

принятия: 28.08.2022

**Типология видов общения: от традиционных линий дифференциации
к новым соотношениям****Т.Б. Назарова**Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Российская ФедерацияE-mail: tamara_nazarova@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6352-988X>

Аннотация: В статье рассматриваются традиционные линии дифференциации, разработанные в связи с типологией видов общения отечественными и зарубежными специалистами в разных областях знания, и предлагаются новые соотношения, не только дополняющие общепринятый перечень, но и приближающие всех, кто интересуется теорией и практикой коммуникации, к более объемному видению и восприятию многообразия процессов общения с присущими им свойствами контекстуальной и функциональной динамики. С применением разнообразного аутентичного материала демонстрируются и уточняются ставшие привычными традиционные противопоставления и обосновываются целесообразные новые линии дифференциации, что ведет в более последовательному выявлению многообразия граней в подлинном объеме развернутых произведений речи на современном английском языке.

Ключевые слова: общение; вид общения; типология; линия дифференциации; объем коммуникации.

Цитирование. Назарова Т.Б. Типология видов общения: от традиционных линий дифференциации к новым соотношениям // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 3. С. 117–126. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-117-126>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Назарова Т.Б., 2022

Тамара Борисовна Назарова – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языкознания, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, 1.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 19.07.2022

Revised: 22.08.2022

Accepted: 28.08.2022

**Typology of communication: from traditional lines of differentiation
to new correlations****T.B. Nazarova**

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

E-mail: tamara_nazarova@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6352-988X>

Abstract: In the article, the traditional typology of communication with the generally acknowledged twelve lines of differentiation is expanded to include several additional correlations that allow all those interested in both communication theory and communication skills to arrive at an increasingly multidimensional view of human interaction with its intrinsic contextual and functional diversity. Authentic samples of material are used to demonstrate the difference between types and subtypes within an increasingly wide range of communicative events and at the same time to account for the need to add several new dichotomies as well as trichotomies that bring language researchers and language users closer to revealing and approximating the layered complexity of the communication process at large.

Key words: communication; type of communication; typology; line of differentiation; volume of communication.

Citation. Nazarova T.B. Typology of communication: from traditional lines of differentiation to new correlations. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* = *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 28, no. 3, pp. 117–126. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-117-126>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Назарова Т.Б., 2022

Тамара В. Назарова – Доктор филологических наук, профессор, Департамент английского языкознания, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, 1.

Введение

Начало нового тысячелетия ознаменовано возвратом к обсуждению взаимосвязанной совокупности актуальных проблем и вопросов непреходящего значения. Перечислим некоторые из тех, что являются, по признанию профессионалов разных поколений, разных научных школ и разных национальных культур, самыми безотлагательными и востребованными среди представителей разных сообществ как Российской Федерации, так и многих стран мира: общение (и/или коммуникация), коммуникативное событие и коммуникативный акт, функции общения и функции коммуникативных актов, типы коммуникантов, нормы общения и правила общения, принципы общения и законы общения, межкультурная коммуникация и глобальное коммуникативное пространство. В этом смысле весьма примечательны две тенденции, распознаваемые на разных уровнях и в разных контекстах: первая заключается в поступательном развитии научной теории с планомерным обобщением наблюдений над многообразием видов и подвидов общения и серьезнейшими выводами и рекомендациями, что подтверждается возрастающим количеством специальных научных публикаций и исследований как процесса общения, так и содержания общения. Вторая тенденция парадоксальным образом свидетельствует о том, что практики – специалисты, обучающие, с одной стороны, разным языкам как средствам общения и, с другой стороны, основам общения в устной и письменной формах, не всегда осведомлены об успехах и достижениях научного теоретизирования, о разнообразных наблюдениях, выводах, разъяснениях, рекомендациях и предписаниях ученых-теоретиков в области коммуникативистики, что, кстати, сближает специалистов-практиков с носителями обыденного сознания, не подозревающими о том, что многие проблемы общения (и коммуникации) решены или могут быть решены со знанием дела теми, кто десятилетиями размышлял над особенностями общения, трудностями и препятствиями в общении индивидов, групп, организаций и культур, своевременно привлекая внимание к тому обстоятельству, что общество в целом и разные виды сообществ (формальных и неформальных) все чаще и ошутимее сталкиваются с проблемой общения, со снижением уровня культуры общения и с отсутствием навыков и умений корректного общения в многонациональных государствах и, шире, в глобальном коммуникативном пространстве. «Если люди не научатся общаться друг с другом в духе уважения и толерантности, конфликты, нетерпимость, агрессия, бескультурье в обществе неизбежны. ...культура общения – фактор интеграции людей, и от состояния общения в обществе во многом зависит интегрированность самого общества» [Чарыкова, Попова, Стернин 2012, с. 241–242].

Разрыв теории и практики, о котором говорилось выше, представляется весьма удивительным,

так как в работах отечественных и зарубежных специалистов неизменно подчеркивалась роль общения и последовательно обращалось внимание на проблемы, возникающие в этой области. Хочется коротко остановиться на нескольких учебных курсах, которые были подготовлены в новом тысячелетии и содержат немало существенных положений и корректных интерпретаций. В одном из курсов описываются модели коммуникативной деятельности и разъясняются особенности межличностной коммуникации, обосновывается целесообразность определения понятия «коммуникативная личность», намечаются семиотические границы социума и суть межкультурной коммуникации [Кашкин 2007]; в другом курсе, подготовленном коллективом авторов, раскрывается суть понятия «общение» и описываются виды коммуникации с особым вниманием к общению как социальному явлению, функциям общения, поведению человека в общении, законам общения [Чарыкова, Попова, Стернин 2012; Таранов 2007; Стернин 2009]; в учебном курсе М.А. Кулинич и О.А. Костровой детально обсуждаются такие ключевые понятия, как «культура» и «культурная грамотность»; составители курса подчеркивают национально-культурное своеобразие языковой модели мира, описывают небезоблачные составляющие коммуникации, подчеркивают национально-культурную специфику речевого поведения с особым вниманием к стереотипам и проблемам межкультурной коммуникации [Кулинич, Кострова 2017; Таранов 2007; Стернин 2009]. Нельзя не упомянуть о той важной роли, которую выполняет научный журнал «Современная коммуникативистика», вовлекая представителей научной общественности в обсуждение и уточнение объекта и предмета коммуникативистики, ее границ, содержания, а также перспектив развития направлений и поднаправлений коммуникативистики как науки об особенностях различного рода взаимодействий внутри социальных (человеческих) систем [Гойхман 2012; Кравченко 2013]. Существенный вклад в объединение усилий теоретиков и практиков в области коммуникативистики вносит Российская коммуникативная ассоциация (РКА), организовавшая к настоящему моменту несколько международных конференций с участием представителей разных областей знания, сфер деятельности, стран и национальных культур. Следует добавить к сказанному, что теоретические и практические аспекты коммуникации неизменно рассматривались в многочисленных работах зарубежных ученых на протяжении продолжительного периода времени с пристальным вниманием к вербальной и невербальной коммуникации, последовательной детализации особенностей организационной культуры и межкультурной коммуникации, категоризации основных понятий деловой коммуникации [Adler 1999; Leathers 1997; Pilbeam 1998, 2004; Tomalin, Nicks 2007; Samovar, Porter, McDaniel 2009; Waechter 2018].

Термин «общение» и его научное определение с уточнениями и дополнениями

Одно из наиболее развернутых толкований термина «общение» вполне обоснованно используется многими специалистами – как теми, кто исследует коммуникацию, так и теми, кто преподаёт курс межкультурной коммуникации и все чаще и чаще курс коммуникативистики. Это определение заслуживает внимания и тем более того, чтобы привести его полностью: «общение – это осознанный, рационально оформленный, целенаправленный информационный обмен между людьми, сопровождающийся индивидуализацией собеседников, установлением эмоционального контакта между ними и обратной связью» [Чарыкова, Попова, Стернин, 2012, с. 212].

Рассмотрим приведенное определение под разными углами. Как хорошо известно всем, кто использует терминологию профессионально, даже самое развернутое и научно обоснованное определение не может охватить всех аспектов понятия, о котором идет речь. В каждом конкретном случае объективная реальность с трудом поддается рациональному толкованию в рамках словарного определения. Постоянно требуется соотношение исходной дефиниции с той или иной сферой функционирования или специальной областью знания. В нашем случае необходимо сопоставить (соотнести и сравнить) исходное определение с реальностью общения и с тем, что происходит в конкретных ситуациях взаимодействия двух и более индивидов. Начнем с того, что в приведенном определении подчеркивается осознанность происходящего в процессе общения, что оставляет за пределами толкования коммуникативные моменты, которые имеют место неосознанно, помимо воли одного из коммуникантов (но, возможно, и всех участников коммуникативного события). Это наблюдение делает необходимым мысленное включение в рассматриваемое толкование и неосознанных моментов, что позволяет подчеркнуть факт сосуществования в речевой коммуникации сознательного, осмысленного и вербализованного, с одной стороны, и тех проявлений коммуникативного поведения, которые не всегда осознанно реализуются говорящим (или его собеседником и собеседниками) в процессе общения – с другой.

Нельзя не упомянуть и о том, что высказывания, которыми собеседники обмениваются по ходу общения, не всегда рационально организованы, что подтверждается многочисленными корпусами аутентичного речеупотребления. Составители корпусов обращают внимание на обилие оговорок, ошибок, вокализованных пауз и непреднамеренных повторов в высказываниях участников самых разных коммуникативных ситуаций (O'Keefe, McCarthy, Carter 2007; LGSWE 1999) [Leech 1998, 2008]. Явная нерациональность оформления речевой цепи зависит от целого ряда обстоятельств: спонтанность общения, неуверенность в себе говорящего, эмоционально-возбужденное состояние

одного из собеседников, недостаточное владение языком, который служит средством общения. Более того, общение не может быть сведено только к обмену информацией и к собственно информативной функции, так как в реальных ситуациях коммуникативного взаимодействия важны и другие составляющие, например: эмоционально-психологические моменты, использование средств речевого воздействия, недосказанность, намеки и, шире, косвенная коммуникация.

Не без сожаления следует подчеркнуть и то обстоятельство, что весьма часто даже в общении людей, связанных дружескими узами или принадлежностью к определенному профессиональному сообществу, коммуникативное взаимодействие может не сопровождаться в целом (или не сопровождается в конкретных ситуациях по тем или иным причинам) индивидуализацией собеседников; имеются в виду такие ситуации, когда, например, один из двух собеседников индивидуализирует общение, принимая во внимание личность вовлеченного в диалог коллеги/знакомого/друга и т. д., в то время как второй собеседник ограничивается простейшими приемами общения без должной индивидуализации (и это происходит по разным причинам – психологическим, физиологическим, осознанным, но, возможно, не всегда отчетливо осознаваемым; не следует исключать и моментов преднамеренности в таком снижении уровня индивидуализации общения).

Есть потребность в поправках и в связи с двумя другими аспектами, упоминаемыми в нашем исходном и в высшей степени полезном определении термина «общение» – установление эмоционального контакта и осуществление обратной связи. Эти два момента заставляют задуматься о таких не менее существенных понятиях коммуникативистики, как «коммуникант» и «тип коммуниканта» (или типы коммуникантов). Например, коммуникант, который в моей классификации типов коммуникантов обозначается термином «отзеркаливатель», редко индивидуализирует собеседника, отзеркаливая в процессе общения (кратковременно или продолжительное время) то, что собеседник говорит, или то, как он говорит. Другой тип коммуниканта, традиционно называемый «мобильным коммуникантом», общающийся с огромным количеством людей, общающийся легко и без ощутимых препятствий, не всегда задумывается о необходимости обратной связи и тем более не заботит себя установлением долгосрочных взаимоотношений. Есть и другие типы коммуникантов, представленные в классификациях, разработанных психологами, лингвистами и филологами. Каждый из традиционно перечисляемых типов коммуникантов и новых типов коммуникантов, обоснованных в статье, специально посвященной этой проблематике («Типы коммуникантов: традиционные классификации и новые категоризации» [Назарова 2022]), может быть рассмотрен с точки зрения установления эмоционального контакта

и обратной связи. В настоящей же статье основная задача связана прежде всего с типологией видов общения и необходимостью расширения имеющихся традиционных перечней за счет новых линий дифференциации [Назарова 2003].

Немаловажно и то обстоятельство, что в русскоязычной практике термин «общение» сосуществует с термином «коммуникация», который является многозначным термином и, что неудивительно, сопровождается большим количеством определений и толкований. Приведем некоторые из многочисленных определений, включенных в один из разделов книги «Язык и межкультурная коммуникация» [Тер-Минасова 2007]: коммуникация – акт общения, связь между двумя и более индивидами, основанная на взаимопонимании; сообщение информации одним лицом другому или ряду лиц. Коммуникация – сообщение, общение. Коммуникация – акт обмена (особенно новостями). Коммуникация – акт или процесс передачи информации другим людям или живым существам [Тер-Минасова 2007, с. 12; Тер-Минасова 2000]. В настоящей статье хотелось бы подчеркнуть, что оба термина нужны как в теоретическом плане, так и в связи с практикой обучения основам общения. Эти термины взаимосвязаны и пересекаются в разных контекстах, например: устное общение и устная коммуникация, письменное общение и письменная коммуникация, деловое общение и деловая коммуникация. Добавим к перечисленным видовым терминам еще несколько, отличающихся повышенной частотностью в разных типах дискурса: профессиональная коммуникация, межкультурная коммуникация, межличностное общение, интраперсональная коммуникация, групповая коммуникация, массовая коммуникация, общение в деловых целях, общение в профессиональных целях, неформальное общение.

Типология видов общения: традиционные линии дифференциации

Общение представляет собой сложное явление, которое характеризуется свойствами процессуальности, континуальности и контекстуальности [Кашкин 2007, с. 8]. Понимание этого сложного явления требует наблюдений над многообразием ситуаций общения и, вне всякого сомнения, планомерного анализа происходящего с последовательным выявлением, выделением, обособлением отдельных составляющих, которые в реальности межличностного общения, групповой и массовой коммуникации связаны друг с другом неразрывно, содействуя формированию объема коммуникации индивидов и организаций. Разъятие процесса общения на составные элементы, расчленение глобальности общения на типы и подтипы – необходимый этап понимания общения и его научного описания. Эта динамика глобальности и расчлененности не менее значима и для целей обучения – разным языкам (родному и иностранным) как средствам общения и, что немаловажно, культуре

общения в устной и письменной формах в монокультурных и мультикультурных сообществах.

Усилиями многих поколений специалистов, последовательно изучавших общение с типологической точки зрения, обоснованы по меньшей мере **12 линий дифференциации** с учетом 12 исходных критериев (или опорных параметров) [Чарыкова, Попова, Стернин 2012, с. 215–230]. Представленный ниже перечень демонстрирует общепринятые соотношения и линии дифференциации. Обсуждение этих традиционных разграничений и их короткое описание будут осуществляться в движении от материала к опорному критерию и, соответственно, к определенной линии дифференциации и типу общения (type) с разъяснением разнообразия связанных с каждым из них подтипов (subtype / subtypes). Такой пошаговый подход сделает более обоснованным предлагаемый в настоящей статье перечень новых соотношений и линий дифференциации в дополнение к имеющейся и ставшей традиционной типологии общения.

Первыми даны три фрагмента из трех разных интеллектуальных англоязычных источников. В виде дополнения к ним дается четвертый фрагмент, который взят из британского учебного пособия, подготовленного корпусными специалистами именно с целью демонстрации того, что имеет место в реальном общении естественных носителей языка. По мере чтения каждого из четырех образцов материала мы обнаруживаем и объективируем различия между ними по затрагиваемым в них вопросам и, шире, темам. Нет сомнений в том, что имеются и другие многочисленные отличия, которые заставят нас возвращаться к этим образцам по мере обсуждения избранной проблематики. Тем не менее первой особенностью и первым критерием, а значит, и первой линией дифференциации становится тематическое разнообразие происходящего в общении.

Фрагмент № 1

How dictionaries work

A dictionary is a reference book that lists the words of one or more languages, usually in alphabetical order, along with information about spelling, pronunciation, grammatical status, meaning, history, and use. The process of compiling dictionaries is known as *lexicography*, and the people who carry out this task are *lexicographers*.

(Crystal 2007, p. 210)

Фрагмент № 2

SODRÉ: I think we read novels primarily for the pleasure of being told a story and being able to imagine new worlds, and the different ways in which we relate to these very ‘real’ imaginary people, the characters in fiction. The first time we met, you joked about reinstating ‘the pleasure principle’ in novel reading!

BYATT: I think it struck both of us that in this novel (обсуждается роман Mansfield Park – Т.Н.) the family structure is at the centre. We both felt, didn’t we, that this is clear from that very first paragraph about Lady Bertram?

SODRÉ: Yes, I think it is interesting that Jane Austen starts with the three Ward sisters, because sibling relationships are going to be of central importance throughout the novel: definitely one of the things she wanted to explore, and we want to explore. (Byatt, Sodré 1997, p. 3)

Фрагмент № 3

And what would you say was the most important turning point in your life?

Getting out of there (обсуждается вторая из временных работ героя книги – известного писателя Герберта Уэллса – draper's apprenticeship). The place was exactly as I had feared. If you've read my novel *Kipps* you'll know what it was like. Wage-slavery, made all the worse somehow – worse than a factory or a mine, where the manners would be as rough as the work – by the fact that the nature of the trade required us to mimic the gentility of our customers. I was suffocating in an atmosphere of false gentility and petty cash – what a redolent phrase that is, *petty cash!* Everything was petty in that world – the ideas, the conversations, the flirtations, the ambitions. (Lodge 2012, p. 47–48)

Фрагмент № 4

[Speakers are talking about an area in the South of England]

S1: I'd love to see it in the summer.

S2: Lovely.

S3: Oh in summer it's beautiful. Er Alice's mum and dad they, they loved going around there.

S1: What I didn't realize was that there are all these little canals and +

S3: Oh yeah. Yeah.

S1: + it's just like, almost like the fen land.

(O'Keefe, McCarthy 2007, p. 133)

Первые три отрывка из вышеприведенных четырех максимально приближены к науке о языке и, шире, филологии: в первом из трех отрывков говорящий (в данном случае пишущий) разъясняет несколько ключевых понятий лексикографии; во втором фрагменте два известных профессионала – писатель и психолог – обсуждают роман *Mansfield Park*; третий образец представляет собой отрывок диалога с участием главного героя всего повествования: известный писатель Герберт Уэллс рассказывает о своем детстве и весьма эмоционально делится впечатлениями о том, как он перебивался временной работой в разных местах и в разных жизненных обстоятельствах. При некоторой гуманитарной общности всех трех образцов совершенно очевидна изменчивость в выборе темы, и это дает некоторое представление о первой линии дифференциации при обсуждении типологии видов общения – дифференциация **по теме общения**. Четвертый фрагмент взят из диалога трех друзей; общение носит бытовой характер с быстрым обменом короткими репликами без особой детализации предмета обсуждения.

В реальности общения возможны более очевидные переходы и изменения темы, как это происходит в политической коммуникации, научном общении, деловой коммуникации и других многочисленных типах дискурса – педагогического, философского, медицинского, юридического, каждый из которых демонстрирует «погружение в жизнь» общающихся индивидов. Преобладание той или иной темы (и тех или иных тем) зависит от того профессионального и/или неформального сообщества, к которому относятся малые, средние и более крупные группы коммуникантов. В англоязычной методологии и терминологии есть полезный составной термин *community of practice*, используемый для обозначения огромного разнообразия формальных и неформальных сообществ.

Продолжая рассмотрение сформулированной проблематики, вернемся к материалам, приведенным выше, и посмотрим на них с точки зрения того, кто и с кем обсуждает те или иные вопросы и темы. Иначе говоря, мы переходим к следующей линии дифференциации, с опорой на которую можно выявить один из четырех возможных видов общения **по составу коммуникантов**: интраперсональная коммуникация (*intrapersonal communication*), межличностная коммуникация (*interpersonal communication*), групповая коммуникация (*group communication*) и массовая коммуникация (*mass communication*). Отрывки, носящие диалогический и полилогический характер, т. е. фрагменты второй, третьей и четвертой, убедительно иллюстрируют межличностное общение, в то время как первый фрагмент может быть отнесен к групповой коммуникации (и даже массовой), так как в нем аудитория воспринимающих это сообщение пространственно рассредоточена, не ограничивается двумя (или тремя) собеседниками и распространяется либо на большую группу читателей – специалистов в области лексикологии и лексикографии, либо на массовую аудиторию всех интересующихся вопросами языка и его словарного состава.

Одно совершенно очевидно: среди представленных выше четырех образцов мы не найдем примера интраперсональной коммуникации, которая представляет собой сложный процесс первичной регистрации мыслей и чувств человека в его ментальном пространстве (Кириллова 2011). В интраперсональной коммуникации проявляются те составляющие личности коммуниканта, которые, как правило, скрыты от посторонних глаз и блокируются сознанием в силу социально-этических условностей. «В зависимости от внешней ситуации и разнообразных индивидуальных установок во внутренней речи актуализируются скрытые когнитивные и речевые процессы, которые реализуются в различных структурно-семантических формах: от кратких реплик до развернутых монологов и диалогов, перетекающих в поток сознания. Каждая из этих форм имеет свои структурные, функ-

циональные, лексические и синтаксические особенности» (Кириллова 2011, с. 5).

Далее обсуждая приведенный материал, целесообразно время от времени возвращаться к каждому из четырех фрагментов с точки зрения тех традиционных линий дифференциации, которые перечисляются ниже, дополняя первые две линии дифференциации (по теме общения и по составу коммуникантов) и позволяя тем самым выявлять еще больше взаимосвязанных граней в коммуникативном взаимодействии собеседников как объемном и динамичном явлении: **по направленности на аудиторию** – узконаправленная, широконаправленная, массовая; **по цели общения** – деловая, т. е. целенаправленная коммуникация (purposeful communication) в отличие от общения, направленного на развлечение (entertainment), или на общение ради общения (social communication); **по степени официальности** (официальная в отличие от неофициальной); **по форме общения** (закрытая, открытая, смешанная); **по свободе выбора партнера** (инициативное общение в отличие от принудительного, т. е. недобровольного); **по степени проявления личности в общении** (обезличенное в отличие от личностного, т. е. индивидуализированного); **по продолжительности общения** (кратковременное в отличие от длительного, периодическое в отличие от постоянного); **по соотношению формы и содержания** (прямая коммуникация в отличие от косвенной коммуникации); **по числу этносов, участвующих в общении** (монокультурная коммуникация в отличие от межкультурной коммуникации); **по соотношению собственно вербальной и невербальной коммуникации** [Чарыкова, Попова, Стернин 2012, с. 215–230].

Вернемся к фрагменту № 4 и расширим сказанное о нем ранее с опорой на перечисленные выше 10 линий дифференциации. Этот образец, включенный в аутентичный корпус материалов авторитетного учебного пособия британских специалистов, демонстрирует следующее сочетание видов и подвидов общения: это узконаправленная коммуникация, общение ради общения (= неделовое), неформальная коммуникация в узком кругу друзей, открытая коммуникация хорошо знакомых людей, индивидуализированное общение (оно учитывает знание каких-то фактов и предполагает общие фоновые сведения), скорее всего это длительное и постоянное общение, прямая коммуникация, монокультурная коммуникация, вербальная коммуникация в неразрывной связи с некоторыми из несловесных сигналов, как это обычно имеет место в непосредственном общении друзей и близких знакомых (жестикация, взгляд, мимика, дистанция, расположение).

Двигаясь от фрагмента к фрагменту с использованием перечисленных параметров и соотносимых с ними видов и подвидов общения, мы можем при желании получить различающиеся профили трех образцов материала (фрагменты № 1, № 2,

№ 3) в сопоставлении с описанным выше фрагментом № 4.

Типология видов общения: обоснование новых линий дифференциации

Если еще раз вернуться в фрагменту, обсуждаемому в конце предыдущего раздела настоящей статьи с точки зрения традиционной типологии видов общения, можно убедиться в том, что приведенные наблюдения не исчерпывают всех возможных линий дифференциации, а это значит, что есть смысл приглядеться к аутентичному материалу с целью выявления и обоснования новых линий дифференциации, что сделает рассматриваемый фрагмент еще более объемным с точки зрения проявляющихся в нем сторон и составляющих общения. Очевидной, но до сих пор не учтенной в традиционной типологии видов общения является следующая линия дифференциации, объективно распознаваемая корпусными лингвистами, изучающими многомиллионные выборки аутентичных текстов, и специалистами, преподающими английский как иностранный: устная коммуникация (oral communication / spoken discourse) в отличие от письменной коммуникации (written communication / written discourse). Не учитывать этого противопоставления нельзя, так как в естественном взаимодействии с собеседником (и собеседниками) коммуниканты переключают коды, используя устный и письменный виды дискурса в зависимости от обстоятельств и направленности процесса общения. Современные корпусные словари и грамматики содержат ценные рекомендации, демонстрирующие отличие устного дискурса от письменного. Включаем эту линию дифференциации под номером **13** в имеющийся перечень видов (и подвидов) общения.

Следующая линия дифференциации – под номером **14** – также подсказана реальностью общения и строится на разграничении и противопоставлении спонтанного общения, с одной стороны, и подготовленного (заранее продуманного и осмысленного высказывания / сообщения / выступления) – с другой. В англоязычной терминологии есть соответствующие обозначения предлагаемой дополнительной линии дифференциации – spontaneous communication vs pre-planned communication (или controlled communication).

Продолжая разработку и обоснование дополнительных линий дифференциации, применяем к рассматриваемому фрагменту материала следующее вполне обоснованное противопоставление: непосредственное общение (face-to-face communication) vs опосредованное общение (non-face-to-face communication). В научной литературе встречаются и такие понятия, как «контактное общение» и «дистантное общение». Убедительным подтверждением необходимости именно такой оппозиции являются, например, два функционально-коммуникативных типа делового общения на английском языке: техника ведения беседы

(Socializing for business purposes) vs телефонное общение в деловых целях (Telephoning for business purposes). Таким образом мы смогли обосновать 15-ю линию дифференциации, что позволяет расширить традиционные для типологии видов общения противопоставления и разграничения.

Приведенные выше оппозиции, дополняющие традиционные линии дифференциации, важны, но не являются исчерпывающими, требуя еще одной новой линии дифференциации, которая может размещаться в обновленном перечне под номером 16. В этом случае, однако, мы предлагаем не дихотомию, а трихотомию – соотношение из трех составляющих: результативное общение (resultative communication), в котором имеется результат, но не сохранено коммуникативное равновесие; нерезультативное общение (non-resultative communication), т. е. такое взаимодействие собеседников, в ходе которого коммуникативная цель не достигнута; собственно эффективное общение (effective communication), которое является результативным, т. е. имеется искомый результат в сочетании с сохранением коммуникативного равновесия между общающимися сторонами.

Проанализируем материал с точки зрения следующей линии дифференциации – номер 17: общение, отвечающее нормам, правилам и принципам общения (ср.: regular communicative behaviour или normal conversational practice / Leech 2002), в отличие от общения, в котором нарушены – осознанно или неосознанно – нормы, правила и принципы общения (ср.: communication pathology or deviant communicative behaviour / Leech 2002). Американские журналисты предложили следующую характеристику коммуникативного поведения Дональда Трампа, демонстративно нарушающего нормы и принципы общения, – norm-busting behavior.

Новое соотношение – под номером 18, дополняющее традиционные линии дифференциации, подсказано материалом, приведенным в начале статьи: речь идет о противопоставлении реальной коммуникации и коммуникации вымышленной, т. е. переходя на англоязычный понятийный аппарат, можно говорить об оппозиции factual communication vs fictional (fictive, artistic) communication. Иначе говоря, общаясь, мы сообщаем (сведения, информацию, свое мнение, чужое мнение) или воздействуем, создавая вымышленные обстоятельства, характеры и ситуации. Это противопоставление возвращает нас к линии дифференциации под номером 10 – прямая коммуникация vs косвенная коммуникация. Один из четырех фрагментов материала представляет собой отрывок художественного повествования (фрагмент № 3), в то время как отрывки № 1, № 2 и № 4 маркированы с точки зрения реальной коммуникации, когда есть реальный адресант (говорящий, пишущий) и реальный адресат (читатель, слушатель, реципиент).

Читая третью книгу *The Mirror and the Light* (из трилогии известной британской писательницы Хилари Мантел), я не раз возвращалась к тради-

ционной линии дифференциации под номером 11, которая строится вокруг параметра «количество этносов, участвующих в общении» с противопоставлением монокультурной и мультикультурной коммуникации. Мне пришла в голову мысль о необходимости уточнения этого противопоставления с учетом количества языков, участвующих в общении. В многочисленных эпизодах романа *The Mirror and the Light* Томас Кромвель, первый советник Генриха VIII в 1542–1540 годах, общается с разными высокопоставленными лицами; некоторые из его собеседников являются посланниками тех или иных стран (Испании, Франции, Германии, Дании) и, общаясь с Кромвелем, переходят, например, с французского на латынь (хотя родным языком Кромвеля является английский, а родным языком его собеседника может быть какой-то другой язык). Иначе говоря, мы имеем дело с противопоставлением собственно моноязычного общения, когда собеседники говорят на одном языке (в романе Хилари Мантел, например, Кромвель говорит с сыном или племянником), и многоязычного общения, когда – по мере необходимости – коммуниканты переключаются с одного языка на другой. Подобные многочисленные коммуникативные ситуации, имеющие место как в реальном общении, так и в многообразии художественных произведений, подталкивают нас к обоснованию и введению новой – 19 – линии дифференциации. Приведу в связи с этим дополнением в традиционный перечень видов общения отрывок из романа Орхана Памука «Чумные ночи» (в переводе с турецкого): «...всякое промедление будет стоить жизни многим и многим людям. Так что сейчас он может оказать нам холодный прием. – Это Бонковский сказал по-турецки. О делах государственных он предпочитал говорить на этом языке. Однако, поскольку оба учились в Париже (один – химии, другой – медицине), между собой они иногда объяснялись и по-французски. Вот и сейчас, пытаясь осмотреться в темной комнате, сообразить, где тут окно, где шкаф, а где просто тень, Бонковский пробормотал, словно сквозь сон, на галльском наречии. – Дурные у меня предчувствия» (Памук 2021, с. 42).

Хочется еще раз подчеркнуть, что представленный перечень традиционных и новых линий дифференциации не является закрытым и исчерпывающим. Нам не следует забывать о том, что естественный человеческий язык – это живая самобытная семасиологическая система общения, которая развивается и меняется по мере развития и усложнения человеческого общения и реагирует на происходящие в социуме изменения, имеющие место новые веяния и современные тенденции. Читая магистрантам лекцию по типологии видов общения, разъясняя смысл традиционных линий дифференциации и обосновывая целесообразность новых параметров и разграничений, я предложила слушателям курса коммуникативистики

(это, с одной стороны, магистранты 1-го года обучения кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ и, с другой стороны, магистранты разных годов обучения с других кафедр филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова) подумать над возможными и еще не упомянутыми в моей лекции и в моих публикациях линиями дифференциации. В разных группах и в разное время предлагалось несколько параметров для развития и расширения обоснованных ранее (как традиционных, так и разъясненных мной в качестве дополнительных) линий дифференциации, например: гендерная принадлежность коммуникантов. На первый взгляд, этот параметр предполагает простое и непротиворечивое противопоставление female (feminine) discourse vs male (masculine) discourse, но англоязычный мир, в котором гендерные дифференциации претерпевают существенные изменения, требует пересмотра обозначенной дихотомии с ее преобразованием в трихотомию, по меньшей мере (см. в этой связи публикации по теме inclusive language и прежде всего статью [P'Rayan 2021]. Назову и другие из

предлагавшихся критериев и параметров для более объемного восприятия процесса общения: возрастная дифференциация общения; помехи в общении и прерывистость процесса общения; уровень языковой обученности участников коммуникативных событий, осуществляющихся на иностранном языке, в сравнении и сопоставлении с коммуникативной грамотностью и коммуникативной эффективностью естественных носителей языка (native speakers).

Заключение

При всем разнообразии научных подходов и связанных с ними методов и приемов невозможно охватить все аспекты и тем более рассмотреть все нюансы динамичного и непредсказуемого процесса общения. Весьма важно, однако, продолжать изучение коммуникации с разных точек зрения, внося вклад в развитие научной теории и, что весьма востребовано в новом тысячелетии, содействуя обучению основам общения представителей многообразия национальных, организационных и корпоративных культур.

Материалы исследования

Byatt, Sodr  1997 – *Byatt A.S., Sodr  I. Imagining Characters. Conversations about Women Writers.* New York: Vintage Books, 1997. 268 p. URL: https://archive.org/details/imaginingcharact0000byat_k1e1.

Crystal 2007 – *Crystal D. How Language Works.* Penguin Books, 2007. URL: <https://www.penguin.co.uk/books/38419/how-language-works-by-david-crystal/9780141015521>.

LGSWE 1999 – *The Longman Grammar of Spoken and Written English.* Pearson Education Limited, 1999. 1203 p. Available at: <https://archive.org/details/longmangrammarof0000unse>

Lodge 2012 – *Lodge D. A Man of Parts. A Novel.* London: Vintage Books, 2012. 565 p. URL: <https://archive.org/details/manofpartsnovel0000lodg>.

O'Keeffe, McCarthy, Carter 2007 – *O'Keeffe A., McCarthy M., Carter R. (2007) From Corpus to Classroom. Language Use and Language Teaching.* Cambridge University Press. 320 p. Available at: http://assets.cambridge.org/97805218/51466/frontmatter/9780521851466_frontmatter.pdf.

Кириллова 2011 – *Кириллова Т.В. Внутренняя речь в аспекте интраперсональной коммуникации (на материале англоязычной художественной литературы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2011. 23 с.* URL: <https://www.dissercat.com/content/vnutrennyaya-rech-v-aspekte-intrapersonalnoi-kommunikatsii/read>.

Памук 2021 – *Памук О. Чумные ночи.* Москва: Иностранка, 2021. 672 с.

Библиографический список

Adler 1999 – *Adler R.B. Communicating at Work. Principles and Practices for Business and the Professions. Sixth Edition.* McGraw-Hill, Inc., 1999. 512 p. URL: https://archive.org/details/communicatingatw0000adle_e6q3

Leathers 1997 – *Leathers D.G. Successful Nonverbal Communication. Principles and Applications. Third Edition.* Allyn and Bacon, 1997. 436 p. URL: <https://archive.org/details/successfulnonver0000leat>.

Leech 2008 – *Leech G. Language in Literature. Style and Foregrounding.* London: Pearson Education Limited, 2008. 222 p. DOI: <http://doi.org/10.4324/9781315846125>.

Leech 1998 – *Leech G. The Special Grammar of Conversation? // Longman Language Review. Issue Number Five, 1998, P. 9–13.*

Pilbeam 2004 – *Pilbeam A. Language as Identity: How Culture Influences Communication // International 10th Anniversary Conference «Language as Identity» Proceedings. Riga, Latvia, 14–15 May, 2004. P. 16–23.*

Pilbeam 1998 – *Pilbeam A. Cross-cultural Issues in International Business // ESP/BESIG Russia. November, 1998. № 9, P. 29–31.*

P'Rayan 2021 – *P'Rayan A. Humanising the English Language // IATEFL Voices 283 – November/December 2021. P. 16–17.*

Samovar, Porter, McDaniel 2009 – *Samovar L.A., Porter R.E., McDaniel E.R.* Communication Between Cultures. 7th Edition. Wadsworth Publishing Company, 2009. 330 p. URL: <http://course.sdu.edu.cn/Download/6a200514-34ca-4ab0-b25b-053cae8ea852.pdf>.

Tomalin, Nicks 2007 – *Tomalin B., Nicks M.* The World's Business Cultures and How to Unlock Them. London: Thorogood Publishing, 2007. 270 p. DOI: <http://doi.org/10.5860/choice.46-0403>.

Waechter 2018 – *Waechter K.* High Context and Low Context Communication Styles // Business Issues. The Newsletter of the Business English Special Interest Group (BESIG IATEFL). Autumn 2018. Issue 100. P. 26–27. URL: <https://besig.iatefl.org/wp-content/uploads/2018/10/Business-Issues-100-web-version.pdf>.

Гойхман 2012 – *Гойхман О.Я.* Коммуникативистика в современном обществе // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2012. Т. 1, № 1. С. 4–8. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19078599>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qbmxur>.

Кашкин 2007 – *Кашкин В.Б.* Основы теории коммуникации. Москва: АСТ, 2007. 256 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19406116>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qirgst>.

Кравченко 2013 – *Кравченко А.В.* Коммуникация и язык: некоторые соображения о предметной области коммуникативистики // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2013. Т. 2, № 1. С. 4–9. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19078612>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qbmxzr>.

Кулинич, Кострова 2017 – *Кулинич М.А., Кострова О.А.* Теория и практика межкультурной коммуникации. Москва: ФЛИНТА, 2017. 246 с. URL: <https://knigogid.ru/books/346212-teoriya-i-praktika-mezhkulturnoy-kommunikacii>.

Назарова 2003 – *Назарова Т.Б.* Филология и семиотика. Современный английский язык. 2-е изд., испр. Москва: Высшая школа, 2003. 189 с. URL: <https://knigogid.ru/books/411915-filologiya-i-semiotika-sovremennyu-angliyskiy-yazyk-uchebnoe-posobie-dlya-vuzov-izd-2-e-ispr>.

Стернин 2009 – *Стернин И.А.* Основы речевого воздействия. Воронеж, 2009. 178 с. URL: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Rechevoe_vozdejstvie/Osnovi_rechevogo_vozdeistviya2013.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20105290>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qxzbnv>.

Таранов 2007 – *Таранов П.С.* Секреты поведения людей. Москва: Гранд-Фаир, 2007. 512 с. URL: https://bookap.info/book/taranov_sekrety_povedeniya_lyudey/

Тер-Минасова 2007 – *Тер-Минасова С.Г.* Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации. Москва: АСТ, 2007. 287 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19918194>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qtwpvv>.

Тер-Минасова 2000 – *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. Москва: Слово, 2000. 264 с. URL: <http://www.fl.msu.ru/research/publications/ter-minasova-lang-and-icc/ter-minasova-yazik-i-mkk-BOOK.pdf>.

Чарыкова, Попова, Стернин 2012 – *Чарыкова О.Н., Попова З.Д., Стернин И.А.* Основы теории языка и коммуникации. Москва: ФЛИНТА, 2012. 312 с. URL: http://sterninia.ru/files/757/15_Studentam_i_aspirantam/Osnovy_kommunikacii.pdf.

References

Adler 1999 – *Adler R.B.* (1999) Communicating at Work. Principles and Practices for Business and the Professions. Sixth Edition. McGraw-Hill, Inc., 512 p. Available at: https://archive.org/details/communicatingatw0000adle_e6q3.

Leathers 1997 – *Leathers D.G.* (1997) Successful Nonverbal Communication. Principles and Applications. Third Edition. Allyn and Bacon, 436 p. Available at: <https://archive.org/details/successfulnonver0000leat>.

Leech 2008 – *Leech G.* (2008) Language in Literature. Style and Foregrounding. London: Pearson Education Limited, 222 p. DOI: <http://doi.org/10.4324/9781315846125>.

Leech 1998 – *Leech G.* (1998) The Special Grammar of Conversation? In: *Longman Language Review*, no. 5, pp. 9–13.

Pilbeam 2004 – *Pilbeam A.* (2004) Language as Identity: How Culture Influences Communication. In: *International 10th Anniversary Conference «Language as Identity» Proceedings*. Riga, Latvia, 14–15 May, pp. 16–23.

Pilbeam 1998 – *Pilbeam A.* (1998) Cross-cultural Issues in International Business. In: *ESP/BESIG Russia*, no. 9, pp. 29–31.

P'Rayan 2021 – *P'Rayan A.* (2021) Humanising the English Language. In: *IATEFL Voices 283*, November/December, pp. 16–17.

Samovar, Porter, McDaniel 2009 – *Samovar L.A., Porter R.E., McDaniel E.R.* (2009) Communication Between Cultures. 7th Edition. Wadsworth Publishing Company, 330 p. Available at: <http://course.sdu.edu.cn/Download/6a200514-34ca-4ab0-b25b-053cae8ea852.pdf>.

Tomalin, Nicks 2007 – *Tomalin B., Nicks M.* (2007) The World's Business Cultures and How to Unlock Them. London: Thorogood Publishing, 270 p. DOI: <http://doi.org/10.5860/choice.46-0403>.

- Waechter 2018 – *Waechter K.* (2018) High Context and Low Context Communication Styles. In: *Business Issues. The Newsletter of the Business English Special Interest Group (BESIG IATEFL)*. Autumn. Issue 100, pp. 26–27. Available at: <https://besig.iatefl.org/wp-content/uploads/2018/10/Business-Issues-100-web-version.pdf.pdf>.
- Goykhman 2012 – *Goykhman O.Y.* (2012) Communication science in the modern society. *Scientific Research and Development. Modern Communication Studies*, vol. 1, no. 1, pp. 4–8. Available at: <http://elibrary.ru/item.asp?id=19078599>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qbmxur>. (In Russ.)
- Kashkin 2007 – *Kashkin V.B.* (2007) Fundamentals of communication theory. Moscow: AST, 256 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19406116>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qirgst>. (In Russ.)
- Kravchenko 2013 – *Kravchenko A.V.* (2013) Communication and language: some considerations on the subject area of communication studies. *Scientific Research and Development. Modern Communication Studies*, vol. 2, no. 1, pp. 4–9. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19078612>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qbmxzr>. (In Russ.)
- Kulinich, Kostrova 2017 – *Kulinich M.A., Kostrova O.A.* (2017) Theory and practice of intercultural communication. Moscow: FLINTA, 246 p. Available at: <https://knigogid.ru/books/346212-teoriya-i-praktika-mezhkulturnoy-kommunikacii>. (In Russ.)
- Nazarova 2003 – *Nazarova T.B.* (2003) Philology and semiotics. Modern English language. 2nd edition, revised. Moscow: Vysshaya shkola, 189 p. Available at: <https://knigogid.ru/books/411915-filologiya-i-semiotika-sovremennyi-angliyskiy-yazyk-uchebnoe-posobie-dlya-vuzov-izd-2-e-ispr>. (In Russ.)
- Sternin 2009 – *Sternin I.A.* (2009) The bases of speech influence. Voronezh, 178 p. Available at: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Rechevoe_vozdejstvie/Osnovi_rechevogo_vozdeistviya2013.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20105290>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qxzbnv>. (In Russ.)
- Taranov 2007 – *Taranov P.S.* (2007) Secrets of people's behaviour. Moscow: Grand-Fair, 512 p. Available at: https://bookap.info/book/taranov_sekrety_povedeniya_lyudey/. (In Russ.)
- Ter-Minasova 2007 – *Ter-Minasova S.G.* (2007) War and peace of languages and cultures: issues of theory and practice of interlingual and intercultural communication. Moscow: AST, 287 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19918194>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qtwpvv>. (In Russ.)
- Ter-Minasova 2000 – *Ter-Minasova S.G.* (2000) Language and intercultural communication. Moscow: Slovo, 164 p. Available at: <http://www.fl.msu.ru/research/publications/ter-minasova-lang-and-icc/ter-minasova-yazyk-i-mkk-BOOK.pdf>. (In Russ.)
- Charykova, Popova, Sternin 2012 – *Charykova O.N., Popova Z.D., Sternin I.A.* (2012) Bases of language theory and communication. Moscow: FLINTA, 312 p. Available at: http://sterninia.ru/files/757/15_Studentam_i_aspirantam/Osnovy_kommunikacii.pdf. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81.33

Дата поступления: 25.07.2022
рецензирования: 26.08.2022
принятия: 28.08.2022

Английские пословицы как отражение социальных стереотипов

Т.Е. Алексеева

Академия права и управления ФСИН России,
г. Рязань, Российская Федерация

E-mail: tat-alexeeva@yandex.ru. ORCID: [http:// orcid.org/ 0000-0002-9143-2380](http://orcid.org/0000-0002-9143-2380)

Аннотация: Социальные стереотипы – это максимально обобщенные и упрощенные представления групп людей о различных предметах и явлениях действительности. Пословицы – это также обобщенные суждения, сформулированные народом в ходе наблюдения за жизнью общества. Цель исследования состоит в том, чтобы показать, что пословицы – это фактически отражение социальных стереотипов, которые сложились на протяжении многих веков и оказывают значительное влияние на отношения внутри общества. Методом сплошной выборки были отобраны английские пословицы, в которых нашли отражение основные виды существующих стереотипов: гендерные, возрастные, этнические и профессиональные. Изучены наиболее распространенные отрицательные, нейтральные и положительные стереотипные суждения о мужчинах и женщинах, пожилых людях, профессиях, а также представления британцев о самих себе, и подобраны английские пословицы, иллюстрирующие эти стереотипы. Доказано, что такие характеристики пословиц, как лаконичность, метафоричность, запоминаемость, способствуют укоренению стереотипов в сознании людей и передаче их из поколения в поколение практически в неизменном виде. Статистический и сопоставительный анализ позволил сгруппировать пословицы на основе отражаемого вида стереотипов и выявить их процентное соотношение. Самыми многочисленными оказались пословицы с гендерными стереотипами, причем с преобладанием пословиц о женщинах. Во второй по численности группе пословиц с возрастными стереотипами преобладают стереотипные представления о пожилых людях. Профессиональные стереотипы охватывают небольшое количество профессий. Этнические стереотипы представлены автостереотипами о британцах. Актуальность работы состоит в том, что изучение стереотипов, в частности тех, что нашли отражение в пословицах, может способствовать отказу от стереотипного мышления и формированию взглядов и убеждений, которые являются следствием наблюдений и жизненного опыта самого человека.

Ключевые слова: социальные стереотипы; гендерные, возрастные, профессиональные, этнические стереотипы; английские пословицы.

Цитирование. Алексеева Т.Е. Английские пословицы как отражение социальных стереотипов // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 3. С. 127–135. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-127-135>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Алексеева Т.Е., 2022

Татьяна Евгеньевна Алексеева – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, Академия права и управления ФСИН России, 390000, Российская Федерация, г. Рязань, ул. Сенная, 1.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 25.07.2022

Revised: 26.08.2022

Accepted: 28.08.2022

English proverbs as a reflection of social stereotypes

T.E. Alexeeva

Academy of Law and Management of the FPS of Russia,

E-mail: tat-alexeeva@yandex.ru. ORCID: [http:// orcid.org/ 0000-0002-1943-2380](http://orcid.org/0000-0002-1943-2380)

Abstract: Social stereotypes are extremely generalized and simplified views about various subjects and social phenomena that have evolved in the course of society development. Proverbs are also generalized statements that have been formulated by people throughout the history. The aim of our research is to prove that the proverbs are actually the reflection of social stereotypes that have long been affecting social relations. Using the method of continuous sampling we have selected the English proverbs that contain the main categories of existing stereotypes: gender, age, ethnic and professional stereotypes. We have studied the most wide-spread stereotypes about men and women, elderly people, popular occupations as well as some stereotyped notions of the British about themselves and have chosen the proverbs illustrating these generalized beliefs. We have shown that the laconic, metaphoric and memorable form of proverbs facilitates their rooting in the people's consciousness and passing them on practically unchanged from generation to generation. Statistical and comparative analysis made it possible to group the proverbs on the basis of stereotype categories and to find out their percentage ratio. The proverbs containing gender stereotypes appear to be most numerous with the prevailing number of sayings about

women. Age stereotypes reflected in the proverbs are mostly related to elderly people. Professional stereotypes embrace a small number of occupations and those few are most often of negative character. Ethnic stereotypes encountered in the proverbs represent the British most favorably. The relevance of the paper lies in the fact that the study of stereotypes as reflected in the proverbs would contribute to making people give up stereotyped thinking in favour of acquiring their own attitudes and viewpoints.

Key words: social stereotypes; gender, age, professional, ethnic stereotypes; English proverbs.

Citation. Alexeeva T.E. English proverbs as a reflection of social stereotype. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 28, no. 3, pp. 127–135. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-127-135>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Alexeeva T.E., 2022

Tatyana E. Alexeeva – Candidate of Pedagogical Sciences, associate professor of the Department of Foreign Languages, Academy of Law and Management of the Federal Penal Service of Russia, 1, Sennaya Street, Ryazan, 390000, Russian Federation.

Введение

Термин «социальный стереотип» был впервые предложен американским публицистом Уолтером Липпманом в работе «Общественное мнение» (*Public opinion* 1922). Согласно концепции Липпмана, «стереотип – это упрощенное, заранее принятое представление о предметах и явлениях действительности, не вытекающее из собственного опыта человека, а возникающее на основе опосредованного восприятия» [Ослон 2006].

Социальный стереотип (англ. *stereotype*; от греч. *stereos* – «твердый» + *typos* – «отпечаток») – это устойчивое, категоричное и крайне упрощенное представление (мнение, суждение) о каком-либо явлении, группе, исторической личности, распространенное в данной социальной среде (Большой психологический словарь 2008). Стереотипы появляются в ходе исторического развития общества и представляют собой совокупность упрощенных обобщений о том или ином объекте (индивиде, группе, событии, факте и т. п.) (БРЭ 2004–2017).

Если мы сравним понятие стереотипа с определением пословицы, то увидим некоторые общие черты:

Пословица – краткое, устойчивое в речевом обиходе изречение назидательного характера, в котором зафиксирован практический опыт народа и его оценка определенных жизненных явлений (Педагогическое речеведение 1998). Пословица передается из поколения в поколение в устной форме, выражает законченное суждение, поучение, применяемое ко множеству сходных ситуаций (Жеребило 2011).

Таким образом, стереотипы возникают у человека не с рождения, а формируются в процессе взаимодействия с окружающей средой, т. е. с приобретением социального опыта [Зайцева 2021]. Пословицы также представляют собой выводы из непосредственных наблюдений за жизнью, трудом и бытом народа.

Стереотипы обобщают, типизируют различные явления жизни. Пословицы в меткой образной форме также выражают обобщающие, типизирующие народные представления о предметах или явлениях окружающего мира (Ефремова 2000).

Характерная черта стереотипа – высокая устойчивость. По мнению У. Липпмана, стереотип является крайне устойчивым образованием, которое не поддается преобразованию и критике и передается из поколения в поколение [Lippman 1965]. Пословицы также остаются в языке и употребляются в речи на протяжении столетий практически в неизменном виде.

Стереотипы определяются доминирующей политической, социальной и культурной системой ценностей и продвигаются через культурные традиции, религию, средства массовой информации (Гулина 2008). В этом ряду, несомненно, стоят и пословицы.

Цель нашего исследования состоит в том, чтобы проследить, какие социальные стереотипы нашли свое отражение в английских пословицах.

Актуальность данной работы обусловлена важностью социальных стереотипов для жизни общества и ролью пословиц в создании языковой картины мира.

Основная часть

Материалом нашего исследования стали 373 английские паремии, отобранные методом сплошной выборки из авторитетных словарей английских пословиц (Oxford Dictionary of Proverbs; Manser 2007; Simpson 2003; Smith 2008), а также из ряда работ, посвященных исследованию различных видов стереотипов в паремиологических фондах английского и русского языков (Сташкова 2015) [Бочина, Сян Цюнь 2013; Горохова 2016; Зайцева 2021; Мишутинская 2014]. Семантический анализ отобранных английских пословиц позволил классифицировать и сгруппировать пословицы по содержащимся в них гендерным, возрастным, этническим и профессиональным стереотипам. Стилистический анализ показал, какими выразительными средствами достигаются образность, запоминаемость пословиц, тем самым помогая стереотипам закрепиться в сознании людей. Методы статистического и сопоставительного анализа позволили выявить процентное соотношение видов социальных стереотипов, отраженных в пословицах.

В настоящее время выделяют следующие виды социальных стереотипов: гендерные, возрастные, этнические или национальные, профессиональные, классовые и др. Различают стереотипы положительные, отрицательные, нейтральные; групповые и индивидуальные [Шестопалова 2007].

Гендерные стереотипы

Пожалуй, самую многочисленную группу составляют пословицы, в которых проявляются гендерные стереотипы (49 % от всех проанализированных паремий). Возможно, это объясняется значимостью самой темы: взаимоотношения мужчины и женщины, семейные отношения представляют особую важность для продолжения человеческого рода. В свою очередь, в группе пословиц с гендерной составляющей преобладают пословицы, относящиеся к женщине. Описываются ее личные качества, ее роль в обществе, отношение к мужу, детям, домашним обязанностям и т. д. [Алексеева, Федосеева 2021]. Следует заметить, однако, что в этой группе преобладают пословицы с отрицательной коннотацией, что объясняется зарождением гендерных стереотипов в обществе, где испокон века доминировали мужчины и к женщине относились как к существу низшей организации. Это, по мнению мужчин:

– женщины – болтливые сплетницы, которые не могут держать язык за зубами: *The only secret a woman can keep is her age* / Единственный секрет, который не выболтает женщина, это ее возраст; *Whenever there is a woman, there is gossip* / Там, где есть женщины, всегда есть сплетни; *Silence is a fine jewel for a woman, but it's little worn* / Молчание – прекрасное украшение для женщины, но она его редко надевает;

– женщины отличаются непостоянством, переменчивостью настроения: *A woman's mind and winter wind change often* / Настроение женщины и зимний ветер часто меняются; *Women are as fickle as April weather* / Женщины непостоянны, как погода в апреле; *It's a woman's privilege to change her mind* / Менять свое мнение – привилегия женщин;

– женщины мстительны и злобны: *A woman's vengeance knows no bounds* / Месть женщины не знает границ; *Women are like wasps in their anger* / Женщины в гневе подобны осам; *Hell hath no fury like a woman scorned* / Фурия в аду ничто в сравнении с отвергнутой женщиной;

– женщины лживы, им нельзя доверять: *Trust not a woman when she weeps* / Не верь женщине, когда она плачет; *Women laugh when they can, and weep when they will* / Женщина смеется, когда может, и плачет, когда захочет; *A woman's in pain, a woman's in woe, a woman is ill when she likes to be so* / Женщина страдает, горюет и болеет тогда, когда ей это выгодно;

– женщины меркантильны и расточительны: *It is cheaper to find a wife than to feed a wife* / Легче найти жену, чем прокормить ее; *Wine and wenches*

empty men's purses / Вино и женщины опустошают кошельки мужчин; *Mills and wives are ever wanting* / Мельницам и женщинам постоянно что-то нужно;

– женщины глуповаты и даже откровенно глупы: *Women have long hair and short brains* / У женщин волос долог, а ум короток; *When an ass climbs a ladder, we may find wisdom in a woman* / Когда осел взберется по лестнице, тогда женщина, может, и поумнеет; *Women's wisdom arrives after the event* / Женщина мудра задним числом;

– несмотря на недостаток ума, они отлично манипулируют мужчинами и всегда добиваются своей цели: *An obedient wife commands her husband* / Покорная жена командует мужем; *He that has a wife has a master* / У кого есть жена, у того есть и хозяин; *A woman resists in order to be conquered* / Женщина сопротивляется только для того, чтобы быть завоеванной;

– главная цель в жизни женщины – удачно выйти замуж: *Woman's whole life is a history of affection* / Вся жизнь женщины – это история ее любовных привязанностей; *All meats to be eaten, and all maids to be wed* / Все мясо будет съедено, а все девушки выйдут замуж; *Maids want nothing but husbands, and when they have them they want everything* / Девушкам не нужно ничего, кроме мужа, но когда у них появляется муж, они хотят всего;

– жена должна подчиняться мужу: *A young wife should be but a shadow and echo in the house* / Молодая жена должна быть тенью и эхом в доме; *Maidens must be mild and meek, swift to hear and slow to speak* / Девушки должны быть мягкими и кроткими, готовыми слушать и помалкивать. Умная жена так и поступает: *A wise woman never outsmarts her husband* / Мудрая женщина никогда не будет умнее мужа;

– место женщины на кухне: *A woman's place is in the home* / Место женщины дома; *A good wife and a good cat are best at home* / Хорошей жене и хорошей кошке лучше всего быть дома;

– для женщины очень важна ее внешность: *Every woman would rather be beautiful than good* / Каждая женщина предпочтет быть скорее красивой, чем доброй; *Women are vain: they'd rather be pretty than have a good brain* / Женщины тщеславны; они предпочтут быть красивыми, чем иметь мозги. Однако красивая жена – это скорее недостаток, чем достоинство для семейной жизни: *The more women look in their glass, the less they look to their house* / Чем больше женщина смотрится в зеркало, тем меньше занимается домашним хозяйством; *The wife that loves the looking-glass hates the saucepan* / Жена, которая любит зеркало, ненавидит кастрюлю.

Гораздо меньше пословиц о женщинах основаны на позитивных или нейтральных стереотипах. Вот несколько пословиц о положительной роли женщины как матери, хозяйки дома и спутницы жизни мужчины:

– *The mother's breath is always sweet* / Дыхание матери всегда сладкое; *A mother's love is best of all* / Любовь матери самая сильная; *A mother's love never ages* / Любовь матери никогда не ослабевает;

– *A house well-furnished makes a good house-wife* / Хорошо обставленный дом говорит о хорошей хозяйке; *You know a good housekeeper by her windows* / Вы узнаете хорошую хозяйку по чистым окнам; *Where there is no wife, there is no home* / Там, где нет женщины, и дома нет;

– *A man's greatest treasure is his wife – she is a gift from the Lord* / Самое большое богатство в жизни мужчины – его жена, она – дар божий; *A good wife makes a good husband* / У хорошей жены и муж хорош; *A good and virtuous wife is the most precious jewel of one's life* / Хорошая и добродетельная жена – самая большая драгоценность в жизни мужчины.

Среди отраженных в пословицах стереотипов, касающихся мужчин, преобладают нейтральные либо положительные оценочные суждения:

– мужчина сильнее и умнее женщины: *A man of straw is worth a woman of gold* / Мужчина, сделанный из соломы, стоит женщины, сделанной из золота; *Man without ambition is like a woman without beauty* / Мужчина без честолюбия – все равно, что некрасивая женщина; *A man doesn't want a woman smarter than he is* / Мужчина не хочет, чтобы жена была умнее него;

– мужчина – добытчик в семье, он обязан содержать свою женщину: *Man pays – woman spends* / Мужчина платит – женщина тратит; *Man without money is no man at all* / Мужчина без денег – вовсе не мужчина;

– мужчина обязательно должен жениться: *A man without a woman is like a ship without a sail* / Мужчина без жены – все равно, что корабль без паруса; *Where there is no wife, there is no home* / Где нет жены, там и дома нет; *Wives must be had, be they good or bad* / Жена должна быть у каждого, будь она хорошая или плохая.

Таким образом, приведенные пословицы фактически отражают то состояние общества, в котором женщина считалась существом низшего порядка, а мужчина – хозяином жизни. Современное цивилизованное общество старается избавиться от отживших гендерных стереотипов, однако и по сей день нередко встречаются люди, придерживающихся устаревших воззрений на социальную роль женщины, а отражающие их пословицы продолжают функционировать и сегодня.

Возрастные стереотипы

Не менее актуальны для быстро стареющего общества возрастные стереотипы, которые, по большей части, касаются людей пожилого возраста. Этот вид стереотипов вполне отчетливо проявляется в отобранных пословицах, число которых составило 21 % от общего количества. Итак, какое представление о пожилых людях, «стариках», складывается из английских пословиц? Пожалуй,

самая большая группа стереотипов представляет пожилого человека никчемным стариком, для которого характерны [Зайцева 2021]:

– немощь, болезни: *Age breeds aches* / С возрастом приходят болезни; *Old age is sickness of itself* / Старость – болезнь сама по себе; *Old men are only walking hospitals* / Старые люди – это ходячие больницы; *The feet are slow when the head wears snow* / Когда голова седеет, то и ноги плохо ходят; *Old age is a malady of which one dies* / Старость – это болезнь, от которой человек умирает;

– бесполезность, отсутствие работоспособности: *When bees are old, they yield no honey* / Старые пчелы мед не приносят; *An old ape has an old eye* / У старой обезьяны глаза плохо видят;

– угасание интеллектуальных способностей, неспособность к приобретению новых навыков: *You can't shift an old tree without it dying* / Нельзя согнуть старое дерево, не сломав его; *An old man's end – to keep sheep* / Единственный конец для старика – это пасти овец.

– глупость, впадение в детство: *There's no fool like an old fool* / Нет хуже дурака, чем старый дурак; *Old men are twice children* / Старый, что малый; *Old age doesn't protect from folly* / Старость от глупости не защищает;

– скупость: *The older the goose, the harder to pluck* / Чем старше гусь, тем труднее его ощипать; *Children cry for nuts and apples, old men – for gold and silver* / Дети хотят орехов и яблок, а старики – золота и серебра;

– порочность, греховность: *There's no sinner like a hoary sinner* / Нет грешника хуже седого грешника; *Young saint, old devil* / Святоша в молодости – греховодник в старости.

Отрицательное отношение к старости можно увидеть в уподоблении пожилых людей различным животным (*ape, bees, dog, goose*). Использование метафор в описании старости способствует тому, что делает стереотипы более яркими и убедительными.

Стереотипизированные представления о старухах имеют не только негативный, но зачастую насмешливый оттенок: *The hell of women is old age* / Старость – это ад для женщины; *The longest five years in a woman's life is between twenty nine and thirty* / Самые длинные пять лет в жизни женщины – это возраст между двадцати девятью и тридцатью.

Все проанализированные возрастные стереотипы, имеющие негативную окраску, можно обобщить русской поговоркой «Старость – не радость» и ее английскими аналогами: *Old age is no fun*; *Old age is not a blessing*; *Old age is a trying stage*.

Нейтральные стереотипы о пожилых людях отличаются пониманием и сочувствием:

– старики живут воспоминаниями: *Youth lives on hope, old age on remembrance* / Молодость живет надеждой, а старики воспоминаниями; *Young people don't know what age is, old people forget what youth was* / Молодые люди не знают, что такое

старость, а старики забывают, что такое быть молодым; *A young man looks into the future as an old man into the past* / Молодежь смотрит в будущее, а старики – в прошлое. Стилистический прием антитезы – в данном случае противопоставление молодых и пожилых людей – позволяет подчеркнуть тот факт, что у стариков все в прошлом;

– пожилые люди испытывают страх перед старением и смертью: *Every man desires to live long, but no man would be old* / Каждый хочет жить долго, но никто не хочет стареть; *No man is so old, but thinks he may yet live another year* / Как бы ни был стар человек, он все равно мечтает прожить еще один год; *You cannot have two forenoons in the same day* / Утро не бывает два раза в день.

Немало пословиц отражают положительные стереотипы о старых людях, для которых характерны мудрость, опыт, зрелость: *Years know more than books* / Годы знают больше, чем книги; *The older the wiser* / Чем старше человек, тем умнее; *With age comes wisdom* / С возрастом приходит мудрость; *An old man's sayings are seldom untrue* / Старики редко говорят неправду.

То, что пожилой возраст ассоциируется с житейской мудростью, можно заметить в довольно большой группе пословиц, в основе которых лежит метафора, и пожилой человек вновь уподобляется животным, но на сей раз с положительной коннотацией: *Old foxes need no tutors* / Старой лисе учитель не нужен; *You can't catch old birds with chaff* / Старую птицу на мякину не поймаешь; *An old ox makes a straight furrow* / Старый бык борозды не портит; *An old dog barks not in vain* / Старая собака понапрасну лаять не будет. Старики сравнивают со старой скрипкой (*There's many a good tune played on an old fiddle* / И на старой скрипке можно сыграть красивую мелодию) и созревшим зерном (*Praise the ripe field, not the green corn* / Хвали спелое поле, а не зеленые ростки).

Однако стереотипы о старости не всегда однозначны, и подтверждение этому можно заметить в следующих разноречивых парах пословиц, где житейский опыт и мудрость вступают в противоречие с закоснелостью и неспособностью воспринимать новое:

– *An old fox needs not to be taught tricks* / Старую лису и учить не надо – *You cannot teach an old dog new tricks* / Нельзя научить старую собаку новым трюкам;

– *A creaking door hangs longest* / Скрипучая дверь дольше прослужит – *A cracked bell can never sound well* / Треснутый колокол никогда не сможет хорошо звенеть;

– *The best wine comes out of an old vessel* / Лучшее вино выходит из старых сосудов – *Old vessels must leak* / Старый сосуд обязательно потечет.

Что касается стереотипов о молодости, то их количество гораздо меньше. Характерные черты молодых людей, проявившиеся в пословицах, – это неопытность, самоуверенность, желание по-

учать старших: *Youth is easily deceived because it's quick to hope* / Молодежь легко обмануть, потому что она слишком доверчива; *Never send a boy to do a man's job* / Никогда не просите мальчишку делать мужскую работу; *Youth and age will never agree* / Молодость и старость никогда не договорятся; *Shall the goslings teach the goose to swim?* / Должны ли гусята учить гуся плавать?; *Young folks think old folks to be fools, but old folks know young folks to be fools* / Молодые думают, что старики глупы, а старики знают, что глупы молодые.

Преобладание возрастных стереотипов, касающихся пожилых людей, свидетельствует о том, что именно эта возрастная группа вызывает в обществе неоднозначное отношение и подвержена стереотипизации. Нередко старики страдают не только от проблем, свойственных данному возрасту, но и от отсутствия понимания, сострадания.

Этнические стереотипы

Следующий вид стереотипов – этнические или национальные, которые подразделяются на гетеростереотипы, то есть представления о другой этнической группе, и автостереотипы, то есть стереотипные представления народа о себе. Кажется вполне естественным и закономерным, что первые нередко негативно описывают чужих, а вторые зачастую нейтральны или положительны. Анализ английских пословиц, которые можно отнести к автостереотипам, показал, что среди паремий о британцах преобладают положительные характеристики [Горохова 2016]:

– сдержанность, самообладание: *When angry, count a hundred* / Когда рассердишься, сосчитай до ста; *Anger and haste hinder good counsel* / Гнев и спешка затемняют рассудок; *To talk without thinking is to shoot without aiming* / Говорить необдуманно – все равно, что стрелять не целясь;

– вежливость, хорошие манеры: *A civil question deserves a civil answer* / Вежливый вопрос заслуживает вежливого ответа; *All doors open to courtesy* / Перед вежливостью все двери открываются; *Politeness costs little, but yields much* / Вежливость обходится дешево, да много дает; *Do as you would be done by* / Поступай с другими так, как хотел бы, чтобы поступали с тобой; *Evil communications corrupt good manners* / Дурные связи портят манеры;

– джентльменство, безупречность репутации: *It takes three generations to make a gentleman* / Джентльмен рождается через три поколения; *An Englishman's word is his bond* / Слово англичанина – его обязательство; *Better be alone than in bad company* / Лучше быть одному, чем в дурной компании; *Better go to bed supperless than rise in debt* / Лучше ложиться спать, не поужинав, чем просыпаться должником;

– консерватизм, почитание традиций и обычаев: *Old habits die hard* / От старой привычки трудно избавиться; *What is new cannot be true* / То, что ново, не может быть истинно; *England is the para-*

dise of women, the hell of horses, and the purgatory of servants / Англия – это рай для женщин, ад для лошадей и чистилище для слуг;

– стремление к свободе, толерантность: *Better die standing than live kneeling* / Лучше умереть стоя, чем жить на коленях; *So many countries, so many customs* / Сколько стран, столько обычаев; *So many men, so many minds* / Сколько людей, столько умов; *It takes all sorts to make a world* / Мир из разных людей состоит; *Lean liberty is better than fat slavery* / Свобода при бедности лучше процветающего рабства; *Live and let live* / Сам живи и другим жить не мешай;

– патриотизм, любовь к своему дому: *East or West, home is best* / Запад или восток, а дома лучше всего; *He has no home whose home is everywhere* / У того дома нет, чей дом повсюду; *Dry bread at home is better than roast meat abroad* / Сухари дома лучше жаркого за границей; *There is no place like home* / Нет места лучше родного дома; *An Englishman's house is his castle* / Дом англичанина – его крепость.

Среди отрицательных стереотипов следует отметить глубокие классовые противоречия и снобизм: *Beggars can't be choosers* / Беднякам не приходится выбирать; *An ape's an ape, a varlet's a varlet, though they be clad in silk or scarlet* / Обезьяна будет обезьяной, а слуга останется слугой, будь они одеты в шелк или пурпур; *Fools build houses and wise men live in them* / Дураки возводят дома, а богачи живут в них.

Пословицы, отражающие стереотипы о британцах, составили 18 % от общего числа отобранных паремий. Что касается гетеростереотипов, то, хотя известно, что англичане с предубеждением относятся ко всему иностранному, мы не встретили пословиц, в которых бы нашло отражение настороженное или враждебное отношение к другим странам и народам.

Профессиональные стереотипы

Следующий вид стереотипов, имеющих широкое распространение, – это профессиональные стереотипы, то есть обобщенные представления людей относительно членов какой-либо профессиональной группы. Число пословиц, которые содержат данный вид стереотипных убеждений, уступает остальным (12 %), а количество профессий, затронутых в этих пословицах, весьма ограничено. Это адвокат, служитель церкви, врач.

Анализируя пословицы об адвокатах, можно сделать вывод, что отношение к ним в обществе скорее отрицательное [Алексеева, Федосеева 2021]. Их считают корыстными (*A lawyer and a wagon-wheel must be well greased* / Адвокаты и колеса телеги должны быть хорошо смазаны; *Doctors purge the body, ministers the conscience, lawyers the purse* / Доктора очищают тело, священники – совесть, а адвокаты – кошельки); лживыми (*Only*

lawyers and painters can turn black to white / Только адвокаты и художники могут сделать черное белым); изворотливыми (*When two dogs fight for a bone, and the third runs off with it, there's a lawyer among the dogs* / Когда две собаки грызутся за кость, а третья убегает с ней – это адвокат среди собак).

В отношении церковнослужителей в паремиях концептуализируются либо нейтральные с точки зрения оценочности, либо негативные характеристики [Мишутинская 2014]. Так, несколько пословиц, в которых встречаются разные наименования служителей церкви – *priest, clerk, abbot, monk*, – утверждают, что священнослужитель оказывает большое влияние на жизнь в своем приходе, на формирование личности прихожан. Все их можно обобщить русской пословицей «Каков поп, таков и приход»: *Like priest, like people* / Каков священник, такова и паства; *Such as the priest, such is the clerk* / Каков священник, таков и викарий; *Such as the abbot is, such is the monk* / Каков настоятель, таков и монах; *As is the pew so is the pulpit* / Каковы проповедники, такова и их слушатели. В последней пословице использование стилистического приема метонимии, то есть переноса названия с одного предмета или явления на другой на основе несомненной связи между ними, в данном случае *the pulpit* – кафедра проповедника, а *the pew* – церковная скамья, позволяет придать этому утверждению высокую степень обобщения.

Для настоящих священнослужителей служба в церкви – это призвание, выбираемое на всю жизнь: *Once a priest, always a priest* / Священник навсегда останется священником. Однако далеко не все служители культа соответствуют этому высокому званию: *The habit (hood) doesn't make the monk* / Облачение еще не делает монахом). Возможно, поэтому распространено мнение, что представителям церкви не чуждо ничто человеческое: они могут украсть (*The friar preached against stealing and had a goose in his sleeve* / Монах проповедует не красть, а сам крадет), согрешить (*Priests love pretty wenches* / Священникам нравятся хорошенькие прихожанки); отличаются алчностью (*Women, priests and poultry never have enough* / Женщинам, священникам и курам все мало); думают прежде всего о себе (*The parson always christens his own child first* / Священник всегда первым крестит своего ребенка).

Ряд пословиц свидетельствует о том, что в англоязычном обществе к представителям церкви было принято относиться настороженно, а иногда и с опаской [Мишутинская 2014]: *Bad priests bring the devil into the church* / Плохой священник приводит в церковь дьявола; *Beware of the forepart of a woman, the hind part of a mule, and all sides of a priest* / Остерегайся женщины спереди, осла сзади, а священника со всех сторон; *Who would hold his house very clean, ought lodge no priest nor pi-*

geon therein / Кто хочет, чтобы дом его оставался чистым, не должен впускать ни священника, ни голубя; *The nearer the church, the farther from God* / Близко церковь, да далеко от бога.

Отношение в обществе к профессии врача в основном уважительное, ведь они спасают людей. Поэтому негативные стереотипы касаются только докторов молодых и неопытных: *A young doctor means a new graveyard* / Молодой доктор – это новые могилы; *An ignorant doctor is no better than a murderer* / Безграмотный врач не лучше убийцы. Между тем бытует мнение, что лучше пореже обращаться к врачам за помощью и самому заботиться о своем здоровье: *Who wants to keep sane should live far from a doctor* / Кто хочет сохранить рассудок, должен держаться подальше от докторов; *Fond of doctors, little health, fond of lawyers, little wealth* / Любовь к докторам – мало здоровья, любовь к адвокатам – мало денег.

Что касается пословиц, в которых нашли отражение другие профессии, то они весьма немногочисленны:

– учитель: *A teacher is better than two books* / Учитель лучше, чем две книги; *Where the pupil is willing the teacher will appear* / Учитель появляется тогда, когда у ученика возникает в нем потребность;

– повар: *They are not all cooks who carry long knives* / Не все те повара, у кого есть длинный нож; *A lovelorn cook oversalts the porridge* / Влюбленный повар пересаливает кашу;

– парикмахер: *Never ask a barber if you need a haircut* / Никогда не спрашивай парикмахера, нужно ли тебе стричься;

– портной: *The tailor makes the man* / Мужчину создает портной;

– человек искусства: *Painters and poets may have leave to lie* / Художникам и поэтам разрешено лгать.

Некоторые пословицы, хотя и содержат названия профессий, имеют прежде всего переносное значение «тот, кто умеет что-нибудь делать для других, не делает этого для себя или своей семьи»: *A barber does not shave himself* / Парикмахер себя не бреет; *The tailor's wife is worst clad* / Жена портного хуже всех одета; *The shoemaker's son always goes barefoot* / Сын сапожника всегда ходит босой.

Следует заметить, что причиной небольшого количества пословиц, отражающих профессио-

нальные стереотипы, является тот факт, что еще в недалеком прошлом общество носило выраженный классовый характер, при котором часть людей была отделена от какой-либо трудовой деятельности, а набор существующих в то время профессий был весьма ограничен.

Заключение

В ходе нашего исследования мы пришли к однозначному выводу, что пословицы действительно отражают существующие в обществе социальные стереотипы и благодаря таким характеристикам, как лаконичность, образность, запоминаемость, способствуют еще большему укоренению их в сознании людей. Преобладание гендерных стереотипов говорит о месте, которое в обществе занимают отношения между мужчиной и женщиной. А превалирование пословиц, в которых стереотипы о женщинах носят негативный характер, свидетельствует об отношении к женщине в обществе, где на протяжении столетий доминировали мужчины. Подавляющее большинство пословиц, содержащих возрастные стереотипы, касаются людей пожилого возраста, и наряду с сочувствием и пониманием в них часто высказывается пренебрежительное и неуважительное отношение к старости. Среди этнических стереотипов, отраженных в пословицах, большую часть составляют нейтральные и положительные представления британцев о самих себе, что и неудивительно, так как любой народ предпочитает иметь о себе высокое мнение. Профессиональные стереотипы в пословицах охватывают ограниченное число профессий, важных для жизни людей.

Практическая значимость исследования состоит в том, что стереотипы, то есть обобщающие, чрезмерно упрощенные, иногда ложные убеждения людей в отношении других социальных групп, отдельных людей, профессий, национальностей, мешают прогрессивному развитию общества, способствуют дискриминации по признаку пола, цвета кожи, внешности и т. д. Изучение пословиц, в которых нашли отражение преимущественно отрицательные социальные стереотипы, поможет высветить, насколько они искажают существующую действительность, и осознать необходимость избавляться от вредных стереотипов в повседневной жизни.

Материалы исследования

Manser 2007 – Manser Martin H. The Facts On File Dictionary of Proverbs. 2007. 499 pp. URL: <https://ru.b-ok.cc>.

Oxford Dictionary of Proverbs – Oxford Dictionary of Proverbs. URL: <https://Oxford Reference – oxfordreference.com>.

Simpson 2003 – Simpson J. A. The Concise Oxford Dictionary of Proverbs. Oxford: Oxford University Press, 2003. 364 p. URL: <https://semanticscholar.org...Oxford...of-proverbs...Simpson>.

Smith 2008 – Smith W.G. The Oxford dictionary of English proverbs. Oxford, 2008. 625 p. URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.227228>.

Большой психологический словарь 2008 – *Большой психологический словарь*. АСТ; АСТ-Москва; Москва; Санкт-Петербург: Прайм-Евроник, 2008. URL: <https://elkniga.ru/static/booksample/00/19/15/00191530>.

БРЭ 2004–2007 – *Большая российская энциклопедия*: [в 35 т.] / гл. ред. Ю.С. Осипов. Москва: Большая российская энциклопедия, 2004–2017. URL: <https://bigenc.ru>.

Гулина 2008 – *Гулина М.А.* Словарь-справочник по социальной работе. Санкт-Петербург: Питер, 2008. 400 с. URL: <https://studmed.ru...gulina...slovar-spravochnik...socialnoy>.

Ефремова 2000 – *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Москва: Русский язык, 2000. 1008 с. URL: <https://efremova.slovaronline.com>.

Жеребило 2011 – *Жеребило Т.В.* Термины и понятия лингвистики: Лексика. Лексикология. Фразеология. Лексикография: словарь-справочник. Назрань: ООО «Пилигрим», 2011. 128 с. URL: <https://refdb.ru/look/2850767.html>.

Педагогическое речеведение 1998 – *Педагогическое речеведение*. Словарь-справочник. Изд. П 24 2-е, испр. и доп. / под ред. Т.А. Ладыженской и А.К. Михальской; сост. А.А. Князьков. Москва: Флинта, Наука, 1998. 312 с. URL: <https://ne-proza.ru/data/files/Ladyzhenskaya.Slovar>.

Сташкова 2015 – *Сташкова М.А.* Функционирование пословиц и антипословиц с гендерным компонентом в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2015. 22 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01005567727>.

Библиографический список

Lippman 1965 – *Lippmann W.* Public opinion. Toronto, 1965. 233 p. URL: https://monoskop.org/images/b/bf/Lippman_Walter_Public_Opinion.pdf.

Алексеева, Федосеева 2020 – *Алексеева Т.Е., Федосеева Л.Н.* Английские и русские пословицы о законе, преступлении и правосудии в лингводидактической практике // *Человек: преступление и наказание*. 2020. Т. 28, № 4. С. 620–629. DOI: [http://doi.org/10.33463/2687-1238.2020.28\(1-4\).4.620-629](http://doi.org/10.33463/2687-1238.2020.28(1-4).4.620-629). EDN: <https://www.elibrary.ru/wtjmmg>.

Алексеева, Федосеева 2021 – *Алексеева Т.Е., Федосеева Л.Н.* Образ женщины в англоязычных пословицах: семантический анализ // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2021. № 3. С. 89–94. DOI: <http://doi.org/10.17308/lic.2021.3/3585>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zyruae>.

Бочина, Сян Цюнь 2013 – *Бочина Т.Г., Сян Цюнь* Аксиология возраста в русской паремике // *Филология и культура*. Philology and culture, 2013. № 3 (33). С. 44–48. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aksiologiya-vozrasta-v-russkoy-paremike>.

Горохова 2016 – *Горохова А.М.* К вопросу о моделировании ядерных и периферийных компонентов британского национального характера (на материале паремииологического фонда английского языка) // *Вестник НГЛУ*. Вып. 35. Язык и культура. 2016. С. 11–23. URL: <https://vestnik.lunn.ru/arhiv-zhurnala/2016-god/vypusk-35-3-kvartal-2016-g/35-1>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28340941>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xweurx>.

Зайцева 2021 – *Зайцева Н.В.* Возрастные стереотипы в англосаксонской языковой картине мира: статический и динамический аспекты // *Известия ЮФУ*. Филол. науки. 2021. Т. 25, № 4. С. 57–66. DOI: <http://doi.org/10.18522/1995-0640-2021-4-57-66>. EDN: <https://www.elibrary.ru/oakkny>.

Мишутинская 2014 – *Мишутинская Е.А.* Образ «Религиозного деятеля» в пословицах (на материале русских и английских пословиц) // *Концепт*. 2014. № Т20. С. 121–125. URL: <https://e-koncept.ru/2014/54284.htm>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21805811>. EDN: <https://www.elibrary.ru/sjepej>.

Ослон 2006 – *Ослон А.* Уолтер Липман о стереотипах: выписки из книги «Общественное мнение» // *Социальная реальность*. 2006. № 4. С. 125–141. URL: <https://codeby.net/attachments/oslon-a-uolter-lippman-o-stererotipax-pdf.30512>.

Шестопалова 2007 – *Шестопалова О.Н.* Типология социальных стереотипов // *Известия Уральского государственного университета*. Сер. 3. Общественные науки. 2007. Т. 51, № 3. С. 106–110. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/21797?mode=full>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=10426097>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ueafh>.

References

Lippman 1965 – *Lippmann W.* (1965) Public opinion. Toronto. 233 p. URL: https://monoskop.org/images/b/bf/Lippman_Walter_Public_Opinion.pdf.

Alekseeva, Fedoseeva 2020 – *Alekseeva T.E., Fedoseeva L.N.* (2020) English and Russian proverbs about law, crime and justice in lingvodidactic practice. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: crime and punishment*, vol. 28 (1–4), no. 4, pp. 620–629. DOI: [http://doi.org/10.33463/2687-1238.2020.28\(1-4\).4.620-629](http://doi.org/10.33463/2687-1238.2020.28(1-4).4.620-629). EDN: <https://www.elibrary.ru/wtjmmg>. (In Russ.)

Alekseeva, Fedoseeva 2021 – *Alekseeva T.E., Fedoseeva L.N.* (2021) The image of a woman in English proverbs: semantic analysis. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 89–94. DOI: <http://doi.org/10.17308/lic.2021.3/3585>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zyruae>. (In Russ.)

Bochina, Syan Tsyun' 2013 – *Bochina T.G., Syan Tsyun'* (2013) Axiology of age in Russian paremia. *Philology and Culture*, no. 3 (33), pp. 44–48. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/aksiologiya-vozrasta-v-russkoy-paremike>. (In Russ.)

Gorokhova 2016 – *Gorokhova A.M.* (2016) Towards modelling nuclear and peripheral components of the British national character (based on the analysis of the English language paremiological fund). *Nizhny Novgorod Linguistics University Bulletin*, no. 35, pp. 11–23. Available at: <https://vestnik.lunn.ru/arhiv-zhurnala/2016-god/vypusk-35-3-kvartal-2016-g/35-1>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28340941>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xweurx>. (In Russ.)

Zaytseva 2021 – *Zaytseva N.V.* (2021) Age stereotypes in the Anglo-Saxon language picture of the world: static and dynamic aspects. *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, vol. 25, no. 4, pp. 57–66. DOI: <http://doi.org/10.18522/1995-0640-2021-4-57-66>. EDN: <https://www.elibrary.ru/oakkny>. (In Russ.)

Mishutinskaya 2014 – *Mishutinskaya E.A.* (2014) The Image of «A Religious Official» in Proverbs (in Russian and English Proverbs). *Concept*, no. T20, pp. 121–125. Available at: <https://e-koncept.ru/2014/54284.htm>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21805811>. EDN: <https://www.elibrary.ru/sjepej>. (In Russ.)

Oslon 2006 – *Oslon A.* (2006) Walter Lippman on stereotypes: extracts from the book «Public Opinion». *Sotsial'naya real'nost'*, no. 4, pp. 125–141. Available at: <https://codeby.net/attachments/oslon-a-uolter-lippman-o-sterootipax-pdf.30512>. (In Russ.)

Shestopalova 2007 – *Shestopalova O.N.* (2007) Typology of social stereotypes. *Izvestia – Social Sciences*, vol. 51, no. 3, pp. 106–110. Available at: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/21797?mode=full>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=10426097>. EDN: <https://www.elibrary.ru/iueafh>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.133.1

Дата поступления: 11.07.2022
рецензирования: 19.08.2022
принятия: 28.08.2022

Паронимическая аттракция в процессе фразеологической трансформации в современном французском языке

В.А. Чаплик

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Российская Федерация
E-mail: varvaratarapova@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9416-8933>. SPIN: 8958-9991

Аннотация: Предлагаемая статья посвящена описанию и анализу основных процессов трансформации фразеологических единиц в современном французском языке. Излагается теоретическая оценка компонентов экспрессивной речи и языковой игры с опорой на примеры фактического проявления приема паронимической аттракции в языке французских медиа и художественных текстов. Анализ феномена паронимической аттракции как одного из инструментов механизма языковой креативности через призму семантического и функционального аспектов обуславливает актуальность и новизну проведенного исследования. Целью исследования является рассмотрение роли паронимического механизма языка в процессе создания текстов с дополнительной экспрессивностью на основе закрепившихся в языке устойчивых единиц. Приводится также и анализ основных подходов современных исследователей. Приводимые в тексте данной статьи примеры были собраны из материалов различных политических франкоязычных изданий (*Le Figaro*, *Le Canard enchaîné*), интернет-текстов, а также произведений известных французских писателей и поэтов Бориса Виана (B. Vian) и Жака Превра (J. Prévert).

Ключевые слова: фразеологизмы; паронимическая аттракция; паронимазия; лексическая субституция; языковая игра; языковая функция; норма.

Цитирование. Чаплик В.А. Паронимическая аттракция в процессе фразеологической трансформации в современном французском языке // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 3. С. 136–142. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-136-142>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Чаплик В.А., 2022

Варвара Андреевна Чаплик – аспирант кафедры французского языкознания, филологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, 1; старший преподаватель факультета гуманитарных наук; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Российская Федерация, г. Москва, ул. Мясницкая, 20.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 11.07.2022
Revised: 19.08.2022
Accepted: 28.08.2022

Paronymic attraction in the process of phraseological transformation in modern French

V.A. Chaplik

Lomonosov Moscow State University, Higher School of Economics
National Research University, Moscow, Russian Federation
E-mail: varvaratarapova@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9416-8933>. SPIN: 8958-9991

Abstract: The proposed article is devoted to the description and analysis of the main processes of transformation of phraseological units in modern French. A theoretical assessment of the components of expressive speech and language game is presented, based on examples of the actual manifestation of the reception of paronymic attraction in the language of French media and literary texts. Analysis of the phenomenon of paronymic attraction as one of the tools of the mechanism of language creativity through the prism of semantic and functional aspects determines the relevance and novelty of the study. The aim of the study is to consider the role of the paronymic mechanism of the language in the process of creating texts with additional expressiveness based on the units fixed in the language. An analysis of the main approaches of modern researchers is also given. The examples cited in the text of this article have been collected from various French political publications (*Le Figaro*, *Le Canard enchaîné*), Internet texts, as well as works by B. Vian and J. Prévert.

Key words: phraseological units; paronymic attraction; paronomasia; language game; lexical substitution; language norm.

Citation. Chaplik V.A. Paronymic attraction in the process of phraseological transformation in modern French. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 28, no. 3, pp. 136–142. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-136-142>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Chaplik V.A., 2022

Varvara A. Chaplik – postgraduate student of the Department of the French Language, Faculty of Foreign Languages, Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; senior lecturer of the Faculty of Humanitarian Sciences, Higher School of Economics National Research University, 20, Myasnitskaya Street, Moscow, 101000, Russian Federation.

Введение

Фразеологические единицы часто рассматриваются в рамках процесса языковой игры. Существует достаточно много исследований, посвященных феномену юмора (J.-F. Sablayrolles, Richard J. Alexander, V. Raskin, B. Quemada, В.В. Лопатин, В.П. Григорьев) в основном в русском и английском языках, в рамках которых затрагивается вопрос неправильного, «неканоничного» использования таких фиксированных единиц, случаев их образования, преобразования и возможных функций. Зачастую трансформация фразеологического оборота задействует особые языковые механизмы, особенно в случаях кратких письменных высказываний: слоганов в рекламе, заголовков – в прессе, а также кратких форм интернет-высказываний с ограниченным полем контекста.

Важно помнить, что «застывшие», фиксированные сочетания лексических единиц являются одним из результатов процесса языковой эволюции, формирующих некий общий план языкового мышления, разделяемый всеми носителями данного языка, тогда как для иностранцев, изучающих язык, этот «понятийный» план языкового мышления зачастую если и осваивается, то в последнюю очередь и/или не в полной мере. Потому значение видоизмененных фразеологических оборотов часто бывает неочевидным, непонятным, что затрудняет реализацию не только поэтической функции языка [Якобсон 1987, с. 15], направленной на дополнительное воздействие на адресата сообщения, но и функции коммуникативной.

Фразеология включает в себя большое количество различных элементов. При этом все эти элементы имеют несколько общих характеристик:

– полилексичность, или неоднословность (во французской традиции – *polylexicalité*, то есть всегда включают в себя 2 и более лексических единицы);

– неизменяемость формы.

Ввиду этих свойств фразеологические единицы часто называют фиксированными лексическими последовательностями (в работах французских исследователей чаще всего в этой связи используется термин *séquences figées*).

Другой важной общей чертой, характерной для таких образований, также можно считать идиоматичность (т. е. невозможность полностью вывести значение фразеологизма исключительно из суммы значений его элементов, при этом степень идиоматичности каждого фразеологизма может быть разной [Панов 1956, с. 129–156]. Именно поэтому фразеологизмы могут иметь два возможных толкования: 1) буквальное, составленное непосредственно из элементов последовательности; 2) переносное, «общее» толкование, которое как правило, является основным. Любопытно, что та-

кие идиоматические выражения часто являются общими для разных языков, например:

– *il ne faut pas vendre la peau de l'ours avant de l'avoir tué* – букв. 'не нужно продавать шкуру медведя прежде, чем убить его', что в обычной речи понимается как 'не нужно заявлять о результате, который пока не был (и возможно не будет) достигнут' (ср. с русским 'делить шкуру неубитого медведя' – практически идентичным по форме и значению);

– *ne pas sortir de l'auberge* – букв. 'не выходить из гостиницы', в переносном значении понимается как 'быть в трудной ситуации, иметь проблемы', но теоретически можно вообразить такую ситуацию, когда выражение может быть истолковано и буквально. Контраст между прямым и переносным значениями подобного типа устойчивых выражений и сочетаний часто служит инструментом для создания юмористического эффекта.

На основании такого достаточно широкого понимания явления *фразеологизма*, принимаемого большинством современных исследователей (Catherine Bolly, Sylvia Jaki, Andreas Langlotz, Robert Latta), предлагается выделять несколько типов конструкции, которые могут быть отнесены к данной категории лексических сочетаний:

1) идиоматические выражения – *poser un lapin; casser sa pipe; un froid de canard;*

2) сравнения – *parler français comme une vache espagnol; changer d'idée comme de chemise;*

3) фразеологические словосочетания (*couples phraséologiques*) – *bel et bien; tel père tel fils;*

4) пословицы и поговорки – *donner sa langue au chat; mieux vaut sagesse que richesse;* также любопытно отдельно упомянуть о таком явлении во французской фразеологии, как *anti-proverbes*, в которых обыгрывается уже существующая поговорка, как правило с противоположным значением: *ne fais pas aujourd'hui ce que tu peux remettre à demain* вместо классического *ne remets pas à demain ce que tu peux faire aujourd'hui;*

5) известные цитаты, названия фильмов и литературных произведений, слоганы: *soyez réalistes – demandez l'impossible!; Make America great again; le changement – c'est maintenant!*

6) прагматемы [Latta 1999; Blanco 2013], или прагматические фраземы (французский термин *pragmatèmes*). Данный термин используют для обозначения высказываний, которые полностью или частично утратили свое лексическое и/или грамматическое значение, но приобрели значение прагматическое. Иными словами, такие единицы обеспечивают связность текста, а также отражают (и поддерживают) процесс коммуникации между автором и адресатом сообщения: *à plus tard!; ça roule!*

Характерно, что фразеологические единицы также различаются в зависимости от частоты их использования в речи и, соответственно, от степени их потенциальной изменяемости. Можно выделить несколько основных принципов, определяющих фразовую и межфразовую комбинаторность.

1. Количество элементов в высказывании, которые потенциально могут быть изменены без ущерба для основного значения каноничной формы фразеологизма, или степень свободной варьированности элементов словосочетания. Так, например, во фразе *les enfants jouent* потенциально изменяемым можно считать каждый элемент высказывания – его связи с другими элементами нарушены при этом не будут:

<i>Les</i>	<i>enfants</i>	<i>jouent</i>
<i>Mes</i>	<i>voisins</i>	<i>achètent</i>
<i>Ces</i>	<i>gens</i>	<i>frappent</i>
<i>Autres</i>	<i>frères</i>	<i>mangent</i>
	<i>ados</i>	

При этом важно отметить, что механизм фразеологии задействует большинство частей речи, при изменении формы устойчивой лексической последовательности могут также добавляться отдельные фразовые элементы:

– восклицания: *La vache! parbleu! purée!*

– прагматемы, используемые для поддержания коммуникации и контакта с собеседником (включая формулы вежливости): *Oh, ça sent bon le café! Bien à vous!*

– цитаты из гимны, молитвы: *Donne-nous aujourd'hui notre pain quotidien;*

– формулы юридических текстов и официальных документов: *l'affaire est dans le sac;*

2. Сочетаемость элементов во фразе при замене.

На первый взгляд в совмещении двух этих принципов можно увидеть некоторое противоречие, но они скорее взаимодополняют друг друга. Подобное соотношение может быть представлено в виде шкалы, где крайними точками, или полюсами, будет *абсолютная свобода сочетаемости* канонических и «новых», уже измененных элементов фразеологизма, с одной стороны, и, напротив, невозможность подобной замены без вреда для изначального значения, сведение ее практически к нулю. Так, например, в качестве примеров можно привести такие выражения, как *à la guerre comme à la guerre, deux et deux font quatre; œil pour œil, dent pour dent.*

3. Другим важным аспектом является степень ясности значения, следующего непосредственно из самого словосочетания. Значение оборота может быть: 1) «прозрачным», простым для восприятия – в таких случаях как правило не возникает проблем интерпретации, например: *rouge comme un tomate; beau comme le jour;* 2) неочевидным, «смутным» (последних во французском языке достаточно много): *panier à salade – fourgon pour les prisonniers* (автозак); *franchir le Rubicon; ce n'est pas le Pérou.* 3) Также возможна и средняя степень ясности, как во фразе *il faut battre le fer quand il*

est chaud – буквальное значение в данном случае представляется достаточно очевидным, при этом переход к фигуральному значению через ассоциативный ряд *fer=métal, + battre= une situation difficile* не составляет труда.

В то время как одни фразеологические единицы (например, прагматемы) меньше подвержены изменениям и в основном используются в речи в своей обычной, неизменной форме, другие категории часто подвергаются модификации. Иногда такие трансформации могут быть спровоцированы непреднамеренным нарушением нормы, ошибкой, как в случаях оговорок, описок и/или паронимического смешения. Так, например, известно, что в выражении *prendre la crémaillère* (русс. 'праздновать новоселье') студенты не-франкофоны часто путают используемый в выражении глагол и заменяют его на более частотный и схожий по форме *prendre*.

Однако наиболее частотными можно считать случаи, когда модификация осуществляется автором сообщения преднамеренно. В работах французских исследователей [Jaki 2014, p. 18] такой процесс часто называется *défigement* (т. е. 'размораживание' застывшей, устойчивой формы). Другими словами, все случаи, которые можно определить как преднамеренную деформацию фиксированной лексической последовательности в рамках конкретного текста.

Разумеется, механизм фразеологической трансформации, или *défigement*, очень разнообразен и действует на разных языковых уровнях. Для нашего исследования наибольший интерес представляет механизм лексической замены – случаи, когда во фразеологической последовательности один лексический компонент заменяется другим:

– *L'éclat – c'est moi* (ср. *l'état – c'est moi*);

– *Heureux comme un élu en France* (ср. *Heureux comme Dieu en France*);

– *Râlons enfants de la Patrie!* (ср. *Allons enfants de la Patrie*).

Лексическая субституция такого рода часто используется для формирования заголовков и подзаголовков газет и журналов, в первую очередь в материалах на актуальную политическую тематику. Так, во Франции это особенно присуще сатиристическим изданиям, как, например, *Le Canard enchaîné* (см. примеры выше), а также в социальных сетях.

Частота использования данного инструмента трансформации фразеологических единиц объясняется в первую очередь многофункциональностью. Лексическая субституция позволяет 1) адаптировать фразеологизм к конкретному контексту (значение фразеологических единиц носит абстрактный характер, тогда как замена лексического элемента помогает сделать его более конкретным); 2) создать юмористический эффект ввиду игры контекстного и основного значений; 3) привлечь дополнительное внимание за счет конденсации смысловой нагрузки и порождению ассоциаций; 4) соблюсти краткость формы высказывания.

При лексической субституция фразеологических сочетаний и выражений отношения между заменяемым элементом и заменой также могут различаться. Очевидно, что оба этих элемента несут определенное лексическое значение, однако механизм субституции при этом может варьироваться. Многие французские и английские исследователи (С. Bolly, S. Jaki, R. Latta) предлагают выделять несколько разных типов механизма лексической субституции, нам кажется наиболее сообразным остановиться на трех основных из них.

1. Контекстуальная субституция – замена строится исключительно на базе контекста, связывая таким образом актуальный факт действительности и хорошо известное устойчивое выражение, без дополнительных связей и значений:

– *Le tour du monde en 80 chômeurs* (ср. *Le tour du monde en 80 jours*);

– *Aimez-vous Malhe ?* (ср. *Aimez-vous Brahms?*);

– *S'il te plaît, découpe-moi un mouton!* (ср. *Dessine-moi un mouton*).

2. Семантическая субституция – в основном такой механизм подразумевает использование антонимов или гипонимов (значительно реже – синонимов), так как в таком случае речь идет скорее об общем для обоих элементов семантическом поле употреблении, нежели о действительных прямых семантических связях. Это можно видеть в уже приведенном нами ранее примере *Heureux comme un élu en France* (ср. *Heureux comme Dieu en France*), где *élu* и *Dieu* могут связаны друг с другом в одном из аспектов значений, а именно в характеристике 'быть выше обычных людей, народа'.

Другой часто встречающийся в речи пример – *faire d'une pierre cent coups* вместо классического *faire d'une pierre deux coups* (ср. русс. 'убить двух зайцев одним выстрелом'). Здесь можно видеть механизм семантической субституции с использованием синонима с усиленным, более актуальным значением для усиления значения в рамках определенной коммуникативной ситуации.

3. Паронимическая субституция – согласно недавним исследованиям И.Н. Кузнецовой [Кузнецова 2021] и Sylvia Jaki [Jaki 2014], механизм паронимической субституции оказывается самым продуктивным (около 60 %) не только в плане диахронии, т. е. при образовании фразеологических единиц, но и при их изменении и трансформации. Такая субституция подразумевает задействование механизма паронимической аттракции: между заменяемой, «нормативной» единицей фразеологического оборота, и заменяющим, новым элементом существует формальная схожесть (звуковая), которая также влияет на схожесть в плане семантическом, что приводит к сближению и даже наложению планов значений в рамках целого высказывания, как в известной трансформации фразеологизма Поля Валери *Entre deux mots, il faut choisir le moindre* (Valéry 1941, p. 145), где паронимическими аттрактантами являются практически идентичные по звучанию *mots/maux*, в рекламном слогане автоконцерна Ford – *Ça, c'est très Ford* (ср.

Ford/fort), или в уже приведенном нами выше примере *L'éclat – c'est moi* (ср. *éclat / état*).

Впервые механизм паронимической аттракции, или паронимазии описал Р.О. Якобсон. В своих работах он выделил особую, паронимазическую функцию языка, направленную на образование особого выразительного значения при семантической смежности сходных по форме языковых единиц: «Сходно звучащие слова уподобляются смыслами, причем такая паронимазическая связь может охватывать целый словесные группы» [Якобсон 1987]. Важно отметить, что отмечаемая исследователями высокая степень распространенности паронимической субституции при преобразовании фразеологизмов напрямую обуславливается высокой степенью продуктивности самого механизма паронимазии: «именно устойчивость, неразложимость фразеологических единиц является причиной того, что разрушение их структурного или семантического единства может использоваться для придания высказыванию большей эмоциональности, выразительности» [Тер-Минасова 1968, с. 29].

Краткие по своей форме, такие измененные, преобразованные единицы позволяют достичь 1) эффекта неожиданности, так как на первый план в таких конструкциях всегда выходит игровая или поэтическая по Якобсону функция языка (например, Ж.-Ф. Саблероль называет паронимические новообразования такого типа *ludiques* [Sablayrolles 2015, p. 206]). Разумеется, одновременно происходит не только обращение к известному понятию/факту действительности, но на базе нормативной семантики создается новый смысл. То есть речь идет о своего рода *реноминации*, целью которой является повышение выразительности сообщения в целом, создание более яркой образности, во многом именно за счет отсылки к первому значению, известного как автору, так и адресату сообщения.

Перечисленные выше характеристики фразеологизмов сближают их с понятием игры слов, для которой общепризнанными чертами являются в том числе 1) эффект неожиданности; 2) тот факт, что элементы замены «намечают» на замененный элемент, отсылают к другому, имплицитному значению также, как это происходит, например, с каламбурами. Отметим, что лексическая замена в газетных заголовках обладает экстраординарным потенциалом, который выходит за рамки простого несоответствия – для конденсации смыслов в сложных сообщениях и создания множественных ассоциаций. В контексте данной среды эта функция кажется не менее, а может быть и более важной, чем создание эффекта неожиданности.

Как следует из вышесказанного, фразеологизм, образованный с помощью механизма паронимической субституции – это своего рода лексическая инновация, создаваемая с помощью намеренного нарушения языковой нормы и двойной смысловой нагрузки на адресата сообщения, перед которым стоят одновременно две задачи: 1) понять, к какой единице осуществляется отсылка автором сообще-

ния; 2) расшифровать значение фразеологической единицы с учетом контекста сообщения.

При создании такой единицы происходит частичный отход от традиционной продуктивной модели (*productivité*) языка, при этом степень за- действия механизма языковой креативности (*créativité*) заметно повышается – происходит смешение нескольких значений, что приводит к особой концентрации смысла в форме языковой игры.

Таким образом, важное отличие паронимического типа преобразования фразеологических словосочетаний связано непосредственно с самим механизмом их построения, которое происходит с контаминацией, смешением, паронимических компонентов фразеологического сочетания.

В этой связи нам кажется особенно интересным рассмотреть подход к проблеме трансформации фразеологических выражений и роли паронимического механизма в этом процессе, предлагаемый профессором И.Н. Кузнецовой [Кузнецова 2021, с. 299]. Согласно предложенной в ее работе типологии, изменения фразеологических сочетаний следует различать по уровням трансформации и по типу механизма деформации.

Так, деформация фразеологического сочетания может быть двух основных типов: 1) трансформация может затрагивать только содержание; 2) изменения затрагивают и содержание, и форму.

При первом виде изменений (деформации в терминах И.Н. Кузнецовой) «форма фразеологизма остается неизменной, но компоненты его используются в их буквальном значении как компоненты свободного сочетания» [Кузнецова 2021, с. 301]. Иными словами, происходит как бы повторное переосмысление значения фразеологизма и выражению; возвращается его изначальное, «буквальное» значение. Так, в примере, который приводит И.Н. Кузнецова, видно, что создаваемая подобным образом игра слов основана на реанимировании прямого значения и обращении к изначальным связям между элементами фразеологического высказывания: *N'être pas dans le vent. A force d'être dans le vent on finit par attraper des rhumes (être dans le vent – идти в ногу со временем; Прямое значение – находиться (быть) на ветру).*

Во втором случае, как уже отмечалось выше, изменения затрагивают и форму, и семантику фразеологизма:

*Et le diable tire dans l'ombre
 et revient bredouille chaque nuit
 rien dans son charnier*

rien à se mettre sous la charnière (Prévert 1972, p. 164).

(ср. *n'avoir rien à se mettre sous la dent* и *n'avoir rien à se mettre sous la charnière* – обе формы оказываются связаны по буквальному и переносному смыслам, что и позволяет достичь неожиданного стилистического эффекта).

Конструктивный же механизм производимой трансформации (деформации и/или *défigement*) может быть 3 видов.

1. Паронимическое изменение затрагивает один из элементов выражения. Именно такой механизм можно наблюдать в примерах паронимической субституции выше, а также в известной фразе Жака Превера (Prévert 1972, p. 164) *L'enfant ne comprend pas un prêtre mot* (ср. *prêtre* – «священник» и *traître* – «предатель»), где паронимическими аттрактантами являются существительные *prêtre* и *traître*, а также отсылка к фразеологизму *ne pas dire un traître mot* — русс. «не обмолвиться ни единым словом».

2. Паронимическая трансформация основана на замене и/или добавлении одного из элементов фразеологизма. В этой связи особенно интересными оказываются следующие приводимые автором примеры из Бориса Виана, где изменению подвергается одно фразеологическое выражение – *à brûle-pourpoint* (от выражения *brûler le pourpoint* – русс. «стрелять в упор», букв. «так, чтобы обжечь/сжечь камзол»). Происходит замена элемента одежды *pourpoint* на более актуальные – *блузку* и *галстук*:

– *Saviez vous, donc, lui demanda-t-il à brûle-cor-sage, que j'allais à Carcassone* (Vian 1968, p. 174).

– *[...] Combien faut-il de boulets de canon pour démolir la ville de Lyon? – continua l'abbé s'adressant à brûle-cravate à l'archéologue [...]*» (Vian 2001, p. 303).

3. Паронимическая трансформация основана на наложении двух фразеологических сочетаний, подобно наложению основ при образовании неологизмов (или фразеологизма и разговорного выражения):

– *D'abord il faut que nous vous passions à tabac de contrebande. C'est un tabac très fort; nous utilisons l'abréviation pour que les gens ne s'émeuvent pas* (Valéry 1941, p. 159). В данном случае, происходит наложении разговорного выражения *passer qn à tabac* (русс. «избить, отделать кого-л.») и *expression figée* (русс. «устойчивое выражение и/или словосочетание») *tabac de contrebande* (русс. «контрабандный табак»).

Таким образом, как следует из приведенных примеров, паронимический механизм фразеологической трансформации в стилистических целях является одним из самых продуктивных для создания языковой игры в рамках ограниченного контекста как в публицистических, так и в художественных текстах. В основе данного приема, несмотря на все приведенные выше разновидности трансформации/деформации фразеологических выражений всегда остается один механизм, подразумевающий создание формально схожей с нормативным, каноничным фразеологическим словосочетанием новой языковой единицы, которая способна вызвать обусловленную сходством по форме смысловую ассоциацию, то есть ассоциацию по содержанию. Тем самым происходит не только нарушение нормы, но отсылка к каноничному значению с одной стороны, а также к актуальному контексту – с дру-

гой, что позволяет создать желаемый стилистический эффект и при этом сохранить относительную краткость формы, что особенно важно не только для заголовков и рекламных слоганов (ввиду в том числе экономии места на печатном листе и/или плакате), но и для текстов художественных, так как это позволяет обеспечить ясность сообщения – такая смысловая игра должна быть ясной и доступной для понимания, в противном случае желаемый стилистический эффект не будет достигнут.

Материалы исследования

Charlie Hebdomadaire 2010 – *Charlie Hebdomadaire*, VW, 4 octobre 2010.

Le Canard enchaîné 2010 a – *Le Canard enchaîné*, VI, 23 septembre 2009.

Le Canard enchaîné 2010 b – *Le Canard enchaîné*, VI, 23 juin 2010.

Le Canard enchaîné 2012 – *Le Canard enchaîné*, VI, 11 avril 2012.

Le Figaro 2010 – *Le Figaro*, VW, 16 septembre 2010.

Le Figaro 2012 – *Le Figaro*, VW, 25 avril 2012.

Prévert 1972 – *Prévert J. L'Enseignement libre // Prévert J. Spectacle*. Paris: Gallimard, 1972. 320 p.

Spiegel 2010 – *Spiegel*, VW, 29 septembre 2010.

Valéry 1941 – *Valéry Paul*. Tel Quel, Littérature. Paris: Gallimard, 1941. 495 p.

Vian 2001 – *Vian B. L'automne à Pékin // Romans. Nouvelles. Œuvres diverses*. P. Librairie Générale Française, 2001. 1343 p.

Vian 1968 a – *Vian B. L'écume des jours*. Paris: J.-J. Pauvert, 1968. 184 p.

Vian 1968 b – *Vian B. L'oe bleue // Vian B. Les fourmis*. Paris: Eric Losfeld, 1968. 220 p.

Библиографический список

Blanco 2013 – *Blanco X. Les pragmatèmes: définition, typologie et traitement lexicographique // Verbum*. 2013. Vol. 4. P. 17–25. DOI: <http://doi.org/10.15388/Verb.2013.4.4977>.

Bolly 2013 – Bolly Catherine. Phraséologie et collocations. Approche sur corpus en français L1 et L2 // GRAMM-R. Études de linguistique française, 9). Zeitschrift für französische Sprache und Literatur Bd. 123, H. 3 (2013) P. 281–284. URL: <https://dial.uclouvain.be/pr/boreal/object/boreal:95715>.

Sylvia 2014 – *Sylvia Jaki. Phraseological Substitutions in Newspaper Headlines: «More than Meats the Eye»*. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins. DOI: <http://doi.org/10.1075/hcp.46>.

Langoltz 2006 – *Langoltz Andreas. A cognitive linguistic analysis of lexical substitutions in idioms // Annelies Häcki Buhofer & Harald Burger (Eds.) Phraseology in motion I: Methoden und Kritik. Akten der Internationalen Tagung zur Phraseologie (Basel, 2004)*. Baltmannsweiler, 2006. P. 381–395. URL: <https://edoc.unibas.ch/15444>.

Latta 1999 – *Latta Robert. The basic humor process: A cognitive shift-theory and the case against incongruity*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1999. DOI: <http://doi.org/10.1515/9783110806137>.

Lennon 2004 – *Lennon Paul. Allusions in the Press: An Applied Linguistic Study*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. DOI: <http://doi.org/10.1515/9783110197334>.

Mel'cuk 1995 – *Mel'cuk I. Phrasemes in language and phraseology in linguistics // Idioms: structural and psychological perspectives*. Hillsdale; New Jersey; Hove (UK), 1995. DOI: <https://www.taylorfrancis.com/chapters/mono/10.4324/9781315806501-13/phrasemes-language-phraseology-linguistics-martin-everaert-erik-jan-van-der-linden-andr,-schenk-rob-schreuder-robert-schreuder?context=ubx&refId=14557cf3-d6b2-487d-8d73-39d9fb7e99d2>.

Raskin 1979 – *Raskin Victor. Semantic Mechanisms of Humor // Proceedings of the Fifth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. 1979. P. 325–335. DOI: <http://dx.doi.org/10.3765/bls.v5i0.2164>.

Sablayrolles 2015 – *Sablayrolles J.-F. (2015) Néologismes ludiques: études morphologique et énonciativo-pragmatique // Esme Winter-Froemel & Angelika Zirker (éds.). Enjeux du jeu de mots. Perspectives linguistiques et littéraires (The Dynamics of Wordplay. Vol. 2)*. Berlin; Boston: De Gruyter, 2015. P. 189–216. DOI: <http://doi.org/10.1515/9783110408348-009>.

Zhu 2011 – *Zhu Lichao. Création lexicale et créativité textuelle: cas du figement et du défigement // Neophilologica*. 2011. Issue 23. P. 125–135. URL: <https://www.neophilologica.us.edu.pl/wp-content/uploads/2020/12/n23a10.pdf>.

Кузнецова 2021 – *Кузнецова И.Н. Теория и практика лексической интерференции (на материале французского и русского языков)*. Москва: ООО «Издательство Нестор Академик», 2021. 368 с.

Панов 1956 – *Панов М.В. О слове как единице языка // Учен. зап. МГПИ им. В.П. Потемкина*. Москва, 1956. Т. 1. С. 129–165. URL: <https://bookree.org/reader?file=615784>.

Тер-Минасова 1968 – *Тер-Минасова С.Г. Деформация фразеологических единиц как лингвистическое средство (на материале английской детской художественной литературы) // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология*. 1968. № 5. С. 67–73.

Якобсон 1987 – *Якобсон Р.О.* Работы по поэтике: Переводы / сост. и общ. ред. М.Л. Гаспарова. Москва: Прогресс, 1987. 373 с. URL: https://imwerden.de/pdf/yakobson_raboty_po_poetike_1987__ocr.pdf.

References

Blanco 2013 – *Blanco Xavier* (2013) Les pragmatèmes: définition, typologie et traitement lexicographique. *Verbum*, vol. 4, pp. 17–25. DOI: <http://doi.org/10.15388/Verb.2013.4.4977>.

Bolly 2013 – *Bolly Catherine* (2013) Phraséologie et collocations. Approche sur corpus en français L1 et L2. In: *GRAMM-R. Etudes de linguistique française*, 9). *Zeitschrift für französische Sprache und Literatur*, Bd. 123, H. 3, pp. 281–284. Available at: <https://dial.uclouvain.be/pr/boreal/object/boreal:95715>.

Sylvia 2014 – *Sylvia Jaki* (2014) Phraseological Substitutions in Newspaper Headlines: «More than Meats *the Eye*». Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins. DOI: <http://doi.org/10.1075/hcp.46>.

Langoltz 2006 – *Langlotz Andreas* (2006) A cognitive linguistic analysis of lexical substitutions in idioms. In: *Annelies Häcki Buhofer & Harald Burger (Eds.) Phraseology in motion I: Methoden und Kritik. Akten der Internationalen Tagung zur Phraseologie (Basel, 2004)*. Baltmannsweiler, pp. 381–395. Available at: <https://edoc.unibas.ch/15444/>.

Latta 1999 – *Latta Robert* (1999) The basic humor process: A cognitive shift-theory and the case against incongruity. Berlin: Mouton de Gruyter. DOI: <http://doi.org/10.1515/9783110806137>.

Lennon 2004 – *Lennon Paul* (2004) Allusions in the Press: An Applied Linguistic Study. Berlin: Mouton de Gruyter. DOI: <http://doi.org/10.1515/9783110197334>.

Mel'chuk 1995 – *Mel'cuk Igor* (1995) Phrasemes in language and phraseology in linguistics. In: *Idioms: structural and psychological perspectives*. Hillsdale; New Jersey; Hove (UK). Available at: <https://www.taylorfrancis.com/chapters/mono/10.4324/9781315806501-13/phrasemes-language-phraseology-linguistics-martin-everaert-erik-jan-van-der-linden-andr,-schenk-rob-schreuder-robert-schreuder?context=ubx&refId=14557cf3-d6b2-487d-8d73-39d9fb7e99d2>.

Raskin 1979 – *Raskin Victor* (1979) Semantic Mechanisms of Humor. In: *Proceedings of the Fifth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*, pp. 325–335. DOI: <http://dx.doi.org/10.3765/bls.v5i0.2164>.

Sablayrolles 2015 – *Sablayrolles J.-F.* (2015) Néologismes ludiques: études morphologique et énonciativo-pragmatique. In: *Esme Winter-Froemel & Angelika Zirker (éds.) Enjeux du jeu de mots. Perspectives linguistiques et littéraires (The Dynamics of Wordplay. Vol. 2)*. Berlin, Boston: DeGruyter, pp. 189–216. DOI: <http://doi.org/10.1515/9783110408348-009>.

Lichao 2011 – *Zhu Lichao* (2011). Création lexicale et créativité textuelle: cas du figement et du défigement. *Neophilologica*, issue 23, pp. 125–135. Available at: <https://www.neophilologica.us.edu.pl/wp-content/uploads/2020/12/n23a10.pdf>.

Kuznetsova 2021 – *Kuznetsova I.N.* (2021) Theory and practice of lexical interference (based on French and Russian languages). Moscow: OOO «Izdatel'stvo Nestor Akademik», 368 p. (In Russ.)

Panov 1956 – *Panov M.V.* (1956) On the word as a unit of language. *Uchen. zap. MGPI im. V.P. Potemkina*, vol. 1, pp. 129–165. Available at: <https://bookree.org/reader?file=615784>. (In Russ.)

Ter-Minasova 1968 – *Ter-Minasova S.G.* (1968) Deformation of phraseological units as a linguistic means (based on English children's fiction). *Moscow University Philology Bulletin*, no. 5, pp. 67–73. (In Russ.)

Jakobson 1987 – *Jacobson R.O.* (1987) Works on poetics: Translations. Composition and general editorship by M.L. Gasparov. Moscow: Progress, 373 p. Available at: https://imwerden.de/pdf/yakobson_raboty_po_poetike_1987__ocr.pdf. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'33; 372.881.1

Дата поступления: 22.05.2022
рецензирования: 27.06.2022
принятия: 28.08.2022**Формирование иноязычной коммуникативной компетенции
с использованием креолизованных текстов****Л.В. Абдрахманова**Самарский государственный университет путей сообщения,
г. Самара, Российская ФедерацияE-mail: lubven.a@rambler.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3316-6176>**М.А. Терпак**Самарский государственный университет путей сообщения,
г. Самара, Российская ФедерацияE-mail: marterp@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8447-7038>

Аннотация: Статья посвящена актуальной проблеме обучения студентов технического вуза с целью формирования коммуникативной компетенции в профессиональной сфере. Определяются цели и задачи формирования коммуникативной компетенции с использованием креолизованных текстов, имеющих место в англоязычных научно-технических текстах. Рассматриваются различные виды заданий, которые входят в курс обучения дисциплине «Иностранный язык». В статье предлагаются некоторые виды упражнений, которые можно использовать на аудиторных занятиях и в процессе самостоятельной работы обучаемых. Рассматривается проблема обучения стилистическим особенностям устной и письменной речи, в частности особенностям научно-технического стиля английского языка, а также обучение профессиональной лексике и грамматике. Делается вывод, что овладение письменной речью происходит в учебном процессе достаточно поздно. На завершающих этапах обучения осуществляется и формирование навыков и умений смыслового анализа текста, его сжатия, целевого извлечения информации, комбинирования и построения письменного высказывания.

Ключевые слова: креолизованный текст; научно-технический текст; научная коммуникация; иноязычная коммуникативная компетенция; стилистические особенности письменной речи; коллокации; терминологическая база; лексико-грамматические средства; синтаксические средства.

Цитирование. Абдрахманова Л.В., Терпак М.А. Формирование иноязычной коммуникативной компетенции с использованием креолизованных текстов // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 3. С. 143–150. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-143-150>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Абдрахманова Л.В., Терпак М.А., 2022

Любовь Вениаминовна Абдрахманова – кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Лингвистика», Самарский государственный университет путей сообщения, 443066, Российская Федерация, г. Самара, ул. Свободы, 2 В.

Марина Анатольевна Терпак – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Лингвистика», Самарский государственный университет путей сообщения, 443066, Российская Федерация, г. Самара, ул. Свободы, 2 В.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 22.05.2022

Revised: 27.06.2022

Accepted: 28.08.2022

**Developing communicative competence
in a foreign language using creolized texts****L.V. Abdrakhmanova**

Samara State Transport University, Samara, Russian Federation

E-mail: lubven.a@rambler.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3316-6176>**M.A. Terpak**

Samara State Transport University, Samara, Russian Federation

E-mail: marterp@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8447-7038>

Abstract: The article deals with the problem of developing the job-related communicative competence in a foreign language. The objectives and tasks of developing communicative competence using creolized texts, which are found in scientific texts, are defined. The requirements for developing foreign language job-related communicative competence in the process of studying are defined as well. The authors give a review of different types of exercises which can be used within the process of classroom activities and self-guided work. The authors give a review of different types of stylistic devices used in oral and written speech, as well as the review of studying grammar and job-related vocabulary. It is concluded that the mastery of written speech occurs rather late in the educational process. At the final stages of training, the formation of skills and abilities of the semantic analysis of the text, its compression, targeted extraction of information, combination and construction of a written statement is also carried out.

Key words: creolized text; scientific and technical text scientific communication; communicative competence in a foreign language; stylistic peculiarities of written texts and oral speech; collocations; term base; lexico-grammatical devices; syntactic devices; railway discourse.

Citation. Abdrakhmanova L.V., Terpak M.A. Developing communicative competence in a foreign language using creolized texts. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 28, no. 3, pp. 143–150. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-143-150>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

© Abdrakhmanova L.V., Terpak M.A., 2022

Lubov V. Abdrakhmanova – Candidate of Pedagogical Sciences, associate professor of the Department of Linguistics, Samara State Transport University, 2V, Svoboda Street, Samara, 443066, Russian Federation.

Marina A. Terpak – Candidate of Philological Sciences, associate professor of the Department of Linguistics, Samara State Transport University, 2V, Svoboda Street, Samara, 443066, Russian Federation.

Введение

Актуальность развития и совершенствования иноязычной коммуникативной компетенции в рамках профессионального образования является значимой проблемой создания и развития современных методик обучения иностранному языку в высших профессиональных учебных заведениях. Уровни владения навыками и умениями, имеющиеся в современных программах обучения дисциплин, ориентированы на высокое качество коммуникативной деятельности, включая устную речь и письменную речь в профессиональной сфере.

Специалисты с техническим образованием, которые ведут научную и исследовательскую деятельность, направленную на развитие научно-технического прогресса не только в своей стране, но и в мире в целом, должны иметь возможность участвовать в обмене специализированной и общенаучной информацией с помощью языка международного общения в качестве средства реализации своих научных и профессиональных интересов [Абдрахманова 2014].

Задачи, решаемые при обучении устной и письменной речи, связаны с созданием условий для овладения содержанием обучения в техническом вузе. Эти задачи включают формирование у обучаемых необходимых речемыслительных навыков и умений, умение формулировать мысль в соответствии со стилем общения, формирование аутентичных представлений о предметном содержании и о графической форме письменного текста.

В связи с тем что в настоящее время вводится такая форма работы, как защита диплома на иностранном языке, актуальным становится написание доклада для защиты своей дипломной работы на иностранном языке, а также защита своего исследования с использованием таблиц, схем и графиков, которые представляют собой креолизованные тексты. В Самарском государственном университете путей сообщения такие защиты проводятся с 2012 г. Подготовка к такой деятельности должна проводиться регулярно в течение всего курса обучения иностранному языку в вузе.

Авторы данного исследования ставят своей задачей выявить и описать возможности формирования иноязычной коммуникативной компетенции с использованием креолизованных англоязычных научно-технических текстов [Терпак, Абдрахманова 2020].

Ход исследования

В последние годы появилось много исследований по изучению текстов, в которых вербальная часть сочетается с невербальными элементами, позволяющими компенсировать недостаток вербальной информации. Для описания этого явления Ю.А. Сорокиным и Е.Ф. Тарасовым были предложены термин «креолизованный текст» и определение к нему: «Креолизованные тексты – это тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [Сорокин, Тарасов 1990, с. 180–181].

Глубокое изучение проблематики креолизованных текстов также представлено в работах Е.Е. Анисимовой. Она взяла за основу понимание креолизованного текста как «особого лингвизуального феномена, текста, в котором вербальный и невербальный компоненты образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функционирующее целое, обеспечивающее его комплексное прагматическое воздействие на адресата» [Анисимова 2003, с. 17].

Таким образом, несмотря на то что в определениях креолизованного текста наблюдаются некоторые расхождения, все исследования данного явления основываются на том, что доминантным паралингвистическим средством в креолизованном тексте являются иконические (изобразительные) средства, взаимодействующие с вербальным сообщением на содержательном, содержательно-композиционном и содержательно-языковом уровнях. Благодаря такому взаимодействию и функционированию в едином семантическом пространстве все компоненты сообщения обеспечивают целостность и связность креолизованного текста. В результате процесс восприятия реципиентом креолизованного текста заключается в двойном декодировании сообщения с последующим образованием единого смысла всего креолизованного текста [Анисимова 1996, с. 128–130].

Визуальный компонент текста любого жанра (научно-технического в том числе) в настоящее время особенно актуален, т. к. многими исследователями отмечается существенное снижение способности вербального выражения и компенсации ее с помощью зрительных образов.

Когнитивное значение изобразительных элементов в технических текстах образует смысл текста, передает основное содержание текста, а сам текст, таким образом, становится связующим, пояснительным элементом. Отмечается высокое соответствие всех элементов изобразительного компонента таких текстов стилистическим требованиям научного дискурса – строгое выполнение когнитивной функции и отсутствие эмотивных признаков.

В большинстве научно-технических текстов формулы, чертежи, схемы, рисунки, таблицы являются самодостаточными носителями информации, т. е. материала, представленного в таком виде, достаточно для раскрытия содержания текста.

Креолизованные тексты в виде таблиц удобно использовать в процессе формирования грамматических навыков, например при обучении степеням сравнения (см. табл.).

Используя эту таблицу, студенты должны составить предложения с прилагательными *long* и *old*.

The Humber Bridge is the (long) bridge listed in the table above. It is (long) than the Golden Gate Bridge in the USA but it isn't as (old). The Verrazano Narrows Bridge in the USA is (new) than the Golden Gate Bridge but (old) than the Humber Bridge.

Далее студентам предлагается составить свои таблицы, содержание которых можно описать с использованием подобных грамматических моделей.

При обучении иностранному языку в техническом вузе необходимо использовать актуальную

информацию, которая доступна в периодических научно-технических изданиях, а также в сети Интернет (см. рис. 1, <http://www.railway-technical.com/infrastructure>).

Данная схема включает в себя основные элементы электрифицированной железной дороги, а также информацию о параметрах, характеризующих данную инфраструктуру.

Используя эту схему, преподаватель может предложить обучаемым описать электрифицированную железнодорожную линию вербально, с использованием терминов, которые даны на схеме.

– This diagram shows the principal parts of an electrified, double-track line.

– The total width across the two-track alignment will be about 15 m.

А также можно предложить обучаемым дать определение каждому элементу, представленному на схеме.

– The «cess» is the area available for a walkway or refuge for staff working on the track.

– The «sleeper» is a heavy piece of wood or concrete that supports a railway track.

Для описания данной схемы можно использовать пассивные конструкции, которые характерны для научного-технического стиля.

Например:

– The track itself is supported on «ballast».

– The sand is normally laid over some sort of geotechnical screen or mesh to separate it from the foundation material below.

Таблица

Степени сравнения

Table

Degrees of comparison

Bridge	Type of bridge	Length of span in metres	Built
Humber Bridge, England	suspension	1410	1981
Golden Gate Bridge, USA	suspension	1280	1937
Verrazano Narrows, USA	suspension	1298	1964

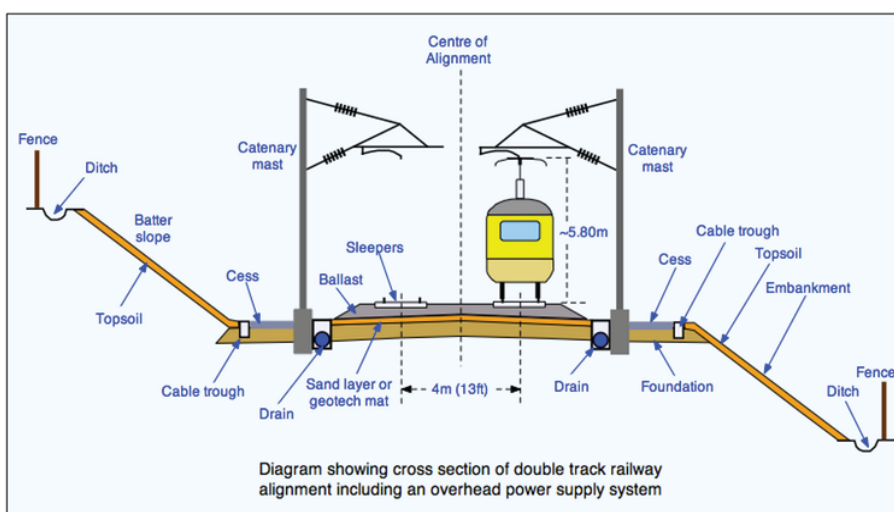

Рис. 1

Fig. 1

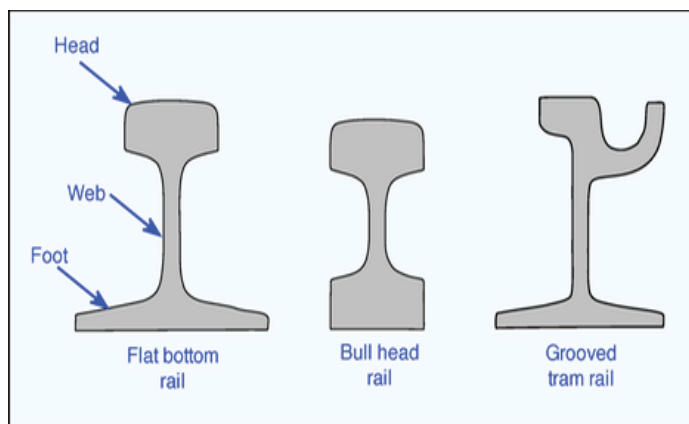

Рис. 2

Fig. 2

The formation is made of the right materials and is properly compacted to carry the loads of passing trains.

Для английского языка характерно использование большого количества атрибутивно-номинативных цепочек, которые часто используются в терминологическом аппарате в научно-техническом стиле, в том числе и в креолизованных текстах (см. рис. 2, <http://www.railway-technical.com/infrastructure>).

Данная схема включает в себя основные типы рельсов, которые используются на железных дорогах. На схеме дана информация не только о типах рельсов, но и термины, которые используются для обозначения их составных частей.

- *bullhead rail* – двухголовый рельс;
- *cast-steel plate* литая стальная плита;
- *rail head* – головка рельса.

Для описания типов рельсов студентам предлагается описать каждый элемент схемы, используя всю информацию, данную на схеме.

Например:

– *Flat bottom rail is clipped to a baseplate under the rail. They can also be «spiked» directly to the sleepers. A wide headed nail is driven into the sleeper on each side of the rail so that the foot of the rail is held by the heads of the spikes.*

– *A grooved rail is a special rail with a groove designed for tramway or railway track in pavement or grassed surfaces. The rail has the railhead on one side and the guard on the other. The guard provides accommodation for the flange. The guard carries no weight, but may act as a checkrail.*

Bullhead rail has to be mounted in a special «chair» made of cast iron and secured by a «key» wedged between the rail web and the chair.

– Normally, the rail rests on a cast steel plate which is screwed or bolted to the sleeper.

A rail head is the upper part of a steel rail with which the cars come in contact.

Будущим специалистам, желающим овладеть иностранным языком для общения в научной и профессиональной сфере, необходимо иметь

ввиду, что существуют аспекты, затрудняющие коммуникацию в профессиональной сфере, и необходимо учиться их преодолевать в процессе изучения иностранного языка. К таким аспектам следует отнести: «...типологические различия в построении специальных конструкций, используемых в научных жанрах: пассивные, инфинитивные, причастные конструкции; цепочки именных конструкций, клишированные конструкции с модальными конструкциями и их функциональными эквивалентами, а также национальные терминосистемы» [Исмагилова 2012, с. 57].

Научно-технический стиль в английском языке характеризуется усложненным синтаксисом, где используются:

- усложненные конструкции с сочинением и подчинением;
- сложные простые предложения с различными обособленными оборотами.

Например:

– *A 4-aspect system works similarly to the 3-aspect system except that two warnings are provided before a red signal, a double yellow and a single yellow (сложноподчиненное предложение, отягощенное однородными членами);*

– *Even for a signaling system with enforcement (ATP) like the London Underground, as described so far there is a risk that a train could pass a stop signal, then be stopped by the ATP enforcement system and still hit the train in front (сложноподчиненное предложение с несколькими придаточными).*

– *The operation is carried out by a railway company, providing transport between train stations or freight customer facilities (простое предложение с обособленным причастным оборотом).*

Для формирования коммуникативной компетенции в процессе обучения в вузе с использованием креолизованных текстов [Ворошилова 2007] необходимо обучать студентов использовать сложные предложения с причастиями, инфинитивными и герундиальными оборотами (см. рис. 3, <http://www.railway-technical.com/infrastructure>).

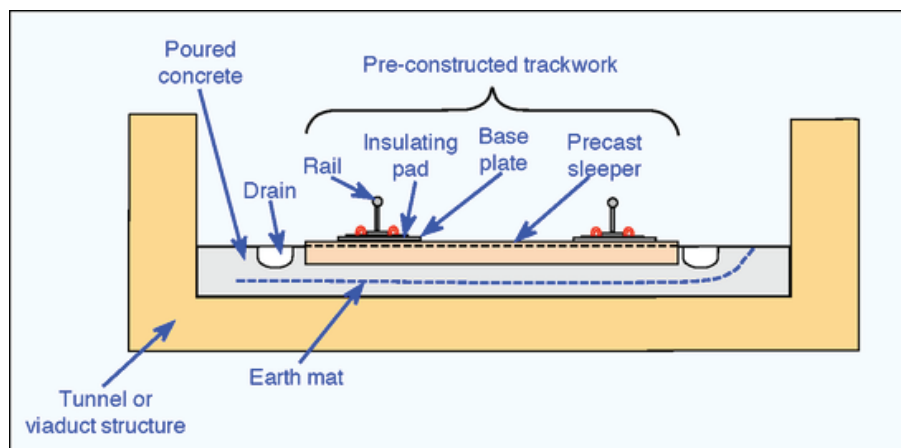

Рис. 3

Fig. 3

Применяя данную схему (рис. 3) для описания пути на сплошном подрельсовом основании, обучающиеся используют сложные предложения:

– *Slab tracks are generally used in special locations such as tunnels or bridges where a rigid base is required to ensure track stability in relation to the surrounding structures (придаточное предложение);*

– *There are a wide variety of track forms and systems incorporating some form of concrete base or support which doesn't need ballast (придаточное предложение).*

Обучающиеся также используют сложные предложения с причастиями, инфинитивными и герундиальными оборотами:

– *An earth mat is a steel mesh screen provided on electrified railways to try to keep stray return currents from connecting to utilities pipes and nearby steel structures (инфинитивный оборот и герундиальный оборот);*

– *Some slab track systems have the sleepers resting on rubber or similar pads so that they become «floating slab track» (причастный оборот);*

– *Although the civil engineer is prevented from allowing his structure to intrude into the train path, the rolling stock engineer also has limits imposed on the space his train may occupy (герундиальный оборот).*

Значительную роль в научно-технических текстах играют служебные (функциональные) слова, создающие логические связи между отдельными элементами высказываний. Это предлоги и союзы (в основном составные) типа *instead of, in preference to, apart (aside) from, except (for), save, in addition (to), together with, owing to, due to, thanks to, according to, because of, by means of, in accordance.*

Например:

– *The contact between them is sit on the rails without guidance except for the shape of the tyre in relation to the rail head;*

– *This can occur due to incorrect speed or sub-standard mechanical condition of the track or train;*

Apart from regular repacking or «tamping», ballast will have to be cleaned or replaced every few years.

Для того чтобы сформировать навык составлять сложные предложения, необходимо проводить предварительную работу с использованием различных упражнений на подстановку, трансформацию, комбинирование, которые были бы включены в ситуативный контекст. Упражнения на подстановку являются самыми простыми для выполнения, поэтому их следует предлагать в первую очередь. Студенты подставляют данные лексические единицы в соответствующие пропуски, сверяясь с предварительным готовым предложением.

Подобные упражнения можно выполнять и с опорой на креолизованные тексты. Студентам предлагается изучить рисунок и выполнить упражнение на подстановку соответствующих глаголов в пропуски в нужной форме (см. рис. 4).

Например:

receive convert detach activate carry out transmit locate.

If a plane crashes, or a ship sinks, the survivors try to ___ their personal emergency beacons manually. In addition, an automatic beacon ___ itself from the plane or ship and switches on automatically. The beacon then ___ a signal to one or more satellites. The satellites ___ the beacon's transmission and then send the beacon's signal to their ground station. The ground station then processes the satellite signals that is, it ___ the signals into useful data, and then passes on the data about the beacon to a national centre. The national centre forwards this data to the rescue centre nearest to the crashed plane or sinking ship. The rescue centre then ___ the beacon and sends out a rescue team, which then ___ the rescue.

После выполнения упражнения на подстановку можно предложить студентам разбиться на пары и обсудить работу спутниковой системы спасения, представленную на схеме, задавая вопросы и отвечая на них.

Например:

– *How does the rescue service work?*

– *A survivor activates his personal emergency beacon manually.*

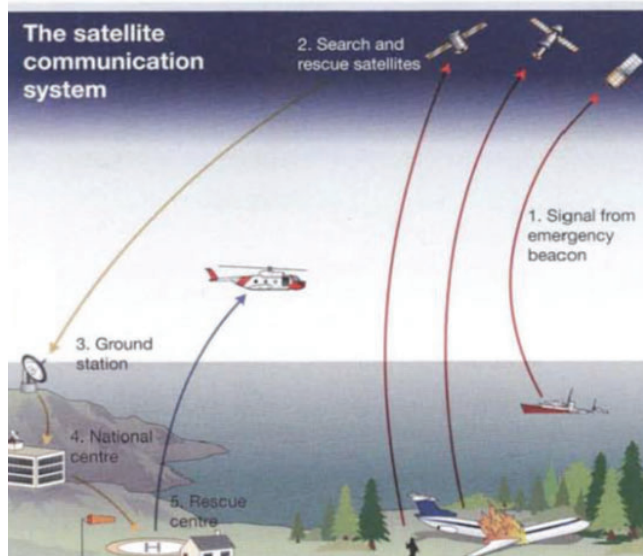

Рис. 4 Technical English 3 Student Book. © Pears on Education Limited 2011
 Fig. 4. Technical English 3 Student Book. © Pears on Education Limited 2011

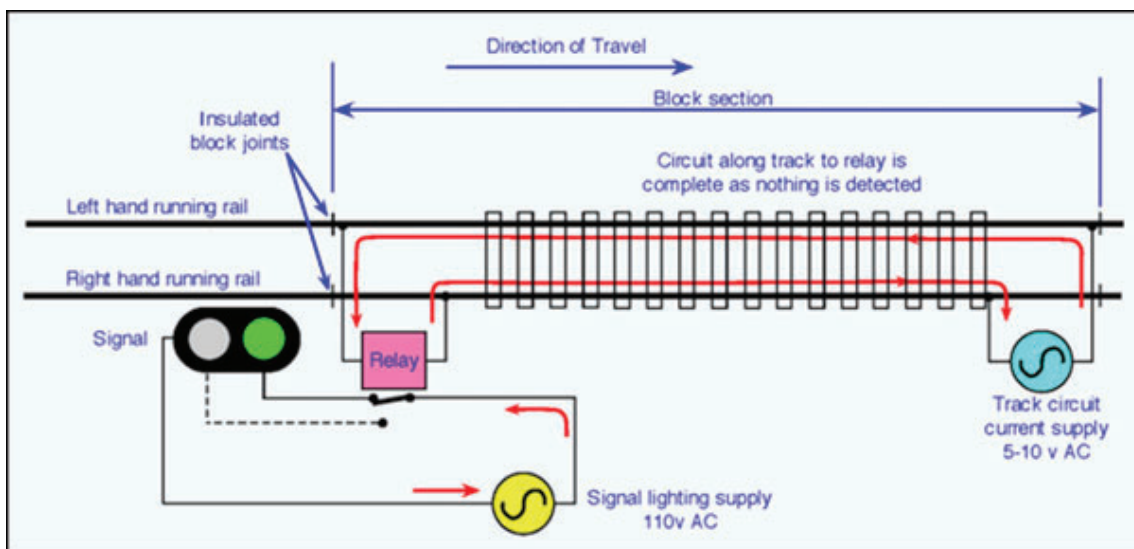

Рис. 5
 Fig. 5

- *What happens when the beacon is activated?*
- *The beacon transmits a radio signal and a satellite receives this signal...*

Упражнения на трансформацию являются более сложными, их выполнение требует определенных сформированных грамматических навыков.

Например, поставить глаголы в нужную временную и залоговую форму.

1. *Bulk cargo is freight that (transport) unpackaged in large quantities.*

2. *A lot of foreign correspondents arrived in Japan when a new maglev train (test).*

3. *Automatic block and other kinds of modern signaling (introduce) on the railways to ensure safety of train operation at high speeds.*

Данная схема (рис. 5, <http://www.railway-technical.com/infrastructure>) представляет собой изображение железнодорожной рельсовой цепи.

Можно предложить обучаемым описать схему, используя сложные предложения.

Например:

– *When a train enters the block (right), the leading wheelset short circuits the current, which causes the relay to de-energise and drop the contact so that the signal lamp supply circuit now activates the red signal lamp;*

– *The system is «fail-safe», or «vital» as it is sometimes called, because any break in the circuit will cause a danger signal to be displayed.*

Далее студентам предлагается самим найти или составить различные виды креолизованных текстов и сформулировать соответствующие данному тексту предложения, используя уже полученные лексические и грамматические умения и навыки. На последнем этапе обучения студентам предлага-

ется самим описать ими предложенную схему, рисунок или таблицу в виде монолога или диалога.

Заключение

Обучение созданию письменных текстов с опорой на креолизованные тексты в силу их большей сложности и специфики может стать целью обучения не раньше чем на этапе, когда уже накоплен достаточный языковой опыт, в значительной степени сформирован лингвистический компонент коммуникативной компетенции и где работа должна быть направлена на дальнейшее развитие прагматического и социолингвистического компонентов [Радионова, Халилова 2018].

Письменная речь не является простым переводом устной речи в письменные знаки, поскольку в процессе создания текста автор письменного речевого высказывания должен не просто проанализировать свою собственную мысль и отделить одну мысль от другой, но и особым образом оформить связи между ними. Например, при формировании навыков их написания следует уделить большее внимание союзам, вводным словам и сложным предложениям, которые не свойственны устной речи

(особенно в условиях неформальной коммуникации), но которые широко употребляются в письменных высказываниях.

– *Nevertheless, automation has considerable benefits for safety and performance and can offer better throughput of trains of up to 8% just by the elimination of manual driving variability.*

– *Some junction signals are set up to show a green aspect for the main route and a yellow aspect for a diverging route, so that the driver is given a warning of a speed reduction being required for the diverging route as well as the white lights.*

– *In addition, the route between the signal and the points is «route locked». Once this track circuit is occupied the point control is locked and the points cannot be moved.*

Овладение письменной речью происходит в учебном процессе достаточно поздно. На завершающих этапах обучения осуществляется и формирование навыков и умений смыслового анализа текста, его сжатия, целевого извлечения информации, комбинирования и построения письменного высказывания.

Библиографический список

Абдрахманова 2014 – *Абдрахманова Л.В.* Обучение иноязычной письменной речи студентов технического вуза // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 6. С. 156–158. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22470131>. EDN: <https://elibrary.ru/sxsokb>.

Анисимова 2003 – *Анисимова Е.Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). Москва: Academia, 2003. 107 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32829534>. EDN: <https://elibrary.ru/ywotpl>.

Анисимова 1996 – *Анисимова Е.Е.* О целостности и связности креолизованного текста. К постановке проблемы // Филологические науки. 1996. № 5. С. 74–85. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45684995>. EDN: <https://elibrary.ru/xnpptz>.

Ворошилова 2007 – *Ворошилова М.Б.* Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика. 2007. № 1 (21). С. 75–80. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/voroshilova-06.htm>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=11696859>. EDN: <https://elibrary.ru/jvzalx>.

Исмаилова 2012 – *Исмаилова Л.П.* Лексические особенности перевода деловой корреспонденции (на материале деловых писем на английском языке экономической направленности) // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 21 (275). С. 57–60. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskie-osobennosti-perevoda-delovoy-korrespondentsii-na-materiale-delovyh-pisem-na-angliyskom-yazyke-ekonomicheskoy>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=18289246>. EDN: <https://elibrary.ru/pkfuuzj>.

Радионова, Халилова 2018 – *Радионова С.А., Халимова Н.А.* Роль креолизованных текстов в обучении английскому языку // Актуальные вопросы лингводидактики и методики преподавания иностранных языков: сб. науч. тр. XV Международной науч.-практ. конф. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2018. С. 45–49. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36753188>. EDN: <https://elibrary.ru/ytkuzf>.

Сорокин, Тарасов 1990 – *Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. Москва: Наука, 1990. 240 с.

Таюрская 2015 – *Таюрская Н.П.* Иноязычная коммуникативная компетенция: российский и зарубежный опыт // Гуманитарный вектор. 2015. № 1 (41). С. 83–87. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/inoyazychnaya-kommunikativnaya-kompetentsiya-zarubezhnyy-i-rossiyskiy-opyt/viewer>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=23099774>. EDN: <https://elibrary.ru/tlmuql>.

Терпак, Абдрахманова 2020 – *Терпак М.А., Абдрахманова Л.В.* Сравнительный анализ методов и типов креолизации англоязычных и русскоязычных научно-технических текстов (на примере текстов железнодорожного дискурса) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, философия. 2020. Т. 26, № 2. С. 127–136. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-2-127-136>. EDN: <https://elibrary.ru/bvrfwm>.

References

- Abdrakhmanova 2014 – *Abdrakhmanova L.V.* (2014) Academic writing in a foreign language teaching in higher technical school. *Herald of Vyatka State University*, no. 6, pp. 156–158. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22470131>. EDN: <https://elibrary.ru/sxsokb>. (In Russ.)
- Anisimova 2003 – *Anisimova E.E.* (2003) Linguistics of the text and intercultural communication (on the basis of creolized texts). Moscow: Academia, 107 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32829534>. EDN: <https://elibrary.ru/ywotpl>. (In Russ.)
- Anisimova 1996 – *Anisimova E.E.* (1996) On the integrity and coherence of the creolized text. To the problem statement. *Filologicheskie nauki = Philological Sciences*, no. 5, pp. 74–85. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45684995>. EDN: <https://elibrary.ru/xnpptz>. [in Russian].
- Voroshilova 2007 – *Voroshilova M.B.* (2007) Creolized text: aspects of study. *Political Linguistics*, no. 1 (21), pp. 75–80. Available at: <http://www.philology.ru/linguistics2/voroshilova-06.htm>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=11696859>. EDN: <https://elibrary.ru/jvzalx>. (In Russ.)
- Ismagilova 2012 – *Ismagilova L.R.* (2012) Lexical peculiarities of translation of business correspondence (based on business letters in English of an economic orientation). *Bulletin of Chelyabinsk State University*, no. 21 (275), pp. 57–60. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskie-osobennosti-perevoda-delovoy-korrespondentsiina-materiale-delovyh-pisem-na-angliyskom-yazyke-ekonomicheskoy>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=18289246>. EDN: <https://elibrary.ru/pkfuzj>. (In Russ.)
- Radionova, Khalilova 2018 – *Radionova S.A., Khalilova N.A.* (2018) Role of creolized texts in teaching English. In: *Topical issues of linguistics and methods of teaching of foreign languages: collection of scientific works of the XV International research and practical conference*. Cheboksary: Chuvashskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. I.Ya. Yakovleva, pp. 45–49. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36753188>. EDN: <https://elibrary.ru/ytkuzf>. (In Russ.)
- Sorokin, Tarasov 1990 – *Sorokin Yu.A., Tarasov E.F.* (1990) Creolized texts and their communicative function. In: *Optimization of speech influence*. Moscow: Nauka, 240 p. (In Russ.)
- Tayurskaya 2015 – *Tayurskaya N.P.* (2015) Foreign language communicative competence: foreign and Russian experience. *Humanitarian Vector*, no. 1 (41), pp. 83–87. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/inoyazychnaya-kommunikativnaya-kompetentsiya-zarubezhnyy-i-rossiyskiy-opyt/viewer>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=23099774>. EDN: <https://elibrary.ru/tlmuql>. (In Russ.)
- Terpak, Abdrakhmanova 2020 – *Terpak M.A., Abdrakhmanova L.V.* (2020) Comparative analysis of methods and types of creolization in English and Russian scientific and technical texts: the case of railway discourse texts. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 26, no. 2, pp. 127–136. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-2-127-136>. EDN: <https://elibrary.ru/bvrfwm>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.1

Дата поступления: 11.07.2022
рецензирования: 14.08.2022
принятия: 28.08.2022

**Категория вежливости в индоевропейских языках: сравнительный аспект
(на материале английского, немецкого, русского и урду)**

Н.В. Бхатти

Московский государственный областной университет, г. Мытищи, Российская Федерация
E-mail: nataliebhatti@gmail.com. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4887-6859>

О.А. Горбачева

Московский государственный областной университет, г. Мытищи, Российская Федерация
E-mail: olgagorbacheva@myrambler.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7724-2954>

Е.Ю. Харитоновна

Московский государственный областной университет, г. Мытищи, Российская Федерация
E-mail: charitonovalena@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7181-2354>

Аннотация: Настоящая статья рассматривает способы реализации коммуникативной категории вежливости в русском, английском, немецком языках и в языке урду. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения сходств и различий лингвокультур Востока и Запада, проявляющихся в нормах вежливости и особенностях речевого этикета, в условиях глобализации и расширения межкультурной коммуникации. Научная новизна настоящего исследования заключается в том, что в нем впервые предпринята попытка изучения категории вежливости в сравнительном аспекте на базе трех европейских языков и языка урду. В данной работе рассматриваются грамматические, лексические и орфографические средства выражения вежливости, отражающие наличие определенной иерархии в системе отношений носителей языков в контексте различных коммуникативных ситуаций. Методами данного исследования являются описательный, структурный и сравнительно-сопоставительный. Целью исследования стало установление основных сходств и различий в особенностях употребления средств выражения вежливости в рассматриваемых языках. В задачи работы входило рассмотрение понятий «речевой этикет» и «коммуникативные постулаты», установление социальных факторов, влияющих на выбор той или иной формы вербальной репрезентации вежливости, а также исследование средств выражения вежливости в контексте определенной ситуации общения. Установлено, что для всех рассматриваемых языков лексические средства выражения вежливости являются универсальными и представляют собой лексические единицы, включаемые в состав предложения с целью придания ему вежливой окраски. Грамматические средства более специфичны для каждого языка и представлены в основном использованием различных форм глагола и модальными глаголами. Орфографические средства выражения категории вежливости характерны только для рассматриваемых европейских языков.

Ключевые слова: категория вежливости; речевой этикет; грамматические, лексические и орфографические средства выражения вежливости; английский; немецкий; русский; урду.

Цитирование. Бхатти Н.В., Горбачева О.А., Харитоновна Е.Ю. Категория вежливости в индоевропейских языках: сравнительный аспект (на материале английского, немецкого, русского и урду) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 3. С. 151–160. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-151-160>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Бхатти Н.В., Горбачева О.А., Харитоновна Е.Ю., 2022

Наталья Викторовна Бхатти – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры индоевропейских языков, Московский государственный областной университет, 141014, Российская Федерация, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, 4.

Ольга Александровна Горбачева – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры индоевропейских языков, Московский государственный областной университет, 141014, Российская Федерация, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, 24.

Елена Юрьевна Харитоновна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой индоевропейских языков, Московский государственный областной университет, 141014, Российская Федерация, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, 24.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 11.07.2022
Revised: 14.08.2022
Accepted: 28.08.2022

**Category of politeness in Indo-European languages: comparative aspect
(based on English, German, Russian, and Urdu)**

N.V. Bhatti

Moscow Region State University, Mytishchi, Russian Federation
E-mail: nataliebhatti@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4887-6859>

O.A. Gorbacheva

Moscow Region State University, Mytishchi, Russian Federation
E-mail: olgagorbacheva@myrambler.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7724-2954>

E.Yu. Kharitonova

Moscow Region State University, Mytishchi, Russian Federation
E-mail: charitonova-elena@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7181-2354>

Abstract: The article discusses the functioning of the category of politeness in Russian, English, German, and Urdu. The relevance of the research topic is stipulated by the need to explore similarities and differences of Western and Eastern linguacultures in terms of forms of politeness and speech etiquette in the context of globalization and intercultural communication. The scientific novelty of the study lies in the fact that it represents an original attempt to compare the means of expressing the category of politeness with regard to European and Urdu content. The article studies grammatical, lexical, and orthographical means of expressing politeness which demonstrate a certain social hierarchy revealed in speech acts. Descriptive, structural, and comparative methods are used in the research. The objective of the study is to establish the major similarities and differences in the usage of the means of expressing politeness in the languages under analysis. The study examines the concepts of speech etiquette, communication postulates and social factors determining the choice of a particular verbal means of expressing politeness in a certain communication context as well as the means of expressing politeness as such. The results of the study show that lexical means of expressing politeness tend to be universal for all of the chosen languages and they are represented by lexical units added to the sentence specifically with the aim of making it sound more polite. Conversely, grammatical means of expressing politeness are peculiar to every language and are expressed mainly by the usage of a certain verb form or a modal verb. Orthographical means of expressing politeness are found to be characteristic of the analysed European languages only.

Key words: category of politeness; speech etiquette; grammatical, lexical, and orthographical means of expressing politeness; English; German; Russian; Urdu.

Citation. Bhatti N.V., Gorbacheva O.A., Kharitonova E.Yu. Category of politeness in Indo-European languages: comparative aspect (based on English, German, Russian, and Urdu). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* = *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 28, no. 3, pp. 151–160. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-151-160>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

© Bhatti N.V., Gorbacheva O.A., Kharitonova E.Yu., 2022

Natalie V. Bhatti – Candidate of Philological Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Indoeuropean languages, Moscow Region State University, 24, Very Voloshinoy Street, Mytishchi, 141014, Russian Federation.

Olga A. Gorbacheva – Candidate of Philological Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Indoeuropean languages, Moscow Region State University, 24, Very Voloshinoy Street, Mytishchi, 141014, Russian Federation.

Elena Yu. Kharitonova – Candidate of Philological Sciences, associate professor, head of the Department of Indoeuropean languages, Moscow Region State University, 24, Very Voloshinoy Street, Mytishchi, 141014, Russian Federation.

Введение

Во всех современных лингвокультурах вежливость выступает одной из главных характеристик человеческого общения. Проявление вежливости сигнализирует о положительном отношении к личности собеседника или адресата.

Эпоха глобализации обуславливает необходимость развития диалога между культурами и нациями, в связи с чем все большую актуальность приобретает понятие лингвистической вежливости, которое стало предметом пристального внимания ученых, занимающихся прагматикой, социолингвистикой, компаративным анализом, культурологией, лингводидактикой и т. д.

Лингвистическое воплощение категории вежливости является актуальным предметом современных отечественных исследований: на материале английского языка [Лисенко 1999; Ларина 2003]; на материале немецкого языка [Имиас 2001; Соловьева 2000], на материале русского языка [Федорова 2004; Руднева 2019]. Однако представляется интересным провести сравнительный анализ средств выражения категории вежливости в нескольких европейских языках (английском, немецком, русском) и недостаточно изученном в отечественной традиции, но широко распространенном в мире за счет количества носителей языке урду.

Целью данной статьи стало сравнительное изучение грамматических, лексических и орфографиче-

ских средств выражения вежливости в вышеуказанных языках.

История категории вежливости

Определение лингвистической вежливости не может быть однозначным в силу того, что данный когнитивный концепт изучается с позиций различных отраслей языкознания. Тем не менее ее, как правило, связывают с речевым этикетом [Формановская 2008], то есть системой устойчивых формул общения, предписываемых обществом для установления речевого контакта собеседников или участников переписки, поддержания общения в выбранной тональности соответственно их социальным ролям и ролевым позициям относительно друг друга, взаимным отношениям в официальной и неофициальной обстановке. В узком смысле речевой этикет составляет функционально-семантическое поле единиц доброжелательного, вежливого общения в ситуациях обращения и привлечения внимания, знакомства, приветствия, прощания, извинения, благодарности, поздравления, пожелания, просьбы, приглашения, совета, согласия, отказа, одобрения, сочувствия и т. п.

Речевой этикет реализует в общении категорию вежливости и связан с так называемыми постулатами речевого общения, которые делают возможным и успешным взаимодействие участников коммуникации. В научный обиход коммуникативные

постулаты ввел Г.П. Грайс, сформулировав их в виде основного принципа кооперации и четырех правил, вытекающих из этого принципа [Grice 1975]:

- постулат качества/истинности – сообщение не должно быть ложным;
- постулат количества/информативности – понимание сообщения зависит от его информативной насыщенности;
- постулат отношения/релевантности – переход говорящего к новому предмету разговора сопровождается сигналом о перемене темы;
- постулат способа/ясности выражения – выбор говорящим языкового кода, лексических и грамматических средств.

Согласно концепции вежливости Дж. Лича, для предупреждения возможных конфликтных ситуаций говорящий должен уменьшать порицание других, увеличивать одобрение других и меньше хвалить, больше порицать себя. Социальная цель, по мнению Дж. Лича, состоит в том, чтобы избегать конфликтов между коммуникантами [Leech 1983].

Р. Лакофф формулирует принцип вежливости в виде трех правил: «Не навязывай своего мнения», «Давай собеседнику возможность выбора», «Будь доброжелателен» [Lakoff 1990]. Нормы речевого поведения отличаются значительным национальным своеобразием, что обусловлено историческими, социальными и культурными особенностями народа, говорящего на данном языке.

В модели П. Брауна и С. Левинсона вежливость предстает как компенсирующий акт, предпринимаемый в противовес разрушительному воздействию ликоушмяющего акта (FTA – face threatening act) [Brown, Levinson 1987]. Вежливость может проявляться в двух аспектах: позитивном и негативном [Формановская 2008; Земская 1997]. Позитивная вежливость служит усилению положительного имиджа адресата: говорящий/пишущий показывает, что он с симпатией относится к нему и солидарен с ним. Демонстрация внимания, комплименты, взаимное подчинение являются примерами проявления позитивной вежливости. Негативная вежливость выражает дистанцированную позицию, т. е. подчеркивает независимость личности, ее потребность в неприкосновенной территории, и основана, главным образом, на стратегии избегания, с помощью которой говорящий дает понять адресату, что он не нарушит границ ее территории. Негативная вежливость включает сдержанность, официальность и владение собой; все возможные угрозы для авторитета адресата сглаживаются с помощью извинений и перемены темы [Ратмайр 2003, с. 21].

В данной статье авторы понимают лингвистическую вежливость как осознанный индивидом выбор языковых средств для коммуникации с учетом когнитивной оценки определенного социально обусловленного контекста [Kasper 2005; Cutting 2002].

Цель применения стратегий вежливости состоит в эффективном взаимодействии и успешной реализации коммуникативных намерений.

Функции вежливости, согласно Н.И. Формановской:

- 1) контроль потенциальной агрессии между говорящим и адресатом с целью избежания (потенциально возможного) конфликта;
- 2) регулятивная – для создания, поддержания и сохранения социального равновесия и дружественных/партнерских отношений;
- 3) защитная или эгоориентированная – работа над своим лицом с целью эффективного речевого взаимодействия и защиты себя от негативных оценок;
- 4) разрешение конфликтов с наименьшим ущербом для говорящего и адресата.

Факторы, релевантные для вербальной репрезентации вежливости:

- 1) нормативный;
- 2) ситуативный;
- 3) межперсональных отношений говорящего и адресата;
- 4) культурный: ценности, релевантные для конкретного культурного сообщества и конституирующие приоритеты коммуникативного взаимодействия [Формановская 2008].

Данные факторы создают контекст для маркирования вербального действия как вежливого. При универсальности лингвистической вариантности они отражают языковую и социальную действительность. Они структурируют прагматический выбор речевого действия, т. е. они типичны для любого сообщества, хотя их относительное значение варьируется в зависимости от культуры.

К признакам ситуации общения, которые влияют на выбор форм выражения вежливости в определенном контексте, относятся:

- взаимоположение собеседников (например, социальное положение в обществе);
- степень социально-психологической дистанции (далекая, близкая);
- обстановка общения (официальная, неофициальная, непринужденная).

Социальная составляющая категории вежливости

Категория вежливости находит отражение в правилах общения людей, обладающих разными социальными статусами, находящихся на разных социальных позициях в обществе (обращение по имени, фамилии, имени и отчеству, употребление титулов и профессиональных обращений и др.). Речевое поведение определяется правилами речевого этикета, закрепленными в данном кругу лиц, которые помогают выбрать подходящие для данной ситуации – приветствия, прощания, извинения, пожелания – средства выражения вежливости и обращения. Прежде всего это связано с социальным статусом и социальной ролью собеседников и сложившимися между ними отношениями.

Универсальность принципа вежливости, то есть предположение о том, что некие врожденные стратегии социализации и аккультурации являются универсальными для всех людей, требует критического осмысления, прежде всего в силу того факта, что теория вежливости была сформулирована на

основе правил западной англо-саксонской культуры [Al-hindawi, Alkhazaali 2016]. Ее модель напрямую связана с рациональной философией индивидуализма и игнорирует специфику других культур. Например, для жителей стран Востока характерны коллективизм и общинный уклад жизни. Западные страны ориентируются на преобладающую роль индивидуума над общественными отношениями, в то время как коллективный строй подчеркивает важность взаимодействия и взаимозависимость отдельных членов общества друг от друга.

Более того, одна и та же фраза может считаться вежливой в одном коллективе и абсолютно невежливой в другом, что предопределяется социокультурными элементами. Например, предложение выпить чашечку кофе, адресованное новому сотруднику, в любой стране будет менее уместным с точки зрения вежливости, чем если оно будет адресовано более знакомому коллеге. Аналогичное предложение начальнику будет более невежливым, чем попытка пригласить на кофе коллегу. В первом случае роль играет социальная дистанция между коммуникантами, во втором – элемент административного превосходства, которым наделен один из участников коммуникации. Иногда то, что понимает один участник коммуникации, отличается от того, что хочет выразить второй. Таким образом, необходимо прояснить суть прагматического использования языковых средств в языках, представляющих лингвокультуры таких стран, как Россия, США, Англия и Германия, с одной стороны, и Индия, Пакистан – с другой.

Выделяют следующие социальные факторы, влияющие на употребление той или иной формы вежливого обращения:

- возраст и пол собеседников;
- иерархия социальных статусов и ролей;
- тип отношений между партнерами по общению;
- социальное и региональное происхождение (то есть наличие или отсутствие диалектов в речи) [Al-hindawi, Alkhazaali 2016].

Таким образом, в основе социального аспекта компонента вежливости лежит наличие дистанции между собеседниками и соблюдение субординации.

В рассматриваемых языках существуют грамматические, лексические и орфографические средства выражения вежливости.

Грамматические средства

1. Личные местоимения второго лица в исследуемых индоевропейских языках служат средством дифференциации тональности общения. В русском языке местоимения *ты* и *вы* употребляются исходя из принципа формальности/неформальности общения. Выражение уважения и маркирование дистанции в отношениях передается выбором местоимения *вы* при обращении к собеседнику. *Ты* сигнализирует о неформальности общения или близости коммуникантов (например, общение между родителями и детьми, хотя в прошлом обращение на *Вы* к родителям являлось нормой во многих образованных семьях).

В английском языке отсутствует формальное разграничение между формами *ты* и *вы*. Местоимение *you* служит универсальным способом выражения всех значений, относящихся к сфере обращения во втором лице единственного и множественного числа, следовательно, нельзя говорить об особой маркированности местоимения *you* как выразителя категории вежливости в английском языке. Местоимение *thou* второго лица единственного числа, существовавшее в английском языке до XVII века и являвшееся эквивалентом русского *ты*, в новоанглийском языке сохранилось лишь в Библии и поэзии. В современном английском языке существует единственная форма местоимения второго лица *you*, которая передает грамматическое значение единственного и множественного числа, а также используется в контекстах формального и неформального регистра общения.

Немецкий язык характеризуется наличием формы вежливого личного местоимения *Sie*, указывающего на дистанцию в общении между собеседниками. Местоимение *Sie* является противопоставлением фамильярному *Du*.

Изначально на *Sie* обращались к представителям высших сословий, людям старшего возраста, а форма *Ihr* отражала вежливость при обращении вышестоящих к нижестоящим в социальной и возрастной иерархии (например, господ к своим слугам). Использование формы *Du* прежде всего указывало на интимность отношений. Такое обращение было уместно при обращении к членам семьи или очень близким друзьям. С начала XIX и до середины XX века основной характеристикой употребления формы *Sie* являлась «формальность», а применение формы *Du*, как и прежде, отражало интимность. С тех пор местоимение *Du* передает доверительность в отношениях, дружественность, а *Sie* – наличие дистанции между собеседниками (Бах 1956). Представляется возможным предположить, что наличие выбора между *ты* и *вы* в русском и *Du*, *Sie* в немецком языках дает больше возможностей для передачи оттенков чувств и, следовательно, формирует более высокую эмоциональность, чем у англоговорящих людей, не имеющих этой возможности выбора.

В урду существует три местоимения второго лица: *tu* `ты`, *aap* `вы` и *tut* невежливая форма `ты`. Использование того или иного местоимения зависит от социального статуса и уровня образования семьи и от географии происхождения говорящего. Так, местоимение *aap* используется в качестве официального обращения и передает семантику подчеркнутой вежливости при употреблении его с единичным адресатом. Аналогично русскому *вы aap* может служить средством обращения к группе людей. Особого внимания заслуживают случаи употребления местоимения *aap* с глаголом в единственном числе при обращении к единичному адресату: *Aap kaise ho?* `Как вы (поживаете)?` Глагол *ho* в данном случае стоит в форме единственного числа. Данная грамматическая особенность встречается в диалекте Пенджаби,

распространенном в северо-восточной провинции Пакистана Пенджаб и индийском штате Пенджаб. Вероятно, именно влияние этого диалекта нашло свое отражение в урду [Бхатти 2017].

С точки зрения стилистики следует отметить, что употребление глагола в единственном числе с *aar* сигнализирует о более раскованном стиле общения между собеседниками, нежели использование глагола во множественном числе с указанным местоимением. Примером первого случая будет обращение родителей к детям, в то время как дети, обращаясь к старшим, будут использовать *aar* с глаголом во множественном числе.

Местоимение *tum* является эквивалентом русского *ты*. Сфера употребления формы *tum* практически совпадает с соответствующим русским *ты*: *Tum kaise ho?* 'Как ты? / Как у тебя дела?' *Tum* будет использовано друзьями при общении между собой или при обращении родителей к детям.

Местоимение *tu* не принято использовать людьми образованными и воспитанными. Оно относится к совершенно неформальному регистру общения, особенно когда говорящий имеет намерение оскорбить собеседника: *Tu acha insan nahin ha.* 'Ты плохой человек'.

2. Формулировка просьбы в форме вопросительного предложения или предложения с глаголом в форме повелительного наклонения без вопросительного слова: *Könnten Sie mir (bitte) das Salz reichen?* 'Не могли бы вы мне передать соль?' В русском языке такая формулировка просьбы в бытовых диалогах воспринимается как нарочито вежливая, потому что нормальная просьба за столом звучит обычно так: *Передай/те, пожалуйста, соль.*

В английском языке использование повелительного наклонения в просьбе расценивается как проявление невежливости, поэтому повелительная конструкция, как правило, смягчается использованием формы разделительного вопроса и/или слова *please*: *Read it please, will you?* Однако заметим, что в большинстве случаев нормой общения является просьба-вопрос. Вопросительные просьбы могут строиться с использованием разных модальных глаголов. Так, глагол *can* в начале вопроса относит просьбу к неформальному регистру общения, в то время как глаголы *could* или *would* придают вопросительному предложению оттенок вежливости. Просьба *Can I use your phone?* будет уместна для друга, а *Could I borrow your book?* будет обращена к незнакомцу вашего возраста. Вопросы, начинающиеся с *may* или *might*, относятся к формальному общению, причем последние определяются как очень формальные.

В урду форма повелительного наклонения вполне уместна для выражения просьбы к другу или собеседнику младше по возрасту, например, *Mujhe namak dey do* 'передай соль' будет использована при обращении к другу или собеседнику младше. *Mujhe namak dey dein* 'передайте соль' применима к нескольким собеседникам или к членам семьи старше обращающегося. Данные

варианты обращений могут быть использованы и по отношению к людям, принадлежащим к более низкому сословию, чем обращающийся, например прислуга, дворник, продавец овощей и фруктов и т. д. В разговорной речи может встретиться и более упрощенная версия данной просьбы *Namak dey na*, которая эксплицирует абсолютную близость и даже некую фамильярность в отношении собеседников. Следует отметить, что в современном разговорном урду повелительная конструкция в сочетании с английской лексемой *please* приобретает все более широкое применение, заменяя общепринятые традиционные вежливые обороты. Например, даже в кругу более старших собеседников, не являющихся близкими родственниками, возможно будет употребить, никого не обидев, *Mujhe namak dey dein, please* 'дайте соль, пожалуйста'.

3. В русском языке вопросы с глаголом в настоящем времени совершенного вида звучат достаточно вежливо, например, *Позвонишь мне позже?* – в то время как в немецком дословный перевод *Rufst du mich später an?* в качестве вежливой просьбы неприемлем, так как в такой форме выражается просьба, сопровождаемая определенной долей недовольства.

В урду и английском языке вопросы с глаголом в настоящем времени совершенного вида в качестве средств выражения вежливости не употребляются.

4. Модальные глаголы служат для смягчения высказываний, выражающих просьбы и требования в разных языках. Русский язык и урду не демонстрируют такого разнообразия модальных глаголов, служащих маркерами вежливости, как английский или немецкий.

В русском языке глагол *мочь* используется в просьбах, которые звучат довольно неформально: *Можете передать соль?* Императив без смягчающего *пожалуйста* (*Передайте соль*) будет являться аналогом вопросительной конструкции с модальным глаголом. Предложения с безличной формой глагола *мочь*: *Можно мне соль?* – немного смягчают просьбу.

В английском языке просьбы всегда оформляются с помощью модальных глаголов, если в намерения говорящего не входит нанесение оскорбления собеседнику. Такие модальные глаголы, как *can, could, will, would, may, might*, широко используются при оформлении обращения к участнику/участникам коммуникации с просьбой. Глагол *could* в просьбе звучит вежливее, чем *can*. *Can* подразумевает гипотетическую способность адресата выполнить просьбу, а *could* выражает уверенность говорящего в возможности выполнения его просьбы собеседником и имеет оттенок учтивости. Говоря о *will* и *would*, следует уточнить, что просьба *Will you help me* является прямой и немного невежливой, если не сопровождается маркером вежливости *please*. Фраза *Would you help me* будет более приемлемой как призыв о помощи. Модальные глаголы *may* и *might* принадлежат к сфере

формального общения. Второй вносит в коммуникацию оттенок отстраненности собеседника, обращающегося с просьбой.

В немецком языке глаголы *dürfen* и *können* употребляются чаще всего в вопросах с целью получения разрешения или выражения просьб. Например: *Kann ich Ihnen helfen?* ‘Могу я Вам помочь?’ *Darf ich Ihnen einen Tee anbieten?* ‘Могу я предложить Вам чаю?’

В урду для оформления просьбы будет использована соответствующая форма глагола *sakna* ‘мочь’ *Kya ap mujhe namak dey sakte hein?* ‘Можете передать соль?’ *Kya ap issy dubara keh sakte hein?* ‘Можете повторить это?’ Подобные обращения являются вежливыми по стилю и могут быть употреблены как в повседневной коммуникации, так и в формальной обстановке.

5. Категория наклонения – один из наиболее распространенных инструментов эксплицирования вежливости / невежливости в языке.

Очень формальная просьба в русском языке строится путем употребления сослагательного наклонения: *Не могли ли бы вы быть столь любезны и помочь мне; Я был бы очень признателен, если бы вы мне помогли.*

В английском языке сослагательное наклонение (Subjunctive) участвует в стилистической дифференциации формулировок по критерию вежливости. Следующие просьбы, содержащие глаголы в сослагательном наклонении, маркируются как очень формальные в коммуникации: *If you would be so kind as to give me a hand with this luggage I would be extremely grateful. I would be very grateful if you could send me those documents.* Напротив, самым невежливым вариантом обращения будет повелительное наклонение. Повелительную конструкцию можно смягчить формой разделительного вопроса и/или словом *please*: *Read it please, will you?*

Формы сослагательного наклонения в немецком языке (конъюнктива I и конъюнктива II) передают желательность выполнения действия и снижают уровень конкретности. Использование модальных глаголов *können*, *dürfen*, *mögen* в конъюнктиве уменьшает категоричность высказывания: *Könnten Sie noch einmal wiederholen* ‘Вы не могли бы еще раз повторить’ *Dürfte ich mich hier setzen?* ‘Могу ли я здесь сесть?’ *Ich möchte eine Cola* ‘Я бы хотел колу’. Также выражение вежливости достигается за счет употребления конструкции *würde + Infinitiv*: *Ich würde das anders machen* – ‘Я бы сделал это иначе’. Просьбы в форме сослагательного наклонения могут выражаться также с добавлением наречия *gern*: *Ich möchte Sie gerne etwas fragen* ‘Я бы хотел Вас кое о чем спросить’. В косвенной речи говорящий вежливо дистанцируется от ответственности за данную информацию, например: *Er sagte, der Gast möge doch bitte etwas später wiederkommen* ‘Он сказал, что гостю стоит вернуться чуть позже’. Также существует ряд клишированных выражений, как, например, выражения с глаголом *sein* в форме Präteritum Konjunktiv:

Wäre es Ihnen möglich... ‘Вы бы не могли...’, *Wären Sie so freundlich...* ‘Не были бы Вы так любезны...’; *Es wäre gut, wenn ...* ‘Было бы хорошо, если...’ То есть перед непосредственным требованием может присутствовать клишированное выражение, которое придает высказыванию вежливый оттенок.

В урду сослагательное наклонение используется в качестве косвенной просьбы. Например, *Aap hamaare ghar aaen* ‘Пришли бы к нам в гости’. Самой вежливой будет просьба *kyaa aap hamaare ghar aaen ge?* ‘Приезжайте к нам, пожалуйста’ со смысловым глаголом в сослагательном наклонении и маркером вежливого обращения *kijjiye*. Необходимо отметить, что данный вариант обращения постепенно выходит из обихода, следуя общей тенденции языков к упрощению и либерализации. Императив, как и в остальных изучаемых языках, будет самым невежливым вариантом обращения (*Kamra saaf karo* ‘Убери комнату!’).

Лексические средства

1. Использование в обращении титулов, вокативов, этикетных слов и пр.

Степень вежливости обращений в рассматриваемых языках зависит от ряда факторов (отношения между адресантом и адресатом, гендерная принадлежность, возрастные и социальные характеристики, цель и способ общения). В силу особенностей исторического развития в современном русском языке не принято обращаться друг к другу с использованием каких-либо титулов, вместо них обычно употребляются разные вокативы: *Александр Петрович, тетя Лена* и др. [Бхатти, Ковш, Харитоновна 2021].

В английском языке в формальном общении фамилия или имя используется параллельно с этикетным словом, титулом или словом, обозначающим профессиональную принадлежность *Doctor Smith, Miss Laura, Private Ryan, Professor Langdon*. Тенденция к нейтрализации гендерных различий и демократизации отношений между участниками коммуникации накладывает отпечаток на манеру обращения друг к другу в англоговорящем обществе, что выражается в использовании как в неформальном, так и формальном общении только личных имен, но не придает общению оттенка фамильярности.

Для немецкого языка характерны обращения *Frau* и *Herr*, а дворянские титулы употребляются с фамилией (*Herr / Frau Müller, Doktor Meyer*).

В урду широко используются английские титулы в формальной вежливой коммуникации на английском языке: *Dr. Mahboob, Mr. Bhutt; Mrs. Amara Bhatt*. Наряду с ними употребляются *sahib, saab, sahiba, bibi, memsahib*. Следует заметить, что имя собственное, используемое с титулом, как правило, предшествует ему: *Aysha bibi, Salar sahib*. Обращение просто по имени не является вежливым, даже в общении друзей к имени будут добавляться лексемы *bhai* ‘брат’, *baji* ‘сестра’, а при обращении к отцу, матери или

другим старшим членам семьи будет употреблять-ся вежливый компонент *jee*: *abu-jee*, *chacha-jee*.

2. Во всех рассматриваемых лексических системах есть слово, придающее любой фразе оттенок вежливости. Русское *пожалуйста* употребляется для выражения отношения вежливости в просьбах и предложениях. В английском языке слово *please* используется как дополнительное средство маркирования вежливости просьбы, при использовании которого даже самая невежливая команда в повелительном наклонении смягчается.

В немецком языке использование *bitte* при оформлении просьбы условно ограничивает другого собеседника в свободном принятии решения, усиливая эффект просьбы и в определенной степени влияя на принятие решения со стороны собеседника, например: *Geben Sie mir bitte ein größeres Stück Torte* 'Дайте мне, пожалуйста, кусок торта побольше'. *Bitte* употребляется и в некоторых клишированных выражениях, оставаясь при этом маркером вежливости. Например, при ответе по телефону *Ja, bitte* побуждает собеседника к коммуникации, к вступлению в разговор; *Wie bitte?* – способ переспросить; сочетание *(einen) Moment bitte*, *(einen) Augenblick bitte* побуждает собеседника к паузе в действии.

В урду *meharbani* широко используется наряду с другими средствами маркирования вежливости: *Meharbani farma ker kya ap mujhe namak dein gy?* 'Не передадите, пожалуйста, соль?'

3. Семантика благодарности в русском языке передается лексической единицей *спасибо*, а также словосочетаниями с ней для выражения разной степени признательности говорящего (*большое спасибо*, *огромное спасибо*, *сердечное спасибо* и др.). Кроме этого, для большей формальности и дистанцированности собеседников в коммуникации могут быть использованы формулировки *благодарю (вас)*, *искренне признателен* и т. д.

В английском языке центральной лексемой благодарности является нейтральная по стилю *thank you*. Более формальным оттенком будет обладать синонимичное выражение *Please accept my deepest gratitude* или *I am obliged*, в то время как самым неформальным в данном спектре значений будет *Cheers*.

Помимо простой формы выражения благодарности *Danke* в немецком языке существуют и более эмоционально окрашенные *Vielen Dank*, *Besten Dank*, *Danke schön*, *Danke sehr*, что указывает на степень значимости оказанной человеку услуги со стороны его собеседника.

В урду значение благодарности выражается либо словом *shukriya* 'спасибо', либо сочетанием *bohat shukriya* 'большое спасибо'. Иногда *meharbani* 'пожалуйста' встречается в значении выражения благодарности.

4. Во всех языках есть лексические единицы, которые вносят семантику завуалированности, обобщенности и уклончивости в прямые обращения коммуникантов, чтобы сделать их менее категоричными. Например, частица *ка* в русском

языке, прибавляемая к глагольной форме в повелительном наклонении, делает обращение более дружественным: *Достань-ка варенья к чаю!* Выражения, подобные *может быть*, *вероятно*, *все-таки*, *боюсь*, *что не*, *мне кажется* и др., относятся к категории лексических средств, снимающих напряженность негативного контекста и таким образом помогающих выдержать тональность вежливости в общении. Например, *может быть, вы все-таки ответите на мой вопрос?* вместо: *Ответьте на мой вопрос!*

В английском языке находим идентичные лексические единицы: *somewhat*, *kind of*, *rather*, *maybe*, *perhaps*, которые позволяют говорящему сделать высказывание более неопределенным, избежать конкретики предложения; *a bit*, *a moment* сглаживают эффект срочности сообщения; *I guess*, *in my opinion* выражают вовлеченность говорящего в содержание высказывания; *I am afraid*, *I am disappointed* добавляют личное мнение говорящего к содержанию высказывания и т. д.

Немецкие модальные частицы и модальные слова *vielleicht*, *wohl*, *doch*, *mal*, *nur*, *etwa*, *dann* несут эмоционально-оценочное значение и используются для той же цели. Частицы *vielleicht*, *wohl* имеют оттенок неуверенности говорящего в своих словах, допускают сомнение в достоверности высказывания, что образует дистанцию между собеседниками. Например: *Darf ich Sie vielleicht/wohl bitten* 'Могу ли я Вас попросить' – хотя вопрос уже содержит предполагаемый ответ, право выбора все-таки остается за собеседником. Частица *mal* в контексте просьбы сочетается со словами *bitte*, *doch*, *nur*, *nicht*. *Doch* придает высказыванию определенный оттенок настойчивости, поэтому с целью ослабить данный эффект в просьбах с *doch* всегда фигурируют либо частица *mal*, либо частица *bitte*: *Komm doch mal wieder vorbei* 'Заходи как-нибудь еще'; *Öffne doch bitte das Fenster* 'Открой, пожалуйста, окно'. Частица *nicht* в немецком (так же как и отрицание в русском языке) смягчает просьбу. Сочетание *nicht + mal* чаще всего употребляется с модальным глаголом *können*: *Kannst du nicht mal schauen, ob wir Brot noch haben* 'Ты не посмотришь, есть ли у нас еще хлеб'. Частица *nur* употребляется в высказываниях в императиве для выражения разрешения, то есть говорящий исходит из того, что слушающий склонен к выполнению желаемого действия и лишь ждет разрешения или одобрения: *Wenn Sie was brauchen, sagen Sie's nur* 'Если Вам что-то нужно, только скажите'.

В урду примерами лексических единиц, обладающих функцией смягчения и обобщения содержания фразы, могут служить следующие выражения: *shayad* 'может быть', *mu je daar hai* 'я боюсь', *me kuch heraan hon* 'Я немного удивлен' и тому подобные.

5. Маркерами вежливости могут выступать прилагательные с положительной коннотацией, использующиеся в устойчивых оборотах, применяемых в качестве формул приветствия/прощания. В русском языке это такие обороты, как *искренне*

vaau(a), *rad(a)* *встрече / познакомиться*, в английском *dear...* (в качестве обращения), *best regards*, *sincerely*, *faithfully yours* и проч.; в немецком *herzlich*, *höflich*, *freundlich*, используемые в формулах вежливости. В урду в начале письма используется выражение *bakidmat janab* в сочетании с именем или должностью адресата, по завершении послания ставится формула вежливости *app ka tabedar* в сочетании с именем автора письма, что соответствует русскому «искренне ваш».

Орфографические средства

В русском языке уважение к адресату проявляется через написание местоимения второго лица множественного числа с большой буквы: *Вы*. В английском местоимения не маркированы параметром вежливости при письме, но обращения с титулами всегда пишутся с заглавной буквы: Prof. Langdon, Mr. Brown и т. д. Нарисательные имена существительные пишутся с большой буквы для обозначения конкретных людей: *Mr. President*, *the Queen*, что является выражением почтения к обозначаемым ими особам. Для немецкого характерно написание с большой буквы не только местоимения *Sie* (Вы), но и других местоимений при обращении – *Du*, *Ihr*, а также производных от них притяжательных форм – *Ihr*, *Dein*, *Euer*. Урду на письме репрезентируется арабским письмом, в котором не существует разделения на строчные и заглавные буквы.

Заключение

Соблюдение норм вежливости и речевого этикета является необходимым условием достижения успешной коммуникации между людьми. Говорящий, соблюдая принцип вежливости, может выбрать среди множества способов представления интенции обращения /просьбы/извинения/отказа/

благодарности/, наиболее уместные в данной ситуации речевого общения. Возраст и пол собеседников, иерархия их социальных статусов и тип отношений между ними являются важнейшими факторами, влияющими на выбор грамматических и лексических средств выражения вежливости. Результаты проведенного исследования показывают, что лексические средства выражения вежливости могут считаться универсальными для рассматриваемых языков; в каждом из них наблюдается использование титулов и различных вокативов, а также нейтрального по стилистической окраске слова, синонимичного русскому *пожалуйста*. При этом достаточно употребительными являются лексические единицы, смягчающие прямые обращения коммуникантов, чтобы сделать их менее категоричными, к которым относятся различного рода частицы, модальные слова, прилагательные с положительным значением. Значительно более неоднородными представляются грамматические средства выражения вежливости. Так, употребление модальных глаголов в просьбах более характерно для английского и немецкого языков, чем для русского и урду, в то время как использование форм сослагательного наклонения имеет различные смысловые и стилистические нюансы в каждом из рассматриваемых языков.

Безусловно, дальнейшего исследования требуют вопросы, связанные с особенностями перевода тех или иных языковых единиц с сохранением тональности вежливости. Кроме того, к перспективам разработки данной темы следует отнести и изучение просодических характеристик речи, ее темпа, мелодики и интенсивности, в рамках рассмотрения функционирования категории вежливости в индоевропейских языках.

Материалы исследования

Cutting 2002 – *Cutting J.* Pragmatic and discourse: A resource book for students. London: Routledge, 2002. 187 p. DOI: <http://doi.org/10.4324/9780203994597>.

Арутюнян 2000 – *Арутюнян Э.Б.* Функционирование речевого этикета в королевском эпистолярном наследии (XV–XIX вв.): дис. ... канд. филол. наук / Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. Санкт-Петербург, 2000. 226 с.

Бах 1956 – *Бах А.* История немецкого языка. Москва: Издательство иностранной литературы, 1956. 344 с.

Имиас 2001 – *Имиас А.В.* Выражение благодарности в немецком языке (на материале литературных и лексикографических источников с XVII по XX вв.): дис. ... канд. филол. наук / Тверской государственный университет. Тверь, 2001. 173 с.

Ларина 2003 – *Ларина Т.В.* Категория вежливости в аспекте межкультурной коммуникации (на материале английской и русской коммуникативных культур): дис. ... д-ра филол. наук / Российский университет дружбы народов. Москва, 2003. 495 с.

Лисенко 1999 – *Лисенко М.В.* Место стратегий извинения в гармонизации межличностных отношений: на материале английского языка: дис. ... канд. филол. наук / Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. Санкт-Петербург, 1999. 214 с.

Реукова 2005 – *Реукова Н.В.* Лексико-грамматические средства выражения вежливости в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва, 2005. 17 с.

Руднева 2019 – *Руднева Е.А.* Стратегии лингвистической вежливости в спонтанном речевом взаимодействии: дис. ... канд. филол. наук / ФГБУН Институт языкознания Российской академии наук. Москва, 2019. 208 с.

Соловьева 2000 – *Соловьева И.В.* Репрезентация категории вежливости в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук / Московский государственный лингвистический университет. Москва, 2000. 197 с.

Федорова 2004 – *Федорова Т.В.* Семантика вежливости и средства ее выражения в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук / Брянский государственный университет. Брянск, 2004. 199 с.

Библиографический список

- Al-hindawi, Alkhazaali 2016 – *Al-hindawi F. & Alkhazaali M.* A Critique of Politeness Theories // *Theory and Practice in Language Studies*. Vol. 6, issue 8. P. 1537. DOI: <http://doi.org/10.17507/tpls.0608.03>.
- Blitvich, Sifianou 2019 – *Blitvich P. Garcés-Conejos, Sifianou M.* Im/politeness and discursive pragmatics // *Journal of Pragmatics*. 2019. Vol. 145, issue 1. P. 91–101. <http://doi.org/10.1016/j.pragma.2019.03.015>.
- Brown, Levinson 1987 – *Brown P., Levinson S.* Politeness: Some Universals in language usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p. Available at: https://www.academia.edu/26395652/Politeness_Some_universals_in_language_usage.
- Culpeper (2011) – *Culpeper J.* Politeness and Impoliteness. In: Karin Aijmer and Gisle Andersen (eds.) *Sociopragmatics*, Vol. 5 of *Handbooks of Pragmatics* edited by Wolfram Bublitz, Andreas H. Jucker and Klaus P. Schneider. Berlin: Mouton de Gruyter, 2011. P. 391–436. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/16284767.pdf>.
- Grice 1980 – *Grice P.H.* Logik und Gesprächsanalyse // Kussmaul P. (Hg.) *Sprechakttheorie. Ein Reader*. Wiesbaden, 1980. S. 109–126.
- Kádár 2019 – *Kádár D.Z.* Politeness, Impoliteness and Ritual. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 282 p. DOI: <http://doi.org/10.1017/9781107280465>.
- Kádár, House 2021 – *Kádár D.Z., House, Ju.* ‘Politeness Markers’ Revisited – A Contrastive Pragmatic Perspective // *Journal of Politeness Research*. 2021. Vol. 17, no. 1. P. 79–109. DOI: <http://doi.org/10.1515/pr-2020-0029>.
- Kasper 1990 – *Kasper G.* Linguistic politeness: Current research issues // *Journal of Pragmatics*. Vol. 14, issue 2. P. 193–218. DOI: [http://dx.doi.org/10.1016/0378-2166\(90\)90080-W](http://dx.doi.org/10.1016/0378-2166(90)90080-W).
- Lakoff 1990 – *Lakoff R.* Talking Power. The Politics of Language in Our Lives. New York: Basic Books, 1990. 36 p. DOI: <http://doi.org/10.5860/choice.28-5136>.
- Leech 1983 – *Leech Geoffrey N.* (1983) Principles of Pragmatics. New York: Longman, 250 p. DOI: <http://doi.org/10.4324/9781315835976>.
- Murphy, Felice 2019 – *Murphy M. Lynne, Felice Rachele De.* Routine politeness in American and British English requests: use and non-use of please // *Journal of Politeness Research*. 2019. Vol. 15, no. 1. P. 77–100. DOI: <http://doi.org/10.1515/pr-2016-0027>.
- Pakistani Culture – *Pakistani Culture*. URL: <http://culturalatlas.sbs.com.au/pakistani-culture/pakistani-culture-communication#pakistani-culture-communication> (дата обращения: 11.07.2022).
- Rathmayr 1996 – *Rathmayr R.* Pragmatik der Entschuldigungen. Vergleichende Untersuchung am Beispiel der russischen Sprache und Kultur Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe A: Slavistische Forschungen, 16. Böhlau, Köln, Weimar, Wien: Bohlau Verlag, 1996. 243 S.
- Shahrokhi, Bidabadi 2013 – *Shahrokhi M., Bidabadi F.S.* An Overview of Politeness Theories: Current Status, Future Orientations // *American Journal of Linguistics*. 2013. Vol. 2, no. 2. P. 17–27. DOI: <http://doi.org/10.5923/j.linguistics.20130202.02>.
- Булгакова, Шабанова, Елисеева 2017 – *Булгакова Ю.С., Шабанова В.П., Елисеева А.А.* Язык лидеров: анализ публичных выступлений президентов (обзор литературы) // *Лидерство для будущего устойчивого развития бизнеса и образования: 2017 Пражский институт повышения квалификации и международных исследований «Научное сотрудничество» Международная конференция, Прага, 12–15 сентября 2017 года. Прага: Springer – Verlag GmbH, 2018. С. 69–77.*
- Бхатти 2017 – *Бхатти Н.В.* Местоимения второго лица в русском, английском и урду // *Значимые личности в языке и культуре: к юбилею со дня рождения Ю.М. Лотмана: материалы межвузовского научно-практического семинара (27 апреля 2017 г.)*. Москва, 2017. С. 25–31. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49251300&pf=1>. EDN: <https://elibrary.ru/edodwq>.
- Бхатти, Ковш, Харитонова 2021 – *Бхатти Н.В., Ковш Е.В., Харитонова Е.Ю.* Культурологические особенности употребления вокативов в индоевропейских языках (на примере русского, английского, немецкого и урду) // *Речевое воздействие в разных дискурсах*, Т. 6. Ж. Сладкевич (ред.). Гданьск: Издательство Гданьского университета, 2021. С. 128–139. ISBN 978-83-8206-219-9.
- Земская 1994 – *Земская Е.А.* Категория вежливости в контексте речевых воздействий // *Логический анализ языка: Язык речевых действий*. Москва: Наука, 1994. С. 131–136. URL: <https://sci.house/obschaya-lingvistika-scibook/kategoriya-vejlivosti-kontekste-rechevyih-109261.html>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=21769783>. EDN: <https://elibrary.ru/sikcfl>.
- Лохэр, Ларина 2019 – *Лохэр М.А., Ларина Т.В.* Введение в исследование вежливости и невежливости в глобальном контексте // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23, № 4. С. 873–903. DOI: <http://doi.org/10.22363/2687-0088-2019-23-4-873-903>. EDN: <https://elibrary.ru/jikmsj>.
- Формановская 2008 – *Формановская Н.И.* Русский речевой этикет: лингвистический и методологический аспекты. Москва: URSS, 2008. 156 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37619999>. EDN: <https://elibrary.ru/zipjch>.
- Хужамуродова 2021 – *Хужамуродова Ф. Р.* Politeness and lexical means of expressing it in English // *Молодой ученый*. 2021. № 23 (365). С. 349–351. URL: <https://moluch.ru/archive/365/81914> (дата обращения: 11.07.2022); <https://elibrary.ru/item.asp?id=46149890>. EDN: <https://elibrary.ru/yjdgki>.

References

- Al-hindawi, Alkhazaali 2016 – *Al-hindawi F. & Alkhazaali M.* (2016) A Critique of Politeness Theories. *Theory and Practice in Language Studies*, vol. 6, issue 8, p. 1537. DOI: <http://doi.org/10.17507/tpls.0608.03>.
- Blitvich, Sifianou 2019 – *Blitvich P. Garcés-Conejos, Sifianou M.* (2019) Im/politeness and discursive pragmatics. *Journal of Pragmatics*, vol. 145, issue 1, pp. 91–101. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.pragma.2019.03.015>.
- Brown, Levinson 1987 – *Brown P., Levinson S.* (1987) *Politeness: Some Universals in language usage*. Cambridge: Cambridge University Press, 345 p. Available at: https://www.academia.edu/26395652/Politeness_Some_universals_in_language_usage.
- Culpeper 2011 – *Culpeper J.* (2011) Politeness and Impoliteness. In: *Karin Aijmer and Gisle Andersen (eds.) Sociopragmatics, Vol. 5 of Handbooks of Pragmatics edited by Wolfram Bublitz, Andreas H. Jucker and Klaus P. Schneider*. Berlin: Mouton de Gruyter, pp. 391–436. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/16284767.pdf>.
- Grice 1980 – *Grice P.H.* (1980) Logik und Gesprächsanalyse. In: *Kussmaul P. (Hg.): Sprechakttheorie. Ein Reader*. Wiesbaden, S. 109–126.
- Kadar 2019 – *Kadar D.Z.* (2019) Politeness, Impoliteness and Ritual. Cambridge: Cambridge University Press, 282 p. DOI: <http://doi.org/10.1017/9781107280465>.
- Kádár, House 2021 – *Kádár D.Z., House Ju.* (2021) ‘Politeness Markers’ Revisited – A Contrastive Pragmatic Perspective. *Journal of Politeness Research*, vol. 17, no. 1, pp. 79–109. DOI: <http://doi.org/10.1515/pr-2020-0029>.
- Kasper 1990 – *Kasper G.* (1990) Linguistic politeness: Current research issues. *Journal of Pragmatics*, vol. 14, issue 1, pp. 193–218. DOI: [http://dx.doi.org/10.1016/0378-2166\(90\)90080-W](http://dx.doi.org/10.1016/0378-2166(90)90080-W).
- Lakoff 1990 – *Lakoff R.* (1990) *Talking Power. The Politics of Language in Our Lives*. New York: Basic Books, p. 36. DOI: <http://doi.org/10.5860/choice.28-5136>.
- Leech 1983 – *Leech Geoffrey N.* (1983) *Principles of Pragmatics*. New York: Longman, 250 p. DOI: <http://doi.org/10.4324/9781315835976>.
- Murphy, Felice 2019 – *Murphy M. Lynne, Felice Rachele De.* (2019) Routine politeness in American and British English requests: use and non-use of please. *Journal of Politeness Research*, vol. 15, no. 1, pp. 77–100. DOI: <http://doi.org/10.1515/pr-2016-0027>.
- Pakistani Culture – *Pakistani Culture*. Available at: <https://culturalatlas.sbs.com.au/pakistani-culture/pakistani-culture-communication#pakistani-culture-communication> (accessed: 11.07.2022).
- Rathmayr 1996 – *Rathmayr R.* (1996) *Pragmatik der Entschuldigungen. Vergleichende Untersuchung am Beispiel der russischen Sprache und Kultur Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe A: Slavistische Forschungen, 16.* Böhlau, Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag, 1996. 243 S.
- Shahrokhi, Bidabadi 2013 – *Shahrokhi M., Bidabadi F.S.* (2013) An Overview of Politeness Theories: Current Status, Future Orientations. *American Journal of Linguistics*, vol. 2, issue 2, pp. 17–27. DOI: <http://doi.org/10.5923/j.linguistics.20130202.02>.
- Bulgakova, Shabanova, Eliseeva 2017 – *Bulgakova Yu.S., Shabanova V.P., Eliseeva A.A.* (2017) The language of leadership: analyzing public speeches of Presidents (literature review). In: *Leadership for the Future Sustainable Development of Business and Education: 2017 Prague Institute for Qualification Enhancement (PRIZK) and International Research Centre (IRC) «Scientific Cooperation» International Conference, Prague, September 12–15, 2017*. Prague: Springer-Verlag GmbH, 2018, pp. 69–77. (In Russ.)
- Bhatti 2017 – *Bhatti N.V.* (2017) Second person pronouns in Russian, English and Urdu. In: *Significant people in language and culture: for jubilee of Lotman Ju.M: materials of interuniversity theoretical and practical seminar (April 27, 2017)*. Moscow, pp. 25–31. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49251300&pf=1>. EDN: <https://elibrary.ru/edodwq>.
- Bhatti, Kovsh, Kharitonova 2021 – *Bhatti N.V., Kovsh E.V., Kharitonova E.Yu.* (2021) Communicative characteristics of the use of vocatives in Indo-European languages (Russian, English, German and Urdu). In: *Sladkevich Zh. (Ed.) Speech Impact in Different Discourses*, vol. 6. Gdansk: Izdatel'stvo Gdan'skogo universiteta, pp. 128–139. ISBN 978-83-8206-219-9. (In Russ.)
- Zemskaya 1994 – *Zemskaya E.A.* (1994) Category of politeness in the context of linguistic manipulation. In: *Logical analysis of language: Language of speech actions*. Moscow: Nauka, 1994, pp. 131–136. Available at: <https://sci.house/obschaya-lingvistika-scibook/kategoriya-vejlivosti-kontekste-rechevyih-109261.html>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=21769783>. EDN: <https://elibrary.ru/sikcfl>. (In Russ.)
- Locher, Larina 2019 – *Locher M.A., Larina T.V.* (2019) Introduction to Politeness and Impoliteness Research in Global Contexts. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 23, no. 4, pp. 873–903. DOI: <http://doi.org/10.22363/2687-0088-2019-23-4-873-903>. EDN: <https://elibrary.ru/jikmsj>. (In Russ.)
- Formanovskaya 2008 – *Formanovskaya N.I.* (2008) *Russian speech etiquette: linguistic and methodological aspects*. Moscow: URSS, 156 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37619999>. EDN: <https://elibrary.ru/zipjch>. (In Russ.)
- Khuzhamurodova 2021 – *Khuzhamurodova F.R.* (2021) Politeness and lexical means of expressing it in English. *Molodoy uchenyy*, no. 23 (365), pp. 349–351. Available at: <https://moluch.ru/archive/365/81914> (accessed 11.07.2022); <https://elibrary.ru/item.asp?id=46149890>. EDN: <https://elibrary.ru/yjdgki>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 8 (1751)

Дата поступления: 14.06.2022
рецензирования: 21.08.2022
принятия: 28.08.2022

Е.В. Яковлева

Самарский государственный технический университет, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: eka-khikhlich@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0299-7708>

Реализация ситуационных когнитивных моделей в англоязычном учебном дискурсе

Аннотация: Представленная статья посвящена исследованию особенностей репрезентации ситуационных моделей на примере малоформатных англоязычных учебных текстов. Целями статьи стали выявление ситуационных моделей и анализ особенностей языковых средств их репрезентации. В ходе исследования были использованы следующие методы: описание, контекстуальный анализ, контент-анализ, дискурс-анализ. Рассмотрены ситуационные модели при помощи модели S-P-E-A-K-I-N-G, предложенной Д. Хаймсом, в которой были выделены такие компоненты ситуации, как Act Sequence, Instrumentalities, Participants, Key. В процессе репрезентации когнитивной модели ситуации на первое место выдвигается Act Sequence, что объясняется стремлением автора показать динамику развития события. В малоформатных текстах при помощи языковых средств выделяются такие компоненты, как Instrumentalities и Participants, имеющие особое значение для создания эмоционального фона ситуации. В ходе анализа были выделены следующие участники эпизодов: *family, parents, kids, landlady*. Исследование показало, что выявленные когнитивные модели ситуаций, репрезентируемые в англоязычном учебном дискурсе, вызывают большой интерес у обучающихся, что, в свою очередь, пробуждает интерес к языковым средствам их репрезентации и, как следствие, интерес к языку и культуре англоязычных стран.

Ключевые слова: дискурс; институциональный дискурс; ситуационная когнитивная модель; текст; модель; компонент; ситуация; языковая модель.

Цитирование. Яковлева Е.В. Реализация ситуационных когнитивных моделей в англоязычном учебном дискурсе // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 3. С. 161–167. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-161-167>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Яковлева Е.В., 2022

Екатерина Васильевна Яковлева – аспирант II курса, преподаватель кафедры иностранных языков, Самарский государственный технический университет, 443100, Российская Федерация, Самара, ул. Молодогвардейская, 244.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 14.06.2022
Revised: 21.08.2022
Accepted: 28.08.2022

Realization of situational cognitive models in English educational discourse

E.V. Yakovleva

Samara State Technical University, Samara, Russian Federation
E-mail: eka-khikhlich@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0299-7708>

Abstract: The presented article is devoted to the study of the features of representation of situational models on the example of small-format English-language texts. The purpose of this article is to identify situational models and analyze the features of language means of their representation of situational models. During the study, the following methods were used: description, contextual analysis, content analysis, discourse analysis. The article examined situational models using the S-P-E-A-K-I-N-G model proposed by D. Hymes, in which such situation components as Act Sequence, Instrumentalities, Participants, Key were identified. In the process of representing the cognitive model of the situation, «Act Sequence» comes to the fore, which is explained by the author's desire to show the dynamics of the development of the event. In small format texts, with the help of linguistic means, components such as «Instrumentalities» and «Participants» are distinguished, which are of particular importance for creating an emotional background for the situation. During the analysis, the following participants in the episodes were identified: family, parents, kids, landlady. The study showed that the identified cognitive models of situations, represented in the English-language educational discourse, arouse great interest among students, which, in turn, arouses interest in the language means of their representation and, as a result, interest in the language and culture of English-speaking countries.

Key words: discourse; institutional discourse; situational cognitive model; text; component; situation; linguistic model; concept.

Citation. Yakovleva E. V. Realization of situational cognitive models in English educational discourse. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* = *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 28, no. 3, pp. 161–167. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-161-167>. (In Russ.)

© Yakovleva E. V., 2022

Ekaterina V. Yakovleva – 2nd year postgraduate student, teacher, Department of Foreign Languages, Samara State Technical University, 244, Molodogvargeyskaya Street, Samara, 443100, Russian Federation.

Введение

Настоящая статья посвящена изучению языковой репрезентации ситуационных когнитивных моделей, представленных в текстах для аудирования на английском языке. Актуальность исследования обусловлена спецификой языковой репрезентации когнитивных моделей в различных ситуациях в англоязычном учебном дискурсе, которые помогут понять, как обучающийся овладевает данными моделями, имеющими отношение к англоязычной культуре и социуму, какое влияние они оказывают на эффективность изучения английского языка, как они влияют на повседневную жизнь обучающихся.

Одним из ключевых понятий представленного исследования является понятие институционального дискурса, поэтому стоит обратить внимание на его значение. Рассмотрим данный вопрос, основываясь на работах разных лингвистов.

Исследователь Е.И. Шейгал полагает, что институциональный дискурс – это широкое понятие, которое охватывает всю языковую систему, речевую деятельность и текст. Более того, институциональный дискурс обладает собственным подязыком, а язык, в свою очередь, как абстрактная система реализуется через дискурсы [Шейгал 2004, с. 326].

В рамках статьи рассматривается институциональный дискурс, который может быть представлен учебным или образовательным типом дискурсивного пространства. Так, по определению В.И. Карасика: «Институциональный дискурс есть специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» [Карасик 2002, с. 5–20]. Мы полагаем, что институциональный тип дискурса (образовательный дискурс) отличается сложным характером и неоднородностью, поскольку любое общение, включая учебное, носит многомерный, партитурный характер и его типы выделяются с известной степенью условности.

А.А. Харьковской было установлено, что «институциональный дискурс отличается от персонального прежде всего трафаретными моделями дискурсивных практик, которые предполагают в лингвистическом плане актуализацию речевых клише, символические действия, использование типичных хронотопов и доминирование ключевого концепта в языковом сознании коммуникантов» [Харьковская 2013].

Институциональный дискурс является неким общением в определенных общепринятых рамках. По отношению к социальным группам известный

отечественный ученый В.И. Карасик выделил несколько групп институционального дискурса: политический, дипломатический, административный, юридический, военный, педагогический, дипломатический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический, массово-информационный [Карасик 2000].

Институциональный дискурс, согласно В.И. Карасику, противопоставлен персональному по признаку личностной либо представительской ориентации субъектов общения. Вместе с тем не существует абсолютно личностного и абсолютно статусного общения, институциональность имеет градуальный характер. Можно построить условную шкалу, на которой могут быть расположены типы институционального дискурса. Он строится по определенному трафарету: цель общения жестко детерминирует тематику и тональность дискурса, однако в реальном общении неизбежны отклонения от стандарта.

Следует отметить тот факт, что этот список групп может изменяться: увеличиваться или уменьшаться, что обусловлено партитурным характером общения. Полное устранение личностного начала превращает участников институционального общения в манекены, вместе с тем существует интуитивно ощущаемая участниками общения граница, выход за которую подрывает основы существования того или иного общественно-института.

На современном этапе развития важна корреляция языковой ситуации в контексте «реального» общения и методологической системы. Одним из самых результативных методов изучения институционального дискурса является системное моделирование.

Оно довольно часто используется и применяется в исследованиях ученых. По мнению В.В. Добровой, «моделирование является эффективным методом познания и осмысления человеком окружающего мира и самого себя» [Доброва 2014, с. 147].

В.Д. Шевченко и С. Томашчикова считают, что когнитивные модели могут реализовываться в виде текстов, визуальных знаков или даже действий. По мнению вышеупомянутых исследователей, когнитивная модель является образцом, которому люди следуют в повседневной и профессиональной жизни [Шевченко, Томашчикова 2021, с. 10].

Стоит отметить тот факт, что модели включают в себя опыт предыдущих событий с лицами, явлениями и предметами, поэтому они требуются в качестве основы интерпретации дискурса [Дейк 2000, с. 103].

В учебном пособии *English Unlimited* репрезентированы когнитивные модели ситуаций, изучение которых приводит к повышению уровня владения английским языком и восприятию иноязычной культуры, в рамках которых разворачиваются данные ситуации.

Цели статьи заключаются в исследовании и выявлении когнитивных ситуационных моделей в малоформатных текстах для аудирования в учебно-методическом комплексе *English Unlimited* уровня Intermediate 2011 года издания, раздел 4 (авторы Alex Tilbury, Theresa Clementson, Leslie Anne Hendra, David Rea).

Методологической и теоретической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых: Т.А ван Дейка, В.В. Доброй, О.А. Зининой, В.И. Карасика, М.Р. Нашхоевой, А.А. Павловой, С. Томашчиковой, Д. Хаймса, А.А. Харьковской, В.И. Шаховского, Е.И. Шейгаса, В.Д. Шевченко.

В качестве основного инструмента исследования была использована модель ситуации S-P-E-A-K-I-N-G, разработанная известным американским лингвистом Д. Хаймсом [Hymes D. 1974, p. 260]. В данной работе были проанализированы такие языковые средства репрезентации составляющих ситуативных когнитивных моделей, как *Act Sequence* (Последовательность действий), *Participants* (Участники), *Instrumentalities* (Набор языковых средств), *Key* (Атмосфера).

Методы исследования. Авторами использовались такие методы, как описательный, метод контекстуального анализа, контент-анализ.

Основная часть

Исследуем особенности репрезентации ситуационных моделей на примере малоформатных англоязычных учебных текстов для аудирования. Обратимся к ситуации **'NATURAL DISASTER'** (Природная катастрофа). Данный фрагмент содержит в себе информацию о ситуации, ее модели, месте, событии, времени, а также о других важных обстоятельствах: 'Erm, I was living in *Sri Lanka* when the *tsunami* hit'; 'that there had been an *earthquake*'; 'The day of the *eclipse* was interesting, erm, because everybody seemed to be *on the beach*'; 'It was absolutely packed with people *in the middle of a working day*' (Tilbury, Clementson, Hendra, Rea 2011, (далее – *English Unlimited* – EU, 2, p. 32). В приведенных примерах компонент «МЕСТО СОБЫТИЯ» передается посредством таких единиц, как топоним '*Sri Lanka*' и существительное '*beach*'. Примеры включают информацию о месте *Sri Lanka*, которое обозначено топонимом. Данные о событии выражены при помощи лексем *tsunami*, *earthquake*, *eclipse*, связанных с природными явлениями или бедствиями. Сведения о времени происходящего события обозначено посредством предложно-падежного сочетания *in the middle of a working day*. Соответственно, рассмотренные составляющие ситуативной ког-

нитивной модели: место, событие и время – помогают автору донести до учащегося более точную информацию о происходящем.

Следует обратить внимание на языковые единицы, посредством которых репрезентирован такой компонент когнитивной модели ситуации, как **Act Sequence** – последовательность действий на примере события **'TSUNAMI'**:

1) начало цунами (*Start of the tsunami*): '[Oh wow!] Erm, but *the water amazingly didn't come to the street* that I lived in';

2) паника (*Warning, shouting*): 'I didn't hear it, I didn't know anything about it, and suddenly my landlady, she came upstairs and she was shouting *'Seawater, seawater'*'';

3) спасение (*Running up to the roof*): 'then we ran onto, up to the roof';

4) разрушения, вызванные цунами (*Destruction caused by tsunami*): 'the next street looks like *canals of the water* between the house';

5) окончание катастрофы (*End of disaster*): 'the water then *subsided very quickly*, erm and then, it was quite soon that we *found out what had happened*, that there *had been* an earthquake' (EU., 5a, p. 32).

Приведенные выше примеры демонстрируют, что действие передается при помощи форм прошедшего времени – *Past Simple* для последовательного описания событий, *Past Continuous* с целью показать длительность произошедшего события и *Past Perfect* для обозначения результата действия. Следовательно, употребление вышеперечисленных грамматических структур призвано подчеркнуть происходящие события, что и фиксируется в сознании обучающегося.

В следующем фрагменте учебного текста о землетрясении **'EARTHQUAKE'** на первый план также выходит компонент **Act Sequence**. Рассмотрим фрагмент текста:

1) начало землетрясения (*Start of the earthquake*): 'it was quite soon that we found out what had happened, that *there had been* an earthquake and that it had caused a tsunami';

2) развитие землетрясения (*Growth the earthquake*): 'there was a very small danger of another one happening' (EU., 5a, p. 32);

3) действия участников (*Actions of the participants*): '*my parents were actually visiting me* at the time'.

На основании анализа фрагмента логично предположить, что структура землетрясения хронологична: за началом рассказа о событии содержится информация о том, как возникло землетрясение, затем следует основная часть с развитием события и действиями участников. Мы убеждены, что такая последовательность не случайна, поскольку автор намеренно представляет обучающемуся ситуации краткие, емкие.

Проанализируем фрагмент о затмении **'ECLIPSE'**:

1) начало затмения (*Start of the eclipse*);

2) действия людей в начале затмения: люди покидают свои рабочие места, идут к морю (*Leaving*

the workplaces and going to the sea): ‘Er, everyone just left their workplaces and they immediately headed down to the sea’;

3) действия людей во время затмения – люди сидят и ждут затмения (*Sitting around the beach, waiting*): ‘we all sat around the beach waiting for something’;

4) природные изменения (*Changing the colour, quality to the light*): ‘The sky just changes colour very slowly and there was a very strange quality to the light’;

5) наступление тишины (*Going silent*): ‘And as soon as the light started changing the birds went silent’ (EU, 5a, p. 32);

6) наблюдение за затмением: люди наблюдали за природным явлением и старались смотреть на солнце через очки (*Watching the eclipse, trying to look at the sun*): ‘There were lots of people on the street who are selling special sunglasses and, er, other things to watch the eclipse through and people were walking around with little bits of card, trying to look at the sun without damaging their eyes’ (EU, 5a, p. 32).

В анализируемом фрагменте информация о действиях участников во время затмения представлена при помощи разных глагольных форм, как личных (*everyone left, they headed, people were walking*), так и неличных (причастия – *waiting, trying*; инфинитива – *to watch the eclipse*). Мы полагаем, автор хотел отразить последовательность событий, подчеркнуть интерес людей к событию, чтобы показать обучающемуся общую тенденцию развития происходящего.

Можно сделать вывод, что все используемые грамматические и стилистические приемы помогают авторам учебного пособия представить заданное событие наиболее масштабно и ярко и визуализировать его в сознании читателя.

Обратимся к анализу специфики компонента **Instrumentalities** (Набор языковых средств): ‘*the next street looks like canals of the water between the house*’. Из примера видно, как автор использует такой стилистический прием, как сравнение для экспрессивной передачи события.

Другой фрагмент учебного текста также важен с точки зрения компонента **Instrumentalities**: ‘*But... and nobody knew what had happened, of course, because nobody was expecting a tsunami to happen*’. Автор задействовал такой стилистический прием, как анафора: повтор неопределенно-личного местоимения *nobody* и глагола *to happen* в разных формах, чтобы произвести эффект чередующихся событий, а также показать удивление людей, которые не ожидали природной катастрофы. Нельзя не отметить, что автор использует такие приемы с целью придать эффект наваждения, передать навязчивую идею.

Следующий отрывок также актуален в контексте передачи компонента **Instrumentalities**: ‘*I remember thinking that it was really odd that the whole town had gone to the beach in the middle of a working day to see this strange event*’ (EU, 5a, p. 32). В анализируемом примере используется мето-

додумия. Так, под атрибутивным словосочетанием *the whole town* автор подразумевает всех жителей города. Он использует единицу *town* с целью придать происходящему событию образность и большую выразительность, а также показать массовый интерес жителей к затмению.

Другие фрагменты, которые, в свою очередь, также обращают на себя внимание с точки зрения компонента **Instrumentalities**: ‘*Obviously I’d have liked my kids to see it too, but unfortunately, they were at school so they missed it*’ – в приведенном фрагменте автор использует **Complex Object** (сложное дополнение) для выражения волеизъявительного тона в повествовательном предложении, что придает доверительный характер всему высказыванию говорящего и показывает интерес к представленному событию.

Стоит отметить, что, помимо компонентов **Act Sequence** и **Instrumentalities**, выделяют такой компонент, как **Key**, который выполняет функцию передачи атмосферы происходящего события и тона общения между участниками, в состав которого входит такой элемент, как «ЧУВСТВА». Данный компонент содержит в себе информацию о человеческих переживаниях и эмоциях, которые переобладали у участников событий. По словам В.И. Шаховского, «эмоции сегодня в моде». В современном мире они охватили все коммуникативное пространство человека: политику, СМИ, художественное и бытовое общение. Эмоции стали важным компонентом мышления, разума и языкового сознания человека, который принадлежит к любой лингвокультуре [Шаховский 1984, 1987]. Общеизвестным считается, что эмотивность представляет собой специфическую и своеобразную форму когниции и затрагивает отражения и оценки окружающей человека действительности. Как отмечает М.Р. Нашхоева, «человеческие переживания, как в зеркале, отражаются в языке и культуре социума в каждой языковой личности» [Нашхоева 2011, с. 95]. При помощи приведенных ниже примеров можно проиллюстрировать данный тезис: ‘*But... and nobody knew what had happened, of course, because nobody was expecting a tsunami to happen*’; ‘*It was really scary*’; ‘*Erm... there was a small danger...*’; ‘*Your family probably was very worried for you*’ (EU, 3, p. 32).

Из фрагментов о ‘**TSUNAMI**’ и ‘**EARTHQUAKE**’ видно, что элемент «ЧУВСТВА» передается при помощи лексем *scary, danger, worried*, которые несут в себе отрицательный эмоциональный компонент коннотативного значения. Эти единицы помогают автору передать атмосферу беспокойства, волнения и страха. Как следствие, концептуализация таких стихийных явлений содержит высокую степень тревожности. Поскольку человечество много раз сталкивалось с катастрофами, которые потрясли воображение инесли разрушение, губительные события и смерть, такая схема событий знакома, и достаточно структурирована в обыденном сознании.

Далее во фрагменте текста о **'ECLIPSE'** можно проанализировать языковые единицы, репрезентирующие элемент «ЧУВСТВА»: 'The day of the eclipse was *interesting*, erm..'; 'The atmosphere was *amazing*'; 'I was *really glad* I went though'; 'It was, er, *very eerie*'; 'It was *definitely an interesting experience*' (ЕИ, 2а, р. 32). Из отрывка можно заключить, что участников событий переполняли чувства и эмоции, которые выражены при помощи прилагательных *amazing*, *to be really glad*, *very eerie*, атрибутивного словосочетания *definitely an interesting experience*.

Очевидно, что в вышеприведенных фрагментах выражаются позитивные эмоции о таком явлении, как затмение: участники события заинтересованы таким природным явлением, но и одновременно насторожены. Особое внимание в учебном тексте стоит уделить использованию усилительных наречий: *really*, *very*, *definitely*. Авторы осознанно используют такие наречия с целью придать большую эмоциональную значимость происходящему, а также продемонстрировать отношение говорящего к событию, чтобы сформировать позитивное отношение к **'ECLIPSE'**. Так, затмение в контексте отрывка приобретает позитивную коннотацию в отличие от цунами.

Говоря об учебных малоформатных текстах, стоит отметить наличие компонента **Participants**, который занимает значительную роль в построении ситуативной модели. В анализируемом материале этот компонент представлен речью мужчин, которые обозначены именами собственными: *Fran*, *Astrid*, *Antonio*, – что «способствует установлению контакта с обучающимся, созданию непринужденного тона» текста [Зинина 2015, с. 41]. Участники события при этом могут состоять в деловых отношениях, в родственных связях и могут быть соседями: 'It didn't hear it, and suddenly *my landlady*'; 'My family probably was very worried for you'; 'Well, *my parents* were actually visiting me at the time, so'; 'But luckily we were able to contact *our family* back at home very quickly'; 'Obviously I'd have liked *my kids* to see it too, but unfortunately, they were at school so they missed it' (ЕИ, 2а, р. 33). Данные примеры содержат информацию об участниках событий, при этом такие единицы, как *family*, *parents*, *kids*, обозначают членов семьи. Через семантику *landlady* можно проследить, что в слове есть семы 'land' (земля; территория) (Macmillan 2007, р. 841) и 'lady' (дама; хозяйка) (Macmillan 2007, р. 840), причем сема рода деятельности человека выходит на первый план с целью передать характеристики участника.

Обратимся к понятию «концепт» с целью изучения прагматического потенциала малоформатных учебных текстов. Концепт – это совокупность всех знаний, понятий, ассоциаций, переживаний, как воображаемых, так и реальных, особым образом структурированных в ментальном пространстве субъекта, которые актуализируются в сознании носителя языка при восприятии им некоторого

слова – имени концепта [Павлова 2004, с. 161]. Таким образом, наиболее популярными концептами становятся: *event*, *tsunami*, *earthquake*, *eclipse*, *seawater*, *fear*, *danger*, *experience*, *colour*, *people*.

Проанализировав диалоги, мы указали, какую часть учебного текста занимают лексические единицы, используемые для реализации концептов **'TSUNAMI'**, **'EARTHQUAKE'**, **'ECLIPSE'**:

- из первого учебного текста **'TSUNAMI'** наиболее часто используемыми единицами стали *'tsunami'*, *'water'* и *'street'*, что составило около 8 % от других единиц;

- из фрагмента **'EARTHQUAKE'** были выявлены такие единицы, как *'earthquake'* и *'family'*, что составило 6 % от всего слов;

- из анализируемого отрывка **'ECLIPSE'** самые актуальные единицы – *eclipse*, *sea*, *beach*, *light*, *people*, *experience*, *working day*, что составило 10 % от всех слов.

Данный анализ в процентном соотношении показал, что на первый план из всех событий (**'TSUNAMI'**, **'EARTHQUAKE'**, **'ECLIPSE'**) выходит **'ECLIPSE'**. Автор намеренно представил события в разном ключе перед учащимся. Идея автора заключается в привлечении внимания к наиболее яркому и редкому событию.

Заключение

В современном учебном издании *English Unlimited* уровня *Intermediate* при моделировании ситуации на первое место выходят такие компоненты, как **Act Sequence**, **Instrumentalities**, **Participants**, **Key**. Очевидно, что автор стремится сделать акцент на событии, а именно на *'Natural disaster'*. Так, наиболее часто употребляемыми языковыми единицами стали: *event*, *tsunami*, *earthquake*, *eclipse*, *seawater*, *fear*, *danger*, *experience*, *colour*, *people*. Компонент *Act Sequence* выходит на первый план, поскольку это обусловлено прагматической целью автора привлечь внимание реципиента к интересным и значимым, а также опасным природным и астрономическим явлениям. Другой компонент *Participants* также выходит на первый план при помощи таких единиц, как *family*, *parents*, *kids*. Автор уделяет ему особое внимание, чтобы показать разные социальные роли людей, их взаимоотношения на момент совершения диалога и события *'Natural disaster'*, степень знакомства. Компонент *Instrumentalities* позволяет нам визуализировать информацию, а также наполнить ее содержанием. Компонент *Key* является общечеловеческой универсалией, но его отражение в языке специфично. В ходе работы было установлено, что исследованные когнитивные модели ситуаций, репрезентируемые в англоязычном учебном дискурсе, вызывают большой интерес у обучающихся, что, в свою очередь, пробуждает интерес к языковым средствам их репрезентации и, как следствие, интерес к языку и культуре англоязычных стран.

Материалы исследования

Macmillan 2007 – *Macmillan English Dictionary for Advanced learners*. Second Edition. 2007. 840–841 p.

Tilbury, Clementson, Hendra, Rea 2011 – *Alex Tilbury, Theresa Clementson, Leslie Anne Hendra, David Rea*. English Unlimited Cambridge Intermediate Coursebook. Cambridge University Press, 2011.

Философия 2004... – *Философия*: энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. Москва: Гардарики, 2004. 1072 с. (Enciclopedia).

Библиографический список

Hymes 1974 – *Hymes D.* Foundations of Sociolinguistics: An Ethnographic Approach. Philadelphia: University of Pennsylvania, 1974. 260 p. DOI: <http://doi.org/10.4324/9781315888835>.

Shevchenko, Tomashchikova 2021 – *Shevchenko V.D., Tomashchikova S.* Representation of Food in Media Discourses: Cognitive and Pragmatic Aspects: monograph. Samara: Samara University Publishing House, 2021. 216 с. URL: <http://repo.ssau.ru/bitstream/Monografi/Representation-of-Food-in-Media-Discourses-Cognitive-and-Pragmatic-Aspects-monograph-Tekst-elektronnyi-90380/1/Шевченко%20В.Д.%20Representation%202021.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=46673547>. EDN: <https://elibrary.ru/aewrsh>.

Дейк 2000 – *Дейк, ван Т.А.* Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с. URL: https://www.phantastike.com/other/yazyk_poznaniye/pdf/.

Доброва 2015 – *Доброва В.В.* Моделирование как метод познания ненаблюдаемых объектов // Вестник Вятского государственного университета. 2015. № 1. С. 146–152. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-kak-metod-poznaniya-nenablyudaemyh-obektov/viewer>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=23676128>. EDN: <https://elibrary.ru/tyespb>.

Зинина 2015 – *Зинина О.А.* Способы реализации компрессивной тенденции в британских газетах // Актуальные проблемы языкознания. Санкт-Петербург: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2015. С. 41–43. URL: https://etu.ru/assets/files/Aktualnye_problemy_sovremennoy_lingvistiki_201.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=29448056>. EDN: <https://elibrary.ru/yuksdj>.

Карасик 2000 – *Карасик В.И.* О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. / под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25969307>. EDN: <https://elibrary.ru/vwhliz>.

Карасик 2002 – *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с. URL: <https://www.rulit.me/books/yazykovej-krug-read-700638-1.html>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=24065092>. EDN: <https://elibrary.ru/ugqamp>.

Нашхоева 2011 – *Нашхоева М.Р.* Лингвистическая концепция эмоций и эмотивности текста // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2011. № 1 (218). С. 95–98. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskaya-kontseptsiya-emotsiy-i-emotivnosti-teksta/viewer>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=16890024>. EDN: <https://elibrary.ru/ofpslb>.

Павлова 2004 – *Павлова А.А.* Жанр, гипертекст, интертекст, концептосфера (на материале внутрисемейных родословных). Белгород: Изд-во БелГУ, 2004. 164 с. URL: <https://knigogid.ru/books/391690-zhanr-gipertekst-intertekst-konceptosfera>.

Харьковская 2013 – *Харьковская А.А.* Лингвистический потенциал малоформатных единиц в современных учебниках по англоязычной деловой коммуникации. URL: <http://engphil.samsu.ru/laniuscms/docs/tipolog/kharkovskaya1.pdf>.

Шаховский 1984 – *Шаховский В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка: [монография]. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2009. 204 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19927269>. EDN: <https://elibrary.ru/qubucf>.

Шейгал 2004 – *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. Москва: ИТДГК «Гнозис», 2004. 326 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19655426>. EDN: <https://elibrary.ru/qodctf>.

References

Hymes 1974 – *Hymes D.* (1974) Foundations of Sociolinguistics: An Ethnographic Approach. Philadelphia: University of Pennsylvania, 260 p. DOI: <http://doi.org/10.4324/9781315888835>.

Shevchenko, Tomashchikova 2021 – *Shevchenko V.D., Tomashchikova S.* (2021) Representation of Food in Media Discourses: Cognitive and Pragmatic Aspects: monograph. Samara: Samara University Publishing House, 216 p. Available at: <http://repo.ssau.ru/bitstream/Monografi/Representation-of-Food-in-Media-Discourses-Cognitive-and-Pragmatic-Aspects-monograph-Tekst-elektronnyi-90380/1/Шевченко%20В.Д.%20Representation%202021.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=46673547>. EDN: <https://elibrary.ru/aewrsh>.

Dejk 2000 – *Dejk T. Van.* (2000) Language. Cognition. Communication. Blagoveshchensk: BGK im. I.A. Boduena de Kurtene, 308 p. Available at: https://www.phantastike.com/other/yazyk_poznaniye/pdf/. (In Russ.)

Dobrova 2015 – *Dobrova V.V. (2015) Modelling as means of cognition of nonobservable objects. Herald of Vyatka State University*, no. 1, pp. 146–152. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-kak-metod-poznaniya-nenablyudaemyh-obektov/viewer>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=23676128>. EDN: <https://elibrary.ru/tycspb>. (In Russ.)

Zinina 2015 – *Zinina O.A. (2015) Ways to implement the compressive trend in British newspapers. Aktual'nye problemy yazykoznanija*. Saint Petersburg: SPbGETU «LETI», 2015, pp. 41–43. Available at: https://etu.ru/assets/files/Aktualnye_problemy_sovremennoy_lingvistiki_201.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=29448056>. EDN: <https://elibrary.ru/yuksdj>. (In Russ.)

Karasik 2000 – *Karasik V.I. (2000) On types of discourse*. In: *Karasik V.I., Slyshkin G.G. (Eds.) Linguistic personality: institutional and personal discourse: collection of scientific papers*. Volgograd: Peremena, pp. 5–20. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25969307>. EDN: <https://elibrary.ru/vwhliz>. (In Russ.)

Karasik 2002 – *Karasik V.I. (2002) Language circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremena, 477 p. Available at: <https://www.rulit.me/books/yazykovo-krug-read-700638-1.html>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=24065092>. EDN: <https://elibrary.ru/ugqamp>. (In Russ.)

Nashkhoeva 2011 – *Nashkhoeva M.R. (2011) Linguistic concepts of emotions and emotivity of the text*. Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics, no. 1 (218), pp. 95–98. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskaya-kontseptsiya-emotsiy-i-emosivnosti-teksta/viewer>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=16890024>. EDN: <https://elibrary.ru/ofpslb>. (In Russ.)

Pavlova 2004 – *Pavlova A.A. (2004) Genre, hypertext, intertext, concept sphere (on the basis of intra-family pedigrees)*. Belgorod: Izd-vo BelGU, 164 p. Available at: <https://knigogid.ru/books/391690-zhanr-gipertekst-intertekst-konceptosfera>. (In Russ.)

Kharkovskaya 2013 – *Kharkovskaya A.A. (2013) Linguistic potential of low-format units in modern textbooks of business English*. Available at: <http://engphil.samsu.ru/laniuscms/docs/tipolog/kharkovskaya1.pdf>. (In Russ.)

Shahovskiy 1984 – *Shahovskiy V.I. (1984) Categorization of emotions in the lexico-semantic system of the language: [monograph]*. Voronezh: Voronezh. gos. un-t, 204 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19927269>. EDN: <https://elibrary.ru/qubucf>. (In Russ.)

Sheigal 2004 – *Sheigal E.I. (2004) Semiotics of political discourse*. Moscow: ITDGK «Gnozis», 326 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19655426>. EDN: <https://elibrary.ru/qodctf>. (In Russ.)

РЕЦЕНЗИИ REVIEWS

DOI: 10.18287/2542-0445-2022-28-3-168-172

НАУЧНАЯ РЕЦЕНЗИЯ

УДК 94(47).084

Дата поступления: 17.07.2022
рецензирования: 20.08.2022
принятия: 28.08.2022

«Назад, в Архангельск!» Рецензия на книгу: Хатанзейская Е.В. Советский город в экстремальной повседневности: Архангельск в эпоху индустриализации и Второй мировой войны, 1929–1945 гг. Москва: Политическая энциклопедия, 2021. 311 с.: ил. (История сталинизма)

П.С. Кабытов

Самарский национальный исследовательский университет имени академика
С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: don.kabytov2012@yandex.ru. Researcher ID (Web of Science): S-2272-2016.
Scopus: 57194763364. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2359-2155>.

О.Б. Леонтьева

Самарский национальный исследовательский университет имени академика
С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: oleontieva@yandex.ru. Researcher ID (Web of Science): B-8653-2017.
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4245-1358>

Аннотация: Рецензируемая монография Е.В. Хатанзейской посвящена анализу истории повседневной жизни и стратегиям выживания населения советского Архангельска в «экстремальной повседневности» периода индустриализации и Великой Отечественной (Второй мировой) войны. Работа Хатанзейской продолжает смысловой ряд тех научных трудов, где исследуется феномен советского города в его историческом становлении и развитии. Автор сформулировал цель выяснить, как становление новой модели социума воздействовало на экономическое и социокультурное развитие северного города-порта, как изменялись социальный облик и повседневная жизнь горожан на исторических переломах, какие стратегии и социальные практики использовали они, чтобы день за днем решать самые насущные проблемы своего существования. Классический подход к изучению городского социума сочетается в исследовании с применением исследовательских методов, характерных для исторической антропологии. Изучение стратегий выживания, транслируемых из поколения в поколение, важно не только в научном плане, но и для общественного самосознания и исторической рефлексии.

Ключевые слова: история повседневности; экстремальная повседневность; Архангельск; индустриализация; Великая Отечественная (Вторая мировая) война.

Цитирование. Кабытов П.С., Леонтьева О.Б. «Назад, в Архангельск!» Рецензия на книгу: Хатанзейская Е.В. Советский город в экстремальной повседневности: Архангельск в эпоху индустриализации и Второй мировой войны, 1929–1945 гг. Москва: Политическая энциклопедия, 2021. 311 с.: ил. (История сталинизма) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 3. С. 168–172. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-168-172>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Кабытов П.С., Леонтьева О.Б., 2022

Петр Серафимович Кабытов – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Ольга Борисовна Леонтьева – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC REVIEW

Submitted: 17.07.2022
Revised: 20.08.2022
Accepted: 28.08.2022

«Back to Arkhangelsk!» Review of the book: Khatanzeykaya E.V. Soviet city in the extreme everyday life: Arkhangelsk in the epoch of industrialization and the World War II, 1929–1945. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2021, 311 p. (Ser. «History of Stalinism»)

P.S. Kabytov

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: don.kabytov2012@yandex.ru. Researcher ID (Web of Science): S-2272-2016.
Scopus ID: 57194763364. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2359-2155>

O.B. Leontieva

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: oleontieva@yandex.ru. Researcher ID (Web of Science): B-8653-2017.
ORCID: <http://doi.org/0000-0002-4245-1358>

Abstract: The reviewed monograph by Elizaveta Khatanzeyskaya is dedicated to the «extreme everyday life» and survival strategies of the population of Soviet Arkhangelsk in the period of industrialization and the Great Patriotic (the Second World) War. The book continues the semantic series of those scientific works that explore the phenomenon of Soviet city in its historical formation and development. The author sets the task to find out how the formation of a new model of society influenced the economic, social, and cultural development of the northern port city, how the social appearance and everyday life of the townspeople changed at historical turning points, and what strategies and social practices they used to solve the most pressing problems of their everyday existence. The classical approach to the study of urban society is combined in the study with approaches characteristic of historical anthropology. The study of survival strategies transmitted from one generation to another is important not only in scientific terms, but also for public self-awareness and historical reflection.

Key words: everyday life history; extreme everyday life; Arkhangelsk; industrialization; Great Patriotic War (World War II).

Citation. Kabytov P.S., Leontieva O.B. «Back to Arkhangelsk!» Review of the book: Khatanzeyskaya E.V. Soviet city in the extreme everyday life: Arkhangelsk in the epoch of industrialization and the World War II, 1929–1945. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2021, 311 p. (Ser. «History of Stalinism»). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 28, no. 3, pp. 168–172. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-168-172>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

© Kabytov P.S., Leontieva O.B., 2022

Petr S. Kabytov – Doctor of Historical Sciences, professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, head of the Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation. Olga B. Leontieva – Doctor of Historical Sciences, associate professor, professor of the Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

В 2019 году в диссертационном совете по историческим наукам, созданном на базе Пензенского государственного университета и Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, состоялась защита кандидатской диссертации Елизаветы Владимировны Хатанзейской на тему «Стратегии выживания населения в повседневной жизни советского города, 1929–1945 гг. (по материалам Архангельска)», подготовленной в Северном (Арктическом) федеральном университете имени М.В. Ломоносова под научным руководством доктора исторических наук, профессора М.Н. Супруна (Хатанзейская 2019). Дискуссия, развернувшаяся на защите диссертации, свидетельствовала о высоком интересе научного сообщества к ее проблематике: официальные оппоненты и члены диссертационного совета обстоятельно обсуждали теоретико-методологические проблемы изучения отечественной истории XX века, вопросы поиска и анализа исторических источников по данному периоду, возможности применения исследовательских стратегий, характерных для современных направлений исторической науки – истории повседневности, устной истории, изучения исторической памяти. В ходе дискуссии, что нечасто бывает на защитах диссертаций, звучали и личные воспоминания самарских ученых о том драматичном периоде отечественной истории.

Показателем значимости этой исследовательской работы и высокой научной квалификации соискателя стала не только успешная защита диссер-

тации, но и тот факт, что два года спустя, в 2021 г., монография Е.В. Хатанзейской по материалам ее диссертации была опубликована одним из ведущих издательств нашей страны – «Политическая энциклопедия (РОССПЭН)» [Хатанзейская 2021] и уже привлекла внимание рецензентов [Рогожин 2021]. В настоящей статье ее авторы, участвовавшие в процедуре защиты и в дискуссии по диссертации Е.В. Хатанзейской, хотели бы представить собственные размышления об этом безусловно интересном научном исследовании.

Основная часть

Исследование Е.В. Хатанзейской приглашает нас вслед за классиком русского рока отправиться по оси времени «назад, в Архангельск» – в северный город-порт, который в XVI–XVII веках был «окном в Европу» у Белого моря, с петровских времен стал центром судостроения, а в годы Великой Отечественной войны, наряду с Мурманском, был главным портом страны, принимавшим грузы союзников по ленд-лизу. Данная работа, посвященная советскому Архангельску 1929–1945 гг., продолжает смысловой ряд тех научных трудов, где исследуется феномен советского города в его историческом становлении и развитии [Рыженко, Назимова, Алисов 2004], в том числе на примере северных городов [Замятина 2007]. При этом работа Е.В. Хатанзейской выходит за рамки жанра региональной или локальной истории; она посвящена тому, как трансформировался региональный

социум под влиянием масштабных исторических событий, макроисторических тенденций.

В качестве хронологических рамок своего исследования Е.В. Хатанзейская выбрала 1930–1940-е годы: тот период в истории нашей страны, когда в своих важнейших, определяющих чертах сложилась социально-экономическая модель советского общества. Этот период особенно важен и интересен для изучения еще и потому, что наших современников от него отделяют всего 3–4 поколения. Если использовать терминологию Яна Ассмана, именно на этом хронологическом рубеже пролегает граница между коллективной памятью общества, которая живет в устных воспоминаниях, и памятью культурной, которая сохраняется только в текстах, коммеморативных ритуалах, монументах и артефактах [Ассман 2004, с. 52–59]. Более того, 1930–1940-е годы – это и зона «горячей памяти», поскольку сегодня в общественном пространстве, в масс-медиа и научных трудах ведутся самые острые дискуссии о том периоде и его месте в истории нашей страны, о «цене индустриализации» и «цене победы».

Именно поэтому столь важна попытка Е.В. Хатанзейской рассмотреть этот период советской истории в его человеческом измерении. Автор ставит задачу выяснить, как становление новой модели социума воздействовало на развитие одного, отдельно взятого города, как изменялся социальный облик и повседневная жизнь горожан на исторических переломах и какие «стратегии» использовали они, чтобы день за днем решать самые насущные проблемы своего существования. Исследование выполнено в русле актуального направления исторической науки – истории повседневности, но Е.В. Хатанзейская понимает под «повседневностью» отнюдь не совокупность бытовых, рутинных действий людей в неизменной обстановке. Ключевое понятие ее работы – «экстремальная повседневность», то есть «повседневная жизнь советских граждан в чрезвычайных условиях, характеризующаяся перманентным стрессовым состоянием общества, вызванным глобальными историческими событиями, и предполагающая ежедневную борьбу за жизнь и выработку системы особых мер, нацеленных на выживание» [Хатанзейская 2021, с. 30].

Специфика авторской оптики заключается в том, что в работе сочетаются разные подходы к историческому исследованию. Один из них – классический «позитивистский» подход, работа с законодательными актами, с архивными источниками: организационно-распорядительной и делопроизводственной документацией, статистическими материалами, из которых можно извлечь подробную информацию о становлении промышленности и инфраструктуры города, о грузообороте порта Архангельска, о естественном и механическом движении городского населения, о распределении населения по отраслям труда, об обеспеченности горожан жилплощадью, о нормативах снабжения в годы войны и т. д. Исследование основано на

материалах более 20 архивных фондов центральных и региональных архивов. Значительная часть архивных документов, используемых в работе, в советское время была засекречена и впервые введена автором в научный оборот. О скрупулезности авторской работы с источниками этих типов можно судить по приложениям к диссертации, содержащим множество таблиц, графиков и диаграмм, которые существенно расширяют представление об изучаемом периоде.

Другой подход связан с введением в научный оборот многочисленных эго-источников – дневников, мемуаров, писем архангелогородцев, а также «устной истории»: в работе используются материалы почти 50 воспоминаний-интервью, лично взятых автором у старожилов города. Такое сочетание классической и нетрадиционной стратегий исторического исследования оказалось очень продуктивным, поскольку дало автору возможность поверить данные письменных источников показаниями живой памяти, наполнить повествование человеческими голосами и колоритными, выразительными деталями городской жизни, которые фактически отсутствуют в официальных, делопроизводственных документах. С источниками личного характера автор работает бережно, но сохраняя критичность взгляда: в тех случаях, когда свидетельства о повседневной жизни города (например, о кризисе продовольственного снабжения в начале войны) противоречат друг другу, Е.В. Хатанзейская выявляет причины этих противоречий, кроющиеся в различиях социального статуса и районов проживания респондентов.

В монографии выделено два крупных раздела. Первый из них посвящен повседневной жизни и стратегиям выживания городского населения Архангельска в условиях индустриализации. В 1930-е годы Архангельск становится столицей Северного края, который, в соответствии с первыми пятилетними планами, должен был стать ведущим лесопромышленным регионом страны, центром заготовки и экспорта древесины для обеспечения валютных поступлений и поставок импортного оборудования. Наглядно показывая, как стремительно рос город в годы первых пятилеток – в основном за счет строительства новых лесопромышленных комбинатов и сопутствующих предприятий, судоремонтного завода, развития транспортной инфраструктуры – Е.В. Хатанзейская выявляет социальные последствия этих процессов. Читатель вслед за автором видит, как изменялся социальный облик горожан: все большую их долю составляли недавние выходцы из коллективизированной деревни, спецпереселенцы, ссыльные, заключенные лагерей; исчезала, растворялась в новых реалиях прежняя предпринимательская, европейская по своему культурному облику архангельская элита, на смену ей приходили новые советские кадры. Стремительный рост населения становился тяжелой нагрузкой для городской инфраструктуры, а формирующаяся централизован-

ная система нормативного распределения материальных благ была слишком неповоротлива, чтобы оперативно справляться с социальными проблемами – все это приводило к острому дефициту жилой площади, перенаселенности, частым вспышкам эпидемических заболеваний, высокой смертности, в том числе детской, высокому производственному травматизму и в целом – к снижению уровня жизни горожан.

В этих условиях формируется целый комплекс стратегий выживания городского населения, тщательно выявленных автором на основе разноплановых источников. В числе этих стратегий – интеграция в новую социальную иерархию и систему государственного распределения, социальная мимикрия («сокрытие социального происхождения») и выстраивание новой, «правильной» советской биографии), включение в систему «блага» и «черного рынка» – нелегального обмена товаров и услуг. Выявлен и такой крайний вариант, как разнообразные криминальные стратегии, самой распространенной из которых были хищения на производстве и в системе торговли. Е.В. Хатанзейская отмечает и такую важную черту облика предвоенного советского города, сложившуюся в результате внутренних миграций, как привнесение в город сельского жизненного уклада со свойственными ему бытовыми привычками и традиционными навыками выживания, которые часто перенимались горожанами.

Во втором разделе освещается жизнь горожан в годы Второй мировой войны (1939–1945). Архангельск был объявлен закрытым городом, а его жизнь стала перестраиваться на военный лад уже с началом советско-финской войны, и потому выбор 1939 года в качестве временного рубежа между двумя периодами вполне оправдан. Повседневная жизнь северного города-порта в годы войны как никогда заслуживает названия экстремальной: Архангельск подвергался массированным вражеским бомбардировкам; массовая мобилизация заставляла женщин и детей-подростков, как и в других тыловых городах, заменить на производстве ушедших на фронт мужчин; при этом город пережил и жесточайший кризис снабжения – суровый северный климат порождал зависимость города-порта от продовольственных поставок из других регионов, которые в ситуации войны и приоритета интересов фронта стали слишком скудными. Е.В. Хатанзейская подробно исследует причины и гуманитарные последствия страшного голода в Архангельске зимой и весной 1941–1942 года, который унес жизни 19,5 тыс. человек. Всего за годы войны, помимо фронтовых потерь, от голода и болезней умерло 38 тыс. гражданского населения города, составлявшего на 1 января 1939 года 281,1 тыс. человек [Хатанзейская 2021, с.188, 212, 228]. И вновь в фокусе внимания автора находится совокупность тех стратегий и практик, которые

позволяли выживать как обычным горожанам, так и городскому социуму в целом. В экстремальных условиях были распространены как чрезвычайные стратегии выживания (продажа личных ценных вещей и обмен их на продуктовые карточки, употребление в пищу ворон, собак и кошек и т. д.), так и криминальные (воровство и подделка продуктовых карточек, спекуляция, мошенничество). Автор подчеркивает, что во многом горожан спасали архаичные, крестьянские навыки выживания: охота, рыбалка, сбор грибов и ягод, огородничество. Особо выделяет Е.В. Хатанзейская подвиг медицинских работников, ценой невероятных усилий предотвративших распространение эпидемических заболеваний; ученых, обосновавших возможность применения в пищу морепродуктов и разработавших лекарственные препараты из лесного сырья; обычных горожан, во время вражеских налетов тушивших зажигательные бомбы на крышах и борющихся с пожарами, часто ценой собственной жизни.

В текст книги органично включены материалы визуальной истории, отражающие разные стороны городской жизни. Иллюстративные приложения к работе запечатлели динамику меняющегося городского ландшафта советского Архангельска, картины повседневной жизни города и горожан, облик людей, чья судьба была связана с Архангельском. Здесь важен не только визуальный ряд, сопровождающий повествование, но и авторские комментарии к фотографиям, которые предоставляют читателю дополнительную информацию о судьбах изображенных на них людей или объектов городской среды.

Заключение

Таким образом, в монографии Е.В. Хатанзейской изучены особенности формирования городской среды и повседневности советского города, факторы изменения социально-демографического состава населения, характер взаимоотношений власти и общества, различных социальных групп городского населения и государственных структур в рамках социальной трансформации периода индустриализации и Великой Отечественной (Второй мировой) войны. Применение современного исследовательского инструментария, сочетание классических подходов с подходами, характерными для исторической антропологии, позволило Е.В. Хатанзейской увидеть масштабные социальные процессы в человеческом измерении. Автор доказывает, что выявленные в ходе исследования стратегии выживания городского населения сыграли важную роль в процессах адаптации к экстремальным условиям советской повседневности середины XX века.

Исследование Е.В. Хатанзейской позволяет поставить целый комплекс новых вопросов, важных для понимания не только прошлого нашей страны, но и современности. Память о прошлом живет не

только в знаках и символах, не только на страницах мемуаров и в архивных документах, но и в практиках поведения, транслируемых из поколения в поколение. Те стратегии выживания, которые искали и применяли люди в то суровое время, те страхи и ожидания, которые возникали у них тогда, до сих пор актуализируются в критических ситуациях и зачастую определяют логику действий наших современников. Поэтому изучение этого периода важно не только в научном плане – оно важно и для нашего общественного самосознания, для по-

нимания того, откуда мы и какое историческое наследие мы с собой несем.

Результаты исследовательской работы Е.В. Хатанзейской могут быть использованы при дальнейшей научной разработке истории советской повседневности, социальной и региональной истории, при преподавании курсов истории России XX в., а введенные ею в научный оборот данные могут быть востребованы при создании монографий, сборников документов, баз данных и книг памяти по истории Северного края и Архангельской области 1929–1945 гг.

Материалы исследования

Хатанзейская 2019 – *Хатанзейская Е.В.* Стратегии выживания населения в повседневной жизни советского города, 1929–1945 гг.: по материалам Архангельска: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Архангельск, 2019. 318 с.: ил. URL: <http://repo.ssau.ru/bitstream/Dissertacii-Zakryto/Strategii-vyzhivaniya-naseleniya-v-povsednevnoizhiznisovetskogo-goroda-19291945-gg-po-materialam-Arhangelska-Elektronnyi-resurs-dis-kand-ist-nauk-070002-82082/1/Хатанзейская%20Е.В.%20Стратегии%20выживания%20населения%202019.pdf>.

Библиографический список

Ассман 2004 – *Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 363 с. URL: <https://www.philol.msu.ru/~discours/images/stories/speckurs/assman.pdf>

Замятина 2007 – *Замятина Н.* Норильск – город фронта // Вестник Евразии. 2007. № 1. С. 165–190. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9478714>. EDN: <https://www.elibrary.ru/hzkzrf>.

Рогожин 2021 – *Рогожин А.* Катастрофа, сравнимая с блокадой Ленинграда: О книге Елизаветы Хатанзейской, посвященной Архангельску времен сталинизма // Горький Медиа. 13 октября 2021 г. URL: <https://gorky.media/reviews/katastrofa-sravnimaya-s-blokadoj-leningrada/>.

Рыженко, Назимова, Алисов 2004 – *Рыженко В.Г., Назимова В.Ш., Алисов Д.А.* Пространство советского города (1920-е – 1950-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характеристики (на материалах Западной Сибири) / отв. ред. В.Г. Рыженко. Омск: Издательский дом «Наука», 2004. 294 с. URL: <http://sfrik.omsu.ru/res/page000000000312/Files/Пространство%20города.pdf>.

Хатанзейская 2021 – *Хатанзейская Е.В.* Советский город в экстремальной повседневности: Архангельск в эпоху индустриализации и Второй мировой войны, 1929–1945 гг. Москва: Политическая энциклопедия, 2021. 311 с.: ил. (История сталинизма). URL: <http://webirbis.aonb.ru/irbisdoc/kr/2022/22kp242/6>.

References

Assman 2004 – *Assman J.* (2004) Cultural memory: Literacy, memory of the past and political identity in the high cultures of Antiquity: translation from German by M.M. Sokolskaya. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 363 p. Available at: <https://www.philol.msu.ru/~discours/images/stories/speckurs/assman.pdf>. (In Russ.)

Zamyatina 2007 – *Zamyatina N.* (2007) Norilsk, a frontier city. *Vestnik Evrazii = Acta Eurasica*, no. 1, pp. 165–190. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9478714>. EDN: <https://www.elibrary.ru/hzkzrf>. (In Russ.)

Rogozhin 2021 – *Rogozhin A.* (2021) A catastrophe comparable to the siege of Leningrad: About the book by Elizaveta Khatanzeyskaya, dedicated to Arkhangelsk during Stalinism. *Gorky Media*, October 13. Available at: <https://gorky.media/reviews/katastrofa-sravnimaya-s-blokadoj-leningrada/>. (In Russ.)

Ryzhenko, Nazimova, Alisov 2004 – *Ryzhenko V.G., Nazimova V.Sh., Alisov D.A.* (2004) The space of the Soviet City (1920-ies – 1950-ies): theoretical concepts, regional socio-cultural and historical-cultural characteristics (based on materials from Western Siberia). *Ryzhenko V.G. (Ed.)*. Omsk: Izdatel'skiy dom «Наука», 294 p. Available at: <http://sfrik.omsu.ru/res/page000000000312/Files/Пространство%20города.pdf>. (In Russ.)

Khatanzeyskaya 2021 – *Khatanzeyskaya E.V.* (2021) Soviet city in the extreme everyday life: Arkhangelsk in the epoch of industrialization and the World War II, 1929–1945. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 311 p.: illustrated. (History of Stalinism). Available at: <http://webirbis.aonb.ru/irbisdoc/kr/2022/22kp242/6>. (In Russ.)

**Когнитивно-прагматические аспекты репрезентации пищи
в медиадискурсах. Рецензия на монографию: Shevchenko V., Tomascikova S.
Representation of Food in Media Discourses: Cognitive and Pragmatic Aspects:
monograph. Samara: Samara University Publishing House, 2021. 216 p.
ISBN 978-5-7883-1588-1**

Е.С. Шевченко

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: slash99@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2400-6856>

Аннотация: Настоящая рецензия посвящена монографии В. Шевченко и С. Томашчиковой Representation of Food in Media Discourses: Cognitive and Pragmatic Aspects, где исследовался процесс реализации когнитивных моделей, связанных с репрезентацией пищи в американском, британском и российском медиадискурсах. Сравнительный анализ, проведенный в ходе исследования, показал, что журналисты из изданий этих стран выдвигают определенные составляющие когнитивных моделей на первый план в соответствии с прагматическими целями. Автор приходит к выводу, что вышедшая монография является крупным исследованием актуальной проблемы когнитивных моделей и содержит значимые теоретические и практические результаты, которые могут быть использованы в научной и учебной деятельности преподавателей, учителей, студентов, аспирантов и докторантов.

Ключевые слова: когнитивные модели; пища; медиадискурс; прагматические цели.

Цитирование. Шевченко Е.С. Когнитивно-прагматические аспекты репрезентации пищи в медиадискурсах. Рецензия на монографию: Shevchenko V., Tomascikova S. Representation of Food in Media Discourses: Cognitive and Pragmatic Aspects: monograph. Samara: Samara University Publishing House, 2021. 216 p. ISBN 978-5-7883-1588-1 // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 3. С. 173–175. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-173-175>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Шевченко Е.С., 2022

Екатерина Сергеевна Шевченко – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC REVIEW

Submitted: 11.04.2022
Revised: 15.05.2022
Accepted: 28.08.2022

**Cognitive and pragmatic aspects of food representation in media discourses.
Review of a monograph: Shevchenko V., Tomascikova S. Representation of Food
in Media Discourses: Cognitive and Pragmatic Aspects: monograph. Samara:
Samara University Publishing House, 2021, 216 p. ISBN 978-5-7883-1588-1**

E.S. Shevchenko

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: slash99@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2400-6856>

Abstract: The present article reviews the monograph «Representation of Food in Media Discourses: Cognitive and Pragmatic Aspects» by V. Shevchenko and S. Tomascikova, which is devoted to investigating the process of cognitive models' realization referring to food representation in American, British and Russian media discourses. The undertaken comparative analysis has demonstrated that the journalists tend to foreground the specific constituents of the cognitive models in accordance with their pragmatic goals. The author comes to a conclusion that the published monograph is a significant investigation of the essential problem of cognitive models and it contains important theoretical and practical results which can be used by teaching staff, graduate and postgraduate students in their scientific and educational activities.

Key words: cognitive models; food, media discourse; pragmatic goals.

Citation. Shevchenko E.S. Cognitive and pragmatic aspects of food representation in media discourses. Review of a monograph: Shevchenko V., Tomascikova S. Representation of Food in Media Discourses: Cognitive and Pragmatic

Aspects: monograph. Samara: Samara University Publishing House, 2021, 216 p. ISBN 978-5-7883-1588-1. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* = *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 28, no. 3, pp. 173–175. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-173-175>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Shevchenko E.S., 2022

Ekaterina S. Shevchenko – Doctor of Philological Sciences, professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Монография В. Шевченко и С. Томашчиковой посвящена актуальной проблеме реализации когнитивных моделей, связанных с пищей, в американском, британском и российском медиадискурсах. В ней было проведено фундаментальное исследование когнитивных аспектов репрезентации пищи, а также прагматических целей авторов, оказывающих влияние на репрезентацию пищи в масс-медиа.

Основная часть

Первая глава монографии посвящена проблеме когнитивных моделей и прагматики. В рамках данной главы авторы обращаются к работам отечественных и зарубежных исследователей, занимавшихся проблемами моделирования, когнитивистики и прагматики [Евсеева, Крейдлин 2017; Савицкий 1993], а также проблемами репрезентации пищи в медиадискурсе [Shevchenko 2020; Shevchenko 2019; Shevchenko, Mamet 2020; Shevchenko, Shevchenko 2021; Shevchenko, Tomasikova 2021; Tomaščíková 2015].

Вторая глава посвящена проблеме репрезентации пищи в медиадискурсах. Согласно данной главе, средства массовой информации являются самым значимым каналом распространения информации и формирования новых знаний о еде в обществе; они служат основным каналом введения в жизнь общества новых практик, касающихся потребления пищи, а также средством оценки прошлого, настоящего и будущего этих практик.

В третьей главе авторы проводят детальный анализ когнитивных и прагматических аспектов репрезентации пищи в американском медиадискурсе. Авторы делают вывод, что в рамках американского медиадискурса присутствует прежде всего негативная репрезентация пищи и связанных с ней социальных практик, что обусловлено особыми прагматическими целями журналистов.

Четвертая глава посвящена специфике репрезентации пищи в британском медиадискурсе. В результате проведенного анализа В. Шевченко и С. Томашчикова приходят к заключению, что в британском медиадискурсе журналисты концентрируются в основном на позитивной репрезентации еды с целью формирования положительного отношения британцев к здоровому питанию и образу жизни. Журналисты также обращаются к другим сторонам социальной жизни (путешествия, кино, отдых, спорт и т. п.), связывая их со здоровым питанием и привлекая таким образом к нему внимание общества.

В пятой главе анализируются когнитивные и прагматические аспекты репрезентации пищи в российском медиадискурсе. Проведя анализ большого объема медиатекстов, В. Шевченко и С. Томашчикова полагают, что в российском медиадискурсе пища репрезентируется как в позитивном, так и в негативном планах, что обусловлено одной прагматической целью журналистов, состоящей в закреплении представлений о роли здорового питания в обществе.

Заключение

Авторы проанализировали доминантные составляющие в когнитивных моделях США, Британии и России, выдвигаемые журналистами посредством языковых средств с целью достижения прагматических целей, связанных с формированием особого отношения к здоровому питанию. Один из основных выводов в работе состоит в том, что цели журналистов достигаются посредством особой когнитивной и прагматической организации медиатекстов, посвященных пище.

Монография представляет интерес для исследователей, занимающихся проблемами дискурса, типологии дискурсов, медиадискурса, когнитивного моделирования.

Библиографический список

Евсеева, Крейдлин 2017 – *Евсеева И.В., Крейдлин Г.Е.* Фреймное моделирование фрагментов лексико-словообразовательных гнезд с семантикой «заболевание» // *Вестник Томского государственного университета. Филология*, 2017. № 49. С. 5–23. DOI: <http://doi.org/10.17223/19986645/49/1>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zwdtftp>.

Савицкий 1993 – *Савицкий В.М.* Английская фразеология: проблемы моделирования. Самара: Самарский университет, 1993. 171 с.

Shevchenko 2020 – *Shevchenko V.D.* Realization of «Food as a Source of Health» cognitive model // *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2020. № 4. С. 62–68. DOI: <http://doi.org/10.29025/2079-6021-2020-4-62-68>. EDN: <https://elibrary.ru/xqgjuic>.

Shevchenko 2019 – *Shevchenko V.D.* Representation of Street Food in the Russian Media Discourse: Cognitive and Pragmatic Aspects // *SKASE Journal of Literary and Cultural Studies*. 2019. Vol. 1, no. 2. URL: http://www.skase.sk/Volumes/SJLCS02/pdf_doc/04.pdf.

Shevchenko, Mamet 2020 – *Shevchenko V.D., Mamet P.* Realization of «Food as a Source of Danger» Cognitive Model in the Russian Media Discourse // *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2020. № 2. С. 53–60. DOI: <http://doi.org/10.29025/2079-6021-2020-2-53-60>. EDN: <https://elibrary.ru/fuxprk>.

Shevchenko, Shevchenko 2021 – *Shevchenko V.D., Shevchenko E.S.* Cognitive and pragmatic peculiarities of positive and negative food representation in Russian media discourse // *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2021. Vol. 18, issue 2. P. 417–431. DOI: <http://doi.org/10.21638/spbu09.2021.210>. EDN: <https://elibrary.ru/lvqsfc>.

Shevchenko, Tomascikova 2021 – *Shevchenko V., Tomascikova S.* Representation of food in media discourses: cognitive and pragmatic aspects: monograph. Samara: Samara University Publishing House, 2021. 216 p. URL: <http://repo.ssau.ru/bitstream/Monografii/Representation-of-Food-in-Media-Discourses-Cognitive-and-Pragmatic-Aspects-monograph-Tekst-elektronnyi-90380/1/Шевченко%20В.Д.%20Representation%202021.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=46673547>. EDN: <https://elibrary.ru/aewrsh>.

Tomaščíková 2015 – *Tomaščíková S.* Cultural Heritage and Food – New Media Narratives – New Meanings and New Identities // *European English Messenger*. 2015. № 2. P. 49–57.

References

Evseeva, Kreydlin 2017 – *Evseeva I.V., Kreydlin G.E.* (2017) Frame modeling of lexical-derivational nests with the «disease» semantics. *Tomsk State University Journal of Philology*, no. 49, pp. 5–23. DOI: <http://doi.org/10.17223/19986645/49/1>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zwdtftp>. (In Russ.)

Savitsky 1993 – *Savitsky V.M.* (1993) English phraseology: problems of modeling. Samara: Samarskiy universitet, 171 p. (In Russ.)

Shevchenko 2020 – Shevchenko 2019 – *Shevchenko V.D.* (2019) Representation of street food in the Russian media discourse: cognitive and pragmatic aspects. *SKASE Journal of Literary and Cultural Studies*, vol. 1, no. 2. Available at: http://www.skase.sk/Volumes/SJLCS02/pdf_doc/04.pdf.

Shevchenko, Mamet 2020 – *Shevchenko V.D., Mamet P.* (2020) Realization of «Food as a Source of Danger» Cognitive Model in the Russian Media Discourse. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, no. 2, pp. 53–60. DOI: <http://doi.org/10.29025/2079-6021-2020-2-53-60>. EDN: <https://elibrary.ru/fuxprk>.

Shevchenko, Shevchenko 2021 – *Shevchenko V.D., Shevchenko E.S.* (2021) Cognitive and pragmatic peculiarities of positive and negative food representation in Russian media discourse. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2021, vol. 18, issue 2, pp. 417–431. DOI: <http://doi.org/10.21638/spbu09.2021.210>. EDN: <https://elibrary.ru/lvqsfc>.

Shevchenko, Tomascikova 2021 – *Shevchenko V., Tomascikova S.* (2021) Representation of food in media discourses: cognitive and pragmatic aspects: monograph. Samara: Samara University Publishing House, 216 p. Available at: <http://repo.ssau.ru/bitstream/Monografii/Representation-of-Food-in-Media-Discourses-Cognitive-and-Pragmatic-Aspects-monograph-Tekst-elektronnyi-90380/1/Шевченко%20В.Д.%20Representation%202021.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=46673547>. EDN: <https://elibrary.ru/aewrsh>.

Tomaščíková 2015 – *Tomaščíková S.* (2015) Cultural Heritage and Food – New Media Narratives – New Meanings and New Identities. *European English Messenger*, no. 2, pp. 49–57.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ REQUIREMENTS TO THE DESIGN OF ARTICLES

Для публикации научных работ в выпусках журнала «Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология» (прежнее название – «Вестник Самарского государственного университета») принимаются статьи, соответствующие научным требованиям, общему направлению журнала и представляющие интерес для достаточно широкого круга российской и зарубежной научной общественности.

Предлагаемый в статье материал должен быть **оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написанным в контексте современной научной литературы, а также содержать очевидный элемент создания нового знания.**

В журнале публикуются научные статьи теоретического, исследовательского и практического характера, обзоры, рецензии и отзывы на научную литературу по профилю журнала.

Тематика журнала: исторические науки и археология (5.6.1; 5.6.2; 5.6.5), педагогические науки (5.8.1; 5.8.7), языкознание (5.9.5; 5.9.6; 5.9.8, 5.9.9).

Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год.

Все представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и направляются на независимое (внутреннее) двойное слепое рецензирование. Решение об опубликовании принимается редколлегией на основании рецензии.

Правила оформления

Текст статьи

• Статья предоставляется на русском или английском, французском, немецком и испанском языках в электронном виде (на сайте <https://journals.ssau.ru/index.php/hpp> или по эл. почте murzinova.tatjana@yandex.ru), заполняется лицензионный договор.

• Перед заглавием статьи проставляется шифр УДК.

• Название работы, список авторов в алфавитном порядке (ФИО, звание, должность, место работы, индекс и адрес места работы, электронная почта, ORCID – регистрация на сайте www.orcid.org), аннотация, ключевые слова, названия рисунков и таблиц, библиографический список должны быть представлены на русском и английском языках.

• Текст статьи должен быть набран в текстовом редакторе Word для Windows с расширением doc или rtf гарнитурой Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.

• Объем основного текста не должен превышать 30 страниц. Аннотация создана по IMRAD (200–250 слов), ключевых слов – не менее 8, текст статьи структурирован (минимальная структура – введение, основная часть, заключение)

• **Рисунки и таблицы** предполагают наличие названия на русском и английском языках и сквозную нумерацию.

• **Библиографический список** на русском языке оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.05–2008 по алфавиту и содержит только научную литературу (источники, архивные документы, диссертации, словари помещаются в источники фактического материала только в русском варианте в круглых скобках, иностранные – на языке оригинала), сначала размещается иностранная литература, потом русская, по образцу: Иванов 2018 – *Иванов В.В.* Название. Город (полностью): Издательство, год. X с. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках, например [Иванова 2017, с. 28; Память истории... 2019]. Ссылки на иностранные источники приводятся на языке оригинала.

• **Reference** оформляется по гарвардскому стилю, но без транслитерации и квадратных скобок. Например, Roediger, Wertsch 2008 – *Roediger H.L. and Wertsch J.V.* (2008) Creating a new discipline of memory studies. *Memory Studies*, vol. 1, issue 1, pp. 9–22. DOI: <http://doi.org/10.1177/1750698007083884>. Saveleva, Poletaev 2005 – *Saveleva I.M. and Poletaev A.V.* (2005) «Historical memory»: on the issue of the boundaries of the concept, in *Phenomenon of the past*. Moscow: GU VShE, pp. 170–220. Available at: http://istorex.ru/page/saveleva_im_a_v_poletaev_av_istoricheskaya_pamyat_k_voprosu_o_granitsakh_ponyatiya. (In Russ.) Если у журнала есть английское название, то оно указывается курсивом, если его нет, то курсивом дается транслитерированное название, если журнал указывает и транслитерированное, и английское названия, то они даются курсивом через знак «=»: *Vestnik Samarskogo... = Vestnik of Samara...* Желательно указывать DOI или URL. Наличие иностранных источников (около 30 %) говорит о знакомстве автора с освещением проблемы статьи за рубежом.

Допускается не более 30–40 источников в научной статье, 70–100 – в обзоре.

Графика

• Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формат JPEG.

• Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0–11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран гарнитурой Times. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы.

Подробные требования, шаблон статьи размещены на сайте журнала <https://journals.ssau.ru/index.php/hpp>. Статьи, оформленные не по правилам, редколлегией рассматриваться не будут.

Редакция журнала